

**САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва

ISSN 2542-0445

ВЕСТНИК

САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

**ИСТОРИЯ,
ПЕДАГОГИКА,
ФИЛОЛОГИЯ**

ТОМ 25 • №3 • 2019 ГОД

Подписной индекс 78535
ISSN 2542-0445

Subscription Index 78535
ISSN 2542-0445

**ВЕСТНИК
САМАРСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

- *История*
- *Педагогика*
- *Языкознание*

**VESTNIK
OF SAMARA
UNIVERSITY**

HISTORY, PEDAGOGICS, PHILOLOGY

- *History*
- *Pedagogics*
- *Linguistics*

Том 25 • № 3 • 2019 ГОД

VOL. 25 • № 3 • 2019

УЧРЕДИТЕЛЬ ЖУРНАЛА
федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» (Самарский университет)

eLIBRARY.RU РИНЦ КИБЕРЛЕНИНКА ЛАНЬ

*Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в РФ, с 2003 г.
С 1 декабря 2015 г. журнал включен в новый Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук, с 23.06.2017 – с новым названием
Журнал издается с 1995 г. Выходит 4 раза в год*

MAGAZINE FOUNDER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Samara National Research University» (Samara University)

eLIBRARY.RU RSCI CYBERLENINKA LAN

*The Journal is included by the HAC in the list of leading scientific magazines and editions, published in the RF, since 2003.
On December 1, 2015, the journal is included in the new List of peer-reviewed scientific publications, where basic scientific
results of theses for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences should be published,
from 23.06.2017 with new title*

Journal is published since 1995. It is published 4 times a year

Адрес редакции:

443011, Российская Федерация, г. Самара,
ул. Акад. Павлова, 1.
Тел.: +7(846) 3345406, 3379954
E-mail: dubmane@mail.ru
www: <http://journals.ssau.ru/index.php/vestnik-hpp>

Литературное редактирование, корректура

Т.А. Мурзинова

Компьютерная верстка, макет

Л.Н. Законова

Информация на английском языке

М.С. Стрельников

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-67842 от 28.11.2016 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Подписной индекс в каталоге

АО Агентство «Роспечать» 78535

ISSN 2542-0445

Прежнее название –

Вестник Самарского государственного университета,

ISSN 1810-5378

0+

Цена свободная

Подписано в печать 28.09.2019.

Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Печать оперативная.

Печ. л. 22.

Тираж 200 экз. (первый завод – 50 экз.). Заказ №

Центр периодических изданий Самарского университета
443086, Российская Федерация, г. Самара,
Московское шоссе, 34, корп. 22 а, 312 б.

Отпечатано в типографии Самарского университета
443086, Российская Федерация, г. Самара,
Московское шоссе, 34.

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

Авторские статьи не обязательно отражают
мнение издателя.

© Самарский университет, 2019

Postal address of editorial office:

1, Academician Pavlov Street,
Samara, 443011, Russian Federation.
Tel.: +7(846) 3345406, 3379954

E-mail: dubmane@mail.ru

www: <http://journals.ssau.ru/index.php/vestnik-hpp>

Literary editing, proofreading

T.A. Murzinova

Computer makeup, dummy

L.N. Zakonova

Information in English

M.S. Strelnikov

The Certificate on registration of means of mass-media
PI № FS 77-67842 from 28.11.2016 is given by the Federal
Service for Supervision of Communications, Information
Technology and Mass Media.

Subscription Index in the Agency «Rospechat»

Catalogue 78535

ISSN 2542-0445

The former title –

Vestnik of Samara State University,

ISSN 1810-5378

0+

Free price

Passed for printing 28.09.2019.

Format 60x84/8.

Litho paper. Instant print.

Print. sheets 22.

Circulation 200 copies (first printing – 50 copies). Order №

Centre of Periodical Publications of Samara University
312 b, building 22 a, 34, Moskovskoye shosse,
Samara, 443086, Russian Federation.

Printed on the printing house of Samara University
34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation
www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

Author's articles do not necessarily reflect
the views of the publisher.

© Samara University, 2019

Редакционная коллегия

Главный редактор

В.А. Конев, д-р филос. наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры философии (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация)

История

П.С. Кабытов, д-р ист. наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, зав. кафедрой российской истории (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация) – **заместитель главного редактора**

Э.Л. Дубман, д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры российской истории (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация) – **ответственный секретарь**

С.И. Ковальская, д-р ист. наук, профессор кафедры истории Казахстана (Алматы, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Казахстан)

В.В. Кондрашин, д-р ист. наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра экономической истории (Москва, Институт российской истории РАН, Российская Федерация)

Брюс У. Меннинг, доктор истории, профессор (Лоренс, Университет Канзаса, США)

Д.А. Редин, д-р ист. наук, доцент, заместитель директора Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург, Институт гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета; Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Российская Федерация)

Андрей Знаменский, д-р философии по истории, профессор, профессор исторического факультета (Теннеси, Университет Мемфиса, США)

Педагогика

В.П. Бездухов, д-р пед. наук, профессор, чл.-корр. Российской академии образования, кафедра педагогики (Самара, Самарский социально-гуманитарный университет, Российская Федерация)

Анна Мантарова, д-р социол. наук (София, Институт изучения обществ и знания, Болгарская академия наук, Болгария)

Т.И. Руднева, д-р пед. наук, профессор, зав. кафедрой теории и методики профессионального образования (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация) – **заместитель главного редактора**

Л.К. Раицкая, д-р пед. наук, профессор кафедры педагогики и психологии (Москва, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), Российская Федерация)

В.А. Капранова, д-р пед. наук, профессор, зав. кафедрой педагогики высшей школы и современных воспитательных технологий (Минск, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Республика Беларусь)

Филология

С.И. Дубинин, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой немецкой филологии (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация)

Н.А. Илюхина, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка и массовой коммуникации (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация) – **заместитель главного редактора**

Игорь Клюканов, PhD, профессор коммуникации (Чини, Восточный Вашингтонский университет, США)

Бенджамин Питерс, д-р филос. наук, помощник профессора по связям с общественностью (Талса, Колледж искусств и науки Генри Кенделла, США)

А.А. Харьковская, канд. филол. наук, профессор, профессор кафедры английской филологии (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация)

Андреас Эббингхаус, д-р филол. наук, профессор (Вюрцбург, Баварский университет Юлиуса-Максимилиана, Германия)

Галина Синекопова, PhD, профессор (Чини, Восточный Вашингтонский университет, США)

Д.С. Храмченко, д-р филол. наук, доцент по специальности «Германские языки», профессор кафедры английского языка № 4 (Москва, Московский государственный университет международных отношений (МГИМО), Российская Федерация)

Л.Б. Карпенко, д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и массовой коммуникации (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация)

Н.А. Тупилова, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка (Волгоград, Волгоградский государственный университет, Российская Федерация)

Editorial board

Chief editor

V.A. Konev, PhD in Philosophy, professor, Honored worker of science of RF, professor of Department of Philosophy (Samara, Samara National Research University, Russian Federation)

History

P.S. Kabytov, PhD in History, professor, Honored worker of science of RF, head of the Department of Russian History (Samara, Samara National Research University, Russian Federation) – **deputy chief editor**

E.L. Dubman, PhD in History, professor, professor of the Department of Russian History (Samara, Samara National Research University, Russian Federation) – **executive secretary**

S.I. Kovalskaya, PhD in History, professor of the Department of Kazakhstan History (Almaty, Eurasian National University, Kazakhstan)

V.V. Kondrashin, PhD in History, chief research officer, head of the Center of Economic History (Moscow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Russian Federation)

Bruce W. Menning, PhD in History, professor (Lawrence, University of Kansas, USA)

D.A. Redin, PhD in History, assistant professor, deputy head (Ekaterinburg, Institute of Humanities and Arts of the Ural Federal University; Institute of History and Archeology of The Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation)

Andrei Znamenski, PhD in History, full professor of the Faculty of History (Tennessee, University of Memphis, USA)

Pedagogy

V.P. Bezdukhov, PhD in Pedagogics, professor, corresponding member of the Russian Academy of Education, Department of Pedagogics (Samara, Samara State University of Social Sciences and Education, Russian Federation)

Anna Mantarova, Dr. of Sociological Sciences (Sofia, Institute for the Study of Societies and Knowledge, Bulgarian Academy of Sciences, Bulgaria)

T.I. Rudneva, PhD in Pedagogics, professor, head of the Department of Theory and Methods of Professional Education (Samara, Samara National Research University, Russian Federation) – **deputy chief editor**

L.K. Raitetskaya, PhD in Pedagogics, professor of the Department of Pedagogics and Psychology (Moscow, MGIMO, Russian Federation)

V.A. Kapranova, PhD in Pedagogics, professor, head of the Department of Pedagogy of Higher School and Modern Educational Technologies (Minsk, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Belarus)

Philology

S.I. Dubinin, Samara, PhD in Philology, professor, head of the Department of German Philology (Samara, Samara National Research University, Russian Federation)

N.A. Ilyukhina, PhD in Philology, professor, head of the Department of Russian Language and Mass Communication (Samara, Samara National Research University, Russian Federation) – **deputy chief editor**

Igor Klyukanov, PhD, professor of Communication (Cheney, Eastern Washington University, WA, USA)

Bendzhamin Piters, PhD in Philosophy, assistant professor of Communication (Tulsa, Henry Kendall College of Arts and Sciences, USA)

A.A. Khar'kovskaya, Candidate of Philological Sciences, professor, professor of the Department of English Philology (Samara, Samara National Research University, Russian Federation)

Andreas Ebbinghaus, Doctor of Philological Sciences, professor (Würzburg, Julius-Maximilians University of Würzburg, Germany)

Galina Sinekopova, PhD, professor of Communication (Cheney, Eastern Washington University, WA, USA)

D.S. Hramchenko, PhD in Philology, assistant professor on the specialty «German Languages», professor of English Language Department № 4 (Moscow, MGIMO, Russian Federation)

L.B. Karpenko, PhD in Philology, professor of the Department of Russian Language and Mass Communication (Samara, Samara National Research University, Russian Federation)

N.A. Tupikova, PhD in Philology, professor, head of the Department of Russian Language (Volgograd, Volgograd State University, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Годовова Е.В., Васильев И.Ю. Обзор современных публикаций, посвященных исследованию этнического состава казачьих войск	7
Заплегин В.В. «Черная челобитная» десятника В. Зорина в стрелецком восстании 1698 г.: основания для пересмотра источниковедческого статуса документа	16
Кутищев А.В. Военные походы XVII–XVIII вв. в ракурсе культурно-цивилизационной самобытности России	23
Столяров О.Д. Иностранцы в российской правящей элите в периоды правления Петра I и Анны Иоанновны. Сравнительный анализ	35
Плещеева А.В. «Особое мнение» меньшинства Совета министров по польскому вопросу в годы Первой мировой войны	41
Кознова И.Е. Воображая М. Горького: Штрихи к советскому мифу о «Буревестнике революции»	48
Коновалов И.Н. Создание кооперативной группы в Государственной думе России (1912–1915 гг.)	58
Галина Г.Ф. Сотрудничество Республики Казахстан с международными организациями в сфере здравоохранения	63

ПЕДАГОГИКА

Руднева Т.И., Соловьева С.В. Управленческая компетентность руководителей учебных подразделений образовательной организации в сфере культуры	70
Капранова В.А., Соловова Н.В. Организационно-управленческая деятельность преподавателя вуза в условиях реализации современных тенденций развития высшей школы	75
Резниченко М.Г., Помельникова Е.А. Профессиональная успешность специалистов в сфере информационной безопасности	82
Никулина И.В., Снежкова А.Э. Исследование уровня сформированности мотивации учебной деятельности обучающихся	89

ФИЛОЛОГИЯ

Годизова З.И., Ван Цянь Системно-функциональные особенности глаголов финально-отрицательного способа действия в современном русском языке	95
Овшиева Н.Л., Поштанова М.С. О ситуативной иронии в англоязычном литературном дискурсе	103
Свойкин К.Б., Арестова Е.В. Система конвенциональных и индивидуальных ценностей: их импликация в англоязычном медиадискурсе	112
Плотницкий Е.Ю. Взаимодействие кинематографического и песенного дискурсов (на материале музыкальных видео группы Muse)	123
Котельникова Н.Н. Лингвокультурные особенности текстов вывесок как фрагмента семиотического пространства современного китайского города	130
Домьшева С.А., Копылова Н.В. Взаимное рецензирование письменных заданий на английском языке в российских университетах: культурные факторы	139
Горбунов Ю.И., Горбунова О.Ю. Профессиональная компетентность лингвиста-переводчика: ее сущность и содержание	148
Сытько А.В. Типы деонтического субъекта в политической речи (на материале немецкого и русского языков)	156
Черезова М.А. Контактные стратегии в электронных статьях и комментариях (на примере немецко-язычного политического медиадискурса)	165

РЕЦЕНЗИЯ

Кабытов П.С. Рецензия на монографию: Роднов М.И. «Первые уфимские авто» (Уфа: Альфа-Реклама, 2018. 200 с.)	172

<i>Требования к оформлению статей</i>	176

CONTENTS

HISTORY

Godovova E.V., Vasiliev I.Yu. Review of modern publications on the ethnic composition of the Cossack armies	7
Zapletin V.V. «Draft chelobitnaya» by foreman V. Zorin in the streltsy uprising of 1698: grounds for revising the source study status of the document	16
Kutishchev A.V. Military expeditions of the XVII–XVIII centuries in the perspective of cultural and civilizational identity of Russia	23
Stolyarov O.D. Foreigners in the Russian ruling elite in the periods of ruling of Peter the Great and Anna Ioannovna. Comparative analysis	35
Pleshcheeva A.V. «Minority opinion» of the Council of Ministers on the Polish question during the First World War	41
Koznova I.E. Imagining M. Gorky: touches to the Soviet myth of the «Stormy Petrel of the Revolution»	48
Konovalov I.N. Creation of a cooperative group in the State Duma of Russia (1912–1915)	58
Galina G.F. Cooperation of the Republic of Kazakhstan with international organizations in the healthcare system	63

PEDAGOGICS

Rudneva T.I., Solovyova S.V. Management competence of heads of educational departments of an educational organization in the sphere of culture	70
Kapranova V.A., Solovova N.V. Organizational and management activities of a university teacher under the conditions of realization of modern tendencies of development of higher school	75
Reznichenko M.G., Pomelnikova E.A. Professional successfulness of information security specialists	82
Nikulina I.V., Snezhkova A.E. Study of the level of motivation for learning activities of students	89

PHILOLOGY

Godizova Z.I., Van Quian Systemic functional peculiarities of the verbs of the final negative way of acting in the modern Russian language	95
Ovshieva N.L., Poshtanova M.S. On situational irony in English literary discourse	103
Svoikin K.B., Arestova E.V. Conventional and individual values system: their implications in the English media discourse	112
Plotnickiy Yu.E. Interrelation of cinematographic and song discourses (as exemplified in music videos of Muse band)	123
Kotelnikova N.N. Texts of signboards as a fragment of semiotic landscape of a modern Chinese city: linguocultural features	130
Domysheva S.A., Kopylova N.V. Peer review in EFL writing classrooms at Russian universities: cultural factors	139
Gorbunov Yu.I., Gorbunova O.Yu. Linguist-translator's professional competence: its essence and content	148
Sytko A.W. Types of deontic agent in political speech (on the material of German and Russian languages)	156
Cherezova M.A. Contact strategies in electronic articles and comments (on the example of the German political media discourse)	165

REVIEW

Kabytov P.S. Review on the monograph: Rodnov M.I. «The first Ufa cars» (Ufa: Alfa-Reklama, 2018, 200 p.)	172
<i>Requirements to the design of articles</i>	176

ИСТОРИЯ

Е.В. Годовова, И.Ю. Васильев*

ОБЗОР СОВРЕМЕННЫХ ПУБЛИКАЦИЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЮ ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА КАЗАЧЬИХ ВОЙСК

© Годовова Елена Викторовна – доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных, социально-экономических, математических и естественнонаучных дисциплин, Оренбургский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 460000, Российская Федерация, г. Оренбург, Курача, 26.

E-mail: godovova@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0001-5798-3413>

© Васильев Игорь Юрьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Научно-Исследовательский центр традиционной культуры ГБНТУК КК «Кубанский Казачий хор», 350063, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Красная, 5.

E-mail: ivasee@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-6218-5077>

АННОТАЦИЯ

Представлен обзор современных публикаций, посвященных изучению этнического состава Донского, Кубанского, Терского, Оренбургского, Уральского, Сибирского, дальневосточных казачьих войск. Этноконфессиональным ядром казачества выступало православное восточнославянское население, но в него также входили представители тюрко-монгольских и кавказских народов, исповедовавших ислам и буддизм. В обзорном исследовании приводятся сведения российских, украинских и казахских ученых об основных этнических группах, которые составляли население казачьих войск к концу XIX в., когда по своему правовому статусу казачество представляло собой военно-служилое сословие. Показана специфика структурирования своей идентичности, характерная для казаков-неславян разных войск, организационная основа этой идентичности. Также дано описание взаимодействия этноязыкового и конфессионального факторов в формировании различных идентичностей внутри казачьих войск. Анализ исследований в этой проблемной области показал, что научные изыскания в большей степени направлены на изучение этнического состава войск на этапе их формирования и развития. Авторы научного обзора приходят к выводу, что исследователям, во-первых, необходимо обратить внимание на установление причин вступления представителей различных этносов в ряды казачества, коллективность либо индивидуальность принятия казачьего статуса. Во-вторых, проанализировать, являлись ли группы иноэтничных казаков структурными единицами локальной социальной организации восточных славян либо не зависели от нее. В-третьих, насколько организация общества разных групп казаков была унифицирована либо имела различия. Это особенно важно в условиях абсолютного количественного и организационного преобладания восточнославянского казачества в указанное время. В-четвертых, как проходила аккультурация в казачьих войсках и какие социальные институты и группы реализовывали этот процесс.

Ключевые слова: казачество, казаки, казачьи войска, этническое происхождение, социальное единство, этнос, аккультурация.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01008), реализуемого в Оренбургском государственном педагогическом университете.

Цитирование. Годовова Е.В., Васильев И.Ю. Обзор современных публикаций, посвященных исследованию этнического состава казачьих войск // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 3. С. 7–15. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-3-7-15>.

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-3-7-15
UDC 94 (97).

Submitted: 5/VIII/2019
Accepted: 25/VIII/2019

E.V. Godovova, I.Yu. Vasiliev

REVIEW OF MODERN PUBLICATIONS ON THE ETHNIC COMPOSITION OF THE COSSACK ARMIES

© *Godovova Elena Viktorovna* – Doctor of Historical Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Humanitarian, Social and Economic, Mathematical and Natural Sciences, Orenburg branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 26, Kuracha Street, Orenburg, 460000, Russian Federation.

E-mail: godovova@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0001-5798-3413>

© *Vasiliev Igor Yuryevich* – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Scientific Research Center for Traditional Culture «Kuban Cossack Choir», 5, Krasnaya Street, Krasnodar, 350063, Russian Federation.

E-mail: ivasee@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-6218-5077>

ABSTRACT

A review of modern publications devoted to the study of the ethnic composition of the Don, Kuban, Tersky, Orenburg, Ural, Siberian, Far Eastern Cossack troops is presented. The ethnic and confessional core of the Cossacks was the Orthodox East Slavic population, but it also included representatives of the Turkic-Mongolian and Caucasian peoples who profess Islam and Buddhism. The article provides information provided by Russian, Ukrainian and Kazakh scientists about the main ethnic groups that made up the population of Cossack troops by the end of the 19th century, when in terms of their legal status the Cossacks represented a military service class. The specificity of structuring their identity, characteristic of non-Slavic Cossacks of different troops, the organizational basis of this identity is shown. A description is also given of the interaction of ethno-linguistic and confessional factors in the formation of various identities within the Cossack troops. An analysis of research in this problem area showed that scientific research is more focused on studying the ethnic composition of troops at the stage of their formation and development. The authors of the scientific review conclude that, first of all, researchers need to pay attention to establishing the reasons for the entry of representatives of various ethnic groups into the ranks of the Cossacks, collectivity or individuality in accepting the Cossack status. Secondly, to analyze whether the groups of foreign ethnic Cossacks were the structural units of the local social organization of the Eastern Slavs, or did not depend on it. Thirdly, to what extent the organization of society of different groups of Cossacks was unified or had differences. This is especially important in conditions of absolute quantitative and organizational predominance of the East Slavic Cossacks at the indicated time. Fourth, how did acculturation in the Cossack troops take place and what social institutions and groups implemented this process.

Key words: the Cossacs, the Cossac, Cossac troops, ethnic origin, social cohesion, ethnos, acculturation.

Acknowledgements. The study was funded by a grant from the Russian Science Foundation (project № 17-18-01008), implemented at the Orenburg State Pedagogical University.

Citation. Godovova E.V., Vasiliev I.Yu. *Obzor sovremennykh publikatsii, posvyashchennykh issledovaniyu etnicheskogo sostava kazach'ikh voisk* [Review of modern publications on the ethnic composition of the Cossack armies]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 3, pp. 7–15. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-3-7-15> [in Russian].

Введение

Казачество – уникальное явление в российской и мировой истории, представляющее собой мощную социальную систему, формировавшуюся в течение нескольких веков и вобравшую в себя многообразные этнические, социально-экономические, культурно-исторические, политические элементы [Николаенко 2008]. Этноконфессиональным ядром выступало православное восточнославянское население, но в казачество также входили представители тюрко-монгольских и кавказских народов, исповедовавших ислам и буддизм. В казачьи войска входили и представители европейских народов, исповедующие как православие, так и другие тече-

ния христианства. По переписи 1897 г. распределение казачьего населения по всем войскам выглядело следующим образом: 95,8 % использовало в быту восточнославянские диалекты, 2,1 % говорило на монголо-бурятском, 1,5 % – на татарском, 0,1 % – на белорусском, 0,5 % – на других языках [Футорянский 1999, с. 54]. Конечно, данные по родному языку не характеризуют полностью национальный состав казачества, т. к. представители различных национальностей говорили на русском языке и считали его своим родным, но при этом могли сохранять черты, свойственные своей этнической группе, проявляющиеся в их повседневной жизни. Согласимся с ответственными редакторами

коллективной монографии «Казачество в тюркском и славянском мирах» В.В. Грибовским и В.В. Трепавловым, что полиэтничность казачества XV–XIX вв., участие в его формировании различных этносов, приверженцев разных религиозных воззрений, носителей разных языков и культур как особенностей развития и существования этих социальных образований изучены недостаточно [Казачество 2018, с. 6]. В рамках настоящей статьи хотелось бы дать обзор современных публикаций, авторы которых исследуют этнический состав казачьих войск во второй половине XIX – начале XX в.

Изучение различных этнических групп внутри казачества современными исследователями: общие сведения

Одним из направлений изысканий современных исследователей является изучение этнического состава казачьих войск. Л.И. Футорнянский в своей монографии «Казачество России на рубеже веков» приводит сведения о численности, национальном и религиозном составе казачества в 1897–1917 гг. Отмечая неизученность советскими историками и демографами этого важного аспекта социально-экономического развития казачества, автор ставит перед собой задачу проанализировать имеющиеся сведения в целом по всем казачьим войскам. На основе анализа национального и религиозного состава казачества делает вывод о сложившейся казачьей исторической общности [Футорнянский 1999]. Ряд работ Г.О. Мациевского содержит сведения об этноконфессиональном составе казачества [Мациевский 2011а; Мациевский 2011б; Мациевский 2013]. Исследователь считает, государственная власть осознанно «смешивала» в казачьих войсках национальности и вероисповедания для создания особой сословной служилой группы, способной решать политические, дипломатические, хозяйственно-экономические и иные задачи, возникающие перед государством на различных этапах его эволюции [Мациевский 2013, с. 102]. По мнению казахстанского этнографа С.К. Сагнаевой, этнокультурный облик казачества характеризовался доминированием восточнославянских народов в составе большинства казачьих войск; участием «нерусских» народов в формировании казачества; длительными культурно-хозяйственными контактами с народами Кавказа, Сибири, Средней Азии, Поволжья, Дальнего Востока и др. Вместе с тем конкретные исторические, географические и этнические условия способствовали формированию этнокультурного своеобразия населения отдельных казачьих войск, и, следовательно, их нельзя считать идентичными в культурном отношении [Сагнаева 2015, с. 31–32]. Специфику этнического состава казачьих войск отмечает А.М. Дубовиков. Он пишет, что казаки из татар и башкир присутствовали в основном в составе казачьих войск Южного Урала и Западной Сибири. Казаки из числа коренных сибирских народов (бурят и тунгусов) состояли в казачьих войсках Восточной Сибири и Дальнего Востока. В войсках Юга России присутствовали казаки из числа северокавказских народов – осетин, черкесов, калмыков и других [Дубовиков 2018 б].

Исследования, посвященные этнически разнородным группам в составе казачьих войск

С.В. Черницын, рассматривая этническую историю донского казачества на рубеже XIX – начала XX вв., выделяет в его составе три группы: русскую или восточнославянскую, т. е. собственно донских казаков; донских калмыков – казаков-ламаистов и донских татар – казаков-мусульман. При этом он подчеркивает, что необходимо разделять понятия «донское казачество» и «донские казаки», а именно – первое обозначает социальную общность, а второе – ее базовый, системообразующий компонент. При этом каждая из названных групп, по мнению автора, имеет свою этническую историю [Черницын 2018]. По мнению А.В. Ярового, полиэтничность ранних казачьих городков, сохранивших сословные отношения между собой, вплоть до начала XX в. способствовала демократизации казачьих общин на Дону [Яровой 2011, с. 158]. Участие представителей разных этносов и этнических групп в формировании донского казачества нашло отражение в культуре донских казаков, вобравшей в себя славянские, тюркские и кавказские традиции [Рыблова 2013]. Р.Г. Тикиджьян пишет, что уже к середине XIX века невозможно стало разделять этнические и сословные признаки в обновленной казачьей субкультуре, представлявшей «две стороны одной медали», состоящей из единого «этносословного» сплава [Тикиджьян 2018].

В работах Н.И. Бондаря показано, как две основные этнические группы – великороссы и малороссы, неодинаковые, но единые, образовали основу Кубанского казачьего войска [Бондарь 1995, с. 8]. Анализу этнического состава Кубанского казачьего войска посвящен ряд работ известного кубанского историка Б.Е. Фролова [Фролов 2002]. Казачевед О.В. Матвеев указывает, что объединение Черноморского и части Кавказского линейного казачьих войск, создание Кубанской области и этническое смешение в Закубанье были связаны со стремлением унифицировать и упростить механизм управления осваиваемыми окраинами [Матвеев 2014, с. 216].

Исследователь кубанского казачества И.Ю. Васильев также отмечает, что российская государственность для увеличения военных сил и обеспечения геополитического контроля активно занималась конструированием сообществ, иногда полиэтничных, организованных по территориальному признаку. Образованные так казачьи войска обладали максимальной хозяйственной автономией и оттого обходились дешевле и поэтому считались наиболее предпочтительными на малоосвоенных территориях с высоким уровнем военной опасности. Создать предпосылки для хозяйственной автономии, наладить предпосылки для взаимодействия представителей разных этносов помогали традиции социума – убежища и общины без первобытности, навыки организации частных сообществ. При этом единые жизнеспособные казачьи войска формировались там, где численно преобладали восточные славяне [Васильев 2007]. Следует отметить, что, по данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г., помимо восточных славян, в со-

став Кубанского казачьего войска входили: белорусы, поляки, чехи, молдаване, немцы, греки, осетины, армяне, цыгане, евреи, грузины, лезгинцы, черкесы, мордва, татары, карачаевцы, ногайцы, турки, эстонцы (Всеобщая... 1905, с. 238). При этом для кубанского казачества в целом было более характерно добровольное принятие представителями разных этносов русской идентичности вместе с казачьим статусом. Тогда как в состав Терского казачества входили казаки-осетины [Калоев 1995]. Они жили преимущественно в Черноярской и Новоосетинской станицах, были этнически разнородны и говорили на осетинском языке, относящемся к иранской группе индоевропейской семьи [Головлев 2017]. Большинство осетин, восприняв казачий статус, переходили из ислама в православие, сохраняя при этом этническое самосознание. Сохранили свою идентичность и входящие в состав Терского казачьего войска малороссы. Так, жители станицы Прохладной в конце XIX в. сохраняли свой язык и традиционную культуру [Тхамокова 2011]. Н.Н. Великая, также отмечая политноконфессиональность Терского казачьего войска, в состав которого входили великороссы (старообрядцы), малороссы (православные), черкесы и другие национальности, пишет, что формирование терского казачества как единой субэтнической общности к концу дореволюционного периода не было завершено [Великая 2014]. Солидарна с ней С.А. Голованова, отмечающая, что к 60-м гг. XIX в. завершился процесс консолидации региональных казачьих групп степного Предкавказья и были созданы все необходимые условия для их дальнейшей этнической интеграции с учетом усилившегося процесса русификации. Однако этот процесс так и не был завершён [Голованова 2014].

Влияние «нерусских» народов на этнокультурные процессы в Уральском казачьем войске прослеживает С.К. Сагнаева. Она отмечает, что самой представительной группой из тюркоязычных народов, входящих в состав уральских казаков, были татары, но ограниченность сведений не позволяет провести глубокого исследования [Сагнаева 2015, с. 26]. Привлечение разнообразных опубликованных и неопубликованных исторических источников позволили решить эту проблему А.М. Дубовикову, и он проанализировал тюркский элемент в истории Уральского казачьего войска. Исследователь пишет, что противостояний и конфликтов на этноконфессиональной почве между казаками не случалось. Татары и калмыки стремились охранять свою веру и традиции, часто проживали в отдельных селениях или в отдельных частях одного селения, старались избегать смешанных браков, но между представителями разных этнических общин поддерживались уважительные отношения, а принадлежность к воинскому сословию и совместное несение службы их сплачивало [Дубовиков 2018а]. А.М. Дубовиков приводит сведения и о влиянии тюркского элемента на повседневную жизнь уральских казаков.

Одним из первых этноконфессиональный состав Оренбургского казачьего войска рассмотрел оренбургский казачевед В.Г. Семенов, назвав вой-

ско феноменом многонационального военно-государственного образования [Семенов 2001; Семенов 2002]. Рассмотрению положения этнических групп в составе Оренбургского казачьего войска посвящены исследования уфимского историка А.И. Картунова. В своих монографиях он рассматривает сложные процессы формирования этнических групп оренбургского казачества: службы башкир, татар, калмыков и других национальных групп оренбургского войска [Картунов 2009 б; Картунов, Фокин 2012], складывание башкирской группы казаков в Уральском регионе, описывает ареал расселения казаков-мусульман на войсковой территории [Картунов 2009 а]. Изучением этнической группы татар в составе оренбургского казачества занимается казанский исследователь Р.Р. Аминов [Аминов 2017]. Он проанализировал расселение, динамику численности, социально-экономическую деятельность оренбургских татар-казаков. На основе архивных данных Р.Р. Аминовым были выявлены новые поселения татар-казаков, составлены списки погибших и награжденных орденами и медалями Российского государства за участие в военных кампаниях второй половины XIX – начала XX в. татар-казаков. Автор подчеркивает, что татары-казаки сохраняли свою этноконфессиональную идентичность. Так, в поселениях татар-мусульман строились мечети, отмечались национальные и конфессиональные праздники; семейно-брачные отношения, нравственное воспитание, религиозный уклад, обучение подрастающего поколения регламентировались исламской традицией, что способствовало их этноконфессиональной консолидации. Характеристике этнической группы татар-казаков в составе Оренбургского казачьего войска посвящена и одна из глав коллективной монографии «Казачество в тюркских и казачьих мирах» [Аминов 2018]. При изучении татар-казаков в составе оренбургского казачества отдельному рассмотрению подвергается группа нагайбаков, т. е. крещеных татар-казаков [Аминов 2015 а; Аминов 2015 б]. Исследование повседневности татар и нагайбаков Оренбургского казачьего войска позволили Е.В. Годовой и С.В. Любичанковскому прийти к выводу, что у казаков этих групп проявлялись объективные основания этноидентичности, подчеркивающие их самобытность [Годова, Любичанковский 2018]. Оренбургский историк С.В. Джунджузов, исследуя имперскую политику в отношении калмыков Среднего Поволжья и Южного Урала, затрагивает вопрос сохранения их этнической идентичности в составе оренбургского казачества [Джунджузов 2014], У.Б. Очиров – в составе Астраханского казачьего войска [Очиров 2002; Очиров 2006].

Большое значение в формировании структуры Сибирского казачьего войска, его общинного менталитета и идеологических концепций играли представители татарской национальной диаспоры и татарской элиты. Как отмечает И.Ю. Ерохин, казачьи команды из татар в структуре войска на всем протяжении своего существования сохраняли свою специфику и особенности, они оставались «магометанскими», не переходя в православие [Ерохин 2014].

Омский исследователь С.М. Андреев, говоря об источниках формирования Сибирского линейного казачества, пишет о различных этнических и конфессиональных группах в его составе [Андреев 2007]. Анализ этнического состава Сибирского казачьего войска проводят казахстанские исследователи Х.А. Аубакирова и К.В. Джумагалиева. Они отмечают, что к концу XIX века сибирские казаки включали в себя 8 этнических групп. Особой группой сибирского казачества были представители офицерского корпуса и чиновничьей корпорации. Их национальный состав, за исключением присутствия немецкой этнической группы, был достаточно однороден, в основном в нем присутствовали русские, или, как тогда писалось «великороссы» [Аубакирова, Джумагалиева 2016]. Сочетание этнических, социальных, конфессиональных характеристик с разнообразием природно-географических условий их проживания и, соответственно, вариативностью традиционно-бытовой культуры, по мнению М.А. Жигуновой — одна из основных проблем, стоящих перед исследователями специфики сибирского казачества [Жигунова 2016].

В формировании дальневосточных казачьих войск (Забайкальского, Амурского, Уссурийского) участвовали представители разных сословий, национальностей и вероисповеданий [Ермак, Кабанов 2009]. Помимо переселенных на Дальний Восток для службы донских, оренбургских, кубанских, терских, уральских казаков, в состав образуемых войск вошли представители местного населения. Казаки Забайкальского казачьего войска использовали восточнославянские говоры, диалекты бурятского и эвенкского языков. Напротив, концу XIX века Амурское и Уссурийское казачьи войска были одними из самых однородных в этническом плане. По переписи 1897 г. русский в качестве родного языка определило 99,71 % амурских казаков, и 99,8 % уссурийских казаков считали великорусский язык родным [Мацневский 2011 б, с. 189–191].

Заключение

Современные исследования в области изучения казачества, несомненно, затрагивают вопрос формирования в его рамках сообществ различной этнической принадлежности. При этом научные изыскания в этой проблемной области чаще направлены на изучение этнического состава войск на этапе их формирования и развития. В этой связи особенно важно раскрывать причины вступления представителей различных этносов в ряды казачества, коллективность либо индивидуальность принятия казачьего статуса. Лишь некоторые исследователи анализируют, как специфика входящих в казачество неславянских этноконфессиональных групп проявляла себя уже после длительного пребывания в составе казачьих социумов. Кроме того, еще недостаточно раскрыты вопросы, как шел процесс аккультурации в казачьих войсках; какие социальные институты и группы реализовывали этот процесс. Необходимо обратить особое внимание и на то, являлись группы иноэтничных казаков структурными единицами локальной социаль-

ной организации восточных славян либо не зависели от нее. А также насколько организация общества разных групп казаков была унифицирована либо имела различия. Это особенно важно в условиях абсолютного количественного и организационного преобладания восточнославянского казачества в указанное время. Исследовать эти проблемы еще предстоит российским и зарубежным ученым-казаковедам.

Библиографический список

Аминов 2015 а — *Аминов Р.Р.* К вопросу о численности нагайбаков в конце XVIII — начале XIX вв. // *Кряшенское историческое обозрение.* 2015. № 1. С. 57–63. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25720111>.

Аминов 2015 б — *Аминов Р.Р.* Нагайбаки в станичной структуре Оренбургского казачьего войска в конце XIX — начале XX в. // *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств.* 2015. № 3. С. 120–123. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/nagaybaki-v-stanichnoy-strukture-orenburgskogo-kazachiego-voyska-v-kontse-xix-nachale-xx-vv>.

Аминов 2017 — *Аминов Р.Р.* Татары казаки в составе Оренбургского казачьего войска (1748–1917 гг.): монография. Казань: Институт государственного им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 348 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30003294>.

Аминов 2018 — *Аминов Р.Р., Годова Е.В., Загидуллин И.К., Халиков Н.А.* Татары казаки в составе Оренбургского казачьего войска // *Казачество в тюркском и славянском мирах: коллективная монография / отв. ред. В.В. Грибовский, В.В. Трепавлов.* Казань, 2018. С. 309–326. URL: <http://archtat.ru/editions/kazachestvo-v-tyurkskom-i-slavyanskom-mirah-koll-monografiya-otv-red-v-v-gribovskij-v-v-trepavlov-institut-arheologii-im-a-h-halikova-an-rt-kazan-2018-804-s-48-s-il>.

Андреев 2007 — *Андреев С.М.* Источники формирования Сибирского линейного казачества в дореформенный период // *Известия Томского политехнического университета.* 2007. Т. 310. № 3. С. 161–165. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9497464>.

Аубакирова, Джумагалиева 2016 — *Аубакирова Х.А., Джумагалиева К.В.* Этнический состав Сибирского казачества в XIX — начале XX веков // *Вестник АНУ им. Абая.* 2016. № 1. С. 219–223. URL: <https://articlekz.com/article/18263>.

Бондарь 1995 — *Бондарь Н.И.* Кубанское казачество (этносоциальный аспект) // *Кубанское казачество: история, этнография, фольклор.* М., 1995. С. 5–15. URL: <https://moodle.kubsu.ru/mod/resource/view.php?id=1476>.

Васильев 2007 — *Васильев И.Ю.* Государство и общество в системе ценностей Кубанского казачества // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Спецвыпуск «Актуальные проблемы исторический исследований».* 2007. С. 15–18.

Великая 2014 — *Великая Н.Н.* Терское казачье войско во второй половине XIX — начале XX вв. // *Очерки истории и культуры казачества Юга России: коллективная монография / под ред. Г.Г. Матишова, И.О. Тюменцева.* Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. С. 231–242. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25755921>.

Всеобщая... 1905 — *Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г.* Общий свод по Империи

- результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1891 года. СПб., 1905. 417 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/433585>.
- Годовова, Любичанковский 2018 — *Годовова Е.В., Любичанковский С.В.* Проявление объективных оснований этноидентичности в повседневном жизненном укладе тюркского населения Оренбургского казачьего войска (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 432. С. 86–90. DOI: 10.17223/15617793/432/10.
- Голованова 2014 — *Голованова С.А.* Государственная политика России по регулированию численности казаков Терека и Кубани в XVIII–XIX вв.: этнодемографический аспект: монография. Армавир: РИО АГПА, 2014. 124 с. URL: <https://roskav.ru/wp-content/uploads/2018/01/2014-Golovanova-S.A.Gosudarstvennaya-politika-Rossii.pdf>.
- Головлев 2017 — *Головлев А.А.* Этноконфессиональный состав Терского казачьего войска (вторая половина 19-го — начало 20-го в.) // Региональное развитие. 2017. № 3 (21). URL: <https://regrazvitie.ru/etno-konfessionalnyj-sostav-terskogo-kazachego-vojska-vtoraya-polovina-19-go-nachalo-20-go-v>.
- Джунджузов 2014 — *Джунджузов С.В.* Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII — первая четверть XX века): монография / науч. ред. С.В. Любичанковский. Оренбург: Издательский дом ОГАУ, 2014. 434 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22694505>.
- Дубовиков 2018 а — *Дубовиков А.М.* Тюркский элемент в истории Уральского (Яицкого) казачьего войска // Казачество в тюркском и славянском мирах: коллективная монография / отв. ред. В.В. Грибовский, В.В. Трепавлов. Казань, 2018. С. 298–297. URL: <http://archtat.ru/editions/kazachestvo-v-tyurkskom-i-slavyanskom-mirah-koll-monografiya-otv-red-v-v-gribovskij-v-v-trepavlov-institut-arheologii-im-a-halikova-an-rt-kazan-2018-804-s-48-s-il>.
- Дубовиков 2018 б — *Дубовиков А.М.* Этноконфессиональный состав российского казачества // Казачество в тюркском и славянском мирах: коллективная монография / отв. ред. В.В. Грибовский, В.В. Трепавлов. Казань, 2018. С. 391–411. URL: <http://archtat.ru/editions/kazachestvo-v-tyurkskom-i-slavyanskom-mirah-koll-monografiya-otv-red-v-v-gribovskij-v-v-trepavlov-institut-arheologii-im-a-halikova-an-rt-kazan-2018-804-s-48-s-il>.
- Ермак, Кабанов 2009 — *Ермак Г.Г., Кабанов Н.А.* Уссурийское казачество: проблемы этносоциального статуса и государственной службы // Казачество Дальнего Востока России в XVII — XXI вв.: к 120-летию Уссурийского казачьего войска: сб. науч. ст. Вып. 2. Хабаровск, 2009. С. 14–29. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22604830>.
- Ерохин 2014 — *Ерохин И.Ю.* Общая история — разное казачество // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2014. № 10. С. 32–49. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21237892>.
- Жигунова 2016 — *Жигунова М.А.* Сибирское казачество: традиционная культура и современные стереотипы // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 4 (12). С. 87–98. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27672341>.
- Казачество... 2018 — *Казачество в тюркском и славянском мирах*: коллективная монография / отв. ред. В.В. Грибовский, В.В. Трепавлов. Казань: Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2018. 804 с., 48 с.: ил. URL: <http://archtat.ru/editions/kazachestvo-v-tyurkskom-i-slavyanskom-mirah-koll-monografiya-otv-red-v-v-gribovskij-v-v-trepavlov-institut-arheologii-im-a-halikova-an-rt-kazan-2018-804-s-48-s-il>.
- Калоев 1995 — *Калоев Б.А.* Моздокские осетины. Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1995. 245 с. URL: <https://www.rulit.me/author/kaloev-boris-aleksandrovich/osetiny-istoriko-etnograficheskoe-issledovanie-get-259970.html>.
- Кортунов 2009 а — *Кортунов А.И.* Башкиры в составе казачьих войск Урала (XVIII — XIX вв.): монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. 186 с.: ил.
- Кортунов 2009 б — *Кортунов А.И.* Народы Урала на службе в Оренбургском казачьем войске (XVIII — XIX вв.): монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. 110 с.: ил. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19721348>.
- Кортунов, Фокин 2012 — *Кортунов А.И., Фокин А.А.* Казаки-мусульмане на службе в казачьих войсках Урала (XVI–XIX вв.): монография. Уфа, 2012. 113 с. URL: <https://docplayer.ru/32386372-Kazaki-musulmane-nasluzhbe-v-kazachih-voyskah-urala-xvi-xix-vv.html>.
- Матвеев 2014 — *Матвеев О.В.* Кубанское казачье войско (1860 г. — начало XX столетия) // Очерки истории и культуры казачества Юга России: коллективная монография / под ред. Г.Г. Матишова, И.О. Тюменцева. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. С. 215–230. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25755921>.
- Мацневский 2011 а — *Мацневский Г.О.* Казачество Европейской России и Кавказа в конце XIX — начале XX вв.: особенности социально-демографического портрета // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2011. Т. 7. № 7. С. 12–17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/kazachestvo-evropejskoj-rossii-i-kavkaza-v-kontse-xix-nachale-hh-vekov-osobennosti-sotsialno-demograficheskogo-portreta>.
- Мацневский 2011 б — *Мацневский Г.О.* Казачество Азиатской России в конце XIX — начале XX вв.: особенности социально-демографического портрета // Вестник КрасГАУ. 2011. Вып. 6. С. 186–192. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16393115>.
- Мацневский 2013 — *Мацневский Г.О.* Особенности социально-демографического облика казачества на рубеже XIX–XX вв. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История, экономика, политология, информатика. 2013. № 1 (144). Вып. 25. С. 97–103. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sotsialno-demograficheskogo-oblika-kazachestva-na-rubezhe-xix-hh-vekov>.
- Николаенко 2008 — *Николаенко И.Н.* Исторический аспект формирования казачества как этносоциальной системы [Электронный ресурс]. URL: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2008/XIV/uch_2008_XIV_00017.pdf.
- Очиров 2002 — *Очиров У.Б.* Астраханские казаки // Этномир Калмыкии: сб. ст. Элиста: Герел, 2002. С. 30–32. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21838239>.
- Очиров 2006 — *Очиров У.Б.* Калмыки в составе астраханского казачества в период Гражданской войны 1917–1920 гг. // Вестник РУДН. Серия «История России». 2006. № 3 (7). С. 222–231. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13861870>.
- Рыблова 2013 — *Рыблова М.А.* Этнокультурный портрет донского казачества // Этнокультурное

пространство Юга России (XVIII–XXI вв.): материалы Всероссийской научно-практич. конф. (Краснодар, ноябрь – декабрь 2013 г.). Краснодар: Традиция, 2013. С. 289–300. URL: <http://www.slavakubani.ru/culture/etnography/etnokulturnyy-portret-donskogo-kazachestva>.

Сагнаева 2015 – *Сагнаева С.К.* Материальная культура уральского казачества (традиционная одежда и пища) на рубеже 19–20 веков. Уральск, 2015. 304 с.

Семенов 2001 – *Семенов В.Г.* Татары в Оренбургском казачьем войске // Евразийское ожерелье: альманах Общественного института народов Оренбуржья имени Мусы Джалиля. Оренбург: Издательство ОГПУ, 2001. С. 166–190. URL: <http://dashkin.ru/?p=65>.

Семенов 2002 – *Семенов В.Г.* Иностранцы и иноверцы в Оренбургском казачьем войске // Этноконфессиональный диалог: состояние, противоречия, перспективы развития: материалы межрегиональной научно-практич. конф. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2002. С. 179–186. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24197274>.

Тикиджян 2018 – *Тикиджян Р.Г.* Донское казачество – этносциальная корпорация в полиэтническом окружении: история и современность // Гармонизация межнациональных отношений. Исторические судьбы казачества: II Всероссийская научно-практич. конф. (г. Геленджик): сб. науч. ст. Ростов н/Д.; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2018. С. 103–108. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35709831>.

Тхамокова 2011 – *Тхамокова И.Х.* Терское казачество в XIX – начале XX в.: этнокультурные границы // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2011. № 4 (42). С. 53–58. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16715450>.

Фролов 2002 – *Фролов Б.Е.* Национальный состав Черноморского казачьего войска (1787–1860 гг.). URL: <http://slavakubani.ru/geography/population/ethnogenesis/natsionalnyy-sostav-chernomorskogo-kazachego-voyska-1787-1860-gg>.

Футорянский 1999 – *Футорянский Л.И.* Казачество России на рубеже веков: монография. Оренбург: Печатный дом «Димур», 1999. 200 с. URL: http://artlib.osu.ru/web/books/futor/2_10-9.html.

Чериницын 2018 – *Чериницын С.В.* Донские татары – мусульманская группа донского казачества. Этапы и тенденции этнической истории // Казачество в тюркском и славянском мирах: коллективная монография / отв. ред. В.В. Грибовский, В.В. Тrepавлов. Казань, 2018. С. 282–297. URL: <http://archtat.ru/editions/kazachestvo-v-tyurkskom-i-slavyanskom-mirah-koll-monografiya-otv-red-v-v-gribovskij-v-v-trepavlov-institut-arheologii-im-a-h-halikova-an-rt-kazan-2018-804-s-48-s-il>.

Яровой 2011 – *Яровой А.В.* Социокультурные проекции агональности: монография. Зерноград: Азово-Черноморский инженерный институт ФГБОУ ВО Донской ГАУ, 2017. 211 с.

References

Aminov 2015 a – *Aminov R.R.* *K voprosu o chislennosti nagaibakov v kontse XVIII – nachale XIX vv.* [To the question of number Nagaybaks at the end of XVIII – the beginning of the XIX centuries]. *Kryashenskoe istoricheskoe obozrenie* [Kryashen historical review], 2015, no. 1, pp. 57–63. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25720111> [in Russian].

Aminov 2015 b – *Aminov R.R.* *Nagaibaki v stanichnoi strukture Orenburgskogo kazach'ego voyska v kontse XIX – nachale XX v.* [Nagaybaks in rural structure of the Orenburg Cossack army at the end of XIX – the beginning of XX centuries]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts], 2015, no. 3, pp. 120–123. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/nagaybaki-v-stanichnoy-strukture-orenburgskogo-kazachiego-voyska-v-kontse-xix-nachale-xx-vv> [in Russian].

Aminov 2017 – *Aminov R.R.* *Tatary kazaki v sostave Orenburgskogo kazach'ego voyska (1748–1917 gg.): monografiya* [Tatars Cossacks as part of the Orenburg Cossack Army (1748–1917): monograph]. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2017, 348 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30003294> [in Russian].

Aminov 2018 – *Aminov R.R., Godovova E.V., Zagidullin I.K., Khalikov N.A.* *Tatary kazaki v sostave Orenburgskogo kazach'ego voyska* [Tatars Cossacks as part of the Orenburg Cossack Army]. In: *Kazachestvo v tyurkskom i slavyanskom mirakh: kolektivnaya monografiya. Otv. red. V.V. Gribovskii, V.V. Trepavlov* [Cossacks in the Turkic and Slavic worlds: multi-authored monograph. V.V. Gribovskii, V.V. Trepavlov (Eds.)]. Kazan, 2018, pp. 309–326. Available at: <http://archtat.ru/editions/kazachestvo-v-tyurkskom-i-slavyanskom-mirah-koll-monografiya-otv-red-v-v-gribovskij-v-v-trepavlov-institut-arheologii-im-a-h-halikova-an-rt-kazan-2018-804-s-48-s-il> [in Russian].

Andreev 2007 – *Andreev S.M.* *Istochniki formirovaniya Sibirskogo lineinogo kazachestva v doreformennyi period* [Sources of formation of the Siberian linear Cossacks during the pre-reforming period]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk Polytechnic University], 2007, Vol. 310, no. 3, pp. 161–165. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9497464> [in Russian].

Aubakirova, Dzhumagalieva 2016 – *Aubakirova Kh.A., Dzhumagalieva K.V.* *Etnicheskii sostav Sibirskogo kazachestva v XIX – nachale XX vekov* [The ethnic composition of the Siberian Cossacks in the XIX – early XX centuries]. *Vestnik ANU im. Abaya*, 2016, no 1, pp. 219–223. Available at: <https://articlekz.com/article/18263> [in Russian].

Bondar' 1995 – *Bondar' N.I.* *Kubanskoe kazachestvo (etnosotsial'nyi aspekt)* [Kuban Cossacks (ethnosocial aspect)]. In: *Kubanskoe kazachestvo: istoriya, etnografiya, fol'klor* [Kuban Cossacks: history, ethnography, folklore]. M., 1995, pp. 5–15. Available at: <https://moodle.kubsu.ru/mod/resource/view.php?id=1476> [in Russian].

Vasiliev 2007 – *Vasiliev I.Yu.* *Gosudarstvo i obshchestvo v sisteme tsennostei Kubanskogo kazachestva* [State and society in the value system of the Kuban Cossacks]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Spetsvyпуск «Aktual'nye problemy istoricheskii issledovaniy»* [University News. North Caucasian Region. Special issue «Actual problems of historical research»], 2007, pp. 15–18 [in Russian].

Velikaya 2014 – *Velikaya N.N.* *Terskoe kazach'e voisko vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.* [Terek Cossack army in the second half of the XIX – early XX centuries]. In: *Ocherki istorii i kul'tury kazachestva Yuga Rossii: kolektivnaya monografiya; pod redaktsiei G.G. Matishova, I.O. Tyumentseva* [Essays on the history and culture of the Cossacks of the South of Russia: multi-authored monograph. G.G. Matishov, I.O. Tyumentsev (Eds.)]. Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo filiala FGBOU VPO RAN KHiGS, 2014, pp. 231–242. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25755921> [in Russian].

Vseobshchaya... 1905 – *Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi Imperii 1897 g. Obshchii svod po Imperii*

- rezul'tatov razrabotki dannykh pervoi vseobshchei perepisi naseleniya, proizvedennoi 28 yanvara 1891 goda [The General Census of Population of the Russian Empire in 1897. The General Code for the Empire of the results of the development of the data of the first general census of population, made on January 28, 1891]. SPb., 1905, 417 p. Available at: <https://www.prlib.ru/item/433585> [in Russian].
- Godovova, Lyubichankovskiy 2018 – Godovova E.V., Lyubichankovskiy S.V. *Proyavlenie ob"ektivnykh osnovanii etnoidentichnosti v povsednevnom zhiznennom uklade tyurkskogo naseleniya Orenburgskogo kazach'ego voiska (vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX v.)* [The manifestation of objective grounds for ethno-identity in the everyday life of the Turkic population of the Orenburg Cossack army (second half of the 18th – first half of the 19th century)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2018, no. 432, pp. 86–90. DOI: 10.17223/15617793/432/10. [in Russian].
- Golovanova 2014 – Golovanova S.A. *Gosudarstvennaya politika Rossii po regulirovaniyu chislennosti kazakov Tereka i Kubani v XVIII–XIX vv.: etnodemograficheskii aspekt: monografiya* [State policy of Russia on the regulation of the number of Terek and Kuban Cossacks in the XVIII–XIX centuries: ethno-demographic aspect: monograph]. Armavir: RIO AGPA, 2014, 124 p. Available at: <https://roskav.ru/wp-content/uploads/2018/01/2014-Golovanova-S.A.Gosudarstvennaya-politika-Rossii.pdf> [in Russian].
- Golovlyov 2017 – Golovlyov A.A. *Etnokonfessional'nyi sostav Terskogo kazach'ego voiska (vtoraya polovina 19-go – nachalo 20-go v.)* [Ethnoconfessional composition of the Terek Cossack army (second half of the 19th – beginning of the 20th century)]. *Regional'noe razvitie* [Regional development], 2017, no. 3 (21). URL: <https://regrazvitie.ru/etno-konfessionalnyj-sostav-terskogo-kazachego-vojska-vtoraya-polovina-19-go-nachalo-20-go-v> [in Russian].
- Dzhundzhuzov 2014 – Dzhundzhuzov S.V. *Kalmyki v Srednem Povolzh'e i na Yuzhnom Urale: imperskie mekhanizmy akkul'turatsii i problema sokhraneniya etnicheskoi identichnosti (seredina 30-kh godov XVIII – pervaya chetvert' XX veka): monografiya. Nauch. red. S.V. Lyubichankovskii* [Kalmyks in the Middle Volga and in the Southern Urals: imperial acculturation mechanisms and the problem of preserving ethnic identity (mid 30-ies of the XVIII – the first quarter of the XX century): monograph. S.V. Lyubichankovskiy (Ed.)]. Orenburg: Izdatel'skii dom OGAU, 2014, 434 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22694505> [in Russian].
- Dubovikov 2018 a – Dubovikov A.M. *Tyurkskii element v istorii Ural'skogo (Yaitskogo) kazach'ego voiska* [Turkic element in the history of the Ural (Yaitsky) Cossack army]. In: *Kazachestvo v tyurkskom i slavyanskom mirakh: kollektivnaya monografiya. Otv. red. V.V. Gribovskii, V.V. Trepavlov* [Cossacks in the Turkic and Slavic worlds: multi-authored monograph. V.V. Gribovskii, V.V. Trepavlov (Eds.)]. Kazan, 2018, pp. 298–297. Available at: <http://archtat.ru/editions/kazachestvo-v-tyurkskom-i-slavyanskom-mirah-koll-monografiya-otv-red-v-v-gribovskij-v-v-trepavlov-institut-arheologii-im-a-h-halikova-an-rt-kazan-2018-804-s-48-s-il> [in Russian].
- Dubovikov 2018 b – Dubovikov A.M. *Etnokonfessional'nyi sostav rossiiskogo kazachestva* [Ethnic and religious composition of the Russian Cossacks]. In: *Kazachestvo v tyurkskom i slavyanskom mirakh: kollektivnaya monografiya. Otv. red. V.V. Gribovskii, V.V. Trepavlov* [Cossacks in the Turkic and Slavic worlds: multi-authored monograph. V.V. Gribovskii, V.V. Trepavlov (Eds.)]. Kazan, 2018, pp. 391–411. Available at: <http://archtat.ru/editions/kazachestvo-v-tyurkskom-i-slavyanskom-mirah-koll-monografiya-otv-red-v-v-gribovskij-v-v-trepavlov-institut-arheologii-im-a-h-halikova-an-rt-kazan-2018-804-s-48-s-il> [in Russian].
- Ermak, Kabanov 2009 – Ermak G.G., Kabanov N.A. *Ussuriiskoe kazachestvo: problema etnosotsial'nogo statusa i gosudarstvennoi sluzhby* [Ussuri Cossacks: problems of ethnosocial status and public service]. In: *Kazachestvo Dal'nego Vostoka Rossii v XVII – XXI vv.: k 120-letiyu Ussuriiskogo kazach'ego voiska: sb. nauch. st. Vyp. 2* [Cossacks of the Far East of Russia in the XVII – XXI centuries: on the 120th anniversary of the Ussuri Cossack army: collection of scientific papers. Issue 2]. Khabarovsk, 2009, pp. 14–29. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22604830> [in Russian].
- Erokhin 2014 – Erokhin I.Ju. *Obshchaya istoriya – raznoe kazachestvo* [General history - different Cossacks]. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya: problemy i rezul'taty* [Fundamental and Applied Research: Problems and Results], 2014, no. 10, pp. 32–49. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21237892> [in Russian].
- Zhigunova 2016 – Zhigunova M.A. *Sibirskoe kazachestvo: traditsionnaya kul'tura i sovremennye stereotipy* [Siberian Cossacks: Traditional Culture and Modern Stereotypes]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»* [Herald of Omsk University. Series «Historical Studies»], 2016, no. 4 (12), pp. 87–98. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27672341> [in Russian].
- Kazachestvo... 2018 – *Kazachestvo v tyurkskom i slavyanskom mirakh: kollektivnaya monografiya. Otv. red. V.V. Gribovskii, V.V. Trepavlov* [Cossacks in the Turkic and Slavic worlds: multi-authored monograph. V.V. Gribovskii, V.V. Trepavlov (Eds.)]. Kazan: Institut arheologii im. A.Kh. Khalikova AN RT, 2018, 804 p., 48 p., illustrated. Available at: <http://archtat.ru/editions/kazachestvo-v-tyurkskom-i-slavyanskom-mirah-koll-monografiya-otv-red-v-v-gribovskij-v-v-trepavlov-institut-arheologii-im-a-h-halikova-an-rt-kazan-2018-804-s-48-s-il> [in Russian].
- Kaloev 1995 – Kaloev B.A. *Mozdokskie osetiny. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Mozdok Ossetians. Historical and ethnographic research]. M.: Nauka, 1995, 245 p. Available at: <https://www.rulit.me/author/kaloev-boris-aleksandrovich/osetiny-istoriko-etnograficheskoe-issledovanie-get-259970.html> [in Russian].
- Kortunov 2009 a – Kortunov A.I. *Bashkiry v sostave kazach'ikh voisk Urala (XVIII – XIX vv.): monografiya* [Bashkirs as part of the Cossack troops of the Urals (XVIII – XIX centuries): monograph]. Ufa: RITs BashGU, 2009, 186 p.: illustrated [in Russian].
- Kortunov 2009 b – Kortunov A.I. *Narody Urala na sluzhbe v Orenburgskom kazach'em voiske (XVIII – XIX vv.): monografiya* [The peoples of the Urals in the service of the Orenburg Cossack Army (XVIII–XIX centuries): monograph]. Ufa: RITs BashGU, 2009, 110 p.: illustrated. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19721348> [in Russian].
- Kortunov 2012 – Kortunov A.I., Fokin A.A. *Kazaki-musul'mane na sluzhbe v kazach'ikh voiskakh Urala (XVI–XIX vv.): monografiya* [Muslim Cossacks in the service of the Cossack troops of the Urals (XVI – XIX centuries): monograph]. Ufa, 2012, 113 p. Available at: <https://docplayer.ru/32386372-Kazaki-musulmane-na-sluzhbe-v-kazachih-voiskah-urala-xvi-xix-vv.html> [in Russian].
- Matveev 2014 – Matveev O.V. *Kubanskoe kazach'e voisko (1860 g. – nachalo XX stoletiya)* [Kuban Cossack army (1860 - the beginning of the XX century)]. In: *Ocherki istorii i kul'tury kazachestva Yuga Rossii: kollektivnaya monografiya; pod redaktsiei G.G. Matishova, I.O. Tyumentseva* [Essays on the history and culture of the Cossacks of the South of Russia: multi-authored monograph. G.G. Matishov, I.O. Tyumentsev (Eds.)]. Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo filiala FGBOU VPO RANKhiGS, 2014, pp. 215–230. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25755921> [in Russian].

- Matsievsky 2011 a – *Matsievsky G.O. Kazachestvo Evropeiskoi Rossii i Kavkaza v kontse XIX – nachale XX vv.: osobennosti sotsial'no-demograficheskogo portreta* [The Cossacks of the European Russia and Caucasus in the end of XIX – beginning XX centuries: features of the socially-demographic portrait]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Voronezh state technical University], 2011, Vol. 7, no. 7, pp. 12–17. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/kazachestvo-evropeyskoy-rossii-i-kavkaza-v-kontse-xix-nachale-hh-vekov-osobennosti-sotsialno-demograficheskogo-portreta> [in Russian].
- Matsievsky 2011 b – *Matsievsky G.O. Kazachestvo Aziatskoi Rossii v kontse XIX – nachale XX vv.: osobennosti sotsial'no-demograficheskogo portreta* [The Asian Russia Cossacks in the end of the XIX – beginning of the XX centuries: socio-demographic picture peculiarities]. *Vestnik KrasGAU* [The Bulletin of KrasGAU], 2011, Issue 6, pp. 186–192. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16393115> [in Russian].
- Matsievsky 2013 – *Matsievsky G.O. Osobennosti sotsial'no-demograficheskogo oblika kazachestva na rubezhe XIX–XX vv.* [Features of social-demographic shape of the Cossacks at the turn of XIX to XX century]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, ekonomika, politologiya, informatika* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: History, Economics, Political Science, Information Technologies], 2013, no. 1 (144), Issue 25, pp. 97–103. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sotsialno-demograficheskogo-oblika-kazachestva-na-rubezhe-xix-xx-vekov> [in Russian].
- Nikolaenko 2008 – *Nikolaenko I.N. Istoricheskii aspekt formirovaniya kazachestva kak etnosotsial'noi sistemy [Elektronnyi resurs]* [Historical aspect of formation of the Cossacks as an ethnosocial system] [Electronic resource]. Available at: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2008/XIV/uch_2008_XIV_00017.pdf [in Russian].
- Ochirov 2002 – *Ochirov U.B. Astrakhanskii kazaki* [Astrakhan Cossacks]. In: *Etnomir Kalmykii: sbornik statei* [Etnomir of Kalmykia: collection of articles]. Elista: Izdatel'stvo Gerel, 2002, pp. 30–32. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21838239> [in Russian].
- Ochirov 2006 – *Ochirov U.B. Kalmyki v sostave astrakhanskogo kazachestva v period Grazhdanskoi voiny 1917–1920 gg.* [The Kalmyks in the structure of the Astrakhan Cossacks during Civil War 1917–1920]. *Vestnik RUDN. Seriya «Istoriya Rossii»* [RUDN Journal of Russian History], 2006, no. 3 (7), pp. 222–231. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13861870> [in Russian].
- Ryblova 2013 – *Ryblova M.A. Etnokul'turnyi portret donskogo kazachestva* [Ethnocultural portrait of the Don Cossacks]. In: *Etnokul'turnoe prostranstvo Yuga Rossii (XVIII–XXI vv.): materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Krasnodar, noyabr' – dekabr' 2013 g.)* [Ethnocultural space of the South of Russia (XVIII–XXI centuries): materials of the All-Russian research and practical conference (Krasnodar, November – December 2013)]. Krasnodar: Traditsiya, 2013, pp. 289–300. Available at: <http://www.slavakubani.ru/culture/etnography/etnokulturnyy-portret-donskogo-kazachestva> [in Russian].
- Sagnaeva 2015 – *Sagnaeva S.K. Material'naya kul'tura ural'skogo kazachestva (traditsionnaya odezhda i pishcha) na rubezhe 19–20 vekov* [Material culture of the Ural Cossacks (traditional clothing and food) at the turn of the 19–20 centuries]. Uralsk, 2015, 304 p. [in Russian].
- Semenov 2001 – *Semenov V.G. Tatary v Orenburgskom kazach'em voiske* [Tatars in the Orenburg Cossack Army]. In: *Evrasiiskoe ozherel'e: al'manakh Obshchestvennogo instituta narodov Orenburzh'ya imeni Musy Dzhalilya* [Eurasian Necklace: Almanac of the Musa Jalil Institute of the Peoples of the Orenburg Region]. Orenburg: Izdatel'stvo OGPU, 2001, pp. 166–190. Available at: <http://dashkin.ru/?p=65> [in Russian].
- Semenov 2002 – *Semenov V.G. Inostrantsy i inovertsy v Orenburgskom kazach'em voiske* [Foreigners and gentiles in the Orenburg Cossack Army]. In: *Etnokonfessional'nyi dialog: sostoyanie, protivorechiya, perspektivy razvitiya: materialy mezhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Ethnic and Confessional Dialogue: Status, Contradictions, Development Prospects: Proceedings of the Interregional Research and Practical Conference]. Orenburg: Izdatel'skii tsentr OGAU, 2002, pp. 179–186. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24197274> [in Russian].
- Tikidzh'yan 2018 – *Tikidzh'yan R.G. Donskoe kazachestvo – etnosotsial'naya korporatsiya v polietnicheskom okruzhenii: istoriya i sovremennost'* [Don Cossacks – an ethnosocial corporation in a multi-ethnic environment: the past and the present]. In: *Garmonizatsiya mezhnatsional'nykh otnoshenii. Istoricheskie sud'by kazachestva: II Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya (g. Gelendzhik): sbornik nauchnykh statei* [Harmonization of interethnic relations. The historical fate of the Cossacks: II All-Russian Research and Practical Conference (Gelendzhik): collection of scientific articles]. Rostov-on-Don; Taganrog: Izdatel'stvo Yuzhnogo federal'nogo universiteta, 2018, pp. 103–108. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35709831> [in Russian].
- Tkhamokova 2011 – *Tkhamokova I.Kh. Terskoe kazachestvo v XIX – nachale XX v.: etnokul'turnye granitsy* [The Tersky Cossacks in the XIX – early XX centuries: ethno-cultural borders]. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN* [News of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2011, no. 4 (42), pp. 53–58. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16715450> [in Russian].
- Frolov 2002 – *Frolov B.E. Natsional'nyi sostav Chernomorskogo kazach'ego voiska (1787–1860 gg.)* [National composition of the Black Sea Cossack army (1787–1860)]. Available at: <http://slavakubani.ru/geography/population/ethnogenesis/natsionalnyy-sostav-chernomorskogo-kazachego-voyska-1787-1860-gg> [in Russian].
- Futorjanski 1999 – *Futorjanski L.I. Kazachestvo Rossii na rubezhe vekov: monografiya* [Cossacks of Russia at the turn of the century: a monograph]. Orenburg: Pechatnyi dom «Dimur», 1999, 200 p. Available at: http://artlib.osu.ru/web/books/futor/2_10-9.html [in Russian].
- Cherincyn 2018 – *Cherincyn S.V. Donskie tatary – musul'manskaya gruppa donskogo kazachestva. Etapy i tendentsii etnicheskoi istorii* [Don Tatars – Muslim group of the Don Cossacks. Stages and trends of ethnic history]. In: *Kazachestvo v tyurkskom i slavyanskom mirakh: kollektivnaya monografiya. Otv. red. V.V. Gribovskii, V.V. Trepavlov* [Cossacks in the Turkic and Slavic worlds: multi-authored monograph. V.V. Gribovskii, V.V. Trepavlov (Eds.)]. Kazan, 2018, pp. 282–297. Available at: <http://archtat.ru/editions/kazachestvo-v-tyurkskom-i-slavyanskom-mirah-koll-monografiya-otv-red-v-v-gribovskij-v-v-trepavlov-institut-arheologii-im-a-h-halikova-an-rt-kazan-2018-804-s-48-s-il/> [in Russian].
- Jarovoj 2011 – *Jarovoj A.V. Sotsiokul'turnye proektsii agonal'nosti: monografiya* [Sociocultural projections of agonality: monograph]. Zernograd: Azovo-Chernomorskii inzhenernyi institut FGBOU VO Donskoi GAU, 2017, 211 p. [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-3-16-22
УДК 94(47).05

Дата поступления статьи: 15/V/2019
Дата принятия статьи: 27/V/2019

В.В. Заплетин

«ЧЕРНАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ» ДЕСЯТНИКА В. ЗОРИНА В СТРЕЛЕЦКОМ ВОССТАНИИ 1698 Г.: ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ПЕРЕСМОТРА ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО СТАТУСА ДОКУМЕНТА

© Заплетин Владимир Владимирович – аспирант, кафедра российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34

E-mail: v.zapletin@yandex.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-1266-7684>

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется вопрос о правомерности сложившейся начиная с XVII в. историографической традиции отнесения документа «черная челобитная Петру I» десятичника В. Зорина в событиях восстания 1698 г. к виду челобитных. Продолжительное время документ рассматривался как челобитная на основании соотношения социального статуса авторов документа – стрельцов и его адресата – царя Петра I. Автор выдвигает и обосновывает гипотезу о правомерности пересмотра источниковедческого статуса документа и придания ему статуса письма. Процедура верификации проводится в соответствии с имеющимися источниковедческими классификациями на основе детального анализа формуляра документа. С привлечением источников фактического материала верифицируются приводимые составителем документа в качестве исторических фактов сведения. Исследование основано на принципах историзма и многофакторности исторического процесса. В рамках историко-антропологического анализа использованы сравнительно-исторический, сравнительно-аналитический и диалектический методы исследования. Предприняв сущностно-содержательное рассмотрение текста «черной челобитной», автор констатирует отсутствие в нем обязательных, характерных для челобитных и сказок конца XVII в., признаков и приходит к выводу о наличии оснований для отнесения документа к виду писем. Вольный стиль письма наилучшим образом соответствовал скрытым намерениям и позволил десятинику В. Зорину придать документу задуманный смысл «бунташного» манифеста. Автор приводит аргументы, позволяющие интерпретировать указанное в аппрекации Аминь как подтверждение намерения исполнить обет, с которым и следует соотносить текст документа. Как итог исследования автор формулирует новое название документа.

Ключевые слова: стрелецкое восстание 1698 г., «черная челобитная Петру I», источниковедческий статус, формуляр документа, верификация, письмо.

Цитирование. Заплетин В.В. «Черная челобитная» десятичника В. Зорина в стрелецком восстании 1698 г.: основания для пересмотра источниковедческого статуса документа // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 3. С. 16–22. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-3-16-22>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

**«DRAFT CHELOBITNAYA» BY FOREMAN V. ZORIN IN THE STRELTSY UPRISING OF 1698:
GROUNDS FOR REVISING THE SOURCE STUDY STATUS OF THE DOCUMENT**

© Zapletin Vladimir Vladimirovich – postgraduate student, Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: v.zapletin@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1266-7684>

ABSTRACT

The article studies relevancy of the historiographic tradition (it dates back to the 17th century) to consider the document «draft chelobitnaya to Peter I» by foreman V. Zorin in the events of the rebellion of 1698 as a kind of chelobithaya's. The author proposes the hypothesis and confirms the relevance of revising the source study status of the document and giving it the status of a letter. The verification procedure is carried out in accordance with the current source classification on the basis of detailed analysis of the document form. At the same time, the facts presented by the draftsman are verified by the author as historical facts. Besides, the author formulates the new name of the document. The methodology of the study is based on the principles of historicism and multifactority of the historical process. The author uses historical-antropological approach as well as comparative-historical, comparative-analytical and dialectical methods. Also, the author analyzes the essence and the content of the document form. Having undertaken the substantive consideration of the text of the «draft chelobitnaya», the author notes the absence in it of mandatory signs characteristic of the petitions and tales of the end of the 17th century and concludes that there are grounds for classifying the document as a type of letter. The free style of writing best fit the hidden intentions and allowed the foreman V. Zorin to give the document the intended meaning of the «rebellious» manifesto. The author presents arguments allowing to interpret the Amen indicated in the statement as confirmation of the intention to fulfill the vow, with which the text of the document should be correlated. As a result of the study, the author formulates a new name for the document.

Key words: streltsy uprising of 1698, «draft chelobitnaya to Peter I», source study status, document form, verification, letter.

Citation. Zapletin V.V. «*Chernaya chelobitnaya*» desyatnika V. Zorina v streletskom vosstanii 1698 g.: osnovaniya dlya peresmotra istochnikovedcheskogo statusa dokumenta [«Draft chelobitnaya» by foreman V. Zorin in the streltsy uprising of 1698: grounds for revising the source study status of the document]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 3, pp. 16–22. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-16-22> [in Russian].

Введение

В составе документов розыска под Воскресенским монастырем, состоявшегося после поражения восставших московских стрельцов в 1698 г., примечателен документ, известный под названием «Челобитная московских стрельцов Петру I с жалобами на тяжесть службы и просьбами об облегчении положения», датированный 1698 г. июня около 12. Документ впервые был полностью опубликован в 1980 г. в сборнике «Восстание московских стрельцов. 1698 г. (Материалы следственного дела)» (Восстание... 1698, 1980). Подлинник документа хранится в составе дела 12/60 Разряда VI – Уголовные дела по государственным преступлениям и событиям особой важности Российского государственного архива древних актов [РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12/60. Л. 53–53 об.].

Цель исследования – верифицировать источниковедческий статус документа, обоснованность его отнесения в рамках сложившейся историографической традиции к виду челобитных.

Длительное время документ рассматривался как челобитная на основании соотнесения социального статуса авторов документа – стрельцов и его адресата – царя Петра I. Упоминание о нем содержится в записи сыскальной комиссии о передаче перед сражением стрельцом В. Зориным стрелецкой челобитной и письма И.М. Кольцову-Мосальскому (РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12/60. Л. 52). При подаче двух документов И.М. Кольцову-Мосальскому десятник В. Зорин назовет эти документы письмами, чтобы «прочсть большого полку в народе» (РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12/60. Л. 52), а уже на допросе 18 июня упомянет составленный им документ как «черную челобитную» (Восстание... 1698, 1980, с. 45–46). Все более поздние допросы строились на основании вывода сыскальной комиссии о том, что документ является «черной челобитной». В конце XVIII в. первым опубликовал фрагменты документа И.И. Голиков, называя то письмом бунтовщиков для прельщения войска А.С. Шеина [Голиков 1791, с. 214–217, 236], то челобитной

[Голиков 1791, с. 233]. В XIX в. документ подробно изучался Н.Г. Устряловым, С.М. Соловьев пересказал документ весьма близко к тексту, в XX в. документ подробно исследовал М.М. Богословский.

Индивидуальный формуляр «черной челобитной» и верификация источниковедческого статуса

Предпримем анализ формуляра «черной челобитной» с целью верификации источниковедческого статуса документа. Начальный протокол содержит инскрипцию, интитуляцию и инвокацию. Инскрипция «черной челобитной» общеупотребительна для конца XVII в. для обращений всяких чинов служивых людей. Интитуляция не содержит характерного для челобитных обращения «челом бьем», но содержит уникальную фразу «многоскорбне и великими слезами холопи твои, московские стрелецкие полки, второй, да прежде бывшей третей, что ныне четвертой, да десятой и первонадесят...» (РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12/60. Л. 53), в коей просматриваются и формальная торжественность обращения, и нарочитая демонстрация отделенности стрелецкой массы от начальных людей — стольников — полковников, чьи имена вопреки обыкновению в обозначении полков не упоминаются. М.М. Богословский, изучавший инвокацию документа, отметил ее необыкновенную широковежательность [Богословский 1946, с. 31]. В. Зорин на допросе 17 сентября показал, что писал богословием для умиления [Восстание... 1698, 1980, с. 70].

Основная часть документа. В преамбуле выражена важнейшая мысль об особой миссии и долге стрельцов «хранить благочестие». Для утверждения этой мысли В. Зорин использует три тезиса. *Тезис первый.* В сто девяностом году (1682 г.) стрельцы, радея о благочестии, удержали «всеко нечче стремление бесчинства» раскольников, подавив мятеж на Святую церковь. *Тезис второй.* Заступничество стрельцов за веру православную стало основанием для царского дома простить стрельцов за побиение бояр и иных чинов в событиях 15–17 мая 1682 г. *Тезис третий.* По обещанию и крестному целованию с того времени стрельцы о благочестии непременно служат.

Отметим, тезис об удержании стрельцами «всеко нечче стремление бесчинства» раскольников в 1682 г. В. Зорин приводит и в своих показаниях на допросе 18 июня 1698 г.: «...церкви божие раскольники от роскольства уговаривали, свою братью и иных всяких чинов людей» (Восстание... 1698, 1980, с. 44). Для уяснения сути событий 1682 г. обратимся к источнику «История о вере и челобитная о стрельцах» (Романов 1863). Савва Романов был не только участником, но и идейным вдохновителем движения «за старую веру». Он же являлся составителем челобитной о стрельцах, призывавших раскольников для придания мятежу идейной направленности [Усенко 2008]. Позднее, выполняя указание Софьи и патриарха Иоакима, стрельцы ловили и приводили на Лыков двор рас-

кольников (Романов 1863, с. 146–148) — тех, кого склонили к участию в протесте. В 1682 г., «радея о благочестии», стрельцы преследовали собственные интересы и исполнили привычную полицейскую функцию, предав раскольников. В. Зорин в «черной челобитной» и на допросе 18 июня 1698 г. не воссоздает историческую быль, но конструирует политически выгодный для себя и своей социальной группы миф.

По второму тезису о прощении царским домом стрельцов за побиение бояр в событиях 15–17 мая 1682 г. якобы за заступничество за веру православную необходимо назвать аргументы, ставящие под сомнение его состоятельность. И в тексте «черной челобитной», и на допросе 18 июня В. Зорин отмечает, что по указу великих государей «в применении того времени нас, холопей твоих, изменниками и бунтовщиками звать не велено» (РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12/60. Л. 53; Восстание... 1698, 1980, с. 44). Однако указ великих государей содержится в двух жалованных грамотах: Жалованной грамоте московским стрельцам, солдатам, гостям, посадским людям и ямщикам, датированной 1682 г. не ранее июня 6; и в Царской жалованной грамоте начальным людям и солдатам московского выборного полка Р. Жданова о прощении их за участие в восстании, датированной 1682 г. октября после 10 (Восстание... 1682, 1976, с. 196–201). В этом указе прописан запрет называть стрельцов бунтовщиками и изменниками в событиях 1682 г., но в Царской жалованной грамоте, датированной после 10 октября, указывается, что этот запрет является следствием покаяния стрельцов за их участие в «смятении, возмущении и преступлении» (Восстание... 1682, 1976, с. 199). В. Зорин на допросе ссылается именно на Царскую жалованную грамоту 1682 г., датированную после 10 октября, т. к. упоминание прощения царского дома, данного великими государями из троицкого похода, указывает на промежуток времени пребывания царского дома вне Москвы с 20 августа по 3 ноября 1682 г. В этот период времени и была дана упомянутая Царская жалованная грамота начальным людям и солдатам московского выборного полка Р. Жданова. Из текста следует, что является грамота ответом великих государей на заручные повинные челобитные солдат и московской надворной пехоты, в которых они приносят покаяния за побиение бояр 15–17 мая 1682 г. Это обстоятельство дает веские основания полагать, что такого же содержания жалованная грамота была получена стрелецким полком, в котором в 1682 г. нес службу В. Зорин. Он хорошо знал ее содержание, но умышленно исказил причину прощения и смысл царского наказа, создавая миф о стрельцах — хранителях благочестия.

Третий тезис обращен к факту якобы обещания и крестного целования стрельцов «служить о благочестии». Существуют по меньшей мере два документа, являющиеся основанием для подтверждения или опровержения этого факта. Первый до-

кумент — та же Царская жалованная грамота начальным людям и солдатам московского выборного полка Р. Жданова о прощении их за участие в восстании, датированная 1682 г. октября после 10, в которой содержится наказ урядникам и солдатам: «...служити и прямити и всякого добра хотети, и нашего государского здаровья оберегать, и нашия государския богом дарованные чести опасать со всякою верностию по своему обещанию, как они обещались пред святым христовым евангелием, без всякие измены и шатости...» (Восстание... 1682, 1976, с. 200). Очевидно, в этом наказе государи не вменяют подданным в обязанность хранить благочестие в государстве. Второй документ — статьи Разрядного приказа в период с 20 августа по 3 октября 1682 г. Царская жалованная грамота начальным людям и солдатам московского выборного полка Р. Жданова содержит на эти статьи ссылку. Текст указанных статей и является текстом присяги, которую принимали солдаты и все полки надворной пехоты в связи с прощением их за участие в мятеже по случаю казни Хованских. Этот текст не содержит обязательства солдат и надворной пехоты хранить благочестие. В первой статье указывается требование царского дома «ни х каким мятежником и к раскольщиком и к иным воровским людям не приставать» (Восстание... 1682, 1976, с. 104). Итак, в упомянутых документах отсутствует подтверждение якобы данных обещания и клятвы стрельцов служить благочестию, тем более вмененности стрельцам этого обязательства царским домом. В. Зорин, составляя «черную челобитную», прямо нарушает вторую и третью статьи присяги: «...никаких прелесных писем у себя не таить, и меж себя по полком ни о чем писменных и словесных пересылок не держать». В статье четвертой содержится разрешение стрельцам подавать челобитные о своих делах (Восстание... 1682, 1976, с. 105).

Мифологему «стрельцы — хранители благочестия» В. Зорин искусно развивает в наррации «черной челобитной», утверждая якобы умышленное стремление еретика Франца Лефорта «учинить благочестию великое препятие» — погубить «что ни лутчих» стрельцов в первом Азовском походе 1695 г. (РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12/60. Л. 53–53 об.). В ходе розыска 18 и 24 июня эти обвинения в адрес Ф. Лефорта В. Зорин подтвердит (Восстание... 1698, 1970, с. 44, 50), а уже на допросе 17 сентября признает свою злонамеренность (Восстание... 1698, 1980, с. 70). И.И. Голиков и Н.Г. Устрялов охарактеризовали обвинения Зорина в адрес Ф. Лефорта как «кичливое самохвальство», клевету, коварство и дерзость стрельца [Голиков 1791, с. 214–236; Устрялов, 1858, с. 172], но доказательств необоснованности обвинений не привели. С.М. Соловьев первым обратил внимание на особый смысл противопоставления в «черной челобитной» православия еретика Лефорту, усмотрев в злой выходке стрельца против Лефорта злую выходку против Петра I [Соловьев 1962, с. 566–567].

Н. Аристов высказал существенное замечание: «в черной челобитной» стрельцы указали причины своего движения на Москву [Аристов 1871]. А.Г. Брикнер и М.М. Богословский, не опровергая приводимые Зориным факты, в обвинениях Ф. Лефорта усмотрели переплетение религиозно-национальных мотивов с социальными и политическими [Богословский 1946, с. 36–37; Брикнер 1882, с. 276–278]. В.И. Буганов указал в «черной челобитной» на тактические уловки стрельцов с целью поднять возмущение и побить бояр, представляя себя защитниками Москвы и ревнителями национальных обычаев [Буганов 1969, с. 394]. С.П. Орленко отмечает, что, возлагая ответственность за страдания стрельцов на «еретика» Ф. Лефорта, Зорин придает выступлению стрельцов характер «радения за веру» [Орленко 2004, с. 207]. Однако приведем аргументы, не позволяющие согласиться с тем, что «многие из обвинений... В. Зорина, были небеспочвенны» [Орленко 2004, с. 207].

Обратимся к дневнику П. Гордона, который в деталях воссоздает картину боевых действий в азовских военных кампаниях 1695–1696 гг. Это авторитетные суждения специалиста военного дела, иностранца, ставшего «своим», сумевшего непредвзято заглянуть в «загадочную русскую душу». Полагаем, есть все основания рассматривать дневниковые записи П. Гордона как источник верификации фактов, изложенных в «черной челобитной». В. Зорин обвиняет Ф. Лефорта в неудаче под Азовом в 1695 г., возлагая на него ответственность за гибель стрельцов, неверное решение о подкопе, невыплату обещанных денег и невыполнение обещания «повышения чином чести» (РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12/60. Л. 53). Эти обвинения Зорин повторит на допросе 24 июня 1698 г. (Восстание... 1698, 1980, с. 50). Якобы некомпетентному решению Лефорта о приступе в 1695 г. В. Зорин противопоставил жертвенное усердие стрельцов, завершившееся уже в походе 1696 г. успешным взятием города в бытность «боярина Алексея Семеновича Шеина» (РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12/60. Л. 53–53 об.). Однако у П. Гордона находим: в походе 1695 г. русская армия состояла из 3 дивизий, которыми командовали П. Гордон, А.М. Головин и Ф.Я. Лефорт. Решения о военных действиях принимались на военных советах трех генералов, где часто присутствовал и Петр I. Поэтому возлагать ответственность и тем более вину за неудачу той или иной операции на одного человека нелогично. Ф. Лефортом действительно были допущены ошибки и промахи в боевых действиях. Так, в июле 1695 г. турки трижды предпринимали вылазки на позиции дивизии Ф. Лефорта (7 июля, в ночь на 11 июля, 26 июля), дивизия несла потери, и всякий раз ей приходила на выручку дивизия П. Гордона (Гордон 2014, с. 374–375, 382). Но самую сокрушительную для русской армии вылазку в кампаниях 1695–1696 гг. турки произвели 15 июля 1695 г. на позиции П. Гордона (Гордон 2014, с. 376–378). Одной из причин больших по-

терь русской армии в этом эпизоде П. Гордон называет низкую боеготовность и отсутствие твердости духа стрелецких полков (Гордон 2014, с. 376). Низкий боевой дух стрельцов на тот момент отметил и Петр I, который «бранил полковников и стрельцов за неисполнение долга при вылазке и грозил им» (Гордон 2014, с. 378). Характерным эпизодом явилось нерадение и дезертирство стрельцов 18 августа 1695 г., в результате чего погибли «добрые [фейерверкеры] Доминико Росси и Джон Робертсон». Петр I организовал расследование, и на пытке стрельцы сознались в бегстве (Гордон 2014, с. 391). Неудачный подкуп, приведший к гибели многих русских, в кампании 1695 г. действительно имел место. Но подкуп этот осуществлялся дивизией А.М. Головина под руководством минера А. Вейде (Гордон 2014, с. 398–399, 577). П. Гордон отмечает, что последствия этой неудачи вызвали «великий ужас среди солдат и неприязнь к иноземцам». Были убиты 30 человек и более 100 ранены и контужены, контужены 2 полковника и один подполковник (Гордон 2014, с. 399). Зорин умышленно приписывает военную неудачу А.М. Головина Ф.Я. Лефорту и десятикратно преувеличивает потери в русском лагере. В записях П. Гордона есть упоминание также факта, что попытка в 1695 г. взять Азов привалом была предпринята дивизией А.М. Головина, но оказалась неудачной (Гордон 2014, с. 398). Это вновь свидетельствует о несостоятельности упреков Зорина в адрес Ф. Лефорта (РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12/60. Л. 53). Что же касается обвинений В. Зорина по поводу больших потерь стрельцов на приступе под Азовом и отсутствии для них обещанных наград, то необходимо сделать уточнения. Решение о первом приступе (штурм 5 августа 1695 г.) принимал Петр I вопреки мнению П. Гордона; в самых опасных местах при штурме оказались бутырские и тамбовские солдаты дивизии П. Гордона, в то время как другие полки не пытались поддержать их (Гордон 2014, с. 385, 386); награды за доблесть не оказалось оснований выдавать. Решение о втором штурме Азова 25 сентября 1695 г. также принималось Петром I (Гордон 2014, с. 395, 397). Во втором штурме стрельцы оказались «в самых нужных х крови местах», но были это стрельцы дивизии П. Гордона (Гордон 2014, с. 405–406). Отметим еще один важный факт. В кампании 1695 г. В. Зорин находился в составе дивизии П. Гордона, полагаем, в полку стольника и полковника Д.Р. Жукова. Подтверждением является упоминание В. Зориным в интитуляции «черной челобитной» своего полка как «да прежде бывшей третьей, что ныне четвертой» (РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12/60. Л. 53). Упоминание полка стольника Д.Р. Жукова в Азовском походе 1695 г. имеется у М.Ю. Романова [Романов 2004, с. 256] и в росписи полков П. Гордона (Гордон 2014, с. 347). Ссылка же Зорина на то, что стрельцы удержаны были под Азовом последними, до 3 октября, в соотношении с записями П. Гордона позволяет предполо-

жить, что Зорин находился в дивизии П. Гордона [Гордон 1690–1695, с. 409, 410]. В. Зорин многократно умышленно искажает факты, проделывая опыт демагогии, обращаясь к самым чувствительным «струнам» массового сознания – опасениям в народе засилья иностранного и ниспровержения веры. Однако в записях П. Гордона находим свидетельства предусмотрительно уважительного отношения к русской вере и культуре со стороны иноземцев. Так, второй штурм Азова в кампании 1695 г. был назначен на 25 сентября, день великого покровителя Святого Сергия. Накануне П. Гордон предложил соблюсти пост, что «было очень хорошо принято, и дано соответствующее повеление» (Гордон 2014, с. 403).

О демагогии В. Зорина ярко свидетельствует неправда, возведенная им на М.Г. Ромодановского, «приправленная» подчеркиванием «радения» стрельцов в службе царю. Зорин обвиняет М.Г. Ромодановского в том, что он якобы «велел рубить» по выходу из Торопца стрелецкие полки (РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12/60. Л. 53 об.) после того, как вышел указ великого государя распустить полки Новгородского разряда. Указ из Разрядного приказа от 28 мая 1698 г. содержал требование роспуска полков Новгородского разряда, но не касался 4 московских стрелецких полков [Соловьев 1962, с. 562–564; Буганов 1969, с. 378–380]. Полкам предписано было сменить место дислокации, а ходивших весной в Москву стрельцов правительством ссылало с семьями «на вечное житье» в малороссийские города. Стрельцы повели себя при этом агрессивно [Буганов 1969, с. 378–379]. Обвинения в адрес М.Г. Ромодановского возводились Зориным на основе слуха (Восстание... 1698, 1980, с. 65) с целью оправдать неподчинение стрельцов. Это было обвинение боярина в измене, значит, и обоснование причины восстания.

В «черной челобитной» В. Зорин указывает на якобы беспричинное «великое строхование» в Московском государстве и наглость, чинимую «московскому народу», что предполагало необходимость исполнения стрельцами функции защиты Москвы и престола. Здесь Зорин вновь искусно воспользовался слухом (Восстание... 1698, 1980, с. 257). Еще одним аргументом для похода на Москву явилось упоминание того, что идут к Москве немцы и грозит «всесовершенное благочестию испровержение» (РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12/60. Л. 53 об.). На допросе 24 июня 1698 г. Зорин признает, что разумел он привлечение на русскую службу Великим посольством большого числа иноземцев (Восстание... 1698, 1980, с. 50). Факт прибытия в Россию более 700 иностранцев имел место [Записки русских людей 1841, с. 56]. Так, используя реальные факты, домыслы и слухи, В. Зорин демагогически обосновывает необходимость стрельцам идти к Москве, выступить в защиту престола и благочестия. Этим завершается наррация.

Вопреки устоявшемуся мнению о неоконченности документа (И.И. Голиков, Н.Г. Устрялов,

С.М. Соловьев, Н.И. Костомаров, Н.Я. Аристов, М.М. Богословский, В.И. Буганов, С.П. Орленко и др.) укажем основания считать его завершенным. В «черной челобитной» конечный протокол представлен аппрекацией Аминь. В энциклопедическом словаре Ф. Брокгауза и И. Ефрона приводятся два разъяснения Аминь (др. еврейск.: воистину, да будет): 1) заключительное слово молитвы или проповеди; 2) заклинание (Брокгауз, Ефрон 2005, с. 19). Более подробное толкование Аминь находим у магистра богословия А.В. Петровского. Употребляемое в богослужении, Аминь используется трояко: как согласие и свидетельство веры говорящего; как знак желания или просьбы об исполнении просимого; если «молитва носила характер обета», то с произносимым в заключение Аминь соединялся по указанию бл. Августина смысл намерения исполнить обещанное [Петровский 1900, с. 612]. Основываясь на верификации текста, полагаем, Зорин использует Аминь в значении намерения исполнить обещанное. Текст документа соотносится с обетом. Это следует и из его преамбулы. Последнее предложение наррации «черной челобитной»: «Да нам же слышна, что идут к Москве немцы и то, знатно, последуя брадобритию и табаку, всеовершенство благочестию испровержение» (РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12/60. Л. 53 об.) предполагает необходимость исполнить обет.

Заключение

На основании предпринятого анализа выделим ряд важных моментов. В тексте документа отсутствует в какой-либо форме прошение – просьба, отсутствуют и принятые для челобитных обороты речи: «челом бьем», «смилуйтесь», «пожалуйте». Эти обязательные приметы челобитных легко обнаружить в челобитных стрельцов, поданных в период событий 1682 г. (Восстание... 1682, 1976, с. 36–39, 176–177, 225–226). В практике документооборота XVII в. стрельцы могли обращаться к вышестоящим чинам и царскому дому, помимо челобитных, со сказками. «Черная челобитная Петру I» не содержит и признаков сказки: в начальном протоколе отсутствуют общепринятые «сказал», «сказали», в конечном протоколе не упомянуто традиционное «то моя (наша) и сказка». Эти обороты речи широко используются стрельцами в документах конца XVII в., относимых в соответствии с источниковедческими классификациями безальтернативно к сказкам (Восстание... 1682, 1976, с. 157; Социальные движения... 2004, с. 136, 193).

Вышеупомянутое дает основания для пересмотра источниковедческого статуса исследуемого документа и отнесения его к виду письма. Формуляр письма предполагает немалую свободу автора. В «черной челобитной» составитель допустил ряд вольностей. Автор не указал «челом бьем», но использовал «многоскорбне и великими слезами»; отступил от традиционной формы интитуляции челобитных – вместо упоминания имен полковников перечислил номера полков; в аппрекации использовал Аминь как подтверждение намерения

исполнить обет. Результаты, полученные нами в рамках верификации, позволяют предложить более корректное название документа: письмо московских стрельцов Петру I с выражением готовности защищать православие, перечислением заслуг, жалобами на тяжесть службы и объяснением причин восстания. Подтверждением наличия в документе объяснений причин восстания являются показания В. Зорина на допросе 17 сентября 1698 г., в коих он перечисляет все статьи «черной челобитной», писанные им «к возмущению и бунту» (Восстание... 1698, 1980, с. 70–71).

Отметим, ранее нами были приведены аргументы для отнесения «черной челобитной Петру I» к публицистической жанровой форме характерного для конца XVII в. «открытого письма» [Заплетин 2017].

Источники фактического материала

Брокгауз, Ефрон 2005 – Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Современная версия. М.: ЭКСМО, 2005. 288 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book3182>.

Восстание... 1698, 1980 – Восстание московских стрельцов. 1698 г. (Материалы следственного дела): сб. докум. / сост. А.Н. Казакевич; под ред. В.И. Буганова. М.: Наука, 1980. 326 с.

Восстание... 1682, 1976 – Восстание в Москве в 1682 г.: сб. докум. / под ред. В.И. Буганова и Н.П. Савича. М.: Наука, 1976. 347 с.

Гордон 2014 – Гордон Патрик. Дневник, 1690–1695 гг. / пер. с англ. Д.Г. Федосова. М.: Наука, 2014. 620 с.

Записки русских людей 1841 – Записки русских людей. События времен Петра Великого. СПб.: Тип. И. Сахарова, 1841. 504 с.

Романов 1863 – Романов С. История о вере и челобитная о стрельцах // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. Тихонравовым: в 5 т. Т. 5. М.: Тип. Грачева и Комп., 1863. С. 111–148.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

Социальные движения в городах... 2004 – Социальные движения в городах Нижнего Поволжья в начале XVIII века: сб. док. / подгот. Н.Б. Голикова. М.: ДХ, 2004. 416 с.

Библиографический список

Аристов 1871 – Аристов Н.Я. Московские смуты в правление царевны Софьи Алексеевны. Примечания XLVI. Варшава: В тип. Варшав. учеб. окр., 1871. 314 с. URL: <http://bookre.org/reader?file=762654>.

Богословский 1946 – Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии: в 5 т. Т. 3 (1698–1699). Л.: ОГИЗ ГОСПОЛИТИЗДАТ, 1946. 502 с. Available at: http://publ.lib.ru/ARSHIVES/V/BOGOSLOVSKIY_Mihail_Mihaylovich/_Bogoslovskiy_M.M..html.

Брикнер 1882 – Брикнер А.Г. История Петра Великого: в 2 т. Т. 1. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1882. 368 с. URL: <http://kursach.com/biblio/0002000/000.htm>.

- Буганов 1969 – Буганов В.И. Московские восстания конца XVII века. М.: Наука, 1969. 440 с. URL: <http://moscowstate.ru/buganov-v-i-moskovskie-vosstaniya-kontsa-xvii-veka>.
- Голиков 1791 – Голиков И.И. Дополнение к деяниям Петра Великого: в 18 т. Т. 5. М.: Университ. тип., у В. Окорочкова, 1791. 352 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/408036>.
- Заплетин 2017 – Заплетин В.В. Об идеологической функции «открытого письма» десятника В. Зорина в событиях стрелецкого восстания 1698 г. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2017. Том 23. № 1.1. С. 15–20. URL: <https://journals.ssau.ru/index.php/hpp/article/view/5174> (дата обращения: 07.05.2019).
- Орленко 2004 – Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века. М.: ДХ, 2004. 344 с. URL: <http://bookfi.net/book/1333015>.
- Петровский 1900 – Петровский А.В. Аминь // Православная богословская энциклопедия: в 10 т. Т. 1. СПб.: Издание Петроград. Прил. к дух. журналу «Странник», 1900. С. 610–612.
- Романов 2004 – Романов М.Ю. Стрельцы московские. М.: Гос. публ. ист. библиот. России, 2004. 352 с. URL: <https://ekniga.org/istoriya/206305-strelcy-moskovskie.html>.
- Соловьев 1962 – Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Сочинения: в 15 кн. Кн. 7. (Т. 13–14). М.: Соцэкгиз, Мысль, 1962. 725 с. URL: <http://militera.lib.ru/common/solovyev1/index.html>.
- Усенко 2008 – Усенко О.Г. Спорные вопросы истории Московской «Замытни» 1682 года // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия: История. 2008. Вып. 2. № 19 (79). С. 27–45. URL: <http://olegusenko1965.narod.ru/index/0-177> (дата обращения: 7.05.2019).
- Устрялов 1858 – Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого: в 8 т. Т. 3. СПб.: Тип. II-го Отд. Собст. Е.И.В. Канцелярии, 1858. 662 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book4521/58014>.
- Brükner 1882 – Brükner A.G. *Istoriya Petra Velikogo: v 2 t. T. 1.* [Peter the Great: in 2 vols. Vol. 1]. SPb: Tip. A.S. Suvorina, 1882, 368 p. Available at: <http://kursach.com/biblio/0002000/000.htm> [in Russian].
- Buganov 1969 – Buganov V.I. *Moskovskie vosstaniya kontsa XVII veka* [Moscow uprisings of the end of the XVII century]. M.: Nauka, 1969, 440 p. Available at: <http://moscowstate.ru/buganov-v-i-moskovskie-vosstaniya-kontsa-xvii-veka> [in Russian].
- Golikov 1791 – Golikov I.I. *Dopolnenie k deyaniyam Petra Velikogo: v 18 t. T. 5* [Addition to the deeds of Peter the Great: in 18 vols. Vol. 5]. M.: Universit. tip., u V. Okorokova, 1791, 352 p. Available at: <https://www.prlib.ru/item/408036> [in Russian].
- Zapletin 2017 – Zapletin V.V. *Ob ideologicheskoy funktsii otkrytogo pisma desyatnika V. Zorina v sobyitiyakh streletskogo vosstaniya 1698 g.* [On ideological function of the «open letter» of the sergeant V. Zorin in the events of Streltsy Uprising of 1698]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2017, Vol. 23, no. 1.1, pp. 15–20. Available at: <https://journals.ssau.ru/index.php/hpp/article/view/5174> (accessed: 07.05.2019) [in Russian].
- Orlenko 2004 – Orlenko S.P. *Vykhodtsy iz Zapadnoi Evropy v Rossii XVII veka* [Natives of Western Europe in the Russia of XVII century]. M.: DKh, 2004, 344 p. Available at: <http://bookfi.net/book/1333015> [in Russian].
- Petrovsky 1900 – Petrovsky A.V. *Amin'* [Amen]. In: *Pravoslavnaya bogoslovskaya entsiklopediya: v 10 t. T. 1* [Orthodox Theological Encyclopedia: in 10 vols. Vol. 1]. SPb.: Izdanie Petrograd. Pril. k dukh. zhurnalu «Strannik», 1900, pp. 610–612 [in Russian].
- Romanov 2004 – Romanov M.Ju. *Strel'tsy moskovskie* [Moscow Streltsy]. M.: Gos. publ. ist. bibl. Rossii, 2004, 352 p. Available at: <https://ekniga.org/istoriya/206305-strelcy-moskovskie.html> [in Russian].
- Solovyov 1962 – Solovyov S.M. *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen. Sochineniya: v 15 kn. Kn. 7 (T. 13–14)* [History of Russia from ancient times. Works. In 15 books. Book 7 (Vols. 13–14)]. M.: Sotsekgiz, Mysl', 1962, 725 p. Available at: <http://militera.lib.ru/common/solovyev1/index.html> [in Russian].
- Usenko 2008 – Usenko O.G. *Spornye voprosy istorii Moskovskoi «Zamyatni» 1682 goda* [Debatable questions of a history of the «Zamyatnya» in Moscow in 1682]. *Vestnik Tverskogo universiteta* [Herald of Tver State University. Series: History], 2008, Issue 2, no. 19 (79), pp. 27–45. Available at: <http://olegusenko1965.narod.ru/index/0-177> (accessed: 7.05.2019) [in Russian].
- Ustryalov 1858 – Ustryalov N.G. *Istoriya tsarstvovaniya Petra Velikogo: v 8 t. T. 3* [The history of the reign of Peter the Great: in 8 vols. Vol. 3]. SPb.: Tip.II-go Otd. Sobst. E.I.V. Kantselyarii, 1858, 662 p. Available at: <https://runivers.ru/lib/book4521/58014> [in Russian].

References

- Aristov 1871 – Aristov N.Ya. *Moskovskie smuty v pravlenie tsarevny Sof'i Alekseevny. Primechaniya XLVI* [Moscow rebellions under the rule of Princess Sofia Alekseevna. Notes XLVI]. Warsaw: V tip. Varshav. ucheb. okr., 1871, 314 p. Available at: <http://bookre.org/reader?file=762654> [in Russian].
- Bogoslovskiy 1946 – Bogoslovskiy M.M. *Petr I. Materialy dlya biografii: v 5 t. T. 3 (1698–1699)* [Peter the Great. Materials for Biography: in 5 vols. Vol. 3 (1698–1699)]. L.: OGIZ GOSPOLITIZDAT, 1946, 502 p. Available at: http://publ.lib.ru/ARSHIVES/B/BOGOSLOVSKIY_Mihail_Mihaylovich_Bogoslovskiy_M.M..html [in Russian].

А.В. Кутищев

**ВОЕННЫЕ ПОХОДЫ XVII–XVIII ВВ. В РАКУРСЕ
КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ САМОБЫТНОСТИ РОССИИ**

© Кутищев Александр Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, кафедра философии и истории, Уральский государственный университет путей сообщения, 630034, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, 66.

E-mail: kutishhev@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6921-3344>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена военной истории периода позднего феодализма. В центре исследования – марши, перемещения и передислокации войск. Эта обыденная и вместе с тем неотъемлемая сторона любой войны в исследовании приобретает несколько необычное для военно-исторической науки освещение. Традиционные взгляды – в военно-политическом или утилитарно-профессиональном ракурсе – остаются за рамками настоящей статьи. Исследование явлений и фактов походно-полевой реальности, объяснение причинно-следственных связей в военной среде, попытки постигнуть смысл войн и военного дела осуществляются с позиции культурно-цивилизационного подхода. Из методического инструментария автор в большей степени опирается на сравнительный анализ, систематизацию и сопоставление основных маршевых показателей в ходе Великой Северной войны (1700–1721 гг.) и Войны за испанское наследство (1701–1714 гг.).

Исследование военных походов основано на обширной и разносторонней историографической базе, представленной архивными материалами, отечественными и иностранными источниками, мемуарами очевидцев событий, перепиской и корреспонденцией непосредственных участников, описаниями войн и походов и т. д. В статье анализируются военные кампании русской армии Алексея Михайловича и Петра Великого, войск Карла XII, Людовика XIV, Евгения Савойского, Дж. Мальборо. Протяженность коммуникаций, погодно-климатические особенности, социально-экономическая инфраструктура, состояние дорог и другие маршевые факторы рассматриваются через призму цивилизационной рефлексии. Как результат складывается отношение к общему и особенному в походно-полевой обыденности войск как к специфическому проявлению самобытности разных культур и цивилизаций. Оно отражается в многообразии форм и образов: в готовности к преодолению трудностей полевой жизни, в суровости или относительном комфорте условий службы, в степени обеспеченности, в настроениях солдатской массы. Формируется особенный культурно-ментальный климат внутри военного социума. В конечном счете военная сфера, являясь производной от культурного, исторического, этнического многообразия, помогает познать смыслообразующие характеристики цивилизации, роль культур и обществ в развязывании войн, в стремлении к миру, их отношение к добру и злу, к месту человека в этом мире.

Ключевые слова: военная история, военный поход, марш-маневр, Великая Северная война (1700–1721 гг.), Война за испанское наследство (1701–1714 гг.), маршевые показатели, культурная самобытность.

Цитирование. Кутищев А.В. Военные походы XVII–XVIII вв. в ракурсе культурно-цивилизационной самобытности России // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 3. С. 23–34. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-3-23-34>.

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-3-23-34

Submitted: 10/IV/2019

UDC 9; 93:930.85

Accepted: 25/VI/2019

A.V. Kutishchev

MILITARY EXPEDITIONS OF THE XVII–XVIII CENTURIES IN THE PERSPECTIVE OF CULTURAL AND CIVILIZATIONAL IDENTITY OF RUSSIA

© Kutishchev Alexandr Vasilyevich – Candidate of Historical Sciences, assistant professor, Department of Philosophy and History, Ural State University of Railway Transport, 66, Kolmogorova Street, Ekaterinburg, 630034, Russian Federation.

E-mail: kutishhev@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6921-3344>

ABSTRACT

The article is devoted to the military history of the late feudal period. The focus of research: marches, relocation and redeployment of troops. This mundane and, at the same time, integral part of any war in the study receives some unusual lighting for military history. The traditional view – in the military-political or utilitarian-professional perspective – remain outside the scope of this article. The study of phenomena and facts of field-marching reality, the explanation of causal relationships in the military environment, attempts to comprehend the meaning of wars and military affairs are carried out from the perspective of a cultural and civilizational approach. From the methodological toolkit, preference is given to comparative analysis, systematization and comparison of the main march indicators during the Great Northern War (1700–1721) and the War of the Spanish Succession (1701–1714).

The study is based on an extensive and diverse historiographic base, presented by archival materials, domestic and foreign sources, memoirs of eyewitnesses, correspondence of direct participants, descriptions of wars and campaigns, etc. The military campaigns of the Russian army of Alexei Mikhailovich and Peter the Great, the troops of Charles XII, Louis XIV, Evgeny of Savoy, Marlborough are analyzed. The length of communications, weather and climatic features, socio-economic infrastructure, state of communications and other marching factors are viewed through the prism of civilization reflection. Military progress, striving for unification, penetrates into the original cultural and civilizational environment, resulting in a common and particular in the field routine of the troops. It is reflected in the diversity of displays: in readiness to overcome difficulties of field life, in severity or comfort of conditions of service, in degree of well-being and deprivation, in moods of the soldiers' masses. A special cultural and mental climate within a military society was formed. Ultimately, the military sphere, being a reflex of a rich cultural, historical, ethnic diversity, helps to realize semantic characteristics of civilization, role of cultures and societies in initiating wars, in pursuit of peace, their attitude to good and evil, to place of man in this world.

Key words: military history, military campaign, maneuver march, Great Northern War (1700–1721), War of the Spanish Succession (1701–1714), marching indicators, cultural identity.

Citation. Kutishchev A.V. *Voennye pokhody XVII–XVIII vv. v rakurse kul'turno-tsivilizatsionnoi samobytnosti Rossii* [Military expeditions of the XVII–XVIII centuries in the perspective of cultural and civilizational identity of Russia]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 3, pp. 23–34. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-3-23-34> [in Russian].

Введение

Военная история России эпохи позднего феодализма всегда пользовалась особым вниманием как профессиональных исследователей, так и простых любителей истории. Интерес к военно-исторической проблематике не спадает и в настоящее время, стимулируя свежие исследовательские подходы, оригинальные оценки и передовые методики. Сфера научного поиска расширяется, включая в свою орбиту ранее не освещенные или так называемые «периферийные» темы. Так, например, рутинной стороной военного дела в исторической науке долгое время считалась организация походов, передислокаций и перемещения войск. Эта сфера не вызывала такого живого интереса, как, например, грандиозные военные операции, гром-

кие победы и достижения, и была скромнее представлена в военной историографии. Восполнить в некоторой степени эти пробелы и призвано настоящее исследование, посвященное подготовке и проведению военных походов российской и западноевропейских армий рубежа XVII–XVIII веков.

Историография

Сведения о походах западноевропейских армий XVII–XVIII веков почерпнуты из обширной мемуарной литературы. Воспоминания А. Сен-Симона, Евгения Савойского, С. Вобана, А. Сен-Илера, военная корреспонденция Дж. Мальборо, К.-Л. Виллара, Ч. Петерсборо предоставляют богатый фактологический материал об организации и осуществлении перемещений, маршей, маневрировании

войск. В статье нашли отражение взгляды на военное дело рассматриваемой эпохи таких современных авторов, как Дж. Линн, М. Юнкельман, А. Корвисье¹.

Военные походы русской армии основываются на военной переписке Алексея Михайловича и Петра Великого, мемуарах и воспоминаниях, журналах и дневниках участников войн России рассматриваемой эпохи. Подготовка и обеспечение военных кампаний исследовались на основании таких исторических сборников, как «Дворцовые разряды», Акты московского государства, «Дополнения к актам историческим...», Постановлений Правительствующего Сената².

Влияние погодно-климатических и географических условий на военные походы, марши, передвижения

История походов давно ушедшей эпохи интересна не столько своей военно-утилитарной, сколько ментальной, культурно-нравственной стороной. Для этого исследование акцентирует внимание на походно-полевой обыденности, которая являлась реальным делом рядовых солдат и офицеров. Большую часть времени войн и военных кампаний войска проводили в походах или полевых лагерях. Суровые реалии походно-полевой жизни, а не надуманный пафос сражений определяли ментальность и нравственность военного социума и в конечном счете влияли на культурную атмосферу общества и эпохи в целом. Исследование военных походов является вкладом в изучение многогранной культурной палитры эпохи, самобытных нравов русского народа, его близких и дальних соседей.

В XVI–XVII вв. военное дело переживало поистине революционные изменения. Они в немалой степени коснулись и организации передвижений войск. Совершенствовалось военное управление, усиливался контроль над подготовкой и осуществлением маршей, повышались требования к всестороннему обеспечению походов, к инженерной разведке дорог и местности, к ремонту переправ и мостов, к подготовке маршрутов, этапов,

мест стоянок и привалов. Условия марша во многом зависели от природно-географических, климатических характеристик, а также инфраструктуры местности. В Европе в XVII–XVIII веков основными театрами боевых действий являлись Нидерланды, Северная Италия, а также районы по среднему и нижнему течению Рейна. Они имели довольно развитую для той эпохи инфраструктуру, густую сеть водных и сухопутных коммуникаций. Некоторым исключением являлись плоскогорье Вогезов, горные массивы Шварцвальда и предгорья Альп, представлявшие некоторую трудность в передвижении и свободном маневрировании войск [Голицын 1875, с. 178].

Важно отметить, что дорожная сеть Западной Европы в это время значительно расширилась, движение на дорогах становилось регулярным и интенсивным. Так, в Париже начинались 11 трактов, соединявших столицу с крупнейшими городами страны и за границы. В середине XVII в. Париж имел уже регулярное пассажирское сообщение с 43 городами Франции. Увеличились и скорости передвижения. Так, курьеры Филиппа II достигали Брюсселя за две недели, венецианская курьерская служба доставляла письма из Италии в Брюссель со средней скоростью 130–140 км в день, т. е. за 5–6 дней. В 1674 г. от Эксетера до Лондона можно было добраться за 8–12 дней, в 1660 г. от Лиона до Парижа – за 10 суток [Логинова 2013].

Что касается России, то ее определяющей чертой оставались несопоставимые с Европой расстояния и огромные дикие глухие пространства, через которые пролегли редкие, как правило, низкого качества дороги. Русская бескрайность, слабо освоенная и малозаселенная, была причиной экономического отставания России от стран Запада. Это непосредственно проявлялось в продолжительности поездок. От литовской границы до Москвы в 1603 году ганзейское посольство добиралось почти месяц. Чтобы достичь Смоленска в 1655 году, русскому войску понадобилось две недели. Примерно 15–17 дней занимал путь от Санкт-Петербурга до Москвы. Более месяца армия Петра Великого мар-

¹ См. Mémoires du Maréchal Villars // Collections des Mémoires relatifs Histoire de France: en 72 vol. P.: Libraire de la Société de l'Histoire de France, 1828. Т. LXIX. 496 p.; Mémoires de Saint-Hilaire: en 6 vol. / edit. par Leon Lecestre. P., 1912; Mémoires militaires de Vauban. P., 1847. 205 p.; Letters from the Earl Peterborough to General Stanhope in Spain. L.: Printed by W. Clowes, 1834. 60 p.; Letters and Dispatches of John Churchill, duke of Marlborough: in 5 vol. / ed. by John Murray. L.: Albemarle-street, 1845; Feldzuge des Prinzen Eugen von Savoyen: in 12 Bänden. Wien: Verlag des K.K. Generalstabes, 1876–1889; Corvisier A. Armies and societies in Europe. 1494–1789. Bloomington; L.: Indiana university press, 1979. 208 p.; Corvisier A. Louvois. P.: Librairie Arthème Fayard, 1983. 558 p.; Junkelmann M. Kurfürst Max Emanuel von Bayern als Feldherr. München: Herbert Utz Verlag – Wissenschaft, 1979. 593 s.

² Российский государственный архив древних актов. Ф. 9. Отд. I-II; Акты исторические: в 5 т. СПб., 1841–1842; Архив Московского государства: в 3 т. / под ред. Н.А. Попова. СПб., 1890; Письма и бумаги императора Петра Великого: в 13 т. М.; СПб., 1880–2003; Письма Петру Великому от Б.П. Шереметева: в 4 ч. М.: Тип. МУ, 1778; Военно-походный журнал генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева // Материалы Военно-ученого архива Главного штаба: в 3 ч. СПб., 1871; Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого: в 6 т. СПб.: Тип. АН, 1880–1901; История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого): в 2 вып. / сост. Т.С. Майкова. М.: Кругъ, 2004; Гордон П. Дневник, 1684–1689. М.: Наука, 2009. 354 с.; Сочинения царя Алексея Михайловича // Московия и Европа / сост. А. Либерман, С. Шокарев. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. С. 491–547.

шировала до Нарвы в 1700 году (РГАДА. Отд. II. Кн. 1. Л. 473–474, 477–478; Журнал или подневная записка..., с. 203; АМГ ч. II, с. 400); [Проезжая по Московии..., с. 186–192)]. Бескрайность российских пространств выглядит особенно впечатляющей при сравнении расстояний, пройденных российскими и западноевропейскими войсками. Действительно протяженность «русского похода» не идет ни в какое сравнение со скромными европейскими показателями. Прутский поход 1711 года Рига – Молдавия – Украина составил около 1800 км. В 1712 году войска А.Н. Репнина из района Смоленска в Померанию прошагали более 2000 км. В Финляндии в 1713 г. и в 1714 г. русские войска проходили по 600–800 км ежегодно. Приведенные в таблице 1 данные позволяют сопоставить «русский поход» с «европейским маршем» на примере некоторых операций Великой Северной войны (1700–1721 гг.) и Войны за испанское наследство (1701–1714 гг.). Цифры говорят сами за себя.

В западноевропейской военной истории дальние походы являлись редким исключением. Сказывались скромные по сравнению с российскими масштабы основных европейских театров войны. Например, протяженность Нидерландов, арены ожесточенной борьбы между Францией и коалициями европейских стран, от побережья Северного моря до границ Люксембурга составляла всего 273 км. Часто противников разделяли только река или водный канал. В 1692 году солдаты Вильгельма III, вышедшие к Шельде у Гавра, могли окинуть взглядом чуть ли не всю страну: «Перед нами лежала почти вся Фландрия, с одной стороны Шельды – прекрасный вид всей провинции вплоть до холмов Брабанта, видневшихся вдаль. Непосредственно перед нами лежал Оуденарде, левее раскинулась холмистая равнина Турнэ, и вся Нижняя Фландрия была как на ладони, были видны даже Брюгге и Антверпен» [Childs 1991, p. 31].

Каждый европейский более-менее протяженный поход рассматривался как достижение военного искусства, предмет национальной гордости и пристального изучения военными и историками. Беспримерным подвигом считается марш Евгения Савойского 1706 года, завершившийся полным разгромом французов под Турином. Дальность составляла 415 км. Своим впоследствии знаменитый маршманевр из Нидерландов к Дунаю Мальборо вообще готовил в глубокой тайне от своего правительства, иначе его бы просто запретили. Из-за своей дальности, более 400 км, многим он казался настоящей авантюрой. Выдающейся по дальности считалась Тулонская экспедиция 1707 года. На этот раз войска Евгения Савойского преодолели около 130 км.

По данным, представленным в таблице 2, можно сравнить расстояния, пройденные русскими солдатами, а также солдатами некоторых немецких полков. Для сопоставления взят только 1706 год, время наиболее активных военных действий между армиями Людовика XIV и антифранцузской коалиции. На русско-шведском театре, наоборот, особой боевой интенсивности не наблюдалось. Приведенные данные показывают, что по дальности передвижений один только отвод русских войск из Гродно на Украину значительно превышал пик активных боевых действий между армиями Людовика XIV и Великого Альянса.

Военные походы и морально-психологический облик солдат и офицеров

И все же сама по себе представленная статистика не передает полной картины испытаний, выпадавших на долю солдат и офицеров во время трудных, изматывающих силы переходов. Выраженная в сухих цифрах протяженность вряд ли может адекватно передать крайнее напряжение сил, усилия воли, смертельную усталость. «Русский поход» пре-

Таблица 1

Некоторые маршевые показатели российской армии и западноевропейских войск в начале XVIII века

(Гистория Свейской войны... 2004, с. 203; РГАДА. Отд. II. Кн. 1. Л. 163, 166–167, 473–474, 477–478; Feldzuge... 1876–1889, В. IV, S. 539; Churchill 1956, p. 289)

Поход	Маршрут	Дата	Расстояние (в км)
Поход дивизии Бутурлина	Москва – Нарва	22.08–23.09 1700 г.	835
Поход дивизии А.М. Головина	Москва – Нарва	29.08–14.10 1700 г.	835
Поход дивизии И.Ю.Трубецкого.	Новгород – Нарва	01–09.09 1700 г.	280
Поход дивизии Репнина	Москва – Новгород	03.10 1700 г.	530
Поход казаков Искры и Обидовского (10,5 тыс.)	Батурин – Смоленск – Псков	Сентябрь–октябрь 1700 г.	1000
Сосредоточение армии антифранцузской коалиции к Кайзерверту	Везель – Дуйсбург – Кайзерверт	08–04.04 1702 г.	50
	Мюльхейм – Кайзерверт	05–16.04 1702 г.	50
Наступление армии Буффлера в Гельдерланд	Дист – Нимвеген – Женепп	15.04–03.07 1702 г.	275
Марш-маневр Мальборо в Пире	Граве – Лилль – Сен-Хьюбер	26–31.07 1702 г.	134

Таблица 2

Расстояния, пройденные некоторыми русскими полками, а также немецкими полками на английской и имперской службе в 1706 году
[Бобровский 1904. Т. 2; Дирин 1888. Т. 1; Schmenke 1862; Golberg 2004]

Преображенский полк	Расстояние	Семеновский полк	Расстояние	Полк Бенкендорфа (Ганновер) на английской службе	Расстояние	Полк Саксен – Мейнинген (Пфальц) на имперской службе	Расстояние
Февраль 1 бтн. Москва – Орша – Минск – Гомель	1015	Март Гродно – Тикоцы	110	Май Бильзен – Рамиллы (участие в битве при Рамиллы) – Левен – Алост – Мерлебек	175	Понте – Сен-Марко – Реджио	160
Март 2,3,4 бтн. Гродно – Тикоцын – Брест – Гомель	950	Апрель-июнь Тикоцын – Брест – Ковель – Гомель	850	Июнь Мерлебек – Остенде (участие в осаде) – Дендермонд (участие в осаде).	235	Реджио – Турин (участие в битве под Туринном)	280
Июнь-июль Гомель – Киев	260	Июнь-июль Гомель – Киев	260	Июль Брюссель – Алост – Хельчин (лагерь)	110	Турин – Тортона (осада Тортоны)	115
Сентябрь-октябрь. Киев – Могилев	440	Киев – Житомир	150	Сентябрь-октябрь Хельчин – Граммон-Аг (участие в осаде) – Хисленгем	50	Тортона – Павия (осада Павии)	65
				Ноябрь Сен-Квентин – Дист (зимние квартиры)	120	Павия – Казале (осада Казале)	75
Итого	2760	Итого	1370	Итого	690	Казале – Тортона (зимние квартиры)	250
				Итого	Итого	Итого	945

восходил «европейский марш» не только по дальности и продолжительности. Он был реальным испытанием для солдат и офицеров, предъявляя к людям высокие требования, проверяя их на стойкость, мужество, выдержку. Царь Алексей Михайлович сообщал в Москву о переходе Смоленск – Орша в ходе кампании 1655 года: «...наехали мы на речки и грязи многия, топкия, где довелось мосты мостить, а в иных местах гати гатить...» (АМГ, ч. II, с. 410). Поход русских полков 1703 года в Ингрии проходил в неимоверно трудных условиях весенней оттепели, о чем докладывал царю генерал Чамберс: «А дорогою идя, нам зело трудно, потому что вода и грязь великия»; войскам пришлось перебираться через болота и разлившиеся реки, иногда – даже на плотках, ими же сооруженных [Бобровский 1904, с. 48]. После покорения Ниеншанца Семеновский полк возвращался в Москву глубокой осенью. 17 дней под дождем и мокрым снегом семеновцы преодолевали осеннюю распутицу и бездорожье. 120 больных были оставлены по пути в Новгороде и Ладогге [Карцов 1852, с. 59].

В условиях распутицы отступала русская армия из Гродно на Украину в 1706 году. Весь край до горизонта был покрыт вешними водами. Через Полесье солдаты брели по колено в воде [Дирин 1888, с. 74].

28.09.1708 Шереметев докладывает Петру из района Рославля: «...в такие пришли лесные места к Рославлю, что кампироваться (разбивать лагерь. — А. К.) будет невозможно войскам, только принуждены будем на тракте стоять»; из района д. Сали: «Я со своей дивизией от Рославля за 2 дня отошел на 55 верст... великие трудности за лесными местами... через нынешние дожди путь зело труден»; 25.02.1709 Шереметев – Петру о переходе Лохвицы – Миргород: «...имел немалую трудность, понеже Сулла и прочие реки разлились зело велики...» [Письма к Петру Великому... 1779, ч. II, с. 63, 71, 125].

В феврале 1709 года генерал Г. Гольц – Петру о переходе Киев – Нежин: «...велик снег зело препятствовал...понеже инфантерия непрестанно по колено в снега маршировать принуждена и тем зело умедляетца» (РГАДА. Отд. II. Кн. 9. Л. 242). В марте 1710 г. русские войска выступили в «самый ужасный мороз, какие бывают только в России... всякая другая европейская армия, наверное, погибла бы при подобном переходе» [Записки Юста Юля... 1892. Кн. 2. С. 326].

Действительно, не всякий солдат мог выдержать условия «русского похода». Польская армия, отступавшая от Десны к Могилеву зимой 1664 года, почти полностью полегла в этих местах. Антуан Де Грамон, участник похода, вспоминал: «Страдания наши были невообразимы, и что мы принуждены были проделать наш путь, на протяжении более 60 лье, в снегах, через лесную чашу, где не проходил никто, кроме диких кошек. Мы думали, что погибнем все, и король спасся с большим трудом. Этот ужасный марш мы вынесли две неде-

ли... Полки в 800–900 человек пришли самое большее в составе 60–80, и в истории истекших веков нет ничего, что можно бы было сравнить с состоянием такого разгрома» [Граммон Антуан]. Спустя полвека этими глухими местами проследует армия Карла XII. Измотанная, уставшая, обессиленная от болезней, голода, холода, под непрекращающимися атаками русских, она закончит свой бесславный путь под стенами Полтавы. Можно продолжить печальный список стратегов, покрывших себя славой на западных военных театрах, но оказавшихся бессильными против восточноевропейских просторов. Суровые условия «русского похода», наверное, мог выдержать только наш солдат, для которого первозданные просторы были естественной средой обитания. Он стойко переносил и весеннее половодье, и осеннюю распутицу, и зимнюю стужу, и летний зной. Он жил в гармонии с этой суровой природой, став ее неотъемлемой частью, с молоком матери впитав в себя скромность желаний, неприхотливость запросов, стойкость и долготерпение.

Будем справедливы, и в европейских армиях судьба рядового была незавидна. На его долю также выпадало немало трудностей и невзгод. И европейский солдат с честью выполнял свой долг, переносил тяготы дальних походов и трудных кампаний. Солдаты Мальборо заслужили честь считаться лучшими в Европе, мушкетеры Евгения Савойского проявляли чудеса стойкости и мужества в войнах с турками и французами. Их славу оспаривали суровые воины Карла XII. И все же то, что на Востоке являлось обыденной повседневностью, на Западе воспринималось как выдающееся событие. Тем более что в европейских войнах все заметнее становится отказ от решительности, от волевых усилий и крайней мобилизации сил в пользу комфорта и даже роскоши [Развитие транспорта...]. Сама эпоха Людовика XIV была веком изысканных вкусов и утонченных манер, и война не была исключением из этих правил. И наоборот, признаком дурного вкуса считался аскетизм, неприхотливость. Англичане, французы, немцы привыкли не отказывать себе ни в чем, воевать легко и непринужденно. Движения европейских армий становятся неторопливыми и осторожными, с оглядкой назад, с длительными остановками для устроительства тыла и проведения фуражировок. В 1692 г. французская армия отправилась в поход из Монса к Энгьену. До цели было всего лишь 30 км, но и их армия не смогла преодолеть. Остановившись на полпути, в Суаньи, французы три недели ждали конвоя с продовольствием. Не дождавшись, французы повернули восвояси [Дельбрюк 2001, ч. III, с. 152]. В походе 1694 года в Германии французская «армия продолжала марш, делая при этом долгие привалы. Маршал де Лорж... расположился лагерем на равнине. Там, блюдя величайшие предосторожности, он оставался целую неделю, пока не истощились хлебные магазины в Филипсбурге и не был съеден весь фураж в этой маленькой стра-

не, после чего он отвел свою армию к Рейну». Участник кампании, герцог Сен-Симон, вспоминал: «Наша кампания в Германии завершилась весьма спокойно. Сорок дней мы прожили в Гау-Бёкельхайме, наилучшем и наиприятнейшем лагере, какой только может быть, и при прекрасной погоде, хотя потом она начала поворачивать на холод...» В целом «комфортно» проходила война за испанское наследство (1701–1714 гг.). Знаменитый маршманевр Дж. Мальборо на Дунай 1704 года проходил буквально в «тепличных» условиях. Удобные дороги, дружественное население, развитая инфраструктура, подвоз продовольствия – все было заранее учтено. На привалах «солдатам оставалось только раскинуть палатки, вскипятить чайники и ложиться отдыхать» [Сен-Симон, с. 17; Chandler 1968, р. 31].

Важным критерием похода было обеспечение войск на маршруте всем необходимым: продовольствием, фуражом, отдыхом. Этому в европейских армиях уделялось особое внимание. Передвижения организовывались с опорой на инфраструктуру и сеть дорог. Маршруты были разбиты на этапы, составлявшие, как правило, до 20–30 км в сутки, определены места ночлега, а также дневного отдыха. Солдаты ночевали в придорожных поселках и деревнях. В районах военных действий войска останавливались на отдых в оборудованных полевых лагерях. Европейский солдат перед походом, как правило, обеспечивался свежесдобытым хлебом на 3–4 дня [Perjes 1970, р. 28–29; Hochedlinger 2003, р. 133–134]. Так, французский солдат обычно нес в ранце 3-дневный запас хлеба [Linn 2008, р. 120]. Австрийский солдат только в экстренных случаях, как, например, в 1707 году во время перехода через Альпы, имел при себе четырехдневный запас хлеба [Feldzuge... 1886–1889, В. IX, S. 47]. По мере исчерпания запасы продовольствия постоянно пополнялись из тыловых магазинов, поэтому за европейской армией выстраивалась слож-

ная логистическая система, снабжавшая ее всем необходимым.

Такое «правильное» снабжение на бескрайних русских просторах наладить было практически невозможно. В начале XIX века Клаузевиц подсчитал, что без предварительных запасов армия может содержаться на местности с плотностью населения не менее 35 человек на км² [Kankrin 1822, В. 2, S. 311].

Статистика, приведенная в таблице 3, позволяет сравнить соответствие европейских стран в XVII–XVIII вв. этим стандартам. Судя по данным, плотность населения в России не могла обеспечить более-менее сносное содержание действующей армии. Не в пользу России был и такой важный фактор, как плотность населенных пунктов. По таблице 4 можно сравнить количество населенных пунктов на основных маршрутах передвижения войск в ходе Войны за испанское наследство (1701–1714 гг.) и Великой Северной войны (1700–1721 гг.). Из приведенных данных видно, что европейские армии, как правило, оперировали в густо населенных районах. Особенно это было характерно для бассейнов среднего Рейна и Мозеля, для Фландрии и Брабанта. В случае нарушения централизованных поставок можно было какое-то время рассчитывать на запасы местного населения. Солдатам в непогоду можно было найти приют под крышей, на ночь согреться у крестьянского очага, приготовить в тепле нехитрый ужин. Русской армии, месяцами действовавшей в глухих и пустынных местах, приходилось полагаться только на себя.

Особенности обеспечения российских и западно-европейских войск в ходе совершения марша

Европейская логистика, придуманная кабинетными стратегами для Фландрии и Брабанта, на русских пространствах и в бездорожье не функционировала. Поэтому, отправляясь в поход, армия запасалась продовольствием и фуражом на весь пе-

Таблица 3

Плотность населения в XVII–XVIII вв.

[Perjes 1970, р. 28–29]

№ п/п	Страна	Время	Плотность населения (человек на кв. км)
1	Турция	1700	5
2	Венгрия	1700	16–18
3	Россия	1700	6
4	Польша	1700	8
5	Померания	1720	9
6	Испания	1700	16
7	Вюртемберг	1660	24
8	Гессен	1669	25
9	Саксония	1700	31
10	Австрия	1754	34
11	Англия и Уэльс	1700	34
12	Франция	1700	39
13	Бельгия	1700	50
14	Ломбардия	1700	55

Таблица 4

Плотность населенных пунктов на маршрутах перемещения войск в ходе Великой Северной войны (1700–1721 гг.) и в ходе Войны за испанское наследство (1701–1714 гг.)
[Окрестности Петербурга... а, б; Memory of the Netherlands... а, в]

№ п/п	Район	Отрезок (в км)	Количество деревень, мыз, замков (шт.)	В среднем на один насел. пункт (в км)
Ингерманландия				
1	Шлотбург – Копорье	30–35	8	4,4
2	Ивангород – Ямбург	22–23	2	11–12
3	Новая Ладога – Шлиссельбург	90	8–9	10–11
4	Ниен – Ямбург	135	30	4–5
Литва				
6	Минск – Могилев	200	8	25
7	Минск – Быхов	220	4	55
Фландрия, Брабант				
8	Гент – Ауденарде	28	11	2,5
9	Гент – Брюгге	57	20	2,8
10	Брюссель – Левен	33	9	3,6
11	Брюссель – Халле	22	9	2,4
12	Хале – Брен-л'Алюд	15	7	2,1
Мозель				
13	Кобленц – Трарбах	90	39	2,3
14	Трарбах – Треве	70	30	2,3

риод марша. В 1703 году перед походом из Новгорода к Ниеншанцу войска получили «хлебного запаса» на 2 недели [Бобровский 1904, с. 308]. 12 октября 1707 Петр указывал Н.И. Репнину о подготовке войск к зимнему походу: «...чтоб сухарей на всю армию (мяса сухого, масла для больных, на месяц всегда на подводах было для похода готово, також фураж для лошадей)» (Письма и бумаги... 1880–2003, т. VI, № 2035). В 1709 году Б.П. Шереметев указывал командирам: «Итить с полками под добрым ордером... А провианту взять в путь на месяц, дабы... обывателей тамошних не тяготить» (РГАДА. Отд. II. Кн. 10. С. 260). В 1711 году Смоленскому полку «дано было провианту для походу... сухарями на месяц от Риги и оного провианту стало до Ковни без нужды» [Карпущенко 1994]. В мае 1711 г. Преображенский и Семеновский полки запаслись «из Полонного провиантом солдатам на 4 недели», которого должно было им хватить до Днестра. В поход в Финляндию 1712 года армия везла с собой 1,5-месячный запас муки и месячный запас сухарей [Бобровский 1904. Прил. к Т. 2. С. 38; Мышлаевский 1896, с. 108]. Наши противники, шведы, также не надеялись на местные ресурсы. Весной 1708 года Карл XII, выступив из Минска в «русский поход», запасся продовольствием без малого на 3 месяца.

Нет ничего удивительного в том, что русские армии сопровождалась огромными тыловыми обозами. В походе 1700 года за полками Петра I следовало 10 тыс. подвод «в полках солдатских и под казну» и почти 3,5 тыс. подвод под артиллерийский парк (Письма и бумаги... 1880–2003, т. 1, с. 823–824). От военной корреспонденции этого периода веет серьезными опасениями за успех всей

операции. И главная угроза исходит от острой нехватки перевозочных средств. Действительно, от наличия лошадей, подвод, телег зависело очень многое, если не все. 7 сентября 1700 года Ф.А. Головин – Петру: «Опасуюсь, чтоб не задержали нас подводы в Новгороде», 8 сентября: «Истинно, Государь, не знаю, что делать в подводах...»; 13 сентября: «...подводы взяты (из артиллерийского парка. – А.К.) и отданы в солдатские полки... (иначе. – А.К.), то солдатским полкам бы не на чем идти...»; 19 сентября из Новгорода он же – Петру: «Вейде выступил 19 сентября. По отпуске его не осталось ни одной подводы...» [Бобровский 1904, с. 10]. Не менее драматично проходил марш на Ниеншанц весной 1703 года. По сообщению А.И. Репнина, все подводы, около 800 штук, были отданы в элитные гвардейские полки. Солдатскую пехоту пришлось отправлять пешком «с котомками, а подвод им не дано для того, что борзе нет» [Бобровский 1904, с. 38].

Огромное количество телег и саней, тянувшихся за маршевыми колоннами, являлись объектом постоянной критики иноземных военных. Генералы Огильви, Алларт и др. часто указывали на это Петру [Устрялов 1856, т. IV, ч. II, с. 322–323]. Да и сам царь-реформатор понимал необходимость реорганизации тыла. В 1706 году количество полкового обоза было ограничено 37 повозками. Но, кажется, это распоряжение так и осталось на бумаге, так как и впоследствии обозы русской армии были весьма впечатляющими. Ф.М. Апраксин, готовясь в поход в Финляндию в 1713 году, требовал от Сената поставить ему 6 тыс. подвод. Удалось собрать только 3 тыс. [Мышлаевский 1896, с. 143–144].

Командование с пониманием относилось к запасливости и рачительности солдат. Это было вполне объяснимо. Русский «служилый человек», отправляясь в поход надолго, готовился основательно, чтобы обеспечить себе хотя бы минимальный комфорт в суровых условиях. Все необходимое для полевой жизни он брал с собой: необходимый запас провизии и фуража для лошадей, полевую постель, личные вещи и нехитрый скарб – без всего этого трудно было выжить в дикой пустынной глуши или в разоренной стране. «...Каждый солдат, имевший какое-либо состояние (а таких было весьма много), шел при своей повозке и заботился о ней больше, нежели о том, чтобы не отставать от своего полка» [Карцов 1852, с. 68].

В европейской военной практике тема подготовки гужевого транспорта и обеспечения тылового обоза не была столь актуальной и болезненной. В этом не было такой острой необходимости. Комфортные условия европейских театров войны, относительная близость жизненно важных пунктов, сносные дороги и развитая инфраструктура значительно облегчали тыловое обеспечение действующих армий. Для сравнения, Дж. Мальборо в своем знаменитом походе на Дунай 1704 года обошелся всего 1700 повозками. На каждый батальон было положено всего 4 повозки. В 1706 г. эти и без того скромные нормы сокращаются до двух-трех повозок на батальон. Но и это Мальборо не устраивает. В 1707 году он пытался сократить армейский обоз до 50 повозок на 10 000 солдат, что вызвало уже открытое недовольство среди офицеров и солдат [Letters and Dispatches... 1845, v. I, p. 371, v. II, p. 619, v. III, p. 468]. В 1690 году обоз французской армии на Рейне насчитывал 1600 лошадей – в повозку впрягалось по 4 лошади – итого 400 повозок, французская армия во Фландрии – 300 повозок. [Linn 2008, p. 119–120]. Для обеспечения 40-тысячной армии в походе на Тулон в 1707 года Евгений Савойский нанял всего 50 повозок и 2000 гужевых лошадей [Feldzuge... 1880–2003, V. IX, S. 47].

Особенность русских походных обычаев, множество повозок, телег, саней, сопровождавших армии, объяснялись не только необходимостью все нужное везти с собой. Так как пешком огромные расстояния преодолеть было трудно, русские ратники передвигались, как правило, на повозках и телегах, реже – водным транспортом. Сборы транспорта являлись важной задачей для местных властей и тяжким бременем ложились на плечи податного населения. Так, в 1702 году для переброски войск из Дорогобужа в Литву было собрано по подводе на 5 стрельцов. «А в прошлом 701 году довелось взять со 6 дворов по подводе. А нынешней 702 год с Дорогобужа и с иных городов взято с 10 дворов, да с тех же 10 дворов велено быть по другой подводе во всякой готовности». Английский посол Витворт докладывал в Лондон о русских обычаях: «...на каждые 6 пехотинцев полагается повозка, лошадь и слуга...». 29 мая 1704 Петр указывал К.А. Нарышкину: «...изготовь под солдат

5 тыс. подвод по местам, чтоб не изнудились, а как спросят, чтоб были готовы» [Северная война... 2009, с. 143; Голиков 1788, ч. IX, с. 78]. Иногда войска пользовались ямскими подводами. Например, во время похода на К. Болотникова майор Глебов докладывал Петру из Брянска: «...солдаты, Государь, едут больше на подводничьих лошадях» [Бобровский 1904, т. 2, с. 33]. Массовое применение русской армией повозок, телег, саней хоть и снижало маневренность, но тем не менее являлось необходимым условием ее выживаемости и поддержания боеспособности в трудных продолжительных походах.

Заключение

Таким образом, исследование военных походов рубежа XVII–XVIII вв. расширяет сферу научных знаний об общем и особенном в историческом развитии России и Западной Европы. Военная сфера рассматривается как часть многоцветного культурного своеобразия России и Западной Европы. В нем она обретает характерные формы и наполняется особым содержанием. Особенности маршей русской и европейских армий, а значит, и войн с их участием определялись влиянием географических и погодно-климатических факторов. Их характер и условия зависели от уровня экономического развития и хозяйственного освоения регионов. Немаловажное значение имели духовно-нравственные истоки, народные традиции, национальная ментальность. Все эти и многие другие факторы формировали особенный характер национального военного искусства, вырабатывали у солдат и офицеров самобытную морально-психологическую закалку, профессиональную мотивацию, корпоративный дух. Как цивилизационные формообразования военная сфера России и стран Западной Европы имели много общего, унифицированного, в основном в военно-специальной профессиональной сфере. Вместе с тем культурно-ментальная и духовно-нравственная области военного дела заметно контрастировали. Это своеобразие обогащает специфическими военными формами политико-экономическую и социально-культурную историю России и стран Европы, участвуя в формировании самобытных культур и цивилизаций.

Источники фактического материала

АМГ – *Акты Московского государства*: в 3 т. / под ред. Н.А. Попова. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1894.

Гистория Свейской войны... 2004 – Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого): в 2 вып. / сост. Т. С. Майкова. М.: Кругъ, 2004. Вып. 1. 635 с.

Письма и бумаги... 1880–2003 – *Письма и бумаги императора Петра Великого*: в 13 т. М.; СПб., 1880–2003.

Письма к Петру Великому... 1778 – *Письма к Петру Великому от Б.П. Шереметева*: в 4 ч. М.: Тип. Московского университета, 1778.

РГАДА – *Российский государственный архив древних актов*. Кабинет Петра Великого. Отд. I, II.

Северная война... 2009 – *Северная война 1700–1721 гг.* Сборник документов. Т. 1. 1700–1709. М.: Объединенная редакция МВД РФ; Кучково поле, 2009. 527 с.

Библиографический список

Chandler 1968 – *Chandler D.* Robert Parker and Comte de Merode-Westerloo. London: Longman, 1968. 275 p.

Childs 1991 – *Childs J.C.* The Nine Years War and British Army, 1688–1697: The operation in the Low Countries. Manchester: Manchester university press, 1991. 347 p. URL: <http://onscene.ru/The-Nine-Years-War-and-the-British-Army-1688-1697-the-operations-in-the-Low-Countries-John-Childs/6/ghfahg>.

Churchill 1956 – *Churchill W.* Marlborough, his life and time. New York, 1956.

Feldzuge... 1876–1889 – *Feldzuge des Prinzen Eugen von Savoyen: in 12 Bänden*. Wien: Verlag des K.K. Generalstabes, 1876–1889. URL: <https://archive.org/details/feldzgedesprinz00unkngoog/page/n10>

Golberg 2004 – *Golberg C.-P., Hall R.* The Army of the Electorate Palatine under Elector Johann Wilhelm 1690–1716. Farnham; Surrey: The Pike and Shot Society, 2004. 163 p.

Hochedlinger 2003 – *Hochedlinger M.* Austria's wars of emergence 1683–1797. London: Pearson Education Limited, 2003. 466 p.

Kankrin 1822 – *Kankrin G.L.* Uber die Militarokonomie im Frieden und Krieg und ihr Wechselverhaltnis zu den Operationen: in 3 bd. SPb., 1822–23. URL: https://archive.org/details/bub_gb_KTNeAAAAcAAJ.

Letters and Dispatches... 1845 – *Letters and Dispatches of John Churchill, duke of Marlborough: in 5 vol. / ed. by John Murray*. London: Albemarle-Street, 1845. URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.512031>.

Linn 2008 – *Linn J.A.* Giant of the Grand Siecle. The French Army 1610–1715. Cambridge: Cambridge university press, 2008. 650 p. URL: <http://bookre.org/reader?file=1162606> [in English].

Memory of the Netherlands... a – *Memory of the Netherlands: Pars Flandriae Orientalis Francona Tum Insulam Cadsant Civitateso*. URL: <http://www.geheugenvannederland.nl/en/items/KONB01:189/&p=1&i=3&t=4&st=Maps%20of%20Brabant&sc=%28cql.serverChoice%20all%20Maps%20AND%20of%20AND%20Brabant%29/&wst=Maps%20of%20Brabant> (accessed: 01.04.2019).

Memory of the Netherlands... в – *Memory of the Netherlands: Archiepiscopatus et Electoratus Trevirensis*. URL: [http://www.geheugenvannederland.nl/en/items/KONB01:93/&st=Trier%20\(Aartsbisdom\)&sc=%28cql.serverChoice%20all%20Trier%20AND%20Aartsbisdom%29%29%20AND%20PartOf%20any%20%22KONB01%22%29&singleitem=true](http://www.geheugenvannederland.nl/en/items/KONB01:93/&st=Trier%20(Aartsbisdom)&sc=%28cql.serverChoice%20all%20Trier%20AND%20Aartsbisdom%29%29%20AND%20PartOf%20any%20%22KONB01%22%29&singleitem=true) (accessed: 01.04.2019).

Perjes 1970 – *Perjes G.* Army Provisioning, Logistics and Strategy in the Second Half of the 17th Century // *Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1970. Vol. 16. № 1/2. P. 1–52. URL: https://www.jstor.org/stable/42555013?seq=1#page_scan_tab_contents (accessed: 06.04.2019).

Schmenke 1862 – *Schmenke A.* Geschichte der Hannoverischen Truppen im Spanischen Erbfolgekriege 1701–1714. Hannover, 1862. 352 S.

Граммон Антуан – *Граммон Антуан*. Из истории Московского похода Яна Казимира. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Gramon/frametext.htm>.

Бобровский 1904 – *Бобровский П.О.* История лейб-гвардии Преображенского полка: в 2 т. СПб., 1904. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book58126/#page/1/mode/1up>.

Голиков 1788 – *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России: в 12 ч. М.: Университетская типография, 1788–1789. URL: <http://elibrary.asu.ru/handle/asu/3631>.

Голицын 1875 – *Голицын Н.В.* Великие полководцы истории. Ч. II Великие полководцы новых времен: Густав Адольф, Тюренн и принц Евгений Савойский. СПб., 1875. 178 с. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book9643/#page/1/mode/1up>.

Дельбрюк 2001 – *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории: в 4 ч. СПб.: Наука, 2001. URL: <http://bookre.org/reader?file=1344568&pg=1>.

Дирин 1888 – *Дирин П.* История Семеновского полка. СПб., 1888. 477 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book6029>.

Записки Юста Юля... 1892 – *Записки Юста Юля*, датского посланника при русском дворе (1709–1711 гг.) // *Русский архив*. М.: Университетская типография, 1892. Кн. 2. 582 с. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003646553#?page=1>.

Карпушенко 1994 – *Карпушенко С.В.* У солдата в провианте нужды не было. Комментируя старинный рапорт // *Военно-исторический журнал*. 1994. № 6. С. 83–87. URL: <http://regiment.ru/Lib/C/87.htm>.

Карцов 1852 – *Карцов П.П.* История Семеновского полка 1683–1854: в 2 т. СПб.: Типография Штаба Военно-Учебных Заведений, 1852–1854. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book56790/#page/83/mode/1up>.

Логинова 2013 – *Логинова Д.В.* История транспортного строительства. Сыктывкар: Издательство СЛИ, 2013. URL: <http://diss.seluk.ru/m-stroitelstvo/30009403-1-kafedra-gumanitarnih-socialnih-disciplin-loginova-istoriya-transportnogo-stroitelstva-utverzhdeno-uchebno-metodicheskim-sovetom-sik.php>.

Мышлаевский 1896 – *Мышлаевский А.З.* Петр Великий. Война в Финляндии в 1712–1714 годах. СПб.: Военная типография, 1896. 671 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book19764/592943>.

Окрестности Петербурга а – *Карта местности: Санкт-Петербург, Ленинградская область, Петербургская губерния*. URL: http://www.aroundspb.ru/karty/154/sg_1745_ladoga.html (дата обращения: 01.04.2019).

Окрестности Петербурга б – *Карта местности: Санкт-Петербург, Ленинградская область, географический чертёж Ижорской земли 1704*. URL: http://www.aroundspb.ru/karty/153/sg_1704_shkhonbek.html (дата обращения: 01.04.2019).

Проезжая по Московии... 1991 – *Проезжая по Московии*. Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов.

М.: Международные отношения, 1991. 365 с. URL: <http://bookre.org/reader?file=760782>.

Развитие транспорта... – *Развитие транспорта в Европе в XVIII в. Великая французская революция*. URL: <http://larevolution.ru/books/razvitie-transporta-v-evrope-v-xviii-v.html>.

Сен-Симон – *Сен-Симон А.Де*. Мемуары. «Избранные главы. Книга 1». ЛитМир. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=122570&p=16> (дата обращения: 12.03.2018).

Устрялов 1856–1863 – *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого: в 8 т. СПб.: Типография II-го Отделения Собств. Его Имп. Вел. Канцелярии, 1856–1863.

References

Chandler 1968 – *Chandler D.* Robert Parker and Comte de Merode-Westerloo. London: Longman, 1968, 275 p. [in English].

Childs 1991 – *Childs J.C.* The Nine Years War and British Army, 1688–1697: The operation in the Low Countries. Manchester: Manchester university press, 1991, 347 p. Available at: <http://onscene.ru/The-Nine-Years-War-and-the-British-Army-1688-1697-the-operations-in-the-Low-Countries-John-Childs/6/ghfahg> [in English].

Churchill 1956 – *Churchill W.* Marlborough, his life and time. New York, 1956 [in English].

Feldzuge... 1876–1889 – *Feldzuge des Prinzen Eugen von Savoyen: in 12 Bänden*. Wien: Verlag des K.K. Generalstabes, 1876–1889. Available at: <https://archive.org/details/feldzgedesprinz00unkngoog/page/n10> [in German].

Golberg 2004 – *Golberg C.-P., Hall R.* The Army of the Electorate Palatine under Elector Johann Wilhelm 1690–1716. Farnham; Surrey: The Pike and Shot Society, 2004, 163 p. [in English].

Hochedlinger 2003 – *Hochedlinger M.* Austria's wars of emergence 1683–1797. London: Pearson Education Limited, 2003, 466 p. [in English].

Kankrin 1822 – *Kankrin G.L.* Über die Militarökonomie im Frieden und Krieg und ihr Wechselverhältnis zu den Operationen: in 3 bd. SPb., 1822–23. URL: https://archive.org/details/bub_gb_KTNeAAAACAAJ [in German].

Letters and Dispatches... – *Letters and Dispatches of John Churchill, duke of Marlborough: in 5 vols. Ed. by John Murray*. London: Albemarle-street, 1845. Available at: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.512031> [in English].

Linn 2008 – *Linn J.A.* Giant of the Grand Siecle. The French Army 1610–1715. Cambridge: Cambridge university press, 2008, 650 p. Available at: <http://bookre.org/reader?file=1162606> [in English].

Memory of the Netherlands... a – *Memory of the Netherlands: Pars Flandriae Orientalis Franconia Tum Insulam Cadant Civitateso*. Available at: <http://www.geheugenvannederland.nl/?/en/items/KONB01:189/&p=1&i=3&t=4&st=Maps%20of%20Brabant&sc=%28cql.serverChoice%20all%20Maps%20of%20AND%20of%20AND%20Brabant%29&wst=Maps%20of%20Brabant> (accessed 01.04.2019) [in Dutch].

Memory of the Netherlands... b – *Memory of the Netherlands: Archiepiscopatus et Electoratus Trevirensis*. Available at: <http://www.geheugenvannederland.nl/?/en/items/>

KONB01:93/&st=Trier%20(Aartsbisdom)&sc=%28cql.serverChoice%20all%20Trier%20AND%20AND%20Aartsbisdom%29%29%29%20AND%20%28isPartOf%20any%20%22KONB01%22%29&singleitem=true (accessed 01.04.2019) [in Dutch].

Perjes 1970 – *Perjes G.* Army Provisioning, Logistics and Strategy in the Second Half of the 17th Century. *Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1970, Vol. 16, no. 1/2, pp. 1–52. Available at: https://www.jstor.org/stable/42555013?seq=1#page_scan_tab_contents (accessed 06.04.2019) [in English].

Schmenke 1862 – *Schmenke A.* Geschichte der Hannoverischen Truppen im Spanischen Erbfolgekriege 1701–1714. Hannover, 1862, 352 S. [in German].

Grammon Antuan – *Grammon Antuan.* Iz istorii Moskovskogo pokhoda Yana Kazimira [From the history of the Moscow campaign of Jan Casimir]. Available at: <http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Gramon/frametext.htm> [in Russian].

Bobrovsky 1904 – *Bobrovsky P.O.* Istoriya leib-gvardii Preobrazhenskogo polka: v 2 t. [History of the Preobrazhensky Lifeguard Regiment: in 2 vols.]. SPb., 1904. Available at: <https://runivers.ru/bookreader/book58126/#page/1/mode/1up> [in Russian].

Golikov 1788 – *Golikov I.I.* Deyaniya Petra Velikogo, mudrogo preobrazovatelya Rossii: v 12 ch. [Acts of Peter the Great, the wise reformer of Russia: in 12 parts]. M.: Universitetskaya tipografiya, 1788–1789. Available at: <http://elibrary.asu.ru/handle/asu/3631> [in Russian].

Golitsyn 1875 – *Golitsyn N.V.* Velikie polkovodtsy istorii. Ch. II Velikie polkovodtsy novykh vremen: Gustav Adolf, Tyuren i prints Evgenii Savoiskii [Great generals of history. Part II. Great generals of the new times: Gustav Adolf, Turenne and Prince Eugene of Savoy]. SPb., 1875, 178 p. Available at: <https://runivers.ru/bookreader/book9643/#page/1/mode/1up> [in Russian].

Delbriuk 2001 – *Delbriuk G.* Istoriya voennogo iskusstva v ramkakh politicheskoi istorii: v 4 chastyakh [History of military art in the framework of political history: in 4 parts]. SPb.: Nauka, 2001. Available at: <http://bookre.org/reader?file=1344568&pg=1> [in Russian].

Dirin 1888 – *Dirin P.* Istoriya Semenovskogo polka [History of the Semyonovsky Lifeguard Regiment]. SPb., 1888, 477 p. Available at: <https://runivers.ru/lib/book6029> [in Russian].

Zapiski Yusta Yulia... 1892 – *Zapiski Yusta Yulya, datskogo poslannika pri russkom dvore (1709–1711 gg.)* [Notes of Just Juel, Danish delegate at the Russian court (1709–1711)]. In: *Russkii arkhiv* [Russian archive]. M.: Universitetskaya tipografiya, 1892, Vol. 2, 582 p. Available at: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003646553#?page=1> [in Russian].

Karpuschenko 1994 – *Karpuschenko S.V.* U soldata v proviante nuzhdy ne bylo. Kommentiruya starinnyi raport [The soldier had no need for provisions. Commenting on the ancient report]. *Voenno-istoricheskii zhurnal* [Military Historical Journal], 1994, no. 6, pp. 83–87. Available at: <http://regiment.ru/Lib/C/87.htm> [in Russian].

Kartsov 1852 – *Kartsov P.P.* Istoriya Semenovskogo polka 1683–1854: v 2 t. [History of the Semyonovsky Lifeguard Regiment 1683–1854: in 2 vols.]. SPb.: Tipografiya Shtaba Voenno-Uchebnykh Zavedenii, 1852–1854. Available at: <https://runivers.ru/bookreader/book36790/#page/83/mode/1up> [in Russian].

Loginova 2013 – *Loginova D.V.* Istoriya transportnogo stroitel'stva [Transport construction history]. Syktyvkar: Izdatel'stvo SLI, 2013. Available at: <http://diss.seluk.ru/mstroitelstvo/30009403-1-kafedra-gumanitarnih-socialnih>

disciplin-loginova-istoriya-transportnogo-stroitelstva-utverzhdno-uchebno-metodicheskim-sovetom-sik.php [in Russian].

Myschlaevskiy 1896 – *Myschlaevskiy A.Z. Petr Velikii. Voina v Finlyandii v 1712–1714 godakh* [Peter The Great. The war in Finland in 1712–1714]. SPb.: Voennaya tipografiya, 1896, 671 p. Available at: <https://runivers.ru/lib/book19764/592943> [in Russian].

Okrestnosti Peterburga a – Karta mestnosti: Sankt-Peterburg, Leningradskaya oblast', Peterburgskaya guberniya [Suburbs of St. Petersburg – Location Map: St. Petersburg, Leningrad Region, St. Petersburg Government]. Available at: http://www.aroundspb.ru/karty/154/sg_1745_ladoga.html (accessed 1.04.2019) [in Russian].

Okrestnosti Peterburga b – Karta mestnosti: Sankt-Peterburg, Leningradskaya oblast', geograficheskii chertezh Izhorskoj zemli 1704 [Suburbs of St. Petersburg – Location Map: St. Petersburg, Leningrad Region, geographical draft of Izhora land 1704]. Available at: http://www.aroundspb.ru/karty/153/sg_1704_shkhonbek.html [in Russian].

Proezhaya po Moskovii... 1991 – *Proezhaya po Moskovii. Rossiya XVI–XVII vekov glazami diplomatov* [Driving through Muscovy. Russia of the XVI–XVII centuries through the eyes of diplomats]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1991, 365 p. Available at: <http://bookre.org/reader?file=760782> [in Russian].

Razvitie transporta... – Razvitie transporta v Evrope v XVIII v. Velikaya frantsuzskaya revolyutsiya [The development of transport in Europe in the XVIII century. French revolution]. Available at: <http://larevolution.ru/books/razvitie-transporta-v-evrope-v-xviii-v.html> [in Russian].

Saint-Simon Henri de – *Saint-Simon Henri de. Memuary. «Izbrannye glavy. Kniga I»* [Saint-Simon Henri de. Memoirs. «Selected chapters. Book I»]. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=122570&p=16> (accessed 12.03.2018) [in Russian].

Ustryalov 1856–1863 – *Ustryalov N.G. Istoriya tsarstvovaniya Petra Velikogo: v 8 t.* [The history of the reign of Peter the Great: in 8 vols.]. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya Sobstv. Ego Imp. Vel. Kantselyarii, 1856–1863. Available at: <https://runivers.ru/lib/book4521> [in Russian].

О.Д. Столяров

ИНОСТРАНЦЫ В РОССИЙСКОЙ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЕ В ПЕРИОДЫ ПРАВЛЕНИЯ ПЕТРА I И АННЫ ИОАННОВНЫ. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

© *Столяров Олег Дмитриевич* – кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра истории Отечества, медицины и социальных наук, Самарской государственной медицинской университет, 443099, Российская Федерация, г. Самара, ул. Чапаевская, 89.

E-mail: belomoe2012@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0001-7806-3528>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются группы иноземцев, входивших в российскую правящую верхушку при Петре I и Анне Иоанновне. Под иноземцами понимаются лица иностранного происхождения, либо родившиеся за пределами России, либо в пределах страны, но в семьях, сохранивших свою идентичность. Правящая элита определяется как группа лиц, официальное и неофициальное положение которых позволяло им влиять на принятие политических решений. В статье проводится сравнительный анализ групп иностранцев, входивших в российскую правящую элиту при Петре I и Анне Иоанновне по ряду параметров – численность, степень влияния, степень интегрированности в русское общество и т. д. Анализируются причины, по которым в некоторых отношениях положение иностранцев в правящей группе было одинаковым в обе исследуемые эпохи, а в других – кардинально различным. Сделан вывод, что количество иноземцев в правящей верхушке во второй четверти XVIII в. медленно, но неуклонно увеличивалось, особенно в 1730-е гг. Это было связано по преимуществу с причинами конъюнктурного характера, прежде всего с тем, что в аннинское царствование российская правящая верхушка пополнилась представителями курляндского окружения императрицы. Также с рядом оговорок сделан вывод, что в обстоятельствах возвышения иностранцев при Анне Иоанновне большую роль, чем в правление Петра I, играл фаворитизм, а степень интеграции этих иноземцев в русское общество уменьшалась.

Ключевые слова: иностранцы, правящая элита, Петр I, Анна Иоанновна, интеграция, фаворитизм, меритократия.

Цитирование. Столяров О.Д. Иностранцы в российской правящей элите в периоды правления Петра I и Анны Иоанновны. Сравнительный анализ // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 3. С. 35–40. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-3-35-40>.

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-3-35-40
UDC 4(47).05, 94(47).063

Submitted: 25/III/2019
Accepted: 29/IV/2019

O.D. Stolyarov

FOREIGNERS IN THE RUSSIAN RULING ELITE IN THE PERIODS OF RULING OF PETER THE GREAT AND ANNA IOANNOVNA. COMPARATIVE ANALYSIS

© *Stolyarov Oleg Dmitrievich* – Candidate of Historical Sciences, senior lecturer, Department of History of Fatherland, Medicine and Social Sciences, Samara State Medical University, 89, Chapayevskaya Street, Samara, 443099, Russian Federation.

E-mail: belomoe2012@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7806-3528>

ABSTRACT

The article deals with the groups of foreigners who were members of the Russian ruling elite under Peter the Great and Anna Ioannovna. Foreigners are persons of foreign origin, either born outside Russia or within the country, but in families that have retained their identity. The ruling elite is defined as a group of individuals whose formal and informal status allowed them to influence political decision-making. The article presents a comparative analysis of the groups of foreigners who were members of the Russian ruling elite under Peter the Great and Anna Ioannovna on a number of parameters – the number, degree of influence, the degree of integration into Russian society, etc. The reasons for which in some respects the position of foreigners in the ruling group was the same in both periods under study, and in others – radically different are analyzed. It is concluded that the number of foreigners in the ruling elite in the second quarter of the eighteenth century slowly but steadily increased, particularly in the 1730-ies. This was due mainly to the reasons for the opportunistic nature, primarily due to the fact that in the Annin reign the Russian ruling elite was replenished with representatives of the Courland entourage of the Empress. Also, with a number of reservations, it is concluded that in the circumstances of the rise of foreigners under Anna Ioannovna, favoritism played a greater role than in the reign of Peter the Great, and the degree of integration of these foreigners into Russian society decreased.

Key words: foreigners, ruling elite, Peter I, Anna Ioannovna, integration, favoritism, meritocracy.

Citation. Stolyarov A.D. *Inostrantsy v rossiiskoi pravlyashchei elite v periody pravleniya Petra I i Anny Ioannovny. Sravnitel'nyi analiz* [Foreigners in the Russian ruling elite in the periods of ruling of Peter the Great and Anna Ioannovna. Comparative analysis]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 3, pp. 35–40. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-3-35-40> [in Russian].

Введение

Периоды правления Петра I и Анны Иоанновны имеют между собой немало схожих черт и еще больше различий. Последние гораздо более очевидны – во-первых, для Петровской эпохи, в противоположность аннинской, была характерна огромная реформаторская активность, во-вторых, по общему мнению, сам Петр и правящая верхушка Российского государства времени его царствования была гораздо более активна и ориентирована на государственную деятельность, нежели Анна Иоанновна и ее окружение.

С другой стороны, Петр I и Анна Иоанновна правили, в противоположность Екатерине I и Петру II, достаточно долго, и, следовательно, характерные для их царствований тенденции должны были проявиться более полно. Кроме того, Анна Иоанновна, уделяя государственным делам меньше времени, чем Петр I, все же проявляла в этом направлении больше активности, нежели ее непосредственные предшественники, и почти все ее наиболее влиятельные приближенные (в том числе Э.И. Бирон (РИО. Т. 33. 1881)), в отличие, например, от ближайшего окружения Петра II, занимались государственным делами.

Есть еще одна особенность, делающая эпохи Петра I и Анны Иоанновны до определенной степени схожими – и в то и в другое царствование значительную роль в правящей группе играли иностранцы. Численность и положение этих иноземцев правящих кругах не определялись традиционными факторами, и, следовательно, есть основания считать, что именно на данном материале можно достаточно отчетливо проследить тенденции, характерные для правящих элит петровского и аннинского периодов.

Подходы в историографии

В историографии существует два основных подхода к сравнению группы высокопоставленных иностранцев царствований Петра I и Анны Иоанновны, и вытекают они из двух диаметрально противоположных оценок аннинского правления при более или менее одинаковых характеристиках правления Петра.

Первая из этих точек зрения основана на противопоставлении петровского и аннинского царствований, которое, в свою очередь, выводится из индивидуальных различий между этими двумя монархами [Устрялов 1840; Соловьев 2006; Мяко-

тин 1892; Ключевский 1989; Платонов 1993; Павленко 2002]. Если Петр, по мнению сторонников этой концепции, был ориентирован преимущественно на государственную и прежде всего реформаторскую деятельность, то интересы Анны находились в основном в области безвкусных и дорогостоящих, а порой и жестоких увеселений, и из этого вытекали различия между ближайшим окружением данных императоров. Обычно речь идет о трех основных различиях. Во-первых, петровские «птенцы» предстают людьми дела, тогда как аннинские вельможи – придворными карьеристами сомнительных нравственных качеств. Во-вторых, во многих работах явно прослеживается противопоставление первых вторым в смысле масштаба личностей – мы видим петровских гигантов с одной стороны и аннинских карликов – с другой [Курукин 2011, с. 372–373.]. Наконец, в-третьих, речь идет о разной политической роли этих правящих групп – петровские сановники представляются исполнителями воли царя, тогда как аннинские вельможи вследствие недостаточной деловой активности императрицы во многом задают вектор политического развития. Отсюда представление о борьбе «партий» как о стержне государственной жизни не только при Анне Иоанновне, но и при ее непосредственных предшественниках и преемниках.

Исследователи, стоящие на противоположной точке зрения [Карнович 1873; Корсаков 1880; Строев 1909; Анисимов 1994; Каменский 1997], исходя из того, что Петровская эпоха породила антагонизм между двумя группами правящей элиты – старой знатью и новой военно-чиновной элитой, петровскими выдвигенцами. После смерти Петра, по мнению этих историков, противоречия между этими группами переросли в прямой конфликт, то затухающий, то разгорающийся и, соответственно, принимающий форму либо дворцовых интриг, либо переворотов. Высокопоставленные иностранцы рассматриваются в рамках этой концепции как важная часть второй, «новой» группы, и у некоторых исследователей последняя прямо называется «немецкой партией».

Методология

Под иностранцами (иноземцами) в данной статье понимаются лица иностранного происхождения, родившиеся либо за пределами России, либо в России, но не являвшиеся от рождения православными, т. е. происходившие из семей, сохранивших свою идентичность.

Правящая же элита определяется нами как группа лиц, непосредственно влиявших на принятие политических решений. Очертить этот круг можно, используя два критерия: официальное положение, т. е. должность, и фактическое влияние на монарха. Вторым критерий более или менее произволен, а первый требует формирования перечня должностей, обладателей которых применительно к тому или иному периоду необходимо отнести к правящей элите. В данной статье к таковым относятся президенты коллегий, вице-президенты коллегий Иностранных дел, Военной и Адмиралтейской коллегий, генерал-прокуроры, герольдмейсте-

ры, директора от строений, генерал-почтдиректоры, архиатеры, главы Артиллерийской, Тайной и Главной дворцовой канцелярий, Соляной и Фортификационной контор, президенты Академии наук, губернаторы, генерал-губернаторы, коменданты и генерал-полицмейстеры Санкт-Петербурга, члены Сената и Кабинета министров, главы придворных ведомств, генерал-адъютанты и полковники гвардейских полков.

Динамика численности иностранцев в российской правящей элите в царствования Петра I и Анны Иоанновны

К концу петровского царствования российская правящая элита насчитывала 8 иностранцев (РГАДА. Ф. 6. Д. 159, 171, 304, 305, 307, 308; РГВИА. Ф. 393. Д. 119, 546, 547, 548; Ф. 495. Д. 121; РИО. Т. 104, 106, 108, 111, 114, 117, 120, 124, 126, 130, 138, 146) [Блудов 1866; Вагнер 2000; Волков 2001; Курукин 2003; Левин 2000; Лысенко 2001; Маркина 1999; Мирский 1996; Мурзанов 1911; Петрухинцев 1993; Петрухинцев 2010; Прокопенко 2013; Русский биографический словарь 1896–1918; Филимон 2003] (директор Артиллерийской канцелярии, президент Берг-коллегии, сенатор Я.В. Брюс; императрица Екатерина Алексеевна; генерал-прокурор и генерал-адъютант П.И. Ягужинский; генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга и генерал-адъютант А.М. Девиер; вице-президент Адмиралтейств-коллегии К.И. Крюйс; Лейб-медик Л.Л. Блументрост; вице-президент Коллегии иностранных дел А.И. Остерман; директор Медицинской канцелярии И.Л. Блументрост) и 30 русских. Таким образом, к концу петровского правления иностранцы составляли около 22 % российской правящей элиты.

К моменту смерти Петра II в российской правящей элите насчитывалось 10 иностранцев (оберштаб-мейстер и генерал-адъютант П.И. Ягужинский; вице-президент и фактический глава Коммерц-коллегии Г. Фик; президент Академии наук и лейб-медик Л.Л. Блументрост; член Верховного тайного совета и вице-президент Коллегии иностранных дел А.И. Остерман; директор Медицинской канцелярии И.Л. Блументрост; астраханский губернатор И.А. Менгден; смоленский губернатор И.Я. Дюпре; директор Артиллерийской канцелярии и петербургский генерал-губернатор Б.Х. Миних; вице-президент и фактический глава Адмиралтейств-коллегии П.И. Сиверс; рижский генерал-губернатор П.П. Ласси) и 32 русских. Таким образом, иностранцы к началу правления Анны Иоанновны составляли около 24 % правящей элиты, т. е. чуть более, чем к концу царствования Петра I.

В правление Анны Иоанновны наблюдается значительное увеличение доли иностранцев в правящей группе, и к моменту смерти императрицы они составляли около 36 % данной группы. К октябрю 1740 г. в российскую правящую элиту входили 16 иноземцев (первый кабинет-министр, вице-президент и фактический руководитель Коллегии иностранных дел А.И. Остерман; президент Военной коллегии и директор Фортификационной конторы Б.Х. Миних; рижский генерал-губерна-

тор П.П. Ласси; обер-камергер Э.И. Бирон; Г.К. Кейзерлинг; обер-гофмаршал Р.Г. Левенвольде; вице-президент и фактический глава Штатс-конторы К. Принценстерн; генерал-адъютант Г. Бирон; полковник двух гвардейских полков Антон-Ульрих Брауншвейгский; президент Академии наук К. Бреверн; директор Медицинской канцелярии И.Б. Фишер; директор Артиллерийской канцелярии Л.Г. Гессен-Гомбургский; генерал-бергдиректор К.А. Шемберг; Ревельский генерал-губернатор У.Ф. Левендаль; московский генерал-губернатор К. Бирон; президент Коммерц-коллегии Л.К. Менгден) и 28 русских.

Таким образом, в правление Анны Иоанновны иностранцы составляли значительно больший процент правящей элиты, чем при Петре I. Причины этого можно отчасти понять, разделив аннинских иностранцев на ряд групп.

К первой из них следует отнести тех, кто вошел в состав российской правящей верхушки еще в правление Петра II, сохранив свое положение и в новое царствование. К концу правления Анны Иоанновны таковыми были А.И. Остерман, Б.Х. Миних и П.П. Ласси, т. е. 7 % правящей элиты. Вторую группу составляли лица, входившие в окружение Анны в ту пору, когда она была курляндской герцогиней, и занявшие после 1730 г. высокое положение в Российской империи. К ним следует отнести трех вошедших в правящую элиту представителей семейства Биронов, Г.К. Кейзерлинга и К.Л. Менгдена (11 % правящей элиты). Наконец, к третьей группе следует отнести тех, кто возвысился уже в новое царствование — Р.Г. Левенвольде, К. Принценстерна, Брауншвейгского герцога, К. Бреверна, И.Б. Фишера, Л.Г. Гессен-Гомбургского, К.А. Шемберга, У.Ф. Левендаля (18 %).

Таким образом, основной причиной численного увеличения иностранцев в российской правящей элите при Анне Иоанновне по сравнению с Петровской эпохой и второй половиной 1720-х гг. было наличие у императрицы курляндских фаворитов.

Специфика интеграции находившихся в правящей элите иностранцев в русское общество

Особый интерес представляют пути, которыми иноземцы попадали в правящую группу. В 1700–1725 гг. из 15 иноземцев, входивших в состав правящей элиты, только двое (де Круа и жена Петра Екатерина Алексеевна), т. е. 13 %, попали в правящую элиту, не служив до этого на более низких ступенях. Впрочем, в высшем военном командовании наблюдалась совсем иная картина — многие вновь поступившие на службу сразу удаивались высоких чинов и должностей (РГВИА. Ф. 495. Д. 113, 114, 117, 118). В 11 случаях (73 %) причины возвышения этих лиц были, по-видимому, исключительно служебного характера, т. е. заслуги и способности, в одном (7 %) речь идет о причинах личного порядка (Екатерина Алексеевна), наконец, в 3 случаях имело место, видимо, удачное совпадение того и другого (20 %).

В царствование Анны Иоанновны наблюдается иная картина. Из 21 иностранца, входившего на протяжении ее правления в состав правящей элиты, 5 попали туда, не служа до этого на более

низких ступенях (24 %). 11 из этих иноземцев были включены в состав данной группы, видимо, по причинам исключительно служебного характера (52 %), 8, напротив, исключительно вследствие благоволения императрицы (38 %), наконец, двое — вследствие сочетания обеих групп факторов (10 %).

Еще одним аспектом проблемы, необходимым для анализа иностранной части правящей элиты при Петре I и Анне Иоанновне, является вопрос о степени интеграции этих иноземцев в русское общество. Критериями ее выступают факт рождения в России, наличие русифицированного имени, браки с русскими, переход в православие и наличие земельных владений в центральных губерниях России.

К концу правления Петра I картина в этом отношении была следующей — из 8 интересующих нас иноземцев все имели русифицированное имя, в России родились 3 (37,5 %), 4 вступили в брак с русскими (50 %), 2 совершили переход в православие (25 %), и столько же обладали земельными владениями в центральной части России.

К моменту же смерти Анны Иоанновны из 16 входивших в правящую элиту иностранцев 3 (19 %) обладали русифицированным именем (А.И. Остерман, Б.Х. Миних и П.П. Ласси, начавшие службу при Петре I), столько же были женаты на русских, и только Р.Г. Левенвольде владел поместьем в центральной части России (6 %). Родившихся в России и перешедших в православие среди них не было.

Выводы

1. Количество иностранцев в правящей элите времени правления Анны Иоанновны было большим, чем при Петре I и во второй половине 1720-х гг. Связано это, очевидно, не с какими-либо масштабными процессами, а с причинами конъюнктурного характера, а именно — с наличием у Анны собственного, курляндского окружения (к концу правления Петра II иностранцы составляли 24 %, а к моменту смерти Анны Иоанновны — 36 %, из которых 11 % — бывшие курляндские приближенные императрицы).

2. Если при Петре I количество в правящей элите иностранцев, не состоявших до этого на русской службе, было относительно небольшим, то при Анне оно значительно увеличивается (13 и 24 %). Кроме того, возрастает и число иноземцев, чье возвышение было связано исключительно с благоволением монарха к данным лицам (7 и 38 %). Это позволяет предположить, что при Анне Иоанновне правящая группа формировалась в значительной степени на основе принципа фаворитизма, в противоположность петровскому царствованию, в течение которого преобладал меритократический принцип. Следует, однако, учитывать три обстоятельства, которые до известной степени сглаживают этот контраст. Во-первых, число иностранцев, вошедших в состав правящей группы исключительно благодаря своим деловым качествам, все же оставалось при Анне достаточно высоким (52 % против 73 % Петровской эпохи). Во-вторых, в ряде случаев (и особенно это касается царствования Петра)

довольно трудно с абсолютной уверенностью отрицать возможность, что в возвышении того или иного деятеля сыграло свою роль благоволение монарха. Наконец, в-третьих, нельзя забывать, что яркие образчики принципа фаворитизма при формировании правящей группы имели место при непосредственных предшественниках Анны (например, Голштинский герцог и Ян Сапега при Екатерине I), и племянница Петра опиралась, таким образом, на уже сложившуюся традицию.

3. Степень интеграции иностранцев в русское общество при Петре I была значительно выше, чем при Анне Иоанновне, и это касается всех предложенных нами показателей интеграции, т. е. внутри правящей элиты обособленность иноземцев значительно увеличилась.

Источники фактического материала

РГАДА — *Российский государственный архив древних актов.*
РГВИА — *Российский государственный военно-исторический архив.*
РИО — *Российское историческое общество.*

Библиографический список

- Анисимов 1994 — *Анисимов Е.В.* Россия без Петра. СПб.: Лениздат., 1994. 496 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=128358&p=1>.
- Блудов 1866 — *Блудов Д.Н.* Суд над графом Девиером и его соучастниками // Ковалевский Е.П. Граф Блудов и его время. СПб., 1866. С. 185–190. URL: <https://imwerden.de/publ-1756.html>.
- Вагнер 2000 — *Вагнер И.Ф.* Остерман — немец при дворе российских императоров // Немец у российского трона. Граф Андрей Иванович Остерман и его время. Каталог выставки. М.: ГИМ, 2000. С. 19–39. URL: <http://www.ostermanniana.ru/wagner/mainF.html>.
- Волков 2001 — *Волков Н.Е.* Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. М.: Гос. публич. ист. б-ка России, 2001. 237 с. URL: https://bookz.ru/authors/volkov-nikolai/dvor-rus_470/1-dvor-rus_470.html.
- Каменский 1997 — *Каменский А.Б.* Российская империя в XVIII в.: традиции и модернизация. М.: Новое лит. обозрение, 1997. 326 с. URL: <http://bookre.org/reader?file=1215418>.
- Карнович 1873 — *Карнович Е.П.* Значение бироновщины в русской истории // ОЗ. 1873. № 10, 11. С. 541–583.
- Ключевский 1989 — *Ключевский В.О.:* соч. в 9 т. М.: Мысль, 1989. Т. 4–7. URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KLYUCHEVSKIY_Vasilij_Osipovich/_Klyuchevskiy_V.O.html.
- Корсаков 1880 — *Корсаков Д.А.* Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань: Типография Императорского Университета, 1880. 303 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book19767>.
- Курукин 2011 — *Курукин И.В.* Артемий Волынский. М.: Молодая гвардия, 2011. 414 [1] с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=198326&p=1>.
- Курукин 2003 — *Курукин И.В.* Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России. Рязань, 2003. 570 с. URL: <https://bookskeeper.ru/>
- knigi/istoriya/82157-epoha-dvorskikh-bur-ocherki-politicheskoy-istorii-poslepetrovskoy-rossii-1725-1762-gg.html.
- Левин 2000 — *Левин Л.И.* Российский генералиссимус герцог Антон Ульрих. СПб.: Петерб. писатель, 2000. 351 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book6829/174975>.
- Лысенко 2001 — *Лысенко Л.М.* Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII—начала XX века). М.: Издательство МПГУ, 2001. 358 с. URL: <http://bookre.org/reader?file=719198>
- Маркина 1999 — *Маркина Л.А.* Граф А.И. Остерман: штрихи к иконографии // Немцы в России. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 169–181. URL: <http://www.ostermanniana.ru/markyna/mainF.html>.
- Мирский 1996 — *Мирский М.Б.* Медицина России XVI–XVIII вв. М.: РОССПЭН, 1996. 376 с. URL: https://www.booksite.ru/ancient/reader/work_1_02.htm.
- Мурзанов 1911 — *Мурзанов В.П.* Правительствующий Сенат. СПб.: Сенатская типография, 1911. 55 с.
- Мякотин 1892 — *Мякотин В.А.* Лекции по русской истории. СПб.: Типография Р. Голике, 1892. 468 с. URL: <https://www.priib.ru/item/425851>.
- Павленко 2002 — *Павленко Н.И.* Анна Иоанновна. Немцы при дворе. М.: Аст-пресс книга, 2002. 384 с. URL: <https://avidreaders.ru/book/anna-ioannovna-nemcy-pri-dvore.html>.
- Петрухинцев 1993 — *Петрухинцев Н.Н.* Опальный фельдмаршал // Родина. 1993. № 11. С. 34–37. URL: http://drevlit.ru/docs/iran/XVIII/1720-1740/Dolgorukov_V_V/donosenie_15_02_17317ce4.php.
- Петрухинцев 2010 — *Петрухинцев Н.Н.* Путь иноземца в военную элиту России (петровский генерал И.Б. Вейсбах) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Т. 2. СПб.: ВИМАИВиВС, 2010. С. 210–228. URL: http://www.reenactor.ru/ARN/PDF/Petryxincev_01.pdf.
- Платонов 1993 — *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М.: Высшая школа, 1993. 735 [1] с. URL: http://yakov.works/libr_min/16_p/la/tonov_03.htm.
- Прокопенко 2013 — *Прокопенко Я.И.* Генрих Фик и процесс интернационализации российской политической элиты в первой половине XVIII в. // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М.: РОССПЭН, 2013. С. 149–177.
- Русский биографический словарь 1896–1918 — *Русский биографический словарь.* М.; СПб.: Императорское Русское историческое общество, 1896–1918. Т. 1–25. URL: <https://runivers.ru/lib/book7666>.
- Соловьев 2006 — *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 10. М.: Эксмо, 2006. 1024 с. URL: <http://www.homlib.com/read/solovjev-sm-2/istoriya-rossiis-drevneyshih-vremen-t-10>.
- Строев 1909 — *Строев В.Н.* Бироновщина и Кабинет министров: в 2 т. М.: Типография Императорского Московского университета, 1909. 205, 77 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book8162>.
- Устрялов 1839 — *Устрялов Н.Г.* Начертание русской истории для средних учебных заведений. СПб. Тип. Рос. акад., 1839. 317 с. URL: <http://arch.rgdb.ru/xmlui/handle/123456789/33533#page/0/mode/2up>.
- Филимон 2003 — *Филимон А.Н.* Яков Брюс. М.: Чистые воды, 2003. 459 с. URL: <http://www.bwbooks.net/index.php?id1=4&category=history&author=filimon-an&book=2003>.

References

- Anisimov 1994 – *Anisimov E.V. Rossiya bez Petra* [Russia without Peter]. SPb.: Lenizdat., 1994. 496 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=128358&p=1> [in Russian].
- Bludov 1866 – *Bludov D.N. Sud nad grafom Devierom i ego souchastnikami* [The trial over the Earl of Devier and his partners]. In: Kovalevskiy E.P. *Graf Bludov i ego vremena* [Count Bludov and his time]. SPb., 1866, pp. 185–190. Available at: <https://imwerden.de/publ-1756.html> [in Russian].
- Wagner 2000 – *Wagner I.F. Osterman – nemets pri dvore rossiiskikh imperatorov* [Osterman – German at the court of Russian emperors]. In: *Nemets u rossiiskogo trona. Graf Andrei Ivanovich Osterman i ego vremena. Katalog vystavki* [German at the Russian throne. Count Andrei Ivanovich Osterman and his time. Exhibition catalogue]. M.: GIM, 2000, pp. 19–39. Available at: <http://www.ostermanniana.ru/wagner/mainF.html> [in Russian].
- Volkov 2001 – *Volkov N.E. Dvor russkikh imperatorov v ego proshlom i nastoyashchem* [The court of Russian emperors in its past and present]. M.: Gos. publich. ist. b-ka Rossii, 2001, 237 p. Available at: https://bookz.ru/authors/volkov-nikolai/dvor-rus_470/1-dvor-rus_470.html [in Russian].
- Kamensky 1997 – *Kamensky A.B. Rossiiskaya imperiya v XVIII v.: traditsii i modernizatsiya* [Russian Empire in the XVIII century: tradition and modernization]. M.: Novoe lit. obozrenie, 1997, 326 p. Available at: <http://bookre.org/reader?file=1215418> [in Russian].
- Karnovich 1873 – *Karnovich E.P. Znachenie bironovshchiny v russkoi istorii* [Significance of Bironovshchina in Russian history]. *OZ*, 1873, no. 10, 11, pp. 541–583 [in Russian].
- Klyuchevsky 1989 – *Klyuchevsky V.O. Sochineniya: v 9 t.* [Works in 9 vol.]. M.: Mysl', 1989, Vols. 4–7. Available at: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KLYUCHEVSKIY_Vasilij_Osipovich/_Klyuchevskiy_V.O.html [in Russian].
- Korsakov 1880 – *Korsakov D.A. Votsarenie imperatritsy Anny Ioannovny* [Accession of the Empress Anna Ioannovna]. Kazan: Tipografiya Imperatorskogo Universiteta, 1880, 303 p. Available at: <https://runivers.ru/lib/book19767> [in Russian].
- Kuruin 2011 – *Kuruin I.V. Artemii Volynskii* [Artemy Volynsky]. M.: Molodaya gvardiya, 2011, 414 [1] p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=198326&p=1> [in Russian].
- Kuruin 2003 – *Kuruin I.V. Epokha «dvorskikh bur'»: Ocherki politicheskoi istorii poslepetrovskoi Rossii* [Era of «court storms»: Essays on the political history of post-Petrine Russia]. Ryazan, 2003, 570 p. Available at: <https://bookskeeper.ru/knigi/istoriya/82157-epokha-dvorskikh-bur-ocherki-politicheskoy-istorii-poslepetrovskoy-rossii-1725-1762-gg.html> [in Russian].
- Levin 2000 – *Levin L.I. Rossiiskii generalissimus gertsog Anton Ul'rikh* [Russian generalissimo duke Anton Ulrich]. SPb.: Peterb. pisatel', 2000, 351 p. Available at: <https://runivers.ru/lib/book6829/174975> [in Russian].
- Lysenko 2001 – *Lysenko L.M. Gubernatory i general-gubernatory Rossiiskoi imperii (XVIII – nachala XX veka)* [Governors and Governor-Generals of the Russian Empire (XVIII – early XX century)]. M.: Izdatel'stvo MPGU, 2001, 358 p. Available at: <http://bookre.org/reader?file=719198> [in Russian].
- Markina 1999 – *Markina L.A. Graf A.I. Osterman: shtriki k ikonografii* [Count A.I. Ostermann: touches to the iconography]. In: *Nemtsy v Rossii* [Germans in Russia]. SPb.: Dmitrii Bulanin, 1999, pp. 169–181. Available at: <http://www.ostermanniana.ru/markyna/mainF.html> [in Russian].
- Mirsky 1996 – *Mirsky M.B. Meditsina Rossii XVI–XVIII vv.* [Medicine of Russia in the XVI–XVIII centuries]. M.: ROSSPEN, 1996, 376 p. Available at: https://www.booksite.ru/ancient/reader/work_1_02.htm.
- Murzanov 1911 – *Murzanov V.P. Pravitel'stvuyushchii Senat* [Governing Senate]. SPb.: Senatskaya tipografiya, 1911, 55 p. [in Russian].
- Myakotin 1892 – *Myakotin V.A. Leksii po russkoi istorii* [Lectures on Russian history]. SPb.: Tipografiya R. Golike, 1892, 468 p. Available at: <https://www.priib.ru/item/425851> [in Russian].
- Pavlenko 2002 – *Pavlenko N.I. Anna Ioannovna. Nemtsy pri dvore* [Anna Ioannovna. Germans at court]. M.: Astpress kniga, 2002, 384 p. Available at: <https://avidreaders.ru/book/anna-ioannovna-nemtsy-pri-dvore.html> [in Russian].
- Petrukhintsev 1993 – *Petrukhintsev N.N. Opal'nyi fel'dmarshal* [Disgraced field marshal]. *Rodina*, 1993, no. 11, pp. 34–37. Available at: http://drevlit.ru/docs/iran/XV111/1720-1740/Dolgorkov-VV/donosenie_15_02_17317ce4.php [in Russian].
- Petrukhintsev 2010 – *Petrukhintsev N.N. Put' inozemtsa v voennuyu elitu Rossii (petrovskii general I.B. Veisbakh)* [The way of a foreigner to the military elite of Russia (Peter's General I.B. Weisbach)]. In: *Voina i oruzhie. Noveye issledovaniya i materialy. T. 2* [War and weapons. New studies and materials. Vol. 2]. SPb.: VIMAIIVS, 2010, pp. 210–228. Available at: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Petryincev_01.pdf [in Russian].
- Platonov 1993 – *Platonov S.F. Leksii po russkoi istorii* [Lectures on Russian history]. M.: Vysshaya shkola, 1993, 735 [1] p. Available at: http://yakov.works/lib_min/16_p/la/tonov_03.htm [in Russian].
- Prokopenko 2013 – *Prokopenko Ya.I. Genrikh Fik i protsess internatsionalizatsii rossiiskoi politicheskoi elity v pervoi polovine XVIII v.* [Heinrich Fick and the process of internationalization of the Russian political elite in the first half of the XVIII century]. *Pravyashchie elity i dvoryanstvo Rossii vo vremena i posle petrovskikh reform (1682–1750)* [Ruling elites and nobility of Russia during and after Petrine reforms (1682–1750)]. M.: ROSSPEN, 2013, pp. 149–177 [in Russian].
- Russkii biograficheskii slovar' 1896–1918 – *Russkii biograficheskii slovar'* [Russian Biographical Dictionary]. M.: SPb.: Imperatorskoe Russkoe istoricheskoe obshchestvo, 1896–1918, Vols. 1–25. Available at: <https://runivers.ru/lib/book7666> [in Russian].
- Solovyov 2006 – *Solovyov S.M. Istoriya Rossii s drevneishikh vremen. T. 10* [History of Russia since ancient times. Vol. 10]. M.: Eksmo, 2006, 1024 p. Available at: <http://www.homlib.com/read/solovev-sm-2/istoriya-rossii-s-drevneishih-vremen-t-10> [in Russian].
- Stroev 1909 – *Stroev V.N. Bironovshchina i Kabinet ministrov: v 2 t.* [Bironovshchina and the Cabinet of Ministers: in 2 vols.]. M.: Tipografiya Imperatorskogo Moskovskogo universiteta, 1909, 205, 77 p. Available at: <https://runivers.ru/lib/book8162> [in Russian].
- Ustryalov 1839 – *Ustryalov N.D. Nachertanie russkoi istorii dlya srednikh uchebnykh zavedenii* [The outline of Russian history for secondary schools]. SPb.: Tip. Ros. akad., 1839, 317 p. Available at: <http://arch.rgdb.ru/xmlui/handle/123456789/33533#page/0/mode/2up> [in Russian].
- Filimon 2003 – *Filimon A.N. Yakov Bryus* [Jacob Bruce]. M.: Chistye vody, 2003, 459 p. Available at: <http://www.bwbooks.net/index.php?id1=4&category=history&author=filimon-an&book=2003> [in Russian].

**«ОСОБОЕ МНЕНИЕ» МЕНЬШИНСТВА СОВЕТА МИНИСТРОВ
ПО ПОЛЬСКОМУ ВОПРОСУ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

© Плещеева Анна Валерьевна – аспирант, кафедра источниковедения истории России, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9.

E-mail: annplesh@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5148-7459>

АННОТАЦИЯ

С началом Первой мировой войны польский вопрос для Российского государства вновь превратился в серьезную внешнеполитическую проблему, которая потребовала поиска новых путей для его решения. Интерес России к Польше носил стратегический характер и определялся близостью этого государства к театру военных действий, что могло вызвать серьезные осложнения у российского правительства. Задача России в Первой мировой войне в общем виде была выражена в воззвании Верховного Главнокомандующего великого князя Николая Николаевича к полякам. Но в среде российского правительства оно было встречено неоднозначно. Обсуждению польского вопроса было посвящено пять заседаний Совета министров. Мнения по этой проблеме были запрошены у различных правительственных ведомств. Острые дискуссии по польскому вопросу вызвали раскол в правящих кругах России. При этом представители различных ведомств не хотели прислушиваться к точке зрения противоположной стороны. В целом можно выделить две резко противостоящие друг другу группы внутри царского правительства. Одна из них объединялась вокруг министра иностранных дел С.Д. Сазонова и выступала за изменения в курсе Российского государства в отношении Польши. Другая группа, состоящая из Н.А. Маклакова, И.Г. Щегловитова и М.А. Таубе, была противником уступок полякам. В статье анализируется специальная записка, которая формулировала их «особое мнение» по польскому вопросу. Эта записка представляет особый интерес, так как определяет военные цели в Первой мировой войне по степени их важности для России.

Ключевые слова: Первая мировая война, национальный вопрос, польский вопрос, И.Г. Щегловитов, Н.А. Маклаков, М.А. Таубе, Польша, дипломатия.

Цитирование. Плещеева А.В. «Особое мнение» меньшинства Совета министров по польскому вопросу в годы Первой мировой войны // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 3. С. 41–47. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-3-41-47>.

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-3-41-47
UDC 93/94

Submitted: 24/IV/ 2019
Accepted: 26/V/ 2019

A.V. Pleshcheeva

«MINORITY OPINION» OF THE COUNCIL OF MINISTERS ON THE POLISH QUESTION DURING THE FIRST WORLD WAR

© Pleshcheeva Anna Valeryevna – postgraduate student, Department of Source Studies of Russian History, St. Petersburg University, 7–9, Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034, Russian Federation.
E-mail: annplesh@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5148-7459>

ABSTRACT

Since the beginning of the First World War, the Polish question for the Russian state has again become the serious foreign policy problem, which required the search of new ways to solve it. Russia's interest to Poland was a strategic character and was determined by the proximity of this state to the theater of operations, which could cause the serious complications for the Russian government. The task of Russia in the First World War was expressed in the proclamation of the Supreme Commander Grand Duke Nikolai Nikolayevich to the Poles. But it was met ambiguously in the environment of the Russian government. The discussion of the Polish question was devoted to five sessions of the Council of Ministers. The opinions on this problem were requested from the various government departments. The hot discussions on the Polish question caused a split in the ruling circles of Russia. At the same time, the representatives of various departments did not want to listen to the point of view of the opposite side. Generally we can distinguish two sharply opposing groups within the tsarist government. One of these groups united around Foreign Minister S.D. Sazonov and advocated for the changes in the course of the Russian state with regard to Poland. The other group, consisting of N.A. Maklakov, I.G. Shcheglovitov and M.A. Taube, was an opponent of the concessions to the Poles. The article analyzes the special memorandum that formulated their «special opinion» on the Polish question. This memorandum is of particular interest, because it defines the military targets in the First World War according to the degree of their importance for Russia.

Key words: First World War, national question, the Polish question, I.G. Shcheglovitov, N.A. Maklakov, M.A. Taube, Poland, diplomacy.

Citation. Pleshcheeva A.V. «Osoboe mnenie» men'shinstva Soveta ministrov po pol'skomu voprosu v gody Pervoi mirovoi voyny [«Minority opinion» of the Council of Ministers on the Polish question during the First World War]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 3, pp. 41–47. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-41-47> [in Russian].

Одной из характерных черт новой исторической эпохи рубежа XIX–XX столетий стало усиление межнациональных противоречий. Современные российские исследователи, опираясь на теоретико-методологические разработки зарубежных авторов, придают большое значение анализу именно национальных и политических причин Первой мировой войны [Бахтурина, 2000, с. 7]. Национальный вопрос тесно переплетался с противоречиями внутри крупных держав и их стремлениями к захвату новых территорий. Тяжелую обстановку на европейском континенте осложняли национально-освободительная борьба балканских народов и национальные движения в Османской, Австро-Венгерской и Российской империях.

Национальный вопрос оказывал влияние как на внешнюю, так и на внутривнутриполитическую деятельность Российского государства. Идеи панславизма развивались в российском обществе и порождали различные «политические планы и научные работы, правительственные документы и публицистические статьи» [Бахтурина 2000, с. 7]. Особенно сильно лозунги об укреплении национальной им-

перии и общеславянском единении стали раздаваться в начале Первой мировой войны. В официальных кругах Российской империи относились достаточно осторожно к панславистскому движению, но идеи об общерусском единении были встречены с одобрением, так как они вписывались в концепцию «исправления границ» России на западе. Немаловажным фактором выступали усилившиеся тенденции к культурной автономии или политической независимости различных частей Российской империи в условиях проведения политики русификации внутри государства.

Среди современников событий, уделивших внимание польскому вопросу, стоит отметить одного из сотрудников Министерства иностранных дел Г.Н. Михайловского. Автор прослужил в МИДе с 1914 по 1920 г. Его «Записки» были обнаружены в Архиве внешней политики России и впервые опубликованы в 1993 г. [Михайловский 1993]. Первая книга воспоминаний охватывает период с августа 1914 г. по октябрь 1917 г. Г.Н. Михайловский достаточно хорошо ориентировался в сложившейся обстановке, что придает его «Запискам» ха-

рактер подробного исследования атмосферы общественной и политической жизни Российской империи начала XX в.

В 1926 г. был издан сборник документов, посвященный российско-польским взаимоотношениям в годы Первой мировой войны [Русско-польские отношения... 1926]. Опубликованные в нем документы были извлечены из архива канцелярии Совета министров Российской империи и из бумаг бывшего председателя Совета министров Б.В. Штюмерра. Сборник содержит записку с «особым мнением меньшинства», мнения министров и государственных служащих, а также протоколы заседаний Совета министров. Этот комплекс источников позволяет проследить обсуждение польского вопроса царским правительством, выделив основные точки зрения правящих кругов Российской империи на эту проблему.

Но в отечественной историографии долгое время польский вопрос в годы Первой мировой войны и воззвание великого князя Николая Николаевича к полякам не анализировались как самостоятельная научная проблема. В.С. Васюков подчеркивает, что в российской исторической науке не отмечено должным образом вместе с овладением черноморскими проливами другая важная цель внешней политики России — «создание “целокупной” Польши в ее этнографических границах». Отсюда возник «некоторый “перекос”»: будто не европейский, а балкано-ближневосточный театр занимал главенствующее место в русской внешней политике в годы Первой мировой войны» [Васюков 1994, с. 21]. Оба этих курса были тесно связаны между собой. Так как именно польский вопрос был поставлен на обсуждение в самом начале войны, что может указывать, по мнению В.С. Васюкова, «на первостепенное значение для России Европейского региона во внешней политике» [Васюков 1994, с. 21]. Исследователь рассматривает эту проблему достаточно подробно в коллективной монографии «История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции)» [История внешней политики России... 1999, с. 480–490]. Что касается воззвания, то, возможно, «отсутствие внимания к этому документу в отечественной историографии можно объяснить тем, что до недавнего времени любое действие царского правительства, императора и т. д. трактовалось как политический маневр, обусловленный классовой борьбой» [Бахтурина 1998, с. 133]. Причины и условия появления воззвания Верховного Главнокомандующего русской армией великого князя Николая Николаевича к полякам, обсуждение этой проблемы в Совете министров и проекты решения польского вопроса в годы войны также нашли отражение в работе А.Ю. Батуриной «Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914 — 1917 гг.)» [Бахтурина 2004].

Начало Первой мировой войны выдвинуло Польшу в центр международного внимания. Бли-

зость Царства Польского к театру военных действий могла вызвать серьезные осложнения у российского правительства. Если первоначально интерес России к польскому государству носил в основном экономический характер, то с началом войны он стал стратегическим: Польша была «дверью», которая закрывала или открывала Российскую империю Германии [Dallin 1963, p. 4–5].

Бывшие союзники, разделившие Речь Посполитую в XVIII в., вступили в ожесточенную борьбу и, естественно, стремились через обещания завоевать симпатию и поддержку поляков. Но тем не менее ни одна из сторон не хотела поступиться личными политическими интересами, возродив в той или иной форме «польскую государственность (или хотя бы автономию)» [Аржакова 2012, с. 68].

Если по вопросу черноморских проливов в рядах царского правительства присутствовало единое мнение, то польская проблема с самого начала вызвала острые дискуссии среди правящих кругов России. Задача, которую поставило перед собой официальное российское правительство в Первой мировой войне, была сформулирована в общем виде в воззвании Верховного Главнокомандующего русской армией великого князя Николая Николаевича к полякам от 1 августа 1914 г.: «Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром Русского Царя. Под скипетром этим воссоединится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении» [Год войны... 1915, с. 9]. В практическом отношении это предполагало отвоевание земель у Австрии и Германии и объединение их с Царством Польским в единое государство, которое будет пользоваться определенными автономными правами в составе Российского государства.

Опубликованное 3 августа 1914 г. воззвание нашло положительный отклик на страницах русской и иностранной прессы и среди союзников. Но разговоры союзных дипломатов о широком и полном самоуправлении Польши без точного представления о намерениях царского правительства подталкивали «таким образом к более радикальному решению проблемы» [История внешней политики России... 1999, с. 481]. Общественно-политические круги Царства Польского восприняли воззвание великого князя «как правительственное заявление по польскому вопросу и обещание польской автономии» [Бахтурина 2004, с. 24].

Вопреки противоречивому мнению, есть свидетельства того, что Николай II выступал за умеренный план автономной и объединенной Польши и, вероятно, «наивно полагался на перспективу братского примирения» [Dallin 1963, p. 9]. В своих мемуарах английский дипломат Дж. Бьюкенен утверждал, что в августе 1914 г. «император признал целесообразным рассмотреть вопрос о восстановлении Польши и сделать шаги к обеспечению лояльной помощи ее жителям в войне, театром которой суждено было вскоре стать этой стране. С этой целью великий князь Николай Николаевич, по приказу его величества, обнаружил манифест к

полякам, предусматривавший дарование широкой автономии» [Бьюкенен 1991, с. 171]. Французский посол в России М. Палеолог в разговоре с С.Д. Сазоновым задал вопрос, почему воззвание было обнародовано за подписью Верховного Главнокомандующего, а не императора, так как «моральное впечатление от этого было бы гораздо более сильным». Тогда российский министр иностранных дел по секрету сообщил, что И.Л. Горемыкин и Н.А. Маклаков относились враждебно к восстановлению польского государства. Они полагали, что, так как «поляки Галиции и Познани находятся еще под австрийскими и прусским владычеством», а завоевание этих территорий только предполагается, то «император не может лично, достойным образом, обратиться к своим будущим подданным» [Палеолог 1991, с. 77]. Напротив, великий князь Николай Николаевич не превысит своей роли в качестве российского главнокомандующего, «обратившись к славянскому народонаселению, которое он идет освобождать». Император согласился с этими доводами [Палеолог 1991, с. 77–78]. Этими маневрами правое крыло стремилось избавить царя и правительство от какой-либо ответственности за обещания, содержащиеся в манифесте.

Обсуждению польского вопроса было посвящено пять заседаний Совета министров в октябрь-ноябре 1914 г. Мнения по данной проблеме были запрошены у различных ведомств, прежде всего у министерств иностранных и внутренних дел, Ставки и Варшавского генерал-губернаторства, представителей Польского коло, Думы и Государственного совета, а также некоторых видных польских деятелей [История внешней политики России... 1999, с. 482]. Несмотря на то что было подготовлено несколько проектов будущего устройства объединенного польского государства, окончательно решить этот вопрос не удалось вплоть до падения самодержавия.

Из «Записок» Г.Н. Михайловского можно проследить борьбу двух резко противостоящих друг другу блоков внутри российского правительства. Первая группа, состоящая из министра иностранных дел С.Д. Сазонова и его сторонников, выступала за внесение изменений в курс российского правительства в польском вопросе. Они старались отойти от традиционного недоверия к полякам и решительного отрицания возможного возрождения Польши в рамках автономии.

Вторая группа отстаивала прежнее направление политики Российского государства в отношении Польши. Самым ярким противником немедленных уступок полякам являлся министр внутренних дел Н.А. Маклаков. Он объединился с дуалистами — министром юстиции И.Г. Щегловитовым и заместителем смертельно больного Л.А. Кассо, товарищем министра народного просвещения бароном М.А. Таубе [Куликов 2004, с. 72]. Они не согласились с доводами большинства и подали И.Л. Горемыкину специальную записку, которая выражала «особое мнение». Авторы документа представили

убедительное подтверждение своих взглядов по различным аспектам в сфере национальных интересов России.

Составленная по инициативе И.Г. Щегловитова [Taube 1928, р. 397–398] записка представляет собой взгляды (за вероятным исключением М.А. Таубе) «ярых реакционеров» [Malone 1963, р. 138–139]. Сам М.А. Таубе описывает И.Г. Щегловитова в своих французских мемуарах как «глубокого реакционера» [Taube 1928, р. 398]. Но их идеи, «реакционные», как это может показаться, относительно польского и других внутренних вопросов, пошли в некотором отношении дальше официального курса Российского государства в вопросе ослабления и разделения Германии. Этот момент можно считать незначительным, полагает Г.Д. Меллон, так как существует устоявшееся мнение, что «реакционный», «антипольский» и «прогерманский» обычно воспринимаются как синонимы при характеристике российских общественных деятелей этого периода [Malone 1963, р. 139].

Согласно мемории Совета министров, дуалисты признавали разрешение польского вопроса «преждевременным» и «подлежащим обсуждению лишь по окончании войны и по удовлетворении всех других, более важных задач» [Мемория Совета министров... 1926, с. 19]. Они полагали, что существуют проблемы, которые необходимо решить в первую очередь в случае успеха русской армии в Первой мировой войне. Подобную точку зрения разделяет Г.Н. Михайловский в своих «Записках». Он считает, что восстановление Польши не могло стать для Российского государства целью войны еще и потому, что тогда «война из оборонительной превращалась бы в наступательную, хотя бы и с “освободительной целью”» [Михайловский 1993, с. 58].

В записке меньшинства конкретные задачи поставлены по степени их важности для России. И первая из них связана с воссоединением с Российским государством Восточной Галиции, Северной Буковины и угорской Руси, чтобы таким образом завершить историческое объединение «всех частей русского народа». Вторая по очередности задача — проведение в жизнь исторической миссии России в Черном море. Затем необходимо реализовать «выпрямление русской государственной границы со стороны Пруссии за счет восточной ее части и в Азиатской Турции», осуществить «всемерное внутреннее ослабление Германии» и освободить «остальных австрийских славян». Задача, связанная с решением польского вопроса, в записке стоит только пятой. При этом оговаривается, что объединение и освобождение Польши должно происходить в возможно полных этнографических пределах [«Особое мнение меньшинства...» 1926, с. 20–21].

Первоочередное решение именно польской проблемы неблагоприятно отразится на интересах Российского государства. Так как подобная мера, по мнению меньшинства, из-за географических осо-

бенностей расположения Западной Галиции ухудшит в стратегическом отношении линии границ России с Германией и Австрией. Кроме того, союзники по Антанте по опыту Венского конгресса и 1863 г. также могут выступить не на стороне Российского государства в этом вопросе [«Особое мнение меньшинства... 1926», с. 21]. С этим положением согласен русский дипломат А.В. Неклюдов. В мемуарах он отмечает, что объединение Польши под скипетром императора России, пусть и в форме автономии, «не может быть лояльно и искренне принято Европой, даже нашими самыми верными союзниками», так как это еще больше продвинуло бы границы Российского государства «в испуганное тело Западной Европы» [Nekludoff 1920, p. 325].

Еще одной трудностью и спорным моментом в воззвании Верховного Главнокомандующего является упоминание о «живом теле» польского государства, каким оно было «полтора века тому назад». Такая формулировка может вызвать, согласно записке, «несомненные трудности» в вопросе деления «этнографической» Польши и будет «неприемлемым для большинства польской интеллигенции, которая легко может обнаружить в ближайшем будущем стремление добиться все больших и больших уступок со стороны русского правительства» [«Особое мнение меньшинства...» 1926, с. 22].

Последнее, на что стремятся обратить внимание авторы «Особого мнения...», что польский вопрос должен быть решен исключительно лишь Россией «в полном соответствии с русскими государственными интересами» [«Особое мнение меньшинства...» 1926, с. 23]. Здесь просматривается позиция российского правительства, которое старалось решать эту проблему в контексте именно внутренней политики. И именно министру внутренних дел в условиях царского режима отводилась особая роль в формировании общегосударственной политики.

Записка меньшинства представляет интерес не только потому, что она связана с военными целями России против Германии, но и потому, что она является единственным доступным документом, по мнению Г.Д. Мелона, который «оценивает сравнительную важность целей войны и устанавливает приоритет ее задач» [Malone 1963, p. 138]. Авторы «Особого мнения...» предполагают, что «оставление в германских границах враждебного Германии ненавидящего ее славянского элемента послужило бы, по-видимому, скорее к вядшему ее внутреннему ослаблению, чем к ее усилению» [«Особое мнение меньшинства...» 1926, с. 22]. Таким образом, поляки, живущие под немецкой властью, могут оказаться полезными в реализации российских национальных интересов, и объединение Польши в данном ключе не может стать мерой, с помощью которой можно ограничить немецкую власть.

Таким образом, воззвание Верховного Главнокомандующего было встречено в среде российско-

го правительства неоднозначно. Решение польского вопроса столкнулось с упорным сопротивлением со стороны реакционной части министров и их единомышленников за пределами правительства. Г.Н. Михайловский отмечает: «В глазах известных кругов петербургской бюрократии воссоздание Польши, хотя бы под русским скипетром, означало отдачу врагам России – полякам – Царства Польского», другими словами, «наступление в польском вопросе «новой эры», если и чувствовалось, то крайне слабо [Михайловский 1993, с. 59].

Ситуация обострялась еще и тем, что представители различных ведомств не желали рассматривать противоположную точку зрения. Для Министерства иностранных дел это была новая эпоха возрождения единого польского государства, а Министерство внутренних дел продолжало прежнюю политику «недоверия и подозрительности с несомненной скрытой целью сохранения прежнего раздела Польши» [Михайловский 1993, с. 59]. Хотя председатель Совета министров И.Л. Горемыкин и поставил с санкции царя польский вопрос на рассмотрение правительства, он также не был заинтересован в скорейшем его решении и особенно в предоставлении полякам автономии, которая могла в тот момент их удовлетворить [История внешней политики России... 1999, с. 484]. Н.А. Маклаков и М.А. Таубе стремились «выставить Сазонова перед государем проводником затей наших “союзников”, поднявших польский вопрос, дабы ослабить наше положение в Европе отторжением от России с таким трудом добытого Царства Польского» [Михайловский 1993, с. 60]. «Записки» Г.Н. Михайловского лишний раз свидетельствуют, что «российское правительство склонялось к сохранению прежней линии в польском вопросе» [Аржакова 2012, с. 75].

В период обсуждения польского вопроса еще сохранялось убеждение в непродолжительных сроках войны. Но уже до ее завершения представители Польши все настойчивее требовали обозначить их перспективы. В то время, когда мнения большинства и меньшинства передавались Николаю II, русские поляки узнали о министерских проектах (возможно, через графа Велепольского, члена Государственного совета) и решительно выступили против обеих схем [Dallin 1963, p. 15]. Российское правительство при этом старалось выиграть время, чтобы принять окончательное решение в более благоприятной обстановке.

Обсуждение польского вопроса затянулось, и какие-либо конкретные действия так и не были реализованы царским правительством. Частично И.Г. Щегловитов, Н.А. Маклаков и М.А. Таубе преуспели в достижении одной из своих основных задач – препятствии либеральному решению польского вопроса. Но нет никаких доказательств, что их предложения оказали большое влияние на формулирование целей России в Первой мировой войне [Malone 1963, p. 140]. М.А. Таубе утверждает, что записка меньшинства была «не без резуль-

тата», так как С.Д. Сазонов вскоре добился союзного соглашения для России о контроле над Константинополем и проливами. Однако он признает, что это только гипотеза с его стороны, и, конечно, три автора особого мнения вряд ли были единственными в выдвижении этой военной цели [Taube 1928, p. 398]. Несомненно, большинство представителей царского правительства были согласны с авторами особого мнения. Некоторые внешнеполитические задачи, стоящие перед Российским государством, имели первостепенное значение, и российская «историческая миссия» в Черном море, безусловно, обладала более привлекательным содержанием, чем будущее переустройство Польши. Царское правительство в скором времени обратило свое внимание на конкретные соглашения с союзниками, и обсуждение общих целей в войне перестало быть главной дипломатической заботой.

Таким образом, воззвание Верховного Главнокомандующего к полякам стало первым шагом к изменению политики Российского государства в отношении Польши. Но в среде царского правительства оно было встречено неоднозначно. Одна из точек зрения на эту проблему была оформлена в специальной записке Н.А. Маклакова, И.Г. Щегловитова и М.А. Таубе, которая формулировала их «особое мнение» по польскому вопросу. Они выступали противниками уступок полякам и считали решение вопроса о восстановлении Польши в ее первоначальных границах непервостепенной задачей России в Первой мировой войне. Эта записка представляет особый интерес для исследователей, так как достаточно подробно обозначает военные цели Российской государства по степени их важности для него.

Библиографический список

Dallin 1963 – *Dallin A. The Future of Poland // Russian diplomacy and Eastern Europe, 1914–1917. N.Y.: King's Crown press, 1963. P. 1–15.*

Malone 1963 – *Malone G.D. War Aims toward Germany // Russian diplomacy and Eastern Europe, 1914–1917. N.Y.: King's Crown press, 1963. P. 124–161.*

Neklyudoff 1920 – *Neklyudoff A. Diplomatic reminiscences before and during the World War, 1911–1917. London; J. Murray, 1920. 541 p. URL: https://archive.org/details/diplomaticremini00anat.*

Taube 1928 – *Taube M. La politique russe d'avant-guerre et la fin de l'empire des tsars, 1904–1917. Paris: Leroux, 1928. 412 p.*

Аржакова 2012 – *Аржакова Л.М. Польский вопрос в 1914 г. (по «Запискам» Г.Н. Михайловского) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2012. Вып. 4. С. 68–76. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=18348757.*

Бахтурина 1998 – *Бахтурина А.Ю. Воззвание к полякам 1 августа 1914 г. и его авторы // Вопросы истории. 1998. № 8. С. 132–136.*

Бахтурина 2004 – *Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная*

политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 392 с. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=19685084.

Бахтурина 2000 – *Бахтурина А.Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М.: АИРО-XX, 2000. 264 с. URL: http://www.pseudology.org/Eneida/BahturinaAY_PolitikaRossiiVostGalicii.pdf.*

Бьюкенен 1991 – *Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата: пер. с англ. М.: Международные отношения, 1991. 344 с. URL: http://militera.lib.ru/memo/english/buchanan/index.html.*

Васюков 1994 – *Васюков В.С. К историографии внешней политики России в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М.: Наука, 1994. С. 13–32. URL: http://militera.lib.ru/research/sb_pmv-diskussii/index.html.*

Год войны... 1915 – *Год войны: С 19-го июля 1914 г. по 19-е июля 1915 г.: Высочайшие манифесты. Воззвания верхов. главнокомандующего. Донесения: от Штаба верхов. главнокомандующего Кавк. армией, от Мор. Штаба. М.: Изд. Д.Я. Маховского, 1915. 588 с. URL: https://www.prlib.ru/item/329673.*

История внешней политики России... 1999 – *История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М.: Международные отношения, 1999. 672 с. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=25917215.*

Куликов 2004 – *Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань: НРИИД, 2004. 467 с. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=30641901.*

Мемория Совета министров... 1926 – *Мемория Совета министров 20 и 30 октября и 5, 12 и 15 ноября 1914 г. // Русско-польские отношения в период мировой войны. М.; Л.: Московский рабочий, 1926. 162 с. URL: http://bookre.org/reader?file=758696.*

Михайловский 1993 – *Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 гг.: в 2 кн. Кн. 1. Август 1914 г. – октябрь 1917 г. М.: Международные отношения, 1993. 520 с. URL: https://www.litmir.me/br/?b=266285&p=1.*

«Особое мнение меньшинства...» 1926 – *«Особое мнение меньшинства Совета министров» (Щегловитова, Таубе и Маклакова) // Русско-польские отношения в период мировой войны. М.; Л.: Московский рабочий, 1926. 162 с. URL: http://bookre.org/reader?file=758696.*

Палеолог 1991 – *Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны: пер. с фр. М.: Международные отношения, 1991. 240 с. URL: https://www.litmir.me/br/?b=21338&p=1.*

Русско-польские отношения... 1926 – *Русско-польские отношения в период мировой войны. М.; Л.: Московский рабочий, 1926. 162 с.*

References

Dallin 1963 – *Dallin A. The Future of Poland. In: Russian diplomacy and Eastern Europe, 1914–1917. N.Y.: King's Crown press, 1963, pp. 1–15 [in English].*

- Malone 1963 – *Malone G. D. War Aims toward Germany. In: Russian diplomacy and Eastern Europe, 1914–1917.* N.Y.: King's Crown press, 1963, pp. 124–161 [in English].
- Neklyudoff 1920 – *Neklyudoff A. Diplomatic reminiscences before and during the World War, 1911–1917.* London; J. Murray, 1920, 541 p. Available at: <https://archive.org/details/diplomaticremini00anat> [in English].
- Taube 1928 – *Taube M. La politique russe d'avant-guerre et la fin de l'empire des tsars, 1904–1917* [Russian politics before the war and the end of the Tsarist Empire, 1904–1917]. Paris: Leroux, 1928, 412 p. [in French].
- Arzhakova 2012 – *Arzhakova L.M. Pol'skii vopros v 1914 g. (po «Zapiskam» G.N. Mikhailovskogo)* [The Polish question in 1914 (according to «Memoirs» by G.N. Mikhailovsky)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija* [Vestnik of Saint Petersburg University. History], 2012, Issue 4, pp. 68–76. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18348757> [in Russian].
- Bakhturina 1998 – *Bakhturina A.Yu. Vozzvanie k polyakam 1 avgusta 1914 g. i ego avtory* [The proclamation to the Poles on August 1, 1914 and its authors]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 1998, no 8, pp. 132–136 [in Russian].
- Bakhturina 2004 – *Bakhturina A.Yu. Okrainy rossiiskoi imperii: gosudarstvennoe upravlenie i natsional'naya politika v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1917 gg.)* [The outskirts of the Russian Empire: public administration and national policy during the First World War (1914–1917)]. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2004, 392 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19685084> [in Russian].
- Bakhturina 2000 – *Bakhturina A.Yu. Politika Rossiiskoi Imperii v Vostochnoi Galitsii v gody Pervoi mirovoi voiny* [The policy of the Russian Empire in Eastern Galicia during the First World War]. M.: AIRO-XX, 2000, 264 p. Available at: http://www.pseudology.org/Eneida/BakhturinaAY_PolitikaRossiiVostGalicii.pdf [in Russian].
- Buchanan 1991 – *Buchanan G. Memuary diplomata: per. s angl.* [My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories: translated from English]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1991, 344 p. Available at: <http://militera.lib.ru/memo/english/buchanan/index.html> [in Russian].
- Vasjukov 1994 – *Vasjukov V.S. K istoriografii vneshnei politiki Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1917 gg.)* [On the historiography of Russian foreign policy during the First World War (1914–1917)]. In: *Pervaya mirovaya voina. Diskussionnye problemy istorii* [The First World War. Discussion problems of history]. M.: Nauka, 1994, pp. 13–32. Available at: http://militera.lib.ru/research/sb_pmv-diskussii/index.html [in Russian].
- God voiny... 1915 – *God voiny: S 19-go iyulya 1914 g. po 19-e iyulya 1915 g.: Vysochaishie manifesty. Vozzvaniya verkhov. glavnokomanduyushchego. Doneseniya: ot Shtaba verkhov. glavnokomanduyushchego Kavk. armiei, ot Mor. Shtaba* [Year of war: From July 19, 1914 to July 19, 1915: Imperial proclamations. The proclamation of the Supreme commander. Reports: from the Headquarters of the Supreme Commander of the Caucasian Army, from the Naval Staff]. M.: Izd. D. Ya. Makhovskogo, 1915, 588 p. Available at: <https://www.prlib.ru/item/329673> [in Russian].
- Istoriya vneshnei politiki Rossii... 1999 – *Istoriya vneshnei politiki Rossii. Konets XIX – nachalo XX veka (Ot russko-frantsuzskogo soyuza do Oktyabr'skoi revolyutsii)* [The history of Russian foreign policy. Late XIX – early XX century (From the Russian-French alliance to the October Revolution)]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999, 672 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25917215> [in Russian].
- Kulikov 2004 – *Kulikov S.V. Byurokraticheskaya elita Rossiiskoi imperii nakanune padeniya starogo poryadka (1914–1917)* [The bureaucratic elite of the Russian Empire on the eve of the fall of the old regime (1914–1917)]. Ryazan: NRIID, 2004, 467 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30641901> [in Russian].
- Memoriya Soveta ministrov ... 1926 – *Memoriya Soveta ministrov 20 i 30 oktyabrya i 5, 12 i 15 noyabrya 1914 g.* [Memoria of the Council of Ministers on October 20 and 30 and November 5, 12 and 15, 1914]. In: *Russko-pol'skie otnosheniya v period mirovoi voiny* [Russian-Polish relations during the World War]. M.; L.: Moskovskii rabochii, 1926, 162 p. Available at: <http://bookre.org/reader?file=758696> [in Russian].
- Mikhailovsky 1993 – *Mikhailovsky G.N. Zapiski. Iz istorii rossiiskogo vneshnepoliticheskogo vedomstva, 1914–1920 gg.: v 2 kn. Kn. 1. Avgust 1914 g. – oktyabr' 1917 g.* [Notes. From the history of the Russian Foreign Ministry, 1914–1920: in 2 books. Book 1. August 1914–October 1917]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1993, 520 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=266285&p=1> [in Russian].
- «Osoboe mnenie men'shinstva...» 1926 – «*Osoboe mnenie men'shinstva Soveta ministrov*» (*Shcheglovitova, Taube i Maklakova*) [Minority opinion of the Council of Ministers (Shcheglovitov, Taube and Maklakov)]. In: *Russko-pol'skie otnosheniya v period mirovoi voiny* [Russian-Polish relations during the World War]. M.; L.: Moskovskii rabochii, 1926, 162 p. Available at: <http://bookre.org/reader?file=758696> [in Russian].
- Paleologue 1991 – *Paleologue M. Tsarskaya Rossiya vo vremya mirovoi voiny: per. s fr.* [Tsarist Russia during World War: translated from French]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1991, 240 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=21338&p=1> [in Russian].
- Russko-pol'skie otnosheniya... 1926 – *Russko-pol'skie otnosheniya v period mirovoi voiny* [Russian-Polish relations during the World War]. M.; L.: Moskovskii rabochii, 1926, 162 p. Available at: <http://bookfi.net/book/758696> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-3-48-57
УДК 930.2

Дата поступления статьи: 30/III/2019
Дата принятия статьи: 18/IV/2019

И.Е. Кознова

**ВООБРАЖАЯ М. ГОРЬКОГО: ШТРИХИ К СОВЕТСКОМУ МИФУ
О «БУРЕВЕСТНИКЕ РЕВОЛЮЦИИ»**

© Кознова Ирина Евгеньевна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института философии, Российская академия наук, 109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.
E-mail: i.koznova@mail.ru. WoS ID: V-1815-2018. Scopus ID: 6505610823. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4601-7118>

АННОТАЦИЯ

В момент появления в прессе «Песня о Буревестнике» М. Горького адресовалась широким демократическим кругам. Однако большевики, используя близость Горького к своей партии, монополизировали многозначные образы этого произведения, закрепив за писателем звание «Буревестника пролетарской революции». Наиболее полно оно было представлено в книжном очерке известного журналиста М. Кольцова «Буревестник. Жизнь и смерть Максима Горького» (1938). Описывая жизнь Горького, Кольцов соединил в ней соцреалистический канон о «выходце из народа» и «борце пролетариата» с модерным представлением о просветителе и энциклопедисте, о человеке, который «сделал себя сам». Хотя влияние культа вождя и политических репрессий на идейную и содержательную концепцию книги было сильным и она предлагала нужную «верхам» версию гибели Горького, а Кольцов в своей журналистской практике сам способствовал формированию горьковского мифа, он благодаря личному дружескому общению с Горьким, их тесному творческому сотрудничеству и своему литературному таланту затронул аспекты, особенно волновавшие писателя в его поисках нового человека – антипода мещанина. Горький предстает культурным героем эпохи в апофеозе молодости, энергии, движения. При этом Кольцов интегрировал в очерк важные для общественной практики своего времени вопросы поиска прошлого, отвечающего потребностям социалистического строительства, и способов повествования о нем. Очерк отразил выдвижение на первый план в политике национально-патриотической версии прошлого и переход на второй план его революционной версии.

Ключевые слова: М. Горький, М. Кольцов, В. Ленин, И. Сталин, революция, миф, мещанство, прошлое.

Цитирование. Кознова И.Е. Воображая М. Горького: Штрихи к советскому мифу о «Буревестнике революции» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 3. С. 48–57. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-3-48-57>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

IMAGINING M. GORKY: TOUCHES TO THE SOVIET MYTH OF THE «STORMY PETREL OF THE REVOLUTION»

© Koznova Irina Evgenievna – Doctor of Historical Sciences, Leading Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1, Goncharnaya Street, Moscow, 109240, Russian Federation.

E-mail: i.koznova@mail.ru. WoS ID: V-1815-2018. Scopus ID: 6505610823. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4601-7118>

ABSTRACT

At the time of the appearance in the press of «The Song of the Stormy Petrel», M. Gorky was addressed to wide democratic circles. However, the Bolsheviks, using Gorky's proximity to his party, monopolized the multi-valued images of this work, securing the writer the title of «Stormy petrel of the proletarian revolution».

It was most fully represented in the essay-book of the famous journalist M. Koltsov «The Stormy Petrel. Life and death of Maxim Gorky» (1938). Describing the life of Gorky, Koltsov combined in it the socialist realistic canon of «a native of the people» and a «fighter of the proletariat» with the modernity of the enlightener and the encyclopedic, the man who «made himself».

Although the influence of the cult of the leader and political repression on the ideological and substantive concept of the book was strong, it offered the correct version of Gorky's death, and Koltsov in his journalistic practice himself contributed to the formation of the Gorky myth, thanks to his close personal friendship with Gorky. He touched upon aspects of creative collaboration and his literary talent, especially those that stirred the writer in his search for a new person – the antipode of the tradesman.

Gorky appears as a cultural hero of the era in the apotheosis of youth, energy, movement. At the same time, Koltsov integrated into the essay important for the social practice of his time questions of searching for the past, meeting the needs of socialist construction, and ways of narrating about it. The essay reflected the nomination for the first in politics of the national-patriotic version of the past and the transition to the second plan for its revolutionary version.

Key words: M. Gorky, M. Koltsov, V. Lenin, I. Stalin, revolution, myth, philistine, past.

Citation. Koznova I.E. *Voobrazhaya M. Gor'kogo: Shtrikhi k sovetskomu mifu o «Burevestnike revolyutsii»* [Imagining M. Gorky: touches to the Soviet myth of the «Stormy Petrel of the Revolution»]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 3, pp. 48–57. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-3-48-57> [in Russian].

Введение

Максим Горький – одна из самых парадоксальных и в значительной степени мифологизированных фигур русской литературы, культуры и истории. Появившиеся в последние годы исследования его жизни и творчества, став вполне «своевременными мыслями», способствуют углублению понимания «настоящего» Горького, не укладывающегося в приписывавшиеся ему прежде одномерные характеристики и тенденциозные оценки. Прошедший 150-летний юбилей писателя вновь вынес его имя в центр дискуссий, поднял немало новых острых тем, позволяющих представить научной общественности и публике «разного» Горького [Максим Горький... 2018]. Размышления о неоднозначности горьковской личности, находящейся в постоянном духовном поиске, многомерности его творческого наследия ставят вопрос о Горьком как выразителе и индикаторе российского самосознания, повлиявшем на трансформации последнего. Противоречивость, дуализм национального харак-

тера, мироотношения и миропонимания с особой остротой проявили себя именно в антропологии Горького. Соединяя в своем творчестве непримиримые противоположности, Горький-художник стал воплощением культурной пограничности [Проблемы российского самосознания... 2018].

Размытость границ в случае Горького весьма показательна в плане связанных с ним механизмов культурной памяти и забывания. Склонность к мифотворчеству самого Горького породила амбивалентность и противоречивость культурной памяти о нем. Имя М. Горького до сих пор остается одним из самых «закрепленных» в культуре, при этом его восприятие в научной литературе, в критике, в массовом сознании продолжает оставаться неустойчивым и неоднозначным [Parazian 2009, p. 131–133]. Но трансформация культурной памяти о Горьком идет. В контексте переоценки советского дискурса о писателе и вступления в рамках постпамяти в процесс освоения горьковского наследия следующего поколения, открытого к новым

его интерпретациям по принципу контрпамяти, эти два механизма находятся в стадии формирования, взаимодействуя друг с другом и противостоя друг другу [Ерохина 2018].

Хотя содержание советского мифа о Горьком в целом очевидно, этот миф, при всей своей лапидарности, обладал несомненной подвижностью в рамках изменения политики прошлого и восприятия культурного наследия. В числе тех, кто способствовал канонизации Горького и одновременному продвижению советской версии прошлого в массы, находился и М. Кольцов, роли которого в этом аспекте, на наш взгляд, до сих пор не придавалось должного значения. О связи двух отмеченных моментов и пойдет речь в настоящей статье.

М. Горький: эпоха и биография

Спустя два года после ухода М. Горького из жизни М. Кольцов опубликовал небольшую книгу-очерк о нем [Кольцов 1938]. Это было взволнованное повествование о «Буревестнике», с кем неизменно ассоциировалось имя писателя в дореволюционных демократических и революционных кругах, а в советское время – в массовой пропаганде.

Их знакомство состоялось в 1916–1917 гг.: Горький сотрудничал в журнале «Путь студенчества», где начинал публиковаться молодой журналист Кольцов, тогда студент Петроградского психоневрологического института. В 1917 г. они встречались в разных местах революционной столицы, но вскоре Кольцов примкнул к большевикам. Впоследствии как спецкор «Правды» он горячо и убежденно проводил ленинские идеи в массы. С конца 1920-х гг. Горького и Кольцова связывали крепкие творческие и дружеские узы, нашедшие отражение в их переписке, изданной в середине 1950-х гг., вскоре после реабилитации Кольцова. Писатель привлекал журналиста ко многим своим литературно-издательским начинаниям, доверял ему, обсуждал с ним некоторые свои текущие и возможные будущие проекты. Собственно, переписка началась по инициативе М. Кольцова в ноябре 1928 г., когда журналист обратился к писателю с просьбой о сотрудничестве [Переписка... 1965 б, с. 225].

Эти личности объединяло многое: открытость, одержимость, неумность, амбициозность, обостренное чувство нового, пристрастие ко всевозможным общественно значимым культурным начинаниям. Оба являлись ключевыми фигурами советской культурной дипломатии. Обоим был присущ героический романтизм, оба разделяли утопические надежды на безграничные возможности «переделки» человеческой природы. Оба искренне переживали смерть Ленина. Безусловно, существовало и то, что их разъединяло: возраст, разный жизненный и общественный опыт. Горькому всегда было присуще сложное, противоречивое отношение к миру, неоднозначной была его позиция в отношении идеологии и практики большевизма, хотя именно годы

его сближения с Кольцовым совпали с принятием и одобрением писателем форсированных социалистических преобразований в СССР.

М. Горькому посвящено множество воспоминаний, биографических очерков, исследований. Все они вносили свою лепту в его образ – человека, писателя и общественного деятеля. Если вести речь о популярной, ориентированной на широкие массы литературе, то прежде всего следует назвать появившиеся еще при жизни писателя работы литературоведа И. Груздева, состоявшего с ним в переписке и пытавшегося, как отмечает П. Басинский, проследить связь между Горьким настоящим и вымышленным [Басинский 2011, с. 60–61, 116]. Не исключено, что Кольцов использовал собранные Груздевым материалы, но, во-первых, в своей журналистской практике он предпочитал опираться на собственный опыт и впечатления, которых было немало, во-вторых, его задачи были другими. При этом объединял кольцовский очерк с работами Груздева и с другими публикациями о Горьком общий настрой эпохи «бури и натиска» по-советски – «бодрый призыв к тому, как изменить жизнь к лучшему», «призыв к бодрости и борьбе» [Груздев 1928, с. 18–20].

И все же творение Кольцова своим пафосом, в целом присущим журналисту, выделяется на фоне других аналогичных публикаций. Важно, конечно, то, что очерк был заказан журналисту лично Сталиным для поддержания официальной версии об «умерщвлении» писателя политическими противниками вождя [Тайна смерти Горького... 2017, с. 22, 65–66] и пронизана сталинским культом. В какой-то степени очерк можно воспринимать и как попытку оправдания себя Кольцовым, над которым тогда сгущались тучи. Это была «проба пера» в данном жанре, своего рода заявка на возможность другой биографии – сталинской, которую Горький, кстати, так и не написал и о которой велась речь между вождем и журналистом [Ефимов 2000, с. 230–231].

Проявлений лояльности в очерке Кольцова хватало. Чего стоит только фрагмент «ему холодно на итальянском юге. Ему трудно жить вдаль от Сталина, чья дружеская братская любовная забота, чья помощь и зоркий взгляд вносят действенность, реальность, движение в широкие просветительские планы Горького. Ему тоскливо жить в чужом краю, не принимая непосредственного участия в сталинских планах, в грандиозной переделке всего облика огромной страны». Или: «Горький заново обретает свою родину – как сподвижник Сталина, как его друг» [Кольцов 1938, с. 62–64]. И хотя это было кольцовско-сталинское видение, однако, как отмечает П. Басинский, цитирующий мандельштамовское «В Европе холодно, в Италии темно...», «Буревестнику», по сути, уже некуда было деваться [Басинский 2011, с. 384–385].

Обыгрывалась в очерке и кавказская тема с грузинским акцентом. Безусловно, в человеческой и творческой судьбе Горького проведенные им на

Кавказе и, в частности, в Грузии месяцы были весьма значимы. У Кольцова Грузия и Тифлис представляли поворотными точками горьковской судьбы, символами освобождения («отчаяние и безверие сменилось нарастающей волей к борьбе») и обновления («чистая рубаха с белым воротником – первое завоевание молодого парня», противопоставленная прошлому – грязным волжским пригородам, пьяным дракам, первобытной хамской жестокости) [Кольцов 1938, с. 23–24].

И все же, несмотря на изрядную долю «сервизма» в очерке, талант повествователя позволил создать живой и притягательный образ Горького – всенародного любимца. Собственно, это тоже соответствовало планам вождя. Кстати, в 1924 г. Сталин упрекал Кольцова в «сервизме» по отношению к Троцкому в связи с многочисленными публикациями о нем в руководимом журналистом «Огоньке» [Ефимов 2000, с. 97–98]. Но очерк окрашен неподдельным уважением и расположением Кольцова к Горькому, на тексте лежал отсвет теплых, подчас шутивно-ироничных отношений, пронизывавших, в частности, их переписку. Так, обращает на себя внимание стиль Горького, особенно в завершающей части писем: «О брате, мой любезный!.. Старец Алексей Нижегородский и Соррентийский»; «Питаю симпатию к Вам, небольшой снаружи, но дорогой изнутри, дядя... Горьковский старец Пешков Алексей»; «Многоуважаемый Михайло Кольцов, предприниматель, свирепый эксплуататор и вообще – зверь! Нижеподписавшаяся рабочая сила почтительно намекает Вам о гонорарии...» [Переписка... 1965 б, с. 230, 235, 240]. Стоит отметить, что подобный стиль Горький позволял себе в письмах отнюдь не ко всем, а, например, к самым близким – Е. и М. Пешковым, М. Андреевой [Горький 2006, с. 38–40, 49–51, 52, 54–55]. В свою очередь Кольцов обращался к Горькому в одном из писем: «Сознательный ударник тов. Алексей, старый бригадир...» [Переписка... 1965 б, с. 243].

Кольцов творил биографию Горького как героя, как «нового человека», показывая восхождение того из социальных низов к культурным вершинам – из тьмы и мрака к свету. Перед читателями представала «величественная картина бурной и страстной жизни», не лишенная противоречий и сомнений: созерцательное и практическое изучение мира; бродяжничество, концентрировавшее в себе неуспокоенность, поиск, нацеленность на сопотивление, открытие неведомого, испытание судьбы женским началом. Не ускользнул от внимания Кольцова и опыт горьковского актерства в сельском театре. По Кольцову, Горький всегда, но особенно в молодые годы «воспитывал, всегда учил самого себя, боролся с собой за себя лучшего». Горьковской формулой жизни для читателя были «сбывшиеся гордые мечты, творчество и борьба» [Кольцов 1938, с. 24].

Кольцов явно завывал степень близости Горького к большевикам. В определенном смысле коль-

цовское повествование воспроизводило путь от стихийности к сознательности («учение Маркса вдохнуло в него организованность, целеустремленность, дисциплинированность») – постулат, легший, по наблюдениям современных исследователей, в основу принципа соцреализма [Кларк 2002]. Поэтому при всей уникальности судьбы Горького в очерке Кольцова отразились и общие для времени моменты, например, тема преодоленного социального сиротства или открытых для советского человека широких возможностей по переделке общества и самого себя.

Кстати, миссию биографа М. Горького М. Кольцов начал выполнять задолго до кончины писателя, и очерк стал лишь заключительным аккордом. Кольцов приступил к ней в возобновленном им к изданию в 1923 г. журнале «Огонек», размещая самый разнообразный материал о писателе. В этом популярном массовом иллюстрированном еженедельнике М. Горький стал, особенно при жизни обоих, одним из главных персонажей публикаций. В приложении к журналу издавалась литературная серия, включавшая в том числе и сборники горьковских рассказов, содержание которых составлялось им самим. Правда, касавшаяся «Огонька» и финансовых вопросов переписка велась М. Горьким не с М. Кольцовым, а с его заместителем – писателем Е. Зозулей [Переписка... 1965 а, с. 106–115].

Для М. Кольцова, помещавшего на страницах своего детища материалы о М. Горьком, было важно соблюсти баланс: не отказываясь от показа его былых «заблуждений» (нищестество, богоискательство), не упоминать основного, связанного с расхождениями с большевиками в 1917–1918 гг. Задача у издания после отъезда писателя из страны была определенной: показать тесную связь Горького с Родиной, акцентировать характер его творчества как революционно-пролетарский, способствовать «советизации» «Буревестника» и добиться его возвращения в СССР. Возможно, это тоже был сталинский заказ: исследователи обратили внимание, как в целом был ловко срежиссирован приезд Горького в 1928 г., хотя пока, по свидетельству самого писателя, в качестве «наблюдателя» [Спиридонова 2013, с. 174–183], имея двойственный статус «великого русского писателя и постороннего в России в одном лице» [Дэвид-Фокс 2015, с. 246–247; Tolczyk 1999, p. 121–122].

Когда Горький признал курс на «социалистическое наступление» и активно включился в его реализацию, «Огонек» всячески использовал авторитет писателя для пропаганды «творческой жизни передового трудящегося человека», способствуя канонизации Горького и внедрению мифа о нем в советскую культуру. Одновременно имя писателя работало на становление и укрепление культа вождя [Кознова 2018].

М. Кольцов стремился дать в очерке психологический портрет М. Горького в юном и зрелом возрасте. Этой линии Кольцов придерживался и

раньше. Так, в 1927 г. с разрешения Горького было опубликовано заключение графолога-эксперта о почерке и характере писателя: «Свободолюбив. При большой энергии, предприимчивости — практичности в натуре мало... Человек, далеко не лишенный воли, но в личной жизни она может находиться под влиянием порывов чувствительности. Знаком с колебаниями, компромиссами. Много подавлено. Способность вызвать человека на откровенность, умение понимать большие стороны личности, умение разглядеть под внешне отталкивающим, жестким — ценное и нежное. Несмотря на умение самодисциплинироваться, сдержанность, — настроение в жизни играет все же значительную роль. При чуткости, отзывчивости, характер для близких людей несколько тяжелый. Иногда, несмотря на желание быть объективным, большое значение играют личные симпатии, часто возникающие независимо от сознания. Временами упрям. При большом жизненном опыте, во многих областях сохранил чисто юношеский пыл. Заметна большая и постоянная работа над собой. Глубоко творческая натура» [Зуев-Инсаров 1927]. Интересно, что данное письмо, вероятно, дабы не поколебать сложившийся к тому времени горьковский миф, не упоминалось в т. 30 (письма за 1927–1936 гг.) собрания сочинений Горького (1955 г.) и в т. 3 «Летописи жизни и творчества Горького» (1959 г.), а было опубликовано только в 2013 г. в т. 16 собрания писем Горького.

В очерке подобные характеристики относились главным образом к молодым годам писателя. В зрелом возрасте он предстал более «собранным», цельным. Обращаясь к воспоминаниям бельгийского писателя Ф. Элленса о посещении им Горького в Сорренто в 1926 г., Кольцов описывал горьковский внешний облик: «Редко видел более прекрасную согласованность во всех частях лица. Глаза, нос, подбородок, рот играют и сочетаются, можно сказать, в музыкальном соответствии». Кольцов делал упор на «детскую доброту», «оптимизм» Горького и его «ясное настроение» [Кольцов 1938, с. 54–56]. Завершали горьковский портрет его знаменитые усы.

Кольцовское повествование о Горьком начиналось с утверждения о том, что, несмотря на болезни, тот — человек долговечный. В очерке время будто поворачивалось вспять, акцентировались горьковские молодость («не стареет, а молодеет. На глазах оживает, воспламеняется при виде грандиозного подъема, начавшегося на его родине») и энергия («находит время выслушивать всех. Инициатор и вдохновитель множества новых и плодотворных начинаний») [Кольцов 1938, с. 56–58, 62–64]. Отождествляемый с революционным пафос неувядающей молодости был присущ эпохе. Она, кстати, стимулировала интерес к разнообразным методам физического бессмертия, привлекавшим внимание и Горького.

М. Горький буквально изумил пятерых моряков советской военной эскадры, посетивших писа-

теля в Сорренто в конце 1925 г., о чем один из них под псевдонимом рабочего корреспондента написал заметку для «Огонька». Доброжелательность писателя, талант рассказчика, наконец, глубокая осведомленность о происходящем на Родине потрясли их. Могло показаться, что Горький обладал всеобъемлющем тайным знанием [Скобарь 1926]. По сути, здесь отразилась народная потребность в некоем высшем авторитете, используя которую власть творила и культ Ленина, и культ Сталина. Скорее всего, текст рабкора подвергся редакционной правке. Его отзывы о писателе — «казалось, что в мозгу у Горького огромный склад с полочками, где разложены тысячи оригинальных людей, необычных встреч, интереснейших фактов»; «его огромный, неисчерпанный талант питается великим движением вперед “миллионов человеческих волей”» — напоминал очерк М. Кольцова о Ленине. У Кольцова читаем: «Ни за что не разберешь, где кончается личный Ленин и начинается его семья — партия, так же как трудно определить резкие грани там, где кончается партия и начинается пролетариат. Ленин — это сложнейший тончайший аппарат, служащий пролетариату для его исторической миссии» [Кольцов 1923]. Да и сам Горький в 1928 г. говорил о «коллективном Ленине» [Спиридонова 2013, с. 116]. Впрочем, во всех случаях несомненно сходство с известными строками В. Маяковского о Ленине («он в черепе сотни губерний ворочал, людей носил до миллиардов полутора»).

Создавалось впечатление, что Горький даже воплотил в себе какую-то ленинскую ипостась, пусть и упрощенно. Нечто подобное выразил и В. Молотов на траурном митинге в день похорон писателя, сказавший, что после кончины Ленина кончина Горького — самая большая утрата [Кольцов 1938, с. 95]. Помимо особого дара Горького в плане связи с массами (посреднической миссии между ними и властью), Кольцову в очерке (в соответствии с заказом «сверху») нужно было показать Горького как связующее звено между Лениным и Сталиным. В любом случае, используя по отношению к Горькому фразу «ласково и гостеприимно, но при этом строго, подробно, придирчиво» [Кольцов 1938, с. 92], автор очерка, несомненно, имел в виду и обоих вождей.

Горький — «Буревестник» в пространстве прошлого — настоящего — будущего

Очерк Кольцова о Горьком назывался «Буревестник». Безусловно, автор следовал сложившейся традиции. Но в названии и содержании было и нечто личное для Кольцова — страстного энтузиаста авиации, участвовавшего в различных перелетах и публиковавшего о них полные воодушевления репортажи. Известен его призыв от 25 ноября 1930 г. к читателям «Комсомольской правды» под заголовком «Хочу летать», получивший широкую поддержку. Когда отмечалось 40-летие литературной деятельности Горького (сентябрь 1932 г.), Кольцов выступил в печати с предложением по-

строить агитационный самолет-гигант имени писателя-гиганта, воплощение индустриального потенциала страны. Как отмечал позже Кольцов, возглавивший Всесоюзный оргкомитет по постройке самолета, «был юбилей Алексея Максимовича. Думали, что подарить. С литературной точки зрения наикраше подходит буревестник. Но какой? Решили сделать буревестник побольше» [Кольцов 1934]. В своей заметке «Летающий “Максим Горький”» писатель Е. Зозуля обращал внимание: в дореволюционной России именем «Горький» был окрещен самый тихоходный поезд (4 класса), что было «созвучно глубокой горечи, наполнявшей жизнь пролетария», и подчеркивал: «Не случайно сейчас самый усовершенствованный самолет назван его именем» [Зозуля 1933]. После нескольких полетов самолет потерпел крушение при взлете 18 мая 1935 г. Писатель Максим Горький тяжело переживал катастрофу своего стального крылатого тезки.

Между тем у Кольцова был еще один символ, который он использовал в своей журналистской практике, в том числе и в повествовании о Горьком. Это – корабль. Так, идущий вперед под лучами яркого солнца океанский лайнер на обложке самого первого номера советского «Огонька» за 1923 г. символизировал будущее, куда устремлялась новая Россия. Характерно сравнение расположенной на высоком берегу Москвы-реки дачи в Горках, куда к Горькому приезжали многочисленные гости, включая Сталина: «Отсюда, как с палубы корабля, прокладывающего твердый курс в будущее, раскрывался океанский простор мира; здесь вместе думали, как сделать жизнь лучше, чище и веселее» [Кольцов 1938, с. 75–76]. Но и прошлое самого Горького было связано с плавучим средством, хотя и небольшим. Безусловно, именно происходившее на волжском пароходе (мифический сундук с книгами) разделило жизнь юного Алеши Пешкова на две части, когда ему был передан чудесный дар – страсть к чтению. И тот же пароход стал для Кольцова связующим звеном между прошлым и настоящим, когда весной 1936 г. он навещал Горького в Крыму вместе с французским писателем А. Мальро: «Мальчик Алеша Пешков, с палубы волжского парохода с широко раскрытыми голубыми глазами жадно смотрящий на мир, все еще сидел в этом 68-летнем человеке с чуть побелевшими усами и все еще был неутолим» [Кольцов 1938, с. 10–11, 92–94].

Свое повествование о Горьком Кольцов строил вокруг ряда тем, особенно актуальных для практики социалистического строительства. Так или иначе они касались исторического времени. В частности, Кольцов приводил фрагмент воспоминаний Ф. Элленса, в котором рассказывалось о костре, разожженном Горьким при свете дня. На удивленный вопрос Элленса писатель отвечал, что часто это делает, пояснив: «Когда думаешь о прошлом, костер напоминает о временах бродяжничества. Все прошлое словно освещается этим огоньком, и мне кажется тогда, что жизнь моя не изменилась» [Коль-

цов 1938, с. 54]. Очевидно, что прошлое предстает в данном случае в позитивном аспекте. Хотя сам огонь как символ и как явление реальности для Горького был амбивалентен.

Однако гораздо чаще – особенно в советском публичном пространстве, ориентируясь на массы, – Горький стремился обозначить прошлое в ином ключе. Нередко он сокрушался, что молодежь перестает знать прошлое. Акцентируя свое восприятие прошлого в духе ресентимента, Горький утверждал: «...а его нужно знать, нужно ненавидеть... А никто так ненавидит прошлое, как я!» [Скобарь 1926]. Позже сказанное было облечено Горьким в емкую фразу: «Я – свидетель тяжбы старого с новым. Я даю показания на суде истории перед лицом трудовой молодежи, которая мало знает о проклятом прошлом и поэтому нередко слишком плохо ценит настоящее...» [Горький 1962, с. 282]. Ресентимент был обусловлен и комплексами неполноценности/превосходства над Западом [Дэвид-Фокс 2015, с. 45–46, 250–251]. Восприятие дореволюционного прошлого как «проклятого», включая фактор многовековой отсталости, в том числе с подачи Горького, буквально пронизывало публикации газет и журналов на рубеже 1920–1930-х гг., это был тренд эпохи, позиционирующей себя в качестве революционной, освобождающей, выражаясь языком писателя, от «свинцовой», «ядовитой каторжной мерзости» векового гнета царизма.

Это прошлое, впрочем, присутствовало в качестве тяжелого наследия и в повседневной жизни нэповской России. Когда Горький в 1928 г. посетил СССР, его не только вдохновили преобразования, по отношению к чему у него были завышенные ожидания. Впечатления оказались весьма неоднозначными: он был ошеломлен, поскольку столкнулся с «мещанским ренессансом» [Примочкина 1998, с. 115, 174]. В очерке о Горьком Кольцов упоминал многие его произведения, однако одно имело особое значение для 1920–1930-х гг. Речь идет о горьковских «Заметках о мещанстве» (1905 г.), в которых писатель обозначал мещанство как вечное явление, всегда олицетворяющее все низшее в человеке. В статье «О мещанстве» (1929 г.) Горький признавал в нем явление универсальное, в равной степени присущее как русским, так и представителям других народов.

Мещанство претило и М. Кольцову, посвятившему немало фельетонов этому всепроникающему в советскую действительность явлению. Пожалуй, именно необходимость развенчания мещанства и его искоренения предопределила тесное сотрудничество Горького и Кольцова. Так, приступая к изданию нового сатирического журнала «Чудак», Кольцов в конце 1928 г. попросил Горького участвовать в нем. Журналист был убежден, что в СССР, вопреки разговорам о «казенной печати», может существовать хороший сатирический журнал, ориентированный на интеллигенцию и служащих, громящий бюрократизм, подхалимство, мещанство, двойственность в отношении окружа-

ющей обстановки, активное и пассивное вредительство. Название было не случайным и связывалось с горьковским изречением «Чудаки украшают мир»: «Окрашиваем кличку в тона романтизма и бодрости. Желчная сатира, весел и здоров, гневен и вспыльчив. “Чудак”, как Горький, играет на повышение. Вы, Алексей Максимович, нам дотошно нужны, не только как генерал и как имя, но реальный союзник, сотрудник, друг. Просьба прислать сейчас же что-то весело-зубастенькое или сурово-наставительное» [Переписка... 1965 б, с. 225–226]. По Кольцову, именно мещанин считал «чужаком» веру в социалистическое строительство. В свою очередь Горький, назвав Кольцова «одним из талантливейших чудаков Союза Советов», напечатал в первом номере журнала за 1928 г. сатирическую заметку «Факты I» под псевдонимом «Самокритик Словотеков», высмеивая кампанию «самокритики», которая в действительности тревожила его гораздо больше как свидетельство развертывания борьбы с инакомыслием. Впрочем, участие Горького в журнале было кратковременным, да и сам «Чудак» просуществовал чуть более двух лет (Кольцову был объявлен строгий выговор за «подрыв авторитета партийных кадров»), слившись затем с журналом «Крокодил», который, впрочем, позже Кольцов и возглавил.

Имея в виду восприятие М. Горьким в 1930-е гг. Ф. Ницше как предтечи нацизма, в журнале «За рубежом», где Кольцов выступал со-редактором Горького, присутствовало немало пропагандистской риторики относительно «отжившего мира капитала, мира мещанства с его психологией “бандитизма – штирнерианства, нищезанства”». Но все же журнал вместе с другими общественными международными акциями писателя и журналиста главной своей мишенью избрал фашизм, угрожающее распространение которого и было для них символом мещанства [Переписка... 1965 б, с. 250–251].

При этом прошлое рассматривалось и Горьким, и Кольцовым как мощный ресурс идентичности. Будучи озабочен негативными тенденциями в стране, в рабочем классе, Горький противопоставлял мещанина-индивидуалиста человеку массы – «новому человеку»; именно на возвращение в ней героев-коллективистов он и обращал главное внимание. Горький считал необходимым воспитание новых слоев рабочих на революционных традициях, привития им через историю пролетарского сознания и культуры труда. Поэтому на рубеже 20–30-х гг. писатель выдвинул проекты создания популярных, доступных для понимания массового читателя книгоиздательских серий и журналов. К осуществлению многих из них он привлекал и Кольцова («История гражданской войны», «Наши достижения» «Две пятилетки»). Проекты, беллетризованные по форме и эпические по жанру, преследовали цель массовой мобилизации и культурной унификации [David-Fox 2015, p. 59–60;

Lenoe 2004, p. 78–83, 225–227; Papazian 2009, p. 135–164; Priestland 2007, p. 269, 293–294].

В них выразилось видение Горьким новой культуры, выражение и проявление самой сути социалистического реализма, по выражению Э. Папазян, «реалистической мифологии», появившегося в процессе размышлений Горького о «двух правдах» [Дэвид-Фокс 2015, с. 246–252; Papazian 2009, p. 133–165; Tolczyk 1999, p. 100–102, 108–112].

Кольцов, желая того или нет, следовал алгоритму Горького, связывавшего идею социалистического реализма с концепцией «двух правд», изложенной писателем в письме В. Гроссману от 7 октября 1932 г. [Горький 1955]. Чтобы сделать свой текст объективным, Кольцов использовал методы документального повествования. Но, как и Горький, стремившийся к «высшей правде» (и полагая соцреализм именно таковым), Кольцов не ограничился «первой правдой» – обычным фотографическим или «натуралистическим» изображением настоящего (и прошлого). Он интегрировал в очерк «вторую правду», полагая вслед за Горьким, что «истинный реализм» нуждается в добавлении к действительности «желаний и возможностей». В кольцовском очерке и разворачивался свойственный соцреализму подход, когда факт и вымысел оказывались трудноразличимы. Отмеченное, кстати, было присуще и публикациям «Огонька», и новеллистике Кольцова [Осьмухина 2017]. То, о чем пишут исследователи, в частности, Э. Папазян, М. Дэвид-Фокс и другие, – о многообразных и с виду противоречивых душевных метаниях Горького, составлявших своего рода интеллектуальную маску писателя (его «романтизм» и мифотворчество, с одной стороны, рационализме и сциентизме – с другой, его марксизме и нищезанстве, попытках сохранения достижений высокой культуры Запада и России и одновременной пропаганде новой советской культуры как исключительного явления, объединяющей идеи героизма и перековки человека с мифопоэтикой), полагая отмеченное заостренным выражением нарождавшейся культуры сталинизма, – стало квинтэссенцией кольцовского очерка о Горьком.

Идея революционной героики прошлого дополнилась вскоре в идеологической практике идеей «советского патриотизма». При сохранении классового принципа постепенно усиливалось национальное содержание, подчеркивалась связь с героями и военной мощью «исторического» прошлого; в позитивном ключе, не лишенном, однако, идеализации, преподносился и русский национальный характер.

В момент написания очерка названная тенденция уже обозначилась. Отталкиваясь от нее, Кольцов уже раннего Горького представлял опрокидывающим представления о русском народе как о пассивном и никчемном, свидетельствующим о «глубоких переменах, кристаллизации новой жизни в

социальных низах» [Кольцов 1938, с. 32]. Неоднократно обращался Кольцов и к понятию «родина» [Кольцов 1938, с. 51–53, 56–58, 62–64]. Мощным аккордом в продвижении в массы национального патриотического прошлого и героического настоящего стал заключительный абзац книги, в который Кольцов ввел показательный символический ряд. Умерший Горький будто материализовался, представал «живым, осязаемым, реальным куском нашей страны», в единстве ее природы («Жигулевские горы, морской прибой у крымских берегов, зеленые просторы кубанских степей»), культуры (Пушкин, Толстой, «тревожная и сильная русская песня»), истории (Степан Разин, кронштадтские матросы, сибирские партизаны), настоящего («огни Магнитной горы»), наконец, будущего, где существовали на равных эпика фольклора («в веках останется жить народный великан Максим Горький») и эпика советского дискурса («гордый буревестник великой революции») [Кольцов 1938, с. 96].

Заключение

Когда М. Кольцов получил задание на выполнение сталинского проекта «Буревестник», перед ним встала фактически тройная задача. Обычно в замысле биографии существуют две – внешняя и внутренняя – цели. Внешняя, собственно, и посвящена описанию жизни того, о ком биография задумывалась. Но отбор событий и фактов для нее определяется авторским видением объекта своего описания, а также внутренней целью, мотивацией автора биографии, помышляющего с помощью чужого опыта разобраться в себе [Быков 2018]. В кольцовском очерке о Горьком-«Буревестнике» фактически присутствовал еще и третий автор. Ориентируясь на пропагандистский штамп о претворяющихся в жизнь мечтах, Кольцов писал о Горьком-мечтателе. Но и самого журналиста тот, третий, а по сути, – основной автор, прагматик, назвал как-то мечтателем [Ефимов 2000, с. 116–118]. Уловил Кольцов и одиночество Горького, имманентно присущее, впрочем, любому человеку, но творческому в особенности. И все же на смену бунтарю-Горькому пришел, по версии Кольцова, хотя и сохранивший энергию и оптимизм, но все же – благодаря его «большевизации» и «советизации» – остепенившийся энциклопедист и просветитель. В определенном смысле очерк Кольцова, пусть и появившийся в ответ на смерть Горького, стал той книгой, о которой писатель задумывался в своем очерке о Ленине, – необходимой для русского человека книге о счастливой жизни, научившей бы его «в стране, где живут по книгам», как «нужно выдумывать такую жизнь» [Горький]. Несомненно, Горький способствовал утверждению советской героико-революционной версии прошлого, противостоящей тотальности «проклятого прошлого». А Кольцов, обращаясь к фигуре писателя, корректировал образ прошлого в соответствии с новыми запросами времени.

Библиографический список

- David-Fox 2015 – *David-Fox Michael*. Crossing borders: modernity, ideology, and culture in Russia and the Soviet Union. Pittsburg, Pa.: University of Pittsburg Press, 2015. 286 p.
- Lenoe 2004 – *Lenoe Matthew Edward*. Closer to the masses. Stalinist culture, social revolution, and soviet newspapers. Harvard University Press. Cambridge (Mass.); London, 2004, 315 p. URL: <http://bookre.org/reader?file=657476>.
- Papazian 2009 – *Papazian Elizabeth Astrid*. Manufacturing truth: the documentary moment in early soviet culture. DeKalb, Illinois; Northern Illinois University press, cop. 2009. 282 p. URL: <http://books.exfiles.ru/#=Manufacturing+truth+%3A+the+documentary+moment+in+early+Soviet+culture+Elizabeth+Astrid+Papazian.+Elizabeth+Astrid+Papazia>.
- Priestland 2007 – *Priestland David*. Stalinism and the politics of mobilization: ideas, power and terror in inter-war Russia. Oxford; New York: Oxford University press, 2007. 487 p. URL: <https://www.litmir.me/bd/?b=314538&p=1>.
- Tolczyk 1999 – *Tolczyk Dariusz*. See no evil: Lit. cover-ups and discoveries of the Soviet camp experience. New Haven; London: Yale University press, cop. 1999, 361 p.
- Басинский 2011 – *Басинский П.* Страсти по Максиму: Горький: девять дней после смерти. М.: АСТ, Астрель, 2011. 411 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=196994&p=1>.
- Быков 2018 – *Быков Дмитрий*: Биография как автобиография // Год литературы. 2018. URL: <http://godliteratury.ru/events/dmitriy-bykov-biografiya-kak-avtobiog> (дата обращения: 27.03.2019).
- Горький – *Горький М. В.И.* Ленин (Первая редакция). URL: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/vospominaniya/v-i-lenin-pervaya-redakciya.htm> (дата обращения: 27.03.2019).
- Горький 1955 – *Горький М. – Гроссману В.С.* 7 октября 1932 г. // Горький М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 30. М., 1955. С. 261–262. URL: <http://politazbuka.info/biblioteka/hudlit/880-gorkij-maksim-sobranie-sochinenij-v-30-tomah.html>.
- Горький 1962 – *Горький М.* По Союзу Советов // Горький М. Собр. соч.: в 18 т. Т. 11. М., 1962. URL: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/vospominaniya/po-soyuzu-sovetov/po-soyuzu-sovetov.htm>.
- Горький 2006 – *Горький М.* Письма. Т. 12. Январь 1916 – май 1919 // Горький М. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2006. URL: <https://imwerden.de/publ-6685.html>.
- Груздев 1928 – *Груздев И.А.* Максим Горький (Жизнь и работа). М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 40 с.
- Дэвид-Фокс 2015 – *Дэвид-Фокс М.* Витрины великого эксперимента: Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы: пер. с англ. М.: Новое литер. обозрение, 2015. 568 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=570410&p=1>.
- Ерохина 2018 – *Ерохина Т.И.* М. Горький: культурный герой и память культуры // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4 (15). С. 217–222. DOI: 10.24411/2499-9679-2018-10216.
- Ефимов 2000 – *Ефимов Б.* Десять десятилетий. О том, что видел, пережил, запомнил. М.: Вагриус, 2000. 637 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=182928&p=1>.

Зозуля 1933 – Зозуля Е. Летающий «Максим Горький» // Огонек. 1933. № 4. С. 9–10.

Зуев-Инсаров 1927 – Зуев-Инсаров Д. Почерк и человек // Огонек. 1927. № 31. С. 11.

Кларк 2002 – Кларк К. Советский роман: История как ритуал / Clark Katerina. The Soviet Novel: History as Ritual: пер. с англ. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. 262 с.

Кознова 2018 – Кознова И.Е. Максим Горький: портрет на фоне советской эпохи (по материалам журнала «Огонек») // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 4. С. 276–280. DOI 10.24411/1813-145X-2018-10121.

Кольцов 1938 – Кольцов М. Буревестник. Жизнь и смерть Максима Горького. М.: ОГИЗ, 1938. 96 с.

Кольцов 1934 – Кольцов М. Как мы это делаем // Огонек. 1934. № 16. С. 1–4, 5–7.

Кольцов 1923 – Кольцов М. Человек из будущего // Огонек. 1923. № 24. С. 1–2. URL: http://xn--ctbkmlclebdc8fsb.xn--plai/leniniana/proza.php?name=Chelovek_iz_budushchego.

Максим Горький... 2018 – Максим Горький: pro et contra: антология. Современный дискурс / сост.: О.В. Богданова [и др.]. СПб.: РХГА, 2018. 880 с.

Осьмухина 2017 – Осьмухина О.Ю. Маска как средство авторепрезентации в новеллистике М.Е. Кольцова середины 1920-х – начала 1930-х гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2017. Т. 19. № 1. С. 102–104. URL: http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia_hum/2017/2017_1_102_105.pdf.

Переписка... 1965 а – Переписка. Горький – Зозуля // Архив А.М. Горького. Т. X. Кн. 2. М. Горький и советская печать. М.: Наука, 1965. С. 106–115. URL: http://biblio.imli.ru/images/abook/russlitteratura/Arhiv_Gorkogo_10.2_Gorkij_i_sovetskaya_pechat_1965.pdf.

Переписка... 1965 б – Переписка. Горький – Кольцов // Архив А.М. Горького. Т. X. Кн. 2. М. Горький и советская печать. М.: Наука, 1965. С. 224–252. URL: http://biblio.imli.ru/images/abook/russlitteratura/Arhiv_Gorkogo_10.2_Gorkij_i_sovetskaya_pechat_1965.pdf.

Примочкина 1998 – Примочкина Н.Н. Писатель и власть. М. Горький в литературном движении 20-х годов. 2-е изд., доп. М.: РОССПЭН, 1998. 302 с. URL: <http://biblio.imli.ru/images/abook/russlitteratura/Primochkina-Gorky-1998.pdf>.

Проблемы российского самосознания... 2018 – Проблемы российского самосознания: Максим Горький и русская провинция. К 150-летию со дня рождения: по материалам Российской научной конференции с международным участием (Ярославль, 5–7 июня 2018 г.) и XV Всероссийской конференции Института философии РАН с регионами России (Москва, 31 мая 2018 г.). Ярославль; М.: РИО ЯГПУ, 2018. 403 с. URL: <https://reid.hse.ru/data/2018/09/28/1156808264/%D0%9A%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%BE%D1%80%20%D0%BE%20%D0%B3%D0%BE%D1%80%D1%8C%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BC%20%D0%A7%D0%B5%D0%BB%D0%BA%D0%B0%D1%88%D0%B5.pdf>.

Скобарь 1926 – Скобарь. У Максима Горького. Впечатления краснофлотца // Огонек. 1926. № 12. С. 10.

Спиридонова 2013 – Спиридонова Л. Настоящий Горький: мифы и реальность. М.: ИМЛИ РАН, 2013. 440 с.

Тайна смерти Горького... 2017 – Тайна смерти Горького: документы, факты, версии. Л.А. Спиридонова (отв. ред.) [и др.]. М.: АСТ, 2017. 462 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=588508&p=1>.

References

David-Fox 2015 – David-Fox, Michael. Crossing borders: modernity, ideology, and culture in Russia and the Soviet Union. Pittsburg, Pa.: University of Pittsburg Press, 2015. 286 p. [in English].

Lenoe 2004 – Lenoe Matthew Edward. Closer to the masses. Stalinist culture, social revolution, and soviet newspapers. Harvard University Press. Cambridge (Mass.); London, 2004. 315 p. Available at: <http://bookre.org/reader?file=657476> [in English].

Papazian 2009 – Papazian, Elizabeth Astrid. Manufacturing truth: the documentary moment in early soviet culture. DeKalb, Illinois; Northern Illinois University Press, cop. 2009, 282 p. Available at: <http://books.exfiles.ru/#t=Manufacturing+truth+%3A+the+documentary+moment+in+early+Soviet+culture+Elizabeth+Astrid+Papazian.+Elizabeth+Astrid+Papazian> [in English].

Priestland 2007 – Priestland David. Stalinism and the politics of mobilization: ideas, power and terror in interwar Russia. Oxford, New York: Oxford University Press, 2007. 487 p. Available at: <https://www.litmir.me/bd/?b=314538&p=1> [in English].

Tolczyk 1999 – Tolczyk Dariusz. See no evil: Lit. cover-ups and discoveries of the Soviet camp experience. New Haven; London: Yale University Press, cop. 1999, 361 p. [in English].

Basinsky 2011 – Basinsky P. Strasti po Maksimu. Gor'kii: devyat' dnei posle smerti [Maxim passion. Gorky: nine days after death]. M.: AST, Astrel', 2011, 411 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=196994&p=1> [in Russian].

Bykov 2018 – Bykov Dmitrii: Biografiya kak avtobiografiya [Bykov Dmitry: Biography as an autobiography]. In: God literature [Year of Literature], 2018. Available at: <http://godliterary.ru/events/dmitriy-bykov-biografiya-kak-avtobiog> (accessed 27.03.2019) [in Russian].

Gorky – Gorky M. V.I. Lenin (Pervaya redaktsiya) [V.I. Lenin (First edition)]. Available at: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/vospominaniya/v-i-lenin-pervaya-redakciya.htm> (accessed 27.03.2019) [in Russian].

Gorky 1955 – Gor'kii M. – Grossmanu V.S. 7 oktyabrya 1932 g. [Gorky M. to Grossman V.S. October 7, 1932]. In: Gorky M. Sobr. Soch: v 30 t. T. 30 [Collected works: in 30 vols. Vol. 30]. M., 1955, pp. 261–262. Available at: <http://politazbuka.info/biblioteka/hudlit/880-gorkij-maksim-sobranie-sochinenij-v-30-tomah.html> [in Russian].

Gorky 1962 – Gorky M. Po Soyuzu Sovetov [On the Union of Soviets]. In: Gorky M. Sobr. soch.: v 18 t. T. 11 [Collected works: in 18 vols. Vol. 11]. M., 1962. Available at: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/vospominaniya/po-soyuzu-sovetov/po-soyuzu-sovetov.htm> [in Russian].

Gorky 2006 – Gorky M. Pis'ma. T. 12. Yanvar' 1916-mai 1919 [Letters. Vol. 12. January 1916 – May 1919]. In: Gorky M. Pis'ma: v 24 t. [Letters: in 24 vols.]. M.: Nauka, 2006. Available at: <https://imwerden.de/publ-6685.html> [in Russian].

Gruzdev 1928 – Gruzdev I.A. Maksim Gor'kii (Zhizn' i rabota) [Maxim Gorky (Life and work)]. M.; L.: Gos. izd-vo, 1928, 40 p. [in Russian].

- David-Fox 2015 — *David-Fox M. Vitriiny velikogo eksperimenta: Kul'turnaya diplomatiya Sovetskogo Soyuz a i ego zapadnye gosti, 1921–1941 gody. Per. s angl.* [Showcasing the great experiment: cultural diplomacy and western visitors to the Soviet Union, 1921–1941. Translation from English]. M.: Novoe liter. obozrenie, 2015, 568 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=570410&p=1> [in Russian].
- Erokhina 2018 — *Erokhina T.I. Maksim Gor'kii: kul'turny geroi i pamyat' kul'tury* [Maxim Gorky: a Cultural Hero and Memory of Culture]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik* [Verkhnevolzhski philological bulletin], 2018, no. 4 (15), pp. 217–222. DOI: 10.24411/2499-9679-2018-10216 [in Russian].
- Efimov 2000 — *Efimov B. Desyat' desyatiletii. O tom, chto videl, perezhil, zapomnil* [Ten decades. About what I saw, lived through, memorized]. M.: Vagrius, 2000. 637 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=182928&p=1> [in Russian].
- Zozulya 1933 — *Zozulya E. Letayushchii «Maksim Gor'kii»* [Flying «Maxim Gorky»]. *Ogoniok*, 1933, no 4, pp. 9–10 [in Russian].
- Zuev-Insarov 1927 — *Zuev-Insarov D. Pocherk i chelovek* [Handwriting and Man]. *Ogoniok*, 1927, no. 31, p. 11 [in Russian].
- Clark 2002 — *Clark K. Sovetskii roman: Istoriya kak ritual* [The Soviet Novel: History as Ritual. Translated from English]. Yekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 2002, 262 p.
- Koznova I.E. *Maksim Gor'kii: portret na fone sovetskoi epokhi (po materialam zhurnala «Ogonek»)* [Maxim Gorky: a Portrait on the Background of the Soviet Era (based on the materials of the magazine «Ogoniok»)]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2018, no 4, pp. 276–280. DOI 10.24411/1813-145X-2018-10121 [in Russian].
- Koltsov 1938 — *Koltsov M. Burevestnik. Zhizn' i smert' Maksima Gor'kogo* [The Stormy Petrel. Life and death of Maxim Gorky]. M.: OGIz, 1938, 96 p. [in Russian].
- Koltsov 1934 — *Koltsov M. Kak my eto delaem* [How we do it]. *Ogoniok*, 1934, no. 16, pp. 1–4, 5–7 [in Russian].
- Koltsov 1923 — *Koltsov M. Chelovek iz budushchego* [Man from the Future]. *Ogoniok*, 1923, no. 24, pp. 1–2. Available at: http://xn—ctbkmlc1ebd6c8fsb.xn—p1ai/leniniana/proza.php?name=Chelovek_iz_budushchego [in Russian].
- Maksim Gor'kii... 2018 — *Maksim Gor'kii: pro et contra: antologiya. Sovremenniy diskurs. Sost.: O.V. Bogdanova i dr.* [Maxim Gorky: pro et contra: anthology. Contemporary Discourse. Compiler: O.V. Bogdanova et al.]. SPb.: RKhGA, 2018, 880 p. [in Russian].
- Osmukhina 2017 — *Osmukhina O.Yu. Maska kak sredstvo avtoreprezentatsii v novellistike M.E. Kol'tsova serediny 1920-kh — nachala 1930-kh gg.* [Mask as a means of autorepresentation in M.E. Koltsov's novelistics in the period the middle of the 1920th — the beginning of the 1930th]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki* [Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Social, humanitarian, medicobiological sciences], Vol. 19, no. 1, 2017, pp. 102–104. Available at: http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia_hum/2017/2017_1_102_105.pdf.
- Perepiska 1965a — *Perepiska. Gor'kii — Zozulya* [Correspondence. Gorky — Zozulya]. In: *Arkhiv A.M. Gor'kogo. T. X. Kn. 2. M. Gor'kii i sovetskaya pechat'* Archive of A.M. Gorky. Vol. X. Book 2. M. Gorky and the Soviet press]. M.: Nauka, 1965, pp. 106–115. Available at: http://biblio.imli.ru/images/abook/russliteratura/Arhiv_Gorkogo_10.2_Gorkij_i_sovetskaya_pechat_1965.pdf [in Russian].
- Perepiska 1965b — *Perepiska. Gor'kii — Kol'tsov* [Correspondence. Gorky — Koltsov]. In: *Arkhiv A.M. Gor'kogo. T. X. Kn. 2. M. Gor'kii i sovetskaya pechat'* Archive of A.M. Gorky. Vol. X. Book 2. M. Gorky and the Soviet press]. M.: Nauka, 1965, pp. 224–252. Available at: http://biblio.imli.ru/images/abook/russliteratura/Arhiv_Gorkogo_10.2_Gorkij_i_sovetskaya_pechat_1965.pdf [in Russian].
- Primochkina 1998 — *Primochkina N.N. Pisatel' i vlast'. M. Gor'kii v literaturnom dvizhenii 20-kh godov. 2-e izd., dop.* [Writer and power. M. Gorky in the literary movement of the 20-ies. 2nd edition, enlarged]. M.: ROSSPEN, 1998, 302 p. Available at: <http://biblio.imli.ru/images/abook/russliteratura/Primochkina-Gorky-1998.pdf> [in Russian].
- Problemy rossiiskogo samosoznaniya... 2018 — *Problemy rossiiskogo samosoznaniya: Maksim Gor'kii i russkaya provintsiya. K 150-letiyu so dnya rozhdeniya: po materialam Rossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Yaroslavl', 5–7 iyunya 2018 g.) i XV Vserossiiskoi konferentsii Instituta filosofii RAN s regionami Rossii (Moskva, 31 maya 2018 g.)* [Problems of Russian identity: Maxim Gorky and the Russian province. By the 150th anniversary of his birth: based on the materials of the Russian scientific conference with international participation (Yaroslavl, June 5–7, 2018) and XV All-Russian Conference of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences with the regions of Russia (Moscow, May 31, 2018)]. Yaroslavl; M.: RIO YaGPU, 2018, 403 p. Available at: <https://reid.hse.ru/data/2018/09/28/1156808264%D0%9A%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%BE%D1%80%20%D0%BE%20%D0%B3%D0%BE%D1%80%D1%8C%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BC%20%D0%A7%D0%B5%D0%BB%D0%BA%D0%B0%D1%88%D0%B5.pdf> [in Russian].
- Skobar' 1926 — *Skobar'. U Maksima Gor'kogo. Vpechatleniya krasnoflotts a* [At Maxim Gorky. Impressions of the Red Navy man]. *Ogoniok*, 1926, no 12, p. 10 [in Russian].
- Spiridonova 2013 — *Spiridonova L. Nastoyashchii Gor'kii: mify i real'nost'* [Real Gorky: Myths and Reality]. M.: IMLI RAN, 2013, 440 p. [in Russian].
- Taina smerti Gor'kogo... 2017 — *Taina smerti Gor'kogo: dokumenty, fakty, versii. L.A. Spiridonova (otv. red.) i dr.* [The mystery of Gorky's death: documents, facts, versions. L.A. Spiridonova (Ed.) et al.]. M.: AST, 2017, 462 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=588508&p=1> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-3-58-62
УДК 34(091).084.8

Дата поступления статьи: 25/VII/2019
Дата принятия статьи: 30/VIII/2019

И.Н. Коновалов

СОЗДАНИЕ КООПЕРАТИВНОЙ ГРУППЫ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ РОССИИ (1912–1915 ГГ.)

© Коновалов Иван Николаевич – доктор исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, член Общественной палаты Саратовской области, профессор кафедры истории, политологии и социологии, Саратовская государственная юридическая академия, 410056, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

E-mail: i.n.konovалov@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-7359-9160>

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется проблема участия представителей кооперативного движения дореволюционной России в политической жизни страны. Этот вопрос до сих пор остается дискуссионным среди специалистов, тем более что сами кооператоры неоднократно заявляли о своей аполитичности и нейтралитете.

Целью данной статьи является анализ эпизода, связанного с участием кооператоров в создании кооперативной группы в Государственной думе России. Данный сюжет из истории кооперативного движения представляет несомненный интерес для исследователей. Затрагивая малоизвестные сюжеты непосредственного участия кооператоров в избирательном процессе, он расширяет и дополняет наши представления о недостаточно известных аспектах деятельности кооперации по созданию кооперативной группы в Государственной думе.

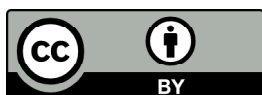
Для достижения поставленной цели были выявлены и рассмотрены архивные источники, проанализированы мнения теоретиков кооперации и высказывания представителей кооперативных организаций по этому вопросу. Исследована подготовительная работа кооператоров, приведены примеры отношения политических партий к созданию кооперативной группы в Государственной думе России.

В основу статьи положены общенаучные принципы познания, такие как историзм и объективность. Указанные принципы помогли оценить суть исследуемой проблемы, учитывая различные точки зрения как ученых, так и современников изучаемых событий.

Анализ политики государственных учреждений по отношению к кооперативному движению показал, что система государственной власти традиционно была направлена против возникавших общественных ассоциаций и движений, правительство не желало передавать хотя бы малую часть своих полномочий в руки кооперативных учреждений, в то время как все время возраставшая роль кооперации в экономической жизни страны одновременно увеличивала и ее политические притязания. К участию в работе Государственной думы кооператоров склоняли и политические партии, которые всячески поддерживали оппозиционные настроения кооператоров.

Ключевые слова: кооперативная группа, Государственная дума, кооперативные съезды, «аполитизм» и «нейтралитет» кооперации, кооперативные кандидаты, политические партии, предвыборная кампания.

Цитирование. Коновалов И.Н. Создание кооперативной группы в Государственной думе России (1912–1915 гг.) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 3. С. 58–62. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-3-58-62>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

CREATION OF A COOPERATIVE GROUP IN THE STATE DUMA OF RUSSIA (1912–1915)

© Kononov Ivan Nikolaevich – Doctor of Historical Sciences, professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, member of the Public Chamber of the Saratov Region, professor of the Department of History, Political Science and Sociology, Saratov State Law Academy, 1, Volskaya Street, Saratov, 410056, Russian Federation.

E-mail: i.n.kononov@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7359-9160>

ABSTRACT

The article examines the problem of participation of representatives of the cooperative movement of pre-revolutionary Russia in the political life of the country. This issue is still a debatable topic among experts, especially since the cooperators themselves have repeatedly declared their apoliticality and neutrality.

The purpose of this article is to analyze an episode related to the participation of cooperators in the creation of a cooperative group in the State Duma of Russia. This story from the history of cooperative movement is of undoubted interest for researchers. Touching upon little-known plots of direct participation of cooperators in the election process, it broadens and supplements our ideas about the insufficiently known aspects of the activities of cooperation in creating a cooperative group in the State Duma.

To achieve this goal, archival sources were identified and reviewed, the views of theorists of cooperation and the statements of representatives of cooperative organizations on this issue were analyzed. The preparatory work of the cooperators is investigated, examples of the attitude to the creation of a cooperative group in the Duma of political parties are given.

The article is based on the general scientific principles of cognition, such as historicism and objectivity. These principles helped to evaluate the essence of the problem under study, taking into account the different points of view of both scientists and contemporaries of the events studied.

An analysis of the policy of state institutions in relation to the cooperative movement showed that the system of state power has traditionally been directed against emerging public associations and movements, the government did not want to transfer at least a small part of its authority into the hands of cooperative institutions. While the ever-increasing role of cooperation in the economic life of the country at the same time increased its political claims. Political parties also encouraged the participation in the work of the State Duma of cooperators, which strongly supported the opposition sentiments of the cooperators.

Key words: cooperative group, State Duma, cooperative congresses, «apolism» and «neutrality» of cooperation, cooperative candidates, political parties, election campaign.

Citation. Kononov I.N. *Sozdanie kooperativnoi gruppy v Gosudarstvennoi dume Rossii (1912–1915 gg.)* [Creation of a cooperative group in the State Duma of Russia (1912–1915)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 3, pp. 58–62. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-3-58-62> [in Russian].

Введение

Россия имеет богатый опыт развития кооперативного движения. Как в прошлом, так и настоящем с помощью кооперативных организаций создавалась эффективная система защиты интересов населения России в условиях рыночных отношений. С возрождением подлинного кооперативного движения возникает острая необходимость в усвоении накопленного опыта, его систематизации и обобщении.

Исследуемому периоду посвящается обширная литература, которая затрагивает разные стороны жизни кооперативных ассоциаций. Вместе с тем отдельные сюжеты, в частности создание кооперативной группы в Государственной думе России, остаются неизученными. Это, видимо, связано с тем, что идеологи кооперации не раз заявляли о ее нейтралитете, и исследователи не затрагивали эту

сторону ее деятельности. Кооперативные теоретики «аполитизм» кооперации рассматривали как форму «самообороны и самозащиты против попыток политической власти подчинить себе кооперацию» [Николаев 1909, с. 220–221; Пажитнов 1917, с. 33, 34; Кильчевский 1919, с. 14].

Усиление позиций кооперации. Включение лидеров кооперативного движения в политическую жизнь

В 1912–1914 гг. кооперативное движение поднялось на новую ступень. Роль его в экономической жизни страны стала еще более заметной.

К началу 1915 года российская кооперация насчитывала около 53887 первичных объединений различных видов и типов. Общую численность кооперативов исследователи определяют свыше 13,5 миллиона человек. Вместе с членами семей они составляли около 39 процентов всего населе-

ния страны [Меркулов 1913, с. 214]. По абсолютным количественным показателям в этом плане Россия занимала одно из первых мест в мире. Разветвленную сеть низовых кооперативов дополняли и объединяли десятки отраслевых, региональных и всероссийских союзов.

Кооперативы взяли на себя не только обеспечение населения продовольствием, предметами первой необходимости, кредитами, но и в какой-то мере снабжение сельскохозяйственного производства машинами и орудиями, реализацию товарного хлеба. Деятельность кооперативных обществ в годы Первой мировой войны показала, что кооперация сможет даже в экстремальных условиях оказать существенную помощь в борьбе с дороговизной, улучшении снабжения населения и армии продовольственными и иными товарами. В этой связи возросли и их претензии на роль в общественно-культурной жизни, усилились оппозиционные настроения.

Всероссийские съезды (Московский 1908 г., Петербургский 1912 г., Киевский 1913 г.) и последующие кооперативные совещания еще раз подтвердили, что быстрое развитие кооперативного движения вошло в противоречие со сложившейся административной практикой.

Так, на совещании по экономическим вопросам, созванном 11–13 июля 1915 года Главным Комитетом Всероссийского союза городов, было высказано пожелание об организации Всероссийского кооперативного союза. В соответствии с этим 4 кооперативных союза, участвующих в совещании, решили немедленно приступить к организации центральных и местных кооперативных комитетов. На 1 ноября 1916 года был учрежден Центральный кооперативный комитет (далее – ЦКК), 4 областных, 17 губернских и свыше 100 уездных и мелкорайонных кооперативных комитетов (РГИА. Ф. 1276. Оп. 12 Д. 204. Л. 5, 5 об.). Одним из главных пунктов программы ЦКК был пункт о «проведении кооперативного закона».

Кроме этого, кооператоры требовали принятия единого кооперативного законодательства, явочного порядка учреждения кооперативов, предоставления кооперативам права свободного объединения в союзы, признание за кооперативами права заниматься не только хозяйственной, но и культурно-просветительской деятельностью.

По завершении работы Московского кооперативного съезда Департамент полиции дал ему следующую оценку: «Нельзя безразлично относиться к свободному и бесконтрольному развитию кооперативного движения. К ним (кооперативам) нужно придерживаться утеснительной политики» (ГАРФ. Ф.102. 1908. Д. 121. (3). Л. 190). Аналогичного мнения полицейское ведомство придерживалось в отношении Петербургского и Киевского кооперативных съездов. Департамент полиции продолжал считать, что, «сосредоточив громадные капиталы, кооперация при известных условиях может представлять большую государствен-

ную опасность» [ГАРФ. 1908-1913. Д. 121. Т.5. Ч.1. Л. 13]. Это толкало кооператоров в объятия политических партий, к участию в избирательных кампаниях и работе в самой Государственной думе. Так, в качестве «сведущих лиц» в социал-демократическую фракцию III Государственной думы входили кооператоры С.Н. Прокопович, Б.Р. Фроммет, М.Л. Хейсин. За работу в Думе они подвергались неоднократным обыскам и арестам, а М.Л. Хейсин был выслан на два года в Псков под гласный надзор полиции (РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. Д. 262. Л. 6 об., 7).

Факты участия кооператоров в предвыборной кампании 1912 г. неоднократно фиксировались полицией и выражались в «предоставлении льготных кредитов своим политическим единомышленникам» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 329. Л. 318 об.; Ф. 395. Оп. 1. Д. 1152 (6). Л. 22 об.).

Однако только материальной поддержкой избирательная деятельность кооператоров не ограничивалась. Вопреки принципу «нейтральности» они включились в предвыборную борьбу в IV Государственную думу. В этой связи представляет большой интерес найденное в архиве Академии наук РФ в Санкт-Петербурге письмо ведущего теоретика российского кооперативного движения, создателя и редактора журнала «Вестник кооперации» М.И. Туган-Барановского профессору Н.К. Никольскому, датированное 1912 г. В нем он писал: «У меня к Вам очень большая просьба, за которую очень прошу меня извинить. Дело в следующем.

Мне пишут из Царского, что если я не буду прописан в Царском и не проведу там некоторого времени, то я буду лишен избирательных прав. Администрация еще не знает, что меня выдвигают выборщиком от Царского, но когда узнает, то постарается меня устранить.

Ввиду этого мне необходимо прописаться в Царском и прожить там два-три дня. Вот я и решаюсь обратиться к Вам с просьбой дать мне приют у вас на эти дни – лишь бы меня прописали в полиции» (ААН РФ. СПб. Ф. 247. Оп. 3. Д. 695. Л. 3, 4).

Другой идеолог российской кооперации В.В. Хижняков причину участия кооператоров в избирательной кампании объяснял тем, что «кооперативные организации не могут и не должны безразлично относиться к тому, как решаются вопросы, непосредственно касающиеся их интересов» [Хижняков 1912, с. 1]. Он предложил политическим партиям и кандидатам в депутаты блок вопросов, которые необходимо включить в предвыборные программы. Среди них: «...не голосовать за того кандидата, который не захочет высказаться за освобождение кооперативных организаций от опеки и подчиненности власти». По мнению В.В. Хижнякова, кандидат, за которого кооператор может отдать свой голос, должен стоять за явочный порядок открытия кооперативов и за свободное образование кооперативных союзов» [Хижняков 1912, с. 1, 3].

Идея создания кооперативной группы в Думе давно обсуждалась не только в кулуарах кооперативных съездов и совещаний, но и на собраниях первичных кооперативных организаций.

Публично она впервые прозвучала в статье Л., опубликованной журналом «Союз потребителей» в 1912 г. [Л. Думская кооперативная группа 1912, с. 742]. Псевдонимом Л. в то время подписывались два общественных деятеля – Г.Д. Лейтензен (Вяземский, Л., Линдов, Линдов Г.) и М.Л. Хейсин (Л., М. Леонтьев, М., Минин М., М.Х., Ромул) [Бургина 1968, с. 387].

Скорее всего, статья принадлежала М.Л. Хейсину, так как Г.Д. Лейтензен примкнул к кооперативному движению значительно позже. Автор не мог подписать статью своим полным именем, так как после высылки в Псков постановлением министра внутренних дел ему было запрещено проживать в столицах, столичных губерниях, городах, где имелись высшие учебные заведения, и печататься в центральных изданиях.

В дальнейшем инициативу создания кооперативной группы в Думе поддержал Московский Союз Потребительских Обществ (МСПО), назначив своим уполномоченным депутата-прогрессиста профессора А.С. Постникова. Всю практическую работу по переговорам с думцами выполнял секретарь Отделения Комитета А.В. Меркулов [Меркулов 1913, с. 60]. Переговоры велись с большим трудом. Положение осложнялось тем, что среди депутатов кооператоров насчитывалось не более полутора десятка. Это тормозило создание кооперативной группы.

Кроме того, по этому вопросу не было единства и среди самих кооператоров. С инициаторами создания кооперативной группы в Думе на внефракционной основе не были согласны вологодские и уральские кооператоры. Так, по мнению инструктора Вологодского Общества Сельскохозяйственных Кооперативов (ВОСК) Элича, «создание такой группы едва ли осуществимо, так как отношение различных партий к общим условиям русской жизни весьма различно» [Меркулов 1913, с. 65].

Его поддержал представитель уральской кооперации, скрывший свое имя под псевдонимом «Южный». Он считал, что «не столько важно в самой Государственной Думе образовать политическую группу, сколько добиться сплочения кооперативных сил вне Думы» [Южный 1912, с. 4].

Несмотря на сложности, кооперативная группа в IV Государственной думе была создана. Проект нового кооперативного закона, внесенный 8 августа 1915 г. за подписью 75 депутатов, повторял основные требования кооперативных съездов и был принят единогласно. Однако принятие давно ожидаемого кооператорами закона стало реальностью только после победы Февральской революции.

20 марта 1917 г. Временное правительство приняло предложенное кооператорами «Положение о кооперативных товариществах и их союзах». Вслед

за этим 21 июня – «Положение о регистрации товариществ, обществ и союзов», а 1 августа – «Положение о съездах представителей кооперативных учреждений» (Положение... с. 614). Так, кооперация получила не только экономическое, но и юридическое признание. Основные положения нового кооперативного законодательства просуществовали до конца 1920-х гг.

Заключение

Таким образом, данный сюжет из истории кооперативного движения представляет несомненный интерес для исследователей. Он расширяет и дополняет наши представления о недостаточно известных аспектах деятельности кооперации по созданию кооперативной группы в Государственной думе. Анализ политики государственных учреждений по отношению к кооперативному движению показывает, что система государственной власти традиционно была направлена против возникавших общественных ассоциаций и движений, правительство не желало передавать хоть малую часть своих полномочий в руки кооперативных учреждений. К участию в работе Государственной думы кооператоров склоняли и политические партии, которые всячески поддерживали оппозиционные настроения кооператоров. К сожалению, дальнейшие события «затормозили, а во многих местах совершенно остановили кооперативную работу» [Прокопович 1918, с. 382]. Большинство кооператоров – творцов нового общекрестьянского закона – не приняли Октябрьской революции и были вынуждены эмигрировать.

Источники фактического материала

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

ААН РФ – Архив Академии наук РФ.

Положение... – Положение о кооперативных товариществах и их союзах // Собрание узаконений и распоряжений правительства изданное при правительствующем Сенате от 31 марта 1917 г. № 72. Отдел первый. Постановление Временного правительства.

Библиографический список

Бургина 1968 – Бургина А. Социал-демократическая меньшевистская литература: Библиографический указатель. Stanford, California, 1968. 391 с.

Кильчевский 1919 – Кильчевский В.А. Кооперация и партия. Пг.: Мысль, 1919. 28 с.

Л. Думская кооперативная группа 1912 – Л. Думская кооперативная группа // Союз потребителей. 1912. № 31. С. 742–743.

Меркулов 1913 – Меркулов А.В. Защита интересов кооперации в Государственной Думе // Вестник кооперации. 1913. № 3. С. 60–64.

Меркулов 1918 – Меркулов А.В. Вопросы кооперативного движения в России. Пг.: Мысль, 1918. 225 с. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01008786434#?page=1>.

Николаев 1909 – Николаев А.А. Теория и практика кооперативного движения. М., 1909. Вып. 2. 57 с.

Пажитнов 1917 – Пажитнов К.А. Кооперация и ее отношение к профессиональному движению, политическим партиям и социализму. Пг., 1917. 59 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004094920>.

Прокопович 1918 – Прокопович С.Н. Кооперативное движение в России. Его теория и практика. М., 1918. 385 с. URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10083151>.

Хижняков 1912 – Хижняков В.В. Кооператоры в избирательной кампании // Уральский кооператор. 1912. № 12-13. С. 1–3.

Южный 1912 – Южный. Государственная Дума и печать // Уральский кооператор. 1912. № 23–24. С. 4–5.

References

Bourguna 1968 – Bourguna A. *Sotsial-demokraticeskaya men'shevistskaya literatura: Bibliograficheskii ukazatel'* [Russian social democracy the menshevik movement. A bibliography]. Stanford, California, 1968, 391 p. [in Russian].

Kilchevskiy 1919 – Kilchevskiy V.A. *Kooperatsiya i partiya* [Cooperation and party]. Pg.: Mysl', 1919, 28 p. [in Russian].

L. Dumskaya kooperativnaya gruppa 1912 – L. Dumskaya kooperativnaya gruppa [L. Duma cooperative group]. *Soyuz*

potrebitelei [Consumers Union], 1912, no. 31, pp. 742–743 [in Russian].

Merkulov 1913 – Merkulov A.V. *Zashchita interesov kooperatsii v Gosudarstvennoi Dume* [Protection of the interests of cooperation in the State Duma]. *Vestnik kooperatsii*, 1913, no. 3, pp. 60–64 [in Russian].

Merkulov 1918 – Merkulov A.V. *Voprosy kooperativnogo dvizheniya v Rossii* [Issues of cooperative movement in Russia]. Pg.: Mysl', 1918, 225 p. Available at: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01008786434#?page=1> [in Russian].

Nikolaev 1909 – Nikolaev A.A. *Teoriya i praktika kooperativnogo dvizheniya* [Theory and practice of cooperative movement]. M., 1909, Issue 2, 57 p. [in Russian].

Pazhitnov 1917 – Pazhitnov K.A. *Kooperatsiya i ee otnoshenie k professional'nomu dvizheniyu, politicheskim partiya i sotsializmu* [Cooperation and its relation to the professional movement, political parties and socialism]. Pg., 1917. 59 p. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004094920> [in Russian].

Prokopovich 1918 – Prokopovich S.N. *Kooperativnoe dvizhenie v Rossii. Ego teoriya i praktika* [Cooperative movement in Russia. Its theory and practice]. M., 1918. 385 p. Available at: <http://books.e-heritage.ru/book/10083151> [in Russian].

Khizhnyakov 1912 – Khizhnyakov V.V. *Kooperatory v izbiratel'noi kampanii* [Cooperators in the election campaign]. *Ural'skii kooperator*, 1912, no. 12–13, pp. 1–3 [in Russian].

Yuzhnyi 1912 – Yuzhnyi. *Gosudarstvennaya Duma i pechat'* [State Duma and printing]. *Ural'skii kooperator*, 1912, no. 23–24, pp. 4–5 [in Russian].

Г.Ф. Галина

**СОТРУДНИЧЕСТВО РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
С МЕЖДУНАРОДНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ**

© Галина Галия Фанильевна – ассистент профессора, кафедра истории Казахстана и социально-политических дисциплин, Карагандинский медицинский университет, 100000, Республика Казахстан, г. Караганда, ул. Гоголя, 40.

E-mail: galinaggaliya@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5576-8066>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются актуальные вопросы международного сотрудничества в сфере развития медицинской отрасли Республики Казахстан после распада СССР. Обострение социально-экономических проблем на постсоветском пространстве вызвало кризис и в сфере здравоохранения. На основе анализа материалов в статье показывается обоснованность вовлечения разных ресурсов для улучшения ситуации в системе медицинского обслуживания населения, в том числе сотрудничество с международными организациями в процессе формирования национальной системы здравоохранения, ориентированной на мировой уровень. Выделяются основные направления сотрудничества зарубежных государств и организаций в процессе реформирования и адаптации системы здравоохранения к новым социально-экономическим условиям переходного периода. Утверждается, что Казахстан как одно из крупных государств на постсоветском пространстве сумел выстроить стабильные и взаимовыгодные отношения с Россией и многими другими странами, не нанося ущерба своим национальным интересам. Автор показывает наиболее значимые направления связи с международными организациями (ВОЗ, структурами ООН, разными иностранными центрами), также межправительственные контакты с иностранными государствами в целях обмена опытом, усовершенствования и развития новых областей в медицине и здравоохранении, которые способствовали вхождению независимого Казахстана в мировое пространство.

Ключевые слова: здравоохранение, реформирование, международные организации, международное сотрудничество, ООН, ВОЗ, медицинская наука, международные отношения, гранты, Республика Казахстан.

Цитирование. Галина Г.Ф. Сотрудничество Республики Казахстан с международными организациями в сфере здравоохранения // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 3. С. 63–69. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-3-63-69>.

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-3-63-69

Submitted: 30/VII/2019

UDC 94 + 327.7:614.2

Accepted: 10/IX/2019

G.F. Galina

COOPERATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN WITH INTERNATIONAL ORGANIZATIONS IN THE HEALTHCARE SYSTEM

© Galina Galiya Familyevna – assistant professor, Department of the History of Kazakhstan and Socio-Political Disciplines, Karaganda Medical University, 40 Gogol Street, Karaganda, 100000, Kazakhstan Republic.
E-mail: galinaggaliya@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5576-8066>

ABSTRACT

The article deals with topical issues of international cooperation in the development of the medical sphere of the Republic of Kazakhstan after the collapse of the USSR. The aggravation of socio-economic problems in the post-Soviet space caused a crisis in the public health sector. According to the analysis of materials, the article demonstrates the validity of involving different resources to improve the situation in the health and public health sectors, including cooperation with international organizations in the formation process of national healthcare system oriented to the world level.

There are main directions of cooperation with foreign states and organizations in the process of reforming and adapting Kazakhstan health care system to the new social and economic conditions of the transition period. It is signed that Kazakhstan – as one of the major states in the post-Soviet space could build stable and mutually beneficial relations with Russia and many other countries, without prejudicing its national interests.

The author indicates the most significant sides of communication with international organizations (WHO, UN structures, various foreign centers), as well as intergovernmental contacts with foreign countries aimed to exchange experiences, to develop and to improve new areas in medicine and healthcare, facilitating the entry of an independent Kazakhstan into the world space.

Key words: public health, healthcare, reforming, international organizations, international cooperation, UN, WHO, medical science, international relations, grants, Republic of Kazakhstan.

Citation. Galina G.F. *Sotrudnichestvo Respubliki Kazakhstan s mezhdunarodnymi organizatsiyami v sfere zdavookhraneniya* [Cooperation of the Republic of Kazakhstan with international organizations in the healthcare system]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 3, pp. 63–69. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-3-63-69> [in Russian].

Историография

Проблема исследования развития здравоохранения Республики Казахстан в постсоветское время носит малоизученный характер. Историография данного исследования берет свое начало в конце 1990-х – начале 2000-х годов.

В современный период проблемы реформирования системы казахстанского здравоохранения, государственную политику в области управления и финансирования, международное сотрудничество, различные аспекты медицинского обслуживания и состояния здоровья населения исследуются в целом ряде работ специалистов – экономистов, социологов, философов, правоведов и т. д. Многие вопросы рассматривались в трудах казахстанских ученых, врачей, организаторов здравоохранения. Однако комплексное исследование проблем становления и развития системы здравоохранения независимого Казахстана в исторической перспективе еще не предпринималось, что предопределяет актуальность самого научного исследования.

Особенным образом можно выделить советского казахстанского ученого, академика РАН и НАН РК, доктора медицинских наук Шарманова Торегельды

Шармановича как одного из инициаторов реформирования системы здравоохранения. За выдающийся вклад в мировое здравоохранение академику была вручена международная премия ВОЗ имени Леона Бернара. В его трудах: «Мировое здравоохранение до и после великой Алма-Атинской конференции» (2003), «Алматинский рубеж мирового здравоохранения» (2008 г.), изданных на английском, казахском, русском, французском и испанском языках, рассматриваются некоторые аспекты сотрудничества и создания партнерских отношений независимого Казахстана со Всемирной организацией здравоохранения и другими международными организациями в сфере медицины и науки.

Основными источниками по вопросам международного сотрудничества являются нормативно-правовые акты – законы, договоры, резолюции ВОЗ, ЮНИСЕФ и т. д. Также необходимо отметить материалы средств массовой информации, включая данные с интернет-ресурсов, статистические данные и архивные документы. Архивные источники представлены в материалах Национального архива Республики Казахстан, г. Нур-Султан (Астана).

Введение

Распад СССР и последовавшие за ним политические и социально-экономические потрясения изменили мировую карту с появлением новых суверенных государств. Бывшие советские республики, обретя суверенитет, формировали государственность с независимым политическим и необходимым им социально-экономическим курсом, в том числе в сфере развития национальной системы здравоохранения. С 1991 года Республика Казахстан является субъектом международного права, обменивается дипломатическими и консульскими представительствами и, соответственно, может полноправно входить в международные организации, системы коллективной безопасности и участвовать в их деятельности. Первый Президент РК Н.А. Назарбаев отметил, что государство, имеющее срединное положение, должно стать мостом между Европой и Азией. И заверил, что республика хотела бы иметь экономические и политические связи со всеми государствами мира, подчеркнув ее «открытость и необходимость разумного баланса между Европой и Азией» [Жигалов, Султанов 1993, с. 13]. Тем самым новый самостоятельный субъект на политической арене – Республика Казахстан – вошел в мировое сообщество как признанное полноправное суверенное государство.

Начало развития международных отношений независимого Казахстана

В первые годы своей независимости Казахстан начал уделять большое внимание развитию двусторонних отношений с зарубежными странами. В период 1992–1993 гг. открываются казахстанские посольства в Российской Федерации, Турции, США, Китае, Германии, Иране, Франции, а также в постсоветских республиках [Внешняя политика Республики Казахстан...]. Уже к 1995 году Республику Казахстан признали 111 государств мира, с 92 из них были установлены дипломатические отношения. Показателем развития международных отношений стало открытие 18 казахстанских посольств за рубежом, в свою очередь, в столице Казахстана были учреждены 36 иностранных посольств и миссий, 9 представительств международных и национальных организаций – ООН, ВОЗ, ОБСЕ, Мирового и Европейского банков реконструкции и развития и др.

Вполне объяснимо, что с обретением независимости, вступлением в ООН и целый ряд международных организаций перед суверенным Казахстаном стояли новые цели и задачи во внешней политике, обороне и национальной безопасности, а также направления самостоятельного вхождения в мировую экономику и мировое сообщество. В то же время страна должна была формировать свой внутривнутриполитический и социальный курс, создавая независимое и сильное демократическое государство [Современная история Казахстана 2003, с. 66]. Тем более социально-экономические проблемы, обострившиеся в переходный период, нуждались в

незамедлительных и скорейших решениях, определенная финансовая, консультативная и иная помощь требовалась государству для начала преобразований в социальной сфере, в том числе и системе здравоохранения.

Поддержка зарубежных стран-партнеров и сотрудничество с международными организациями

Актуальные проблемы 1990-х годов, с которыми столкнулась медицинская отрасль, – это бюджетный кризис, неэффективная кадровая политика, миграция русскоязычных высококвалифицированных специалистов за пределы страны ввиду социальных и политических факторов. К тому же нехватка финансирования обострилась из-за прекращения денежных поступлений и ликвидации союзных министерств – Министерства здравоохранения СССР, Министерства финансов СССР и др. В частности, в письме премьер-министру Республики Казахстан С.А. Терещенко от министра здравоохранения республики А.А. Аманбаева излагается настоятельная просьба рассмотреть вопрос о выделении дополнительных ассигнований на 1992 год (Национальный архив Республики Казахстан. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1. Л. 1): так, например, на приобретение медицинского оборудования и вычислительной техники требовалась сумма 50 млн рублей, которые в бюджете не были предусмотрены. В начале 1990-х годов обостряется проблема с направлением больных для оказания высококвалифицированной медицинской помощи в соседние страны, и это было связано с переходом бывших советских республик на рыночные отношения и передачей клиник центральных НИИ под юрисдикцию Российской Федерации. Кроме того, в медицинских вузах суверенных государств обучалось около 100 казахстанцев в целевой докторантуре, аспирантуре и ординатуре, а медицинское высшее образование с 1992 г. начало производиться на договорной основе, за обучение студентов Министерство здравоохранения должно было перечислить 25,3 млн рублей (Национальный архив Республики Казахстан. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1. Л. 1). Данные факты свидетельствовали о крайне затруднительном финансовом положении в отрасли. Таким образом, для скорейшего выхода из сложившейся кризисной ситуации требовались действия как внутривнутриполитического, так и межгосударственного характера, в частности привлечение не только материальной, но и консультативной, информационной, кадровой поддержки со стороны зарубежных стран. Государственная политика была нацелена на проведение масштабных социально-экономических реформ и была заинтересована в международном сотрудничестве в области медицины и здравоохранения для улучшения состояния отрасли, повышения квалификации медицинских работников, взаимовыгодного сотрудничества, обмена опытом и т. д.

В силу исторической и культурной общности, а также своего геополитического положения Казах-

стан приоритетное внимание уделял и уделяет сотрудничеству с Россией. Подписанный Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Республикой Казахстан и Российской Федерацией в мае 1992 г., продолжил традиции добрососедского и мирного диалога. Так, Статья 29 подчеркивает, что «...Стороны признают необходимость совместных действий по охране здоровья народов, развитию медицинской науки и практики, их материально-технической базы, обеспечению лекарственными средствами, изделиями медицинской техники и продуктами детского питания» [Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Республикой Казахстан и Российской Федерацией 1992]. На всех уровнях старались поддерживать конструктивные отношения, обеспечивая сотрудничество в медицинском образовании, науке и других сегментах отрасли. Вполне объяснимо, что в российских вузах обучалось много студентов, аспирантов, докторантов и ординаторов из Казахстана, направлялись делегации в научно-исследовательские институты и медицинские учреждения для повышения квалификации и взаимного обмена опытом. Обозначим, что с распадом Советского Союза не были окончательно разорваны отношения с братскими республиками, что явилось важным показателем сохранения добрососедских и мирных отношений в регионе. К примеру, сохранились тесные контакты, продолжилось сотрудничество в социальной сфере с Министерствами здравоохранения Туркменистана, Монголии, Грузии, Кыргызской Республики и др., о чем свидетельствуют многочисленные соглашения и меморандумы (Национальный архив Республики Казахстан. Ф. 23. Оп. 1. Д. 407. Л. 67).

Независимость РК и свобода взаимодействия дали импульс развитию партнерских отношений в сфере здравоохранения со многими иностранными государствами. Ярким примером межправительственного сотрудничества могут служить соглашения между Министерством здравоохранения еще Казахской ССР¹ и Министерством здравоохранения Турецкой Республики на период 1991–1995 гг. в части обмена информацией, совместного участия в конференциях, симпозиумах, съездах, а также совместного развития фармацевтических предприятий. А в сентябре 1997 г. было подписано новое соглашение о сотрудничестве между казахстанским правительством и правительством Турецкой Республики в области медицины и здравоохранения [Перечень заключенных международных договоров Республики Казахстан], которое действует в течение 5 лет и предусматривает автоматическое продление.

Активному развитию казахстанской внешнеполитической деятельности способствовали вступление в Организацию Объединенных Наций (02.03.1992) и сотрудничество с ее подразделениями – ЮНИСЕФ (Детский фонд), ПРООН (Про-

грамма развития), ЮНФПА (Фонд по вопросам народонаселения), ЮНЕСКО (организация по вопросам образования, науки и культуры), ЮНДКП (программа по контролю над наркотическими средствами), а также с Международным движением Красного Креста и Красного Полумесяца, Агентством США по международному развитию (USAID) и др. В плане определения значимости этих субъектов взаимодействия следует отметить, что существенное влияние на реформы медицинской отрасли оказывала Всемирная Организация Здравоохранения (ВОЗ) и ее представительства в постсоветских центрально-азиатских республиках. В 1992 г. Республика Казахстан официально стала 180 государством-членом ВОЗ и 51 страной, входящей в Европейское региональное объединение ВОЗ.

Отметим, что Казахстан еще в сентябре 1978 г., будучи советской республикой, получил широкую известность и мировое признание на уровне общественного здравоохранения благодаря глобальной международной конференции ВОЗ и ЮНИСЕФ по первичной медико-санитарной помощи (ПМСП), которая состоялась в столице Каз ССР в городе Алма-Ате. Впервые мировое сообщество провозгласило здоровье неотъемлемым фундаментальным правом человека и определило приоритет первичной медико-санитарной помощи как основную функцию системы здравоохранения каждой страны и «первый уровень контакта человека, семьи и общества с национальной системой здравоохранения...» [Первичная медико-санитарная помощь... 1978, с. 58]. Существенным образом данная конференция повлияла на развитие и усовершенствование принципов мирового здравоохранения и предопределила в будущем реформирование казахстанской системы здравоохранения в переходный период.

С уже независимым Казахстаном Всемирная Организация Здравоохранения начала сотрудничество в феврале 1992 г., совместно с Детским фондом (ЮНИСЕФ) проведя оценку состояния и положения казахстанских детей, внедрив проект иммунизации против кори и полиомиелита [Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ)...]. Таким образом, данная миссия положила начало деятельности ЮНИСЕФ в РК. Активное сотрудничество начинается в период становления независимости с открытия в г. Алма-Ате Бюро ВОЗ по координации и связям с Казахстаном (1993 г.), а в 1994 г. министром здравоохранения РК и региональным директором ВОЗ Дж. Асваллом был подписан первый план сотрудничества ВОЗ с Республикой Казахстан на период 1994–1995 гг. (Национальный архив Республики Казахстан. Ф. 23. Оп. 1. Д. 366. Л. 39). Также в этот год координатором Европейского Регионального Бюро ВОЗ по проблемам «Здоровья женщин и детей» назначена казахстанский профессор Н.А. Каюпова и открывается страновой офис ВОЗ – Казахстан, координирующий деятельность ВОЗ

¹ Министерство здравоохранения Республики Казахстан было основано на базе Министерства здравоохранения Казахской ССР в апреле 1992 года.

в государстве. Международная деятельность находит свое отражение в совместных программах сотрудничества в области иммунизации, питания, водоснабжения и санитарии, защите интересов детей, женского здоровья и во многих других аспектах. Так, для обучения педиатров и инфекционистов осуществлялось финансирование проектов Института питания РК [Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ)...].

Как и любая мировая система, здравоохранение не стоит на месте и должно отвечать вызовам и проблемам современности, улучшая и расширяя поле своей деятельности. На Всемирной ассамблее здравоохранения в 1995 г. была принята резолюция «Переориентация медицинского образования и медицинской практики в целях достижения здоровья для всех», обращенная к государствам – членам ВОЗ [World Health Assembly Resolution... 1995, с. 2]. Данный документ ВОЗ оказал непосредственное влияние на Республику Казахстан, способствуя поиску и направлению путей реформирования системы медицинского образования и всей отрасли здравоохранения в стране. Новой задачей для международного сотрудничества явилось улучшение здоровья в целях устойчивого гуманитарного развития, «...а для этого требуется укрепление местного потенциала... и содействие установлению и развитию партнерских отношений на местном и международном уровнях» [49 сессия ВОЗ 1996, с. 100]. Следует отметить, что положительная динамика в области медицинских реформ и взаимодействия Казахстана с международными организациями выразилась в членстве страны в Исполнительном комитете ВОЗ с 2015 по 2018 год.

Начиная с 1990-х годов XX в. значительную работу в суверенном государстве провела ВОЗ по реформированию системы здравоохранения и образования, управления и деятельности медицинского персонала, планированию и организации служб здравоохранения во всех областях страны. Новаторским и значимым проектом ВОЗ в Казахстане считается открытие первой на территории постсоветского пространства Школы Общественного Здравоохранения (ШОЗ) в 1997 году в г. Алма-Ате с целью совершенствования управления и организации здравоохранения, подготовки и переподготовки медицинских кадров, обеспечения учебно-методической, научной, справочной литературой и т. д.

Еще одним ярким примером сотрудничества являются совместные проекты ШОЗ с зарубежными партнерами: Университетом Содружества штата Вирджиния (США) в области обучения профессорско-преподавательского состава новым предметам в отрасли здравоохранения – менеджменту, экономике, управлению, стратегическому планированию. Плодотворную деятельность продолжила ШОЗ с Британским Советом (2000), Фондом «Сорос – Казахстан» (2002) и многими европейскими медицинскими университетами и центрами в целях усовершенствования учебных программ, проведении научных исследований, повышения квалификации и т. д. [Об университете...]. На основе многогранной деятельности роль ВОЗ в Казахстане

становится весомой, позволяя совершенствовать политику в сфере здравоохранения и обеспечения необходимыми информационными, образовательными, финансовыми и другими ресурсами. Таким образом, совместная деятельность правительства РК и ЕРБ ВОЗ способствовала установлению плодотворного сотрудничества с другими международными организациями и фондами, аналогичными центрами и школами в других странах.

Исторически продолжительным является сотрудничество Казахстана с Международной федерацией обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, с основания республиканской организации в марте 1937 г. Международная федерация продолжила свою миссию и после распада Советского Союза как Региональная Делегация Международной Федерации по Центральной Азии, открыв свое постоянное представительство в г. Алма-Ате (1992). К полномочиям делегации относились поддержка развития новых независимых центрально-азиатских стран – Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана, а также реагирование на гуманитарные нужды. А в марте 2002 г. Общество официально переименовано в Общество Красного Полумесяца Республики Казахстан. Состав и приоритеты деятельности менялись за прошедшие годы для координации усилий международных организаций в сфере здравоохранения, и в последующем существенно был увеличен объем гуманитарной помощи для Казахстана, где основными донорами и партнерами стали США, Япония и европейские страны. Так, из интервью президента Казахстанского Общества Красного Полумесяца Е. Аргынбаева Международному информационному агентству КАЗИНФОРМ следует, что объем полученной гуманитарной помощи в первые годы независимости был в сумме около 70 млн долларов США [Деятельность общества Красного Полумесяца...]. Исходя из этого, ясно, что данное Общество, несмотря на непростые социально-экономические и политические условия в постсоветском Казахстане, продолжило свою гуманитарную деятельность, активно сотрудничая на местном и государственном уровнях.

Вскоре после обретения независимости правительство РК подписывает соглашения с американскими организациями – Центром по предотвращению и контролю заболеваемости в Центрально-Азиатском регионе (CDC/CAR) и с Агентством США по международному развитию (USAID). В частности, миссия Центра была направлена на сотрудничество с целью накопления опыта и знаний, необходимых людям и обществу для защиты здоровья, путем пропаганды здорового образа жизни, предотвращения заболеваний, травматизма и инвалидности. В свою очередь, Агентство США по международному развитию через программу ЗдравРеформ-AbtAssociates более двух лет оказывало финансовую и информационную поддержку правительственной программе по экспериментальной модели в двух казахстанских областях (Жезказганской и Семипалатинской) для поиска стратегии ре-

формирования всей системы здравоохранения. В целом сотрудничество было направлено на следующие проблемы – оказание первой медицинской помощи, здоровье матери и ребенка, пропаганду здорового образа жизни, борьбу с социально опасными заболеваниями (туберкулезом, СПИДом) и т. д. Кроме этого, Агентство осуществляло грантовую деятельность по различным программам улучшения качества медицинского обслуживания и системы финансирования для казахстанских медицинских работников (посольство и консульство США в Казахстане).

Заключение

Таким образом, важным направлением казахстанской внешней политики в вопросах реформирования системы здравоохранения, улучшения здоровья, развития медицинской науки и образования явилась реализация совместных проектов с крупными международными организациями, такими как Всемирная Организация Здравоохранения, Международное движение Красного Креста и Красного Полумесяца, подразделения ООН – ЮНИСЕФ, ПРООН, ЮНФПА, ЮНЕСКО, ЮНДКП, Агентство США по международному развитию (USAID) и др. Успешное проведение дружественной политики и создание партнерских отношений с мировым сообществом позволили Казахстану совместно с международными организациями определить направления реформ в организации, управлении и финансировании отрасли, а также внедрять новшества в области медицинского образования и науки, совершенствовать кадровую политику, переориентировать систему здравоохранения на развитие первичной медико-санитарной помощи и формирование здорового образа жизни.

В переходный период, в условиях социально-экономических потрясений и бюджетного кризиса, Казахстан смог установить сотрудничество с иностранными государствами и международными организациями как с потенциальными партнерами во всеобщей системе здравоохранения. Соответственно, первоначально поддержка со стороны иностранных государств и мирового сообщества выразилась в подписании многих соглашений, меморандумов о сотрудничестве между Министерством здравоохранения РК и представительствами международных и общественных организаций. Став членом Организации Объединенных Наций и других международных организаций, молодое государство – Республика Казахстан – получило реальную возможность полноправного участия и сотрудничества в решении проблем политического, экономического, экологического, социального, культурного и гуманитарного характера. Обладая мощными ресурсами и стратегическим геополитическим положением, формируя демократическое гражданское общество с рыночной экономикой, Казахстан заявил о дружественной и мирной политике, об интеграции со всеми странами мира, обмене опытом и информацией для успешного

развития здорового и сильного государства. Несомненно, межправительственный диалог с зарубежными странами и сотрудничество с международными организациями осуществлялись по многим направлениям, оказывая влияние на процессы реформирования в сфере медицины и становления национальной системы здравоохранения.

В социальной истории Республики Казахстан проблема реформирования и развития системы здравоохранения занимает важное место. Получив независимость, новое государство должно было укрепить и улучшить свою систему здравоохранения и медицинского обслуживания путем изменения не только структуры и финансирования отрасли, привлекая различные международные ресурсы, но и самого понимания здоровья населения как фактора сильного и благополучного государства в целом. Несомненным образом международное сотрудничество с первых лет независимости Казахстана нашло отражение в процессах реформирования отрасли здравоохранения и оказало благотворное влияние на качество здоровья и медицины в последующие годы.

Обретя статус независимого и демократического государства, Казахстан становится активным участником и членом международных организаций политического, экономического, социального, культурного характера, что позволило расширить международные связи и тем самым задействовать дополнительные ресурсы и способы для углубления процесса социально-экономических преобразований. Содействие со стороны международных организаций по реформированию системы здравоохранения, совершенствованию кадровой и финансовой политики, улучшению качества медицинского образования и науки, а также оказание гуманитарной помощи при сохранении позиции государственного суверенитета были значимыми факторами в становлении системы национального здравоохранения в Республике Казахстан.

Источники фактического материала

Национальный архив Республики Казахстан – Национальный архив Республики Казахстан. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

Библиографический список

World Health Assembly Resolution... 1995 – *World Health Assembly Resolution № 48.8. Reorientation of Medical Education and Medical Practice for Health for All*. WHO, Geneva, 1995. 24 p.

Внешняя политика Республики Казахстан – *Внешняя политика Республики Казахстан*. URL: http://www.mfa.kz/ru/внешняя_политика (дата обращения: 12.08.2019).

Жигалов, Султанов 1993 – *Жигалов К.В., Султанов Б.К. Первый Президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев. Хроники деятельности (01.12.1991–31.05.1993)*. Алматы: Фонд политических исследований «Казахстан – XXI век», 1993. 286 с.

Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ) – *Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ)*. URL: <http://www.mfa.kz/ru/content-view/detskij-fond-onn-yunisef> (дата обращения: 20.08.2019).

Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ) – *Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ)*. URL: <http://interorga.ru/mezhdunarodnye-otnosheniya/kazahstan-v-mezhdunarodnyh-organizatsciyah/detskii-fond-onn-unisef.html>. (дата обращения: 13.08.2019).

Деятельность общества Красного Полумесяца... – *Деятельность общества Красного Полумесяца РК должен регулировать отдельный закон*. URL: <https://www.zakon.kz/116625-deyatelnost-obshhestva-krasnogo.html>. (дата обращения: 09.09.2018).

Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Республикой Казахстан и Российской Федерацией – *Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Республикой Казахстан и Российской Федерацией* (Москва, 25 мая 1992 г.) (с изменениями и дополнениями от 07.06.2012). URL: https://www.online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=1007137 (дата обращения: 14.08.2018).

Об университете... – *Об университете. Партнерство*. URL: http://www.ksph.kz/?page_id=1406. (дата обращения: 06.06.2018).

Перечень заключенных международных договоров Республики Казахстан (по странам) – *Перечень заключенных международных договоров Республики Казахстан (по странам)*. URL: <https://www.mz.gov.kz/ru/pages/perechen-zaklyuchennyh-mezhdunarodnyh-dogovorov-respubliki-kazahstan-po-stranam> (дата обращения: 14.08.2019).

Первичная медико-санитарная помощь... 1978 – *Первичная медико-санитарная помощь: отчет о международной конференции по ПМСП*. Алма-Ата, СССР, 6–12 сентября 1978 г. Женева: ВОЗ, 1978. 106 с.

Посольство и консульство США в Казахстане – *Посольство и консульство США в Казахстане*. Разделы и офисы. URL: https://kz.usembassy.gov/ru/embassy-consulate-ru/embassy-ru/sections-ru/?_ga=2.88874587.1577585827.1511309254-796028510.1511309254 (дата обращения: 12.09.2018).

Современная история Казахстана 2003 – *Современная история Казахстана*. Сборник документов и материалов (1985–2002 г.г.) / сост. С.Г. Шеретов. Алматы, 2003. 325 с. URL: <http://kn.lib-i.ru/27istoriya/205832-1-sovremennaya-istoriya-kazahstana-sbornik-dokumentov-materialov-1985-2002-gg-sostavitel-kandidat-istoricheskikh.php>.

49 сессия ВОЗ 1996 – *49 сессия ВОЗ*. Женева, 20–25 мая 1996 г. Протоколы заседаний и доклады комитетов. Женева, 1996. 299 с.

References

World Health Assembly Resolution... 1995 – *World Health Assembly Resolution №48.8*. Reorientation of Medical Education and Medical Practice for Health for All. WHO, Geneva, 1995, 24 p. [in English].

Vneshnyaya politika Respubliki Kazakhstan – *Vneshnyaya politika Respubliki Kazakhstan* [Foreign policy of the Republic of Kazakhstan]. Available at: <http://www.mfa.kz/ru/foreign-policy> (accessed 12.08.2019) [in Russian].

Zhigalov, Sultanov – *Zhigalov K.V., Sultanov B.K.* Perviy Prezident Respubliki Kazakhstan Nursultan Nazarbayev.

Khroniki deyatel'nosti (01.12.1991 – 31.05.1993) [First President of the Republic of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev. Chronicles of activity (01.12.1991 – 31.05.1993). Almaty: Fond politicheskikh issledovaniy «Kazakhstan – XXI vek», 1993, 286 p. [in Russian].

Detskii fond OON (UNISEF) – *Detskii fond OON (UNISEF)* [United Nations Children's Fund (UNICEF)]. Available at: <http://www.mfa.kz/ru/content-view/detskij-fond-onn-yunisef> (accessed 20.08.2019) [in Russian].

Detskii fond OON (UNISEF) – *Detskii fond OON (UNISEF)* [United Nations Children's Fund (UNICEF)]. Available at: <http://interorga.ru/mezhdunarodnye-otnosheniya/kazahstan-v-mezhdunarodnyh-organizatsciyah/detskii-fond-onn-unisef.html> (accessed 13.08.2019) [in Russian].

Deyatel'nost' obshchestva Krasnogo Polumesyatsa... – *Deyatel'nost' obshchestva Krasnogo Polumesyatsa RK dolzhen regulirovat' otdel'nyi zakon* [Activity of the Red Crescent of Kazakhstan must be regulated by special law]. Available at: <https://www.zakon.kz/116625-deyatelnost-obshhestva-krasnogo.html>. (accessed 09.09.2018) [in Russian].

Dogovor o druzhbe... 1992 – *Dogovor o druzhbe, sotrudnichestve i vzaimnoi pomoshchi mezhdou Respublikoi Kazakhstan i Rossiiskoi Federatsiei*. (Moskva, 25 maya 1992 g.) (s izmeneniyami i dopolneniyami ot 07.06.2012g.) [Agreement about friendship, cooperation and mutual aid between the Republic of Kazakhstan and Russian Federation (Moscow, May 25, 1992) (as amended 07.06.2012). Available at: https://www.online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=1007137/ (accessed 14.08.2018) [in Russian].

Ob universitete... – *Ob universitete. Partnerstvo* [About the university. Partnership]. Available at: http://www.ksph.kz/?page_id=1406 (accessed 06.06.2018) [in Russian].

Pervichnaya mediko-sanitarnaya pomoshch'... 1978 – *Pervichnaya mediko-sanitarnaya pomoshch': otchet o mezhdunarodnoi konferentsii po PMSP*, Alma-Ata, SSSR, 6–12 sentyabrya 1978 g. [Primary health care: report on international conference of Primary health care, Alma-Ata, USSR, September 6–12, 1978]. Geneva: VOZ, 1978, 106 p. [in Russian].

Perechen' zaklyuchennykh mezhdunarodnykh dogovorov Respubliki Kazakhstan – *Perechen' zaklyuchennykh mezhdunarodnykh dogovorov Respubliki Kazakhstan (po stranam)* [List of concluded international contracts of the Republic of Kazakhstan (countrywise)]. Available at: <https://www.mz.gov.kz/ru/pages/perechen-zaklyuchennyh-mezhdunarodnyh-dogovorov-respubliki-kazahstan-po-stranam> (accessed 14.08.2019) [in Russian].

Posol'stvo i konsul'stvo SShA v Kazakhstane – *Posol'stvo i konsul'stvo SShA v Kazakhstane. Razdely i ofisy* [US Embassy and Consulate in Kazakhstan. Sections and offices]. Available at: https://kz.usembassy.gov/ru/embassy-consulate-ru/embassy-ru/sections-ru/?_ga=2.88874587.1577585827.1511309254-796028510.1511309254 (accessed 12.09.2018) [in Russian].

Sovremennaya istoriya Kazakhstana 2003 – *Sovremennaya istoriya Kazakhstana. Sbornik dokumentov i materialov (1985–2002 gg.)*. Sost. S.G. Sheretov [Modern history of Kazakhstan. Collection of documents and materials (1985–2002). S.G. Sheretov (Ed.)]. Almaty, 2003, 325 p. Available at: <http://kn.lib-i.ru/27istoriya/205832-1-sovremennaya-istoriya-kazahstana-sbornik-dokumentov-materialov-1985-2002-gg-sostavitel-kandidat-istoricheskikh.php> [in Russian].

49 sessiya VOZ 1996 – *49 sessiya VOZ. Zheneva, 20–25 maya 1996 g. Protokoly zasedanii i doklady komitetov* [WHO session 49. Geneva, May 20–25. Records of hearings and committee papers]. Geneva, 1996, 299 p. [in Russian].

ПЕДАГОГИКА

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-3-70-74
УДК 378

Дата поступления статьи: 25/VII/2019

Дата принятия статьи: 2/IX/2019

Т.И. Руднева, С.В. Соловьева

УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ РУКОВОДИТЕЛЕЙ УЧЕБНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

© *Руднева Татьяна Ивановна* – доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: rudneva.07@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-2911-5253>

© *Соловьева Светлана Владимировна* – доктор философских наук, доцент, проректор по научной работе и международным связям, Самарский государственный институт культуры, 443010, Российская Федерация, г. Самара, ул. Фрунзе, 167.

E-mail: solovyova@smrgaki.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-1642-2000>

АННОТАЦИЯ

Система образования в сфере культуры и искусства имеет исторически сложившуюся структуру. Данная структура является наиболее устойчивой и подвергается наименьшим преобразованиям в отличие от профессиональной подготовки в других сферах социокультурных отношений. Успешность в профессиональной деятельности и самореализация ее выпускников во многом зависят от организации взаимодействия всех участников образовательных отношений. На руководителей структурных подразделений образовательной организации в сфере культуры возлагается основная ответственность за эффективность деятельности всей образовательной организации в целом независимо от того, какой уровень образования данная организация реализует.

Министерством культуры Российской Федерации были разработаны критерии оценки эффективности деятельности подведомственных образовательных организаций, включающие все аспекты ее деятельности: критерии по основной деятельности образовательной организации; критерии по финансово-экономической деятельности, исполнительской дисциплине образовательной организации; показатели для определения размеров стимулирующих выплат для работников образовательных организаций исполнительского искусства. Кроме того, Министерством труда и социального развития РФ разработан профессиональный стандарт, определяющий трудовые функции руководящих работников образовательных организаций. Наличие данных нормативных документов позволило обосновать правомерность компетентного подхода к определению результативной характеристики руководителей учебных подразделений образовательных организаций в сфере культуры (управленческая компетентность) и разработать ее структуру с учетом принятого в управлении поведенческого подхода к определению сути понятий «компетентность» и «компетенция».

В статье обосновываются условия, которые определяют эффективность деятельности любого коллектива в долгосрочной перспективе, а сформированность пороговых и глубинных компетенций, входящих в структуру управленческой компетентности руководителя, будет способствовать развитию художественного и социокультурного образования в Российской Федерации.

Ключевые слова: образовательные организации в сфере культуры, критерии эффективности образовательных организаций в сфере культуры, трудовые функции руководителей образовательных организаций, управленческая компетентность руководителей учебных подразделений образовательных организаций в сфере культуры, структура управленческой компетентности руководителей.

Цитирование. Руднева Т.И., Соловьева С.В. Управленческая компетентность руководителей учебных подразделений образовательной организации в сфере культуры // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 3. С. 70–74. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-3-70-74>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

**MANAGEMENT COMPETENCE OF HEADS OF EDUCATIONAL DEPARTMENTS
OF AN EDUCATIONAL ORGANIZATION IN THE SPHERE OF CULTURE**

© Rudneva Tatiana Ivanovna – Doctor of Pedagogical Sciences, professor, honored worker of science of the Russian Federation, head of the Department of Theory and Methods of Professional Education, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: rudneva.07@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-2911-5253>

© Solovyova Svetlana Vladimirovna – Doctor of Philosophical Sciences, associate professor, Vice Rector for Research and International Relations, Samara State Institute of Culture, 167, Frunze Street, Samara, 443010, Russian Federation.

E-mail: solovyova@smrgaki.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-2911-5253>

ABSTRACT

The education system in the field of culture and art has a historically established structure. This structure is the most stable and undergoes the least changes, in contrast to training in other areas of sociocultural relations. Success in professional activity and the self-realization of its graduates largely depends on the organization of interaction of all participants in educational relations.

The heads of structural divisions of an educational organization in the field of culture have the main responsibility for the effectiveness of the entire educational organization as a whole, regardless of what level of education this organization implements. The Ministry of Culture of the Russian Federation developed criteria for assessing the effectiveness of the activities of subordinate educational organizations, including all aspects of its activities: criteria for the main activities of an educational organization; criteria for financial and economic activity, executive discipline of an educational organization; indicators for determining the size of incentive payments for employees of educational organizations of performing arts. In addition, the Ministry of Labor and Social Development of the Russian Federation has developed a professional standard that defines the labor functions of senior employees of educational organizations. The presence of these regulatory documents made it possible to justify the validity of the competency-based approach to determining the effective characteristics of the heads of educational departments of educational organizations in the field of culture (managerial competence) and to develop its structure taking into account the behavioral approach adopted in the management to determine the essence of the concepts of “competence” and “competence”.

The article substantiates the conditions that determine the effectiveness of activities of any team in the long term, and the formation of threshold and deep competencies that are part of the managerial competency structure of a leader will contribute to the development of art and socio-cultural education in the Russian Federation.

Key words: educational organizations in the field of culture, criteria for the effectiveness of educational organizations in the field of culture, labor functions of the leaders of educational organizations, managerial competence of heads of educational units of educational organizations in the field of culture, managerial competence structure.

Citation. Rudneva T.I., Solovyova S.V. *Upravlencheskaya kompetentnost' rukovoditelei uchebnykh podrazdelenii obrazovatel'noi organizatsii v sfere kul'tury* [Management competence of heads of educational departments of an educational organization in the sphere of culture]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 3, pp. 70–74. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-3-70-74> [in Russian].

Введение

В отличие от других сфер профессиональной деятельности для системы образования в сфере культуры и искусства типичной является трехуровневая структура подготовки профессиональных кадров. На первом уровне (детские школы искусств) закладываются основы будущего профессионального образования. Так, в ходе обучения по общеобразовательным и предпрофессиональным программам происходит профессиональное самоопределение обучающихся. На втором уровне в образова-

тельных организациях среднего профессионального образования осуществляется подготовка к конкретной деятельности. При успешном завершении обучения выпускники могут выбрать различные стратегии построения профессиональной карьеры: продолжение обучения в образовательной организации высшего образования, трудоустройство в соответствии с направлением подготовки и уход из профессии в другие сферы деятельности.

Вместе с тем в настоящее время среднее профессиональное образование не является необходи-

мым уровнем образования при продолжении обучения в образовательных организациях высшего образования в сфере культуры и искусства (третий уровень), где повышается уровень профессиональных умений, навыков, компетенций, уже полученных на предшествующих уровнях образования.

Следовательно, особенностями образования в сфере культуры и искусства являются длительность (12–18 лет), вариативность и многоступенчатость освоения профессии, где успешность профессиональной самореализации выпускников каждого уровня обучения во многом зависит от управления и системы организации взаимодействия участников образовательных отношений.

Анализ нормативно-законодательной базы

Образование в сфере культуры и искусства ориентировано: во-первых, на подготовку кадровых резервов (творческих и педагогических); во-вторых, на создание условий для выявления, образования и творческого развития художественно одаренных людей; в-третьих, на сохранение традиций профессионального образования в сфере культуры и искусства и передачу опыта подготовки творческой интеллигенции; в-четвертых, на воспитание слушателей и зрителей, способных восприниматься ценности отечественной и зарубежной художественной культуры; в-пятых, на формирование и развитие этических норм поведения и морали конкретной личности и общества художественными средствами.

На законодательном уровне выделяются (Приказ Минкультуры РФ от 12.04.2013 № 375) критерии и целевые показатели оценки эффективности деятельности образовательных организаций в сфере культуры. Так, оцениваются полнота выполнения государственного задания на подготовку обучающихся, лицензионных требований и требований федеральных государственных образовательных стандартов, а также ведется анализ посещаемости и успеваемости обучающихся (критерий считается положительным, если не менее 90 % обучающихся сдали промежуточную аттестацию, а доля отчисленных по неуспеваемости должна быть не более 5 %). В ходе оценки эффективности деятельности образовательной организации анализируется качество организации методической работы, включающей в себя множество процессов: от полного обеспечения образовательного процесса нормативной документацией (учебных планов, рабочих программ дисциплин, фондов оценочных средств и т. д.) до подготовки учебных пособий, опубликования результатов педагогической деятельности и организации методических семинаров и конференций. Кроме того, значимыми критериями в оценке деятельности образовательной организации являются высокий процент трудоустройства выпускников, наличие программ для работы с одаренными детьми и программ повышения квалификации и переподготовки кадров в соответствии с приоритетными направлениями деятельности

Минкультуры России. Выполнению поручений Минкультуры России в установленные сроки, учету финансово-экономической деятельности, исполнительской дисциплины образовательной организации и показателям для определения размеров стимулирующих выплат для работников образовательных организаций исполнительского искусства отводится особое место в ходе проверки эффективности образовательной организации в сфере культуры.

Таким образом, разработанные Министерством культуры РФ критерии эффективности образовательной организации в сфере культуры позволяют оценить ее деятельность в образовательной, исполнительской, научно-исследовательской, методической, финансовой областях. Однако в профессиональном стандарте руководителей образовательных организаций выделяются следующие функции: руководство образовательной деятельностью образовательной организации; руководство развитием образовательной организации; управление ресурсами образовательной организации; представление образовательной организации в отношениях с органами государственной власти, органами местного самоуправления, общественными и иными организациями; управление научно-исследовательской, экспертно-аналитической, опытно-конструкторской, инновационной и учебно-производственной деятельностью образовательной организации.

Так, руководитель учебного подразделения образовательной организации в сфере культуры в большинстве случаев совмещает управленческую функцию с преподавательской деятельностью, которая имеет организационный, педагогический, научный (творческий, художественно-исполнительский) и методический аспекты.

Методологические предпосылки решения проблемы

Идея профессиональной компетентности для точного представления средств формирования эффективности деятельности впервые описана американскими исследователями в принципах поведенческого подхода, что позволило определять значимые компетенции для разных категорий работников. Предположение об обладании наиболее результативными, успешными, эффективными работниками особым внутренним потенциалом, который влияет на производительность и качество труда, инициировано появление понятия «компетенция» при описании систем в управлении [Кудрявцева 2015]. В рамках данного предположения потенциалом (компетенциями) являются особые внутренние качества, отличающие успешных работников от неуспешных.

При выявлении ключевых характеристик руководителей учебных подразделений образовательных организаций в сфере культуры за основу нами взято определение сути компетенции [Spencer L.M., McClelland D.C., Spencer S.M. 1990] как базового качества личности, которое проявляется в возможных вариантах поведения или мышления при воз-

никновении различных ситуаций. Однако исследователи (С. Уиддет, С. Холлифорд и др.) различают понятия «компетенция» и «компетентность». Так, компетенция формулируется в виде способности, отражающей необходимые стандарты поведения, а понятие «компетентность» ориентирует на способности выполнения рабочих задач и получения необходимых результатов. Таким образом, можно предположить, что человек становится компетентным на основе наличия и развития у него компетенций, являющихся факторами компетентности, в структуре которых выделяют: элементы квалификации (теоретические и практические знания, универсальные навыки и навыки выполнения конкретной работы, способности к освоению новых видов деятельности) и профессионально важные качества (ценностные ориентации, характеристики мотивации, личностные черты и психофизиологические особенности).

Соответственно, профессиональные знания, навыки и способности рассматриваются как «поверхностные компетенции», которые достаточно легко поддаются формированию и могут выступать в качестве пороговых компетенций, являющихся обязательным условием эффективности деятельности, однако не гарантирующих ее. И только глубинные качества (мотивы для успешного выполнения дея-

тельности; психофизиологические свойства личности, способствующие качественному выполнению работы; установки и ценности личности) могут быть своеобразными гарантом эффективности деятельности.

Структура управленческой компетентности руководителя

Управленческая компетентность, являясь внутренним потенциалом руководителей, определяет личностные способы реализации управленческой деятельности, выражаясь готовностью к решению разнообразных управленческих задач. Она ориентирована на выстраивание отношений «субъект – цель» [Кудрявцева 2015]. Таким образом, применение компетентностного подхода к решению проблем определения управленческого потенциала, оценки текущей управленческой деятельности и степени готовности субъекта к управлению представляет структуру управленческой компетентности руководителей учебных подразделений образовательной организации в сфере культуры на основе критериев оценки эффективности деятельности и профессионального стандарта руководителя образовательной организации (см. таблицу).

В структуре управленческой компетентности руководителя учебного подразделения образователь-

Таблица

Структура управленческой компетентности руководителей

Трудовые функции руководителя	Компоненты управленческой компетентности руководителей учебных подразделений образовательных организаций в сфере культуры			Критерии эффективности
Руководство образовательной деятельностью образовательной организации	Пороговые показатели эффективности деятельности	Когнитивный компонент	Мотивационно-ценностный компонент (результативность управленческой деятельности, направленность ее на гарантированный результат)	Критерии по основной деятельности образовательной организации
Руководство развитием образовательной организации; управление ресурсами образовательной организации		Проектировочный компонент		Критерии по финансово-экономической деятельности, исполнительской дисциплине образовательной организации
Представление образовательной организации в отношениях с органами государственной власти, органами местного самоуправления, общественными и иными организациями		Коммуникативный компонент		
Управление научно-исследовательской, экспертно-аналитической, опытно-конструкторской, инновационной и учебно-производственной деятельностью образовательной организации		Экспертный компонент		
Компетентностный подход к управлению учебным подразделением образовательной организации в сфере культуры				

ной организации в сфере культуры выделяем когнитивный, проектировочный, коммуникативный и экспертный компоненты, которые обеспечивают формирование пороговых значений показателей компетентности (без них эффективность деятельности возможна, но не гарантирована).

В ходе осуществления управленческой деятельности руководитель учебного подразделения образовательной организации в сфере культуры, обладая управленческой компетентностью, обеспечивает эффективность организационного, педагогического, научного и/или художественно-исполнительского и методического аспектов деятельности учебного подразделения в целом. Однако результативность управленческой деятельности, направленность ее на гарантированный результат возможны только при наличии мотивационно-ценностного компонента управленческой компетентности руководителя.

Выводы

В педагогической, психологической литературе определены типы управления педагогическим коллективом, стили поведения руководителя. Однако зарубежные социальные психологи в конце XX столетия стали исследовать руководителя ситуативно – «здесь и сейчас», то есть в ракурсе времени, места и обстоятельств [Норт Д. 1997; Фалмер Р. 1992; Cooter R. 1993]. В теории лидерства учеными (Э. Хартли и др.) закономерно утверждение о том, что человек, который проявил себя лидером в одной ситуации, при изменении обстоятельств с большей вероятностью также станет лидером. Таким образом, можно говорить о необходимом наборе характеристик руководителя, которые помогают ему добиваться профессионального успеха [Кнорринг 2005]. Fiedler E.F. выделяет два возможных стиля лидерства: ориентацию на задачу и ориентацию на межличностные отношения, иначе говоря, инструментальное и эмоциональное лидерство [Fiedler 1979]. Так, пороговые компетенции, входящие в когнитивный, проектировочный, коммуникативный и экспертный компоненты в структуре управленческой компетентности, обуславливают инструментальное лидерство, а глубинные компетенции мотивационно-ценностного компонента становятся механизмом эмоционального лидерства. В реальности эффективность деятельности любого коллектива в долгосрочной перспективе определяется сформированным мотивационно-ценностным компонентом его руководителя.

Компетентный подход к разработке структуры управленческой компетентности руководителя учебного подразделения образовательной организации в сфере культуры ориентирует на эффективное руководство художественно-исполнительской, образовательной и научно-исследовательской деятельностью учебного подразделения в сфере культуры и является ключевым ресурсом для развития художественного и социокультурного образования.

Библиографический список

Cooter 1993 – Cooter R. (1993). Against Legal Centricism // *California Law Review*, 81(1): 417–429.

Fiedler 1979 – Fiedler E.F. The effectiveness of contingency model training: A review of the validation of Leader Match // *Personnel Psychology*, 1979, 32, 45–62.

Spencer L.M., McClelland D.C., Spencer S.M. 1990 – Spencer L.M., McClelland D.C., Spencer S.M. A history and state of the art of job competency assessment methods // Paper presented at the American Psychological Association Annual Conference. Boston: McBer, 1990.

Кнорринг 2005 – Кнорринг В. Теория, практика и искусство управления. М.: НОРМА–ИНФРА, 2005. 283 с. URL: <http://ligis.ru/librari/2790.htm>.

Кудрявцева 2015 – Кудрявцева Е.И. Управленческий потенциал персонала: функции против институций: монография. СПб.: Социально-гуманитарное знание, 2015. 196 с. URL: http://www.ago-consult.ru/sites/default/files/kudryavceva_upravlencheskiy_potencial_personala.pdf.

Норт 1997 – Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко; пред. и науч. ред. В.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 190 с. URL: <http://www.library.fa.ru/files/North.pdf>.

Фалмер 1992 – Фалмер Р. Энциклопедия управления: в 5 т. / пер. с англ. М.: ВИПК Энерго, 1992. Т. 1. 320 с.

References

Cooter 1993 – Cooter R. Against Legal Centricism. *California Law Review*, 1993, 81(1), pp. 417–429 [in English].

Fiedler 1979 – Fiedler E.F. The effectiveness of contingency model training: A review of the validation of Leader Match. *Personnel Psychology*, 1979, no. 32, pp. 45–62 [in English].

Spencer L.M., McClelland D.C., & Spencer S.M. 1990 – Spencer L.M., McClelland D.C., & Spencer S.M. (1990, August). A history and state of the art of job competency assessment methods. Paper presented at the American Psychological Association Annual Conference. Boston: McBer.

Knorring 2005 – Knorring V. *Teoriya, praktika i iskusstvo upravleniya* [Theory, practice and art of management]. M.: NORMA–INFRA, 2005, 283 p. Available at: <http://ligis.ru/librari/2790.htm> [in Russian].

Kudryavtseva 2015 – Kudryavtseva E.I. *Upravlencheskii potentsial personala: funktsii protiv institutsii: monografiya* [Personnel management potential: functions against institutions: monograph]. Spb.: Sotsial'no-gumanitarnoe znanie, 2015, 196 p. Available at: http://www.ago-consult.ru/sites/default/files/kudryavceva_upravlencheskiy_potencial_personala.pdf [in Russian].

North 1997 – North D. *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki*. Per. s angl. A.N. Nesterenko; pred. i nauch. red V.Z. Mil'nera [Institutions, institutional changes and economic performance. Translation from English by A.N. Nesterenko; preface and scientific editing V.Z. Milner]. M.: Fond ekonomicheskoi knigi «Nachala», 1997, 190 p. Available at: <http://www.library.fa.ru/files/North.pdf> [in Russian].

Falmer 1992 – Falmer R. *Entsiklopediya upravleniya: v 5 t*. Per. s angl. [Encyclopedia of management: in 5 v. Translation from English]. M.: VIPK Energo, 1992, Vol. 1, 320 p. [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-3-75-81
УДК 378.124

Дата поступления статьи: 12/VI/2018
Дата принятия статьи: 22/VIII/2018

В.А. Капранова, Н.В. Соловова

ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

© Капранова Вера Анатольевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики, Минский государственный лингвистический университет, 220034, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Захарова, 21.
E-mail: veanka@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5098-2741>

© Соловова Наталья Валентиновна – доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой управления человеческими ресурсами, профессор кафедры теории и методики профессионального образования, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: solovova.nata@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3280-3380>

АННОТАЦИЯ

В статье авторы анализируют проблему подготовки профессорско-преподавательского состава вузов к осуществлению организационно-управленческой деятельности. Данная проблема рассматривается в контексте современных тенденций развития высшего образования (демократизации, интернационализации, повышения открытости образовательных систем, расширения интеграционных процессов, информатизации, перехода от моно- к меж- и трансдисциплинарным исследованиям), которые выдвигают новые требования к образовательным программам высшего образования и обуславливают их трансформационные изменения. Показано, что на смену традиционному подходу к управлению образовательными программами приходит инновационный, предполагающий делегирование полномочий руководителя образовательной программы отдельному специалисту, компетентному в вопросах прогнозирования, реализации, рефлексии и принятия эффективных управленческих решений.

В связи с этим происходят не только содержательное изменение и усложнение традиционных видов профессиональной деятельности преподавателя, но и появление в ней элементов бизнес-процесса, в частности увеличение «доли» организационно-управленческих функций в процессах проектирования, дизайна, реализации, оценки качества и гарантии конкурентоспособности образовательной программы. В управлении образовательными программами высшего образования заметно разделение контуров управления на академическое управление (руководитель образовательной программы и академический совет программы) и административное управление (учебный офис и менеджер образовательной программы).

Ключевые слова: современные тенденции развития высшего образования, образовательная программа высшего образования, организационно-управленческая деятельность преподавателя вуза, административное управление образовательной программой, академическое управление образовательной программой.

Цитирование. Соловова Н.В., Капранова В.А. Организационно-управленческая деятельность преподавателя вуза в условиях реализации современных тенденций развития высшей школы // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 3. С. 75–81. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-3-75-81>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-3-75-81
UDC 378.124

Submitted: 12/VI/2018
Accepted: 22/VIII/2018

V.A. Kapranova, N.V. Solovova

**ORGANIZATIONAL AND MANAGEMENT ACTIVITIES
OF A UNIVERSITY TEACHER UNDER THE CONDITIONS OF REALIZATION
OF MODERN TENDENCIES OF DEVELOPMENT OF HIGHER SCHOOL**

© Kapranova Vera Anatolievna – Doctor of Pedagogical Sciences, professor, head of Education Department, Minsk State Linguistic University, 21, Zakharova Street, Minsk, 220034, The Republic of Belarus.

E-mail: veanka@yandex.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0001-5098-2741>

© Solovova Natalya Valentinovna – Doctor of Pedagogical Sciences, associate professor, head of the Department of Human Resource Management, professor of the Department of Theory and Methods of Vocational Education, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: solovova.nata@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-3280-3380>

ABSTRACT

In the article, the authors analyze the problem of training the teaching staff of universities to carry out organizational and managerial activities. This problem is considered in the context of modern trends in the development of higher education (democratization, internationalization, increasing the openness of educational systems, expansion of integration processes, informatization, transition from mono – to inter – and transdisciplinary research), which put forward new requirements for educational programs of higher education and cause their transformational changes. It is shown that the traditional approach to the management of educational programs is replaced by an innovative one, involving the delegation of the powers of the head of the educational program to a separate specialist competent in forecasting, implementation, reflection and making effective management decisions.

In this regard, there is not only a substantial change and complication of the traditional types of professional activities of the teacher, but also the appearance of elements of the business process in it, in particular, an increase in the “share” of organizational and managerial functions in the processes of design, design, implementation, quality assessment and guarantee of competitiveness educational program. In the management of educational programs, the separation of management contours into academic management and administrative management is noticeable. Academic management is represented by the academic head of the educational program and the academic Council of the program, and administrative management is carried out by the Manager of the educational program.

Key words: current trends in the development of higher education, higher education curriculum, organizational and managerial activities of a university teacher, administrative management of the educational program, academic management of the educational program.

Citation. Kapranova V.A., Solovova N.V. *Organizatsionno-upravlencheskaya deyatel'nost' prepodavatelya vuza v usloviyakh realizatsii sovremennykh tendentsii razvitiya vysshei shkoly* [Organizational and management activities of a university teacher under the conditions of realization of modern tendencies of development of higher school]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 3, pp. 75–81. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-3-75-81> [in Russian].

Введение

В условиях перехода к инновационной экономике меняются реалии функционирования системы высшего образования [Асаул, Капаров 2007]. По мнению современных исследователей, наиболее перспективной управленческой моделью вузов становится управление процессами проектирования и реализации основных профессиональных образовательных программ высшего образования (ОПОП ВО) [Барылкина 2013; Гончарова 2015; Громова 2010; Соловова, Суханкина 2018; Трапицын, Трапицына 2012]. Данный инновационный подход актуализирует проблему подготовки профессорско-преподавательского состава вузов к осуществлению организационно-управленческой дея-

тельности. Между тем нельзя не согласиться с точкой зрения отдельных авторов, которые отмечают, что в настоящий момент подготовка преподавателей к процессам проектирования и руководства образовательными программами носит «фрагментарный, подчас случайный характер» [Баранова 2016].

Постановка и обоснование проблемы

Необходимость пересмотра и дополнения выполняемых функциональных обязанностей и видов профессиональной деятельности преподавателя вуза обусловлена активным развитием современной практики управления образовательными программами вуза и базируется на международных тенденциях развития высшего образования.

Демократизация и доступность образования достигается путем децентрализации управления образованием, создания государственно-общественной системы управления, предоставления более широких прав и свобод образовательным организациям. Проблема доступности высшего образования актуализируется, встраивается в новый социальный и экономический контекст. Средством реализации данной тенденции в современной высшей школе стала диверсификация образовательных программ, их ориентация на требования рынка труда.

Тенденция интернационализации образования – это отражение взятого курса на формирование в Европе единого образовательного пространства. Сегодня интернационализация проявляется в форме международной (внешней) интеграции, отличительной чертой которой является наличие на различных уровнях образования интеграционных структур, объединяющих ресурсы (материальные, кадровые) для совместной деятельности (международные вузы, научно-исследовательские и учебные центры и т. д.). Международное университетское сотрудничество реализуется по следующим направлениям: развитие мобильности студентов и преподавателей, разработка специалистами разных стран совместных образовательных программ, учебных курсов и профессиональных практик. Поскольку сфера деятельности университетов смещается от региональных рынков к международному конкурентному рынку, к формату образовательных программ предъявляются новые требования. Интернационализация высшего образования – это одно из проявлений общей тенденции повышения открытости образовательных систем. Новая реальность такова, что университеты перестали быть самоизолированными друг от друга, это открытые системы, сотрудничающие со многими партнерами. Целью открытого образования является обеспечение качественного высшего образования за счет использования ресурсов организаций-партнеров, применения современных педагогических технологий разработки и реализации образовательных программ.

Тенденция расширения интеграционных процессов внутри образовательной системы обусловлена

тем, что образовательные стандарты нового поколения ориентируют на тесное взаимодействие вузов с рынком труда, социальным окружением, на взаимосвязь учебного и внеучебного процессов, усиление межпредметных связей, разработку интегрированных занятий и целых курсов. Являясь исторически одним из основных принципов построения системы университетского образования, интеграция науки, обучения и преподавания выступает в настоящее время и объективной тенденцией, средством реализации которой служит конструирование образовательных программ как гибкого и вариативного проекта.

Тенденция информатизации образования обусловлена ускорением темпов общественного развития, которое характеризуется ростом объемов и интенсивности информационных потоков, расширением инновационных процессов, стремительным научно-техническим прогрессом, а также динамично меняющимся нормативным сопровождением. Данная тенденция находит отражение в активном внедрении информационных технологий в учебный процесс, развитии информационно-образовательной среды учебного заведения, формировании информационной культуры субъектов образования.

В современных условиях конкуренции к образовательным программам предъявляется комплекс новых требований, характеризующих их качество: учет ожиданий и потребностей стейкхолдеров; открытость; меж- и мультидисциплинарность; вариативность; интернациональность; диагностичность. Основанием для модернизации образовательных программ служат современные тенденции в сфере высшего образования (табл. 1).

В условиях новой образовательной стратегии видоизменяется и профессиональная деятельность преподавателя вуза – он должен стать активным участником процессов проектирования, дизайна, реализации, оценки качества и гарантии конкурентоспособности образовательной программы.

Результаты исследования

Специфика деятельности преподавателя вуза заключается в сочетании нескольких ее видов: педагогической, методической, научно-исследователь-

Таблица 1

Направления изменений образовательных программ в свете тенденций развития высшего образования

<i>Тенденция развития высшего образования</i>	<i>Направления изменений ОПОП ВО</i>
Массовизация и доступность высшего образования	Вариативность образовательных программ
	Быстрое реагирование на потребности рынка труда
Интернационализация образования, смещение сферы деятельности университетов от региональных рынков к международному	Клиентоориентированная и англоязычная образовательная среда
	Совместные образовательные программы бакалавриата и магистратуры
Развитие открытого образования	Внедрение сетевых образовательных программ
Расширение процессов интеграции образования, науки и производства	Меж- и мультидисциплинарные образовательные программы
	Интеграция ресурсов для реализации образовательных программ
Информатизация образования	Электронное и дистанционное обучение

ской и др. Традиционно выделяют пять основных видов профессиональной деятельности преподавателя вуза [Бордовская, Титова 2002] (табл. 2).

В настоящее время в должностные обязанности профессорско-преподавательского состава вуза, согласно Квалификационным характеристикам должностей руководителей и специалистов высшего профессионального образования (ЕКС) – приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 11 января 2011 г. № 1н (Приказ № 1н), включены все вышеназванные виды деятельности. Кроме того, в настоящее время основополагающим документом, в котором прописаны трудовые функции вузовского преподавателя, является профессиональный стандарт «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования» – приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 8 сентября 2015 г. № 608н (Приказ № 608н). В стандарте получил отражение тот профессиональный минимум, которому должны соответствовать все работники и руководители отрасли [Тубер, Крашкова, Гнатышина 2016]. Анализ профессионального стандарта педагога и ЕКС должностей руководителей, специалистов и служащих позволил определить соотношение традиционных элементов организационно-управленческой деятельности преподавателя вуза и инновационных, необходимых преподавателю для управления образовательной программой. Основная «нагрузка» в работе преподавателя вуза ложится на традиционные для педагогической деятельности виды, такие как преподавание (учебная деятельность), научно-исследовательская работа и учебно-методическое обеспечение образовательного процесса. Управление образовательной программой разработчики профессионального стандарта квалифицируют как руководство группой специалистов при реализации проектной деятельности. Такое руководство отнесено к компетенции профессора, т. е. преподавателя, вы-

полняющего прежде всего предметную (относительно содержательной области образовательной программы), а не организационно-управленческую функцию.

Традиционно организационно-управленческая сфера деятельности является основой работы руководителей (заведующего кафедрой, декана факультета, проректора, ректора). В то же время новые подходы к управлению образовательными программами требуют обновления трудовых функций именно основного профессорско-преподавательского состава вуза: не только содержательное изменение и усложнение традиционных видов деятельности, но и появление в ней новых элементов бизнес-процесса, в частности увеличение «доли» организационно-управленческих функций в работе преподавателя, которые должны быть сконцентрированы вокруг основного образовательного продукта вуза – образовательной программы. В соответствии с требованиями образовательных стандартов проектирование и реализация образовательных программ – это процессы, ответственность за качество которых в полном объеме ложится на сами образовательные организации, в частности, им предоставлено право самостоятельно устанавливать профили ОПОП ВО, конкретизировать базовый и дополнять вариативный состав компетенций с учетом актуальных потребностей регионального рынка труда, миссии вуза, его образовательных и культурных традиций, специфики научных школ. С одной стороны, предоставленные возможности позволяют создавать образовательные программы, максимально приближенные к актуальным потребностям рынка труда, и, соответственно, обеспечивать выпуск специалистов, реально востребованных в каждом конкретном регионе. С другой стороны, уровень готовности преподавателей к проектированию, реализации и руководству конкурентоспособными образовательными программами недостаточен, поскольку подавляющее большинство руководителей в сфере образования, не говоря уже

Таблица 2

Виды профессиональной деятельности преподавателя высшей школы

<i>Виды профессиональной деятельности</i>	<i>Основные функциональные обязанности преподавателя вуза</i>
Учебная деятельность (собственно преподавание)	Чтение лекций, проведение семинарских, практических и лабораторных занятий, руководство курсовыми и выпускными квалификационными работами, производственной практикой, организация самостоятельной работы обучающихся, проведение консультаций
Научно-исследовательская деятельность (научная работа)	Систематическое и планомерное исследование по определенной теме, а также участие в научно-практических конференциях, рецензирование и оппонирование научных работ
Методическая деятельность (учебно-методическая, научно-методическая или организационно-методическая работа)	Построение образовательных программ, разработка программ учебных дисциплин и производственной практики; создание учебно-методического комплекса, обеспечивающего реализацию образовательной программы, включающего контрольно-измерительные материалы учета и контроля учебных достижений студентов, написание учебных пособий и методических рекомендаций, овладение современными технологиями обучения студентов
Организационно-управленческая деятельность	Организация различных постоянных и временных групп студентов, команд преподавателей, реализующих конкретную образовательную программу; инновационные проекты и инициативы
Общественная деятельность	Участие в деятельности различных профессиональных сообществ, установление и поддержание внешних связей

о профессорско-преподавательском составе, не имеют системной управленческой подготовки. Уровень управленческих компетенций преподавателя, студента, работодателя, т. е. основных субъектов образовательных отношений, заинтересованных в качестве образовательного продукта, условиях его реализации и результатах образования, недостаточен.

Процессы разработки содержания образовательной программы и ее реализации ранее находились в компетенции руководителя структурного подразделения – заведующего кафедрой. При таком подходе к управлению возникает риск сохранения «монокафедральной» политики вместо востребованной междисциплинарной (табл. 3).

В условиях модернизации процесса управления образовательной программой оптимальным становится делегирование полномочий руководителя образовательной программы отдельному специалисту – менеджеру, компетентному в вопросах прогнозирования, реализации, рефлексии и принятия эффективных управленческих решений. Обладая собственным видением перспектив развития направления подготовки, специальности в согласовании с профессиональным стандартом, он формирует команду ППС для реализации авторского замысла подготовки кадров. При этом зона его персональной ответственности существенно расширяется. Руководителю образовательной программы даются полномочия по определению реализуемых в рамках образовательной программы модулей и выбору подразделений, предлагаемых различными подразделениями университета, а также по распределению фондов развития образовательной программы.

В управлении образовательными программами происходит разделение контуров управления на академическое управление и административное управление. Академическое управление представлено академическим руководителем образовательной программы и академическим советом программы, а административное управление осуществляет менеджер образовательной программы (табл. 4) [Кузьминов 2015; Чандра 2015].

Академическое руководство образовательной программой базируется на следующих принципах: независимость от штатного расписания преподавательского состава кафедр; открытость и восприимчивость к запросам внешней среды (работодателям, абитуриентам и т. д.); интеграция с другими образовательными программами университета; образовательная программа как самостоятельный конкурентоспособный продукт; критериальная оценка качества академического руководства.

Особенности организационно-управленческой деятельности преподавателя вуза предполагают непременное наличие в ней психологических компонентов, которые включают ряд требований к личностным качествам преподавателя, их профессиональным знаниям и умениям [Габышева 2017; Капранова 2018]. Современный преподаватель высшей школы должен владеть необходимыми свойствами менеджерского мастерства: взаимодействовать с людьми разного уровня (студенты, аспиранты, преподаватели, вспомогательный персонал, родители, деловые круги, начальство); устанавливать деловые и творческие отношения с коллегами; использовать устную и письменную речь для воздействия

Таблица 3

Подходы к разработке образовательных программ

<i>Традиционный подход</i>	<i>Инновационный подход</i>
Процессы разработки содержания ОПОП ВО и ее реализации находятся в компетенции заведующего кафедрой	Делегирование полномочий руководителя ОПОП отдельному специалисту, компетентному в вопросах прогнозирования, реализации, рефлексии и принятия эффективных управленческих решений
Учебный план ОПОП ВО «привязан» к кадровому составу структурного подразделения	Программу «обслуживают» востребованные преподаватели разных кафедр и институтов (факультетов), научные работники
За организацию обучения студентов факультета отвечает учебная часть, исходя из имеющихся ресурсов факультета (штат определяется административно)	За сопровождение и продвижение конкретной образовательной программы отвечает «учебный офис» менеджеров образовательных программ, исходя из целей развития программы и требований рынка (штат определяется количеством студентов на программе)
Затратный принцип формирования ОПОП ВО: строится «из наличных кадров»	Каждая программа – самостоятельный продукт: имеет свою целевую аудиторию, нуждается в отдельном позиционировании и продвижении

Таблица 4

Разделение контуров управления образовательными программами

<i>Академическое руководство</i>	<i>Административное руководство</i>
Содержание продукта: ✓ содержание и структура ОПОП ВО ✓ качество ОПОП ВО ✓ академические решения по реализации и методическому обеспечению ОПОП ВО	Поддержка продукта: ✓ качество процессов администрирования ✓ операционная деятельность по организации учебного процесса и сопровождению студентов, мониторинг востребованности ОПОП ВО ✓ техническая сторона маркетинговых мероприятий

на партнеров и достижения взаимопонимания; воспринимать, усваивать и использовать информацию и др. Для выполнения роли менеджера образовательной программы на высоком профессиональном уровне преподавателю необходимо выполнять новые организационные и управленческие функции: планирование, проектирование, создание условий, мониторинг, контроль, оценка ОПОП ВО; психологическое сопровождение и управление командой преподавателей, проектирующих ОПОП ВО; разработку рекламы, маркетинг и брендинг ОПОП ВО; взаимодействие с другими ОПОП ВО, деловую коммуникацию; моделировать и улучшать ОПОП ВО для достижения конкурентных преимуществ ОПОП ВО.

Выводы

В новых реалиях высшего образования (расширение внешних и внутренних интеграционных процессов, усиление междисциплинарности, развитие сетевого взаимодействия, широкое внедрение электронного обучения и др.) основной задачей деятельности вуза становятся подготовка, реализация и оценка образовательных программ, привлекательных для абитуриентов и конкурентоспособных на рынке образовательных услуг. Это положение вносит изменения в управленческие подходы: образовательная программа из объекта системы управления образовательным процессом превращается в объект системы управления образовательной организацией в целом. Именно через образовательную программу можно увидеть, насколько эффективно университет привлекает и расходует ресурсы, как реагирует вся система управления и инфраструктура образовательной организации на выполнение базовых функций, насколько эффективна кадровая политика. Соответственно, управление ключевым объектом системы образования (образовательной программой) требует от профессорско-преподавательского состава особых компетенций, свобод и полномочий, ответственности и предпочтений. В связи с этим актуальной задачей организационно-управленческой деятельности преподавателя вуза становится обеспечение проектирования, развития, продвижения образовательной программы, ее привлекательности и конкурентоспособности на региональном, национальном и международном уровнях.

Источники фактического материала

Приказ № 1н – Приказ Минздравсоцразвития РФ от 11.01.2011 № 1н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих», раздел «Квалификационные характеристики должностей руководителей и специалистов высшего профессионального и дополнительного профессионального образования» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/55170898>.

Приказ № 608н – Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 08.09.2015 № 608н «Об утверждении профессионального стандарта

«Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования» [Электронный ресурс]. URL: <http://profstandart.rosmintrud.ru>.

Библиографический список

Асаул, Капаров 2007 – Асаул А.Н., Капаров Б.М. Управление высшим учебным заведением в условиях инновационной экономики. СПб.: Гуманистика, 2007. 264 с. URL: https://www.spbgasu.ru/documents/docs_176.pdf.

Баранова 2016 – Баранова Н.В. Подготовка преподавателей вузов к управлению образовательными программами высшего образования: автореф. дис. ... канд. педаг. наук. М., 2016. 24 с. URL: http://www.firo.ru/wp-content/uploads/2010/06/Baranova_1.pdf.

Барылкина 2013 – Барылкина Л.П. Образовательная программа – ключевой документ в управлении образовательной организацией // Глобальный научный потенциал. 2013. № 10 (31). С. 198–200. URL: [http://globaljournals.ru/assets/files/journals/global-scientific-potential/31/g-n-p-10\(31\).pdf](http://globaljournals.ru/assets/files/journals/global-scientific-potential/31/g-n-p-10(31).pdf).

Бордовская, Титова 2002 – Бордовская Н.В., Титова Е.В. Качество деятельности преподавателя вуза: подход к пониманию и оценке // Вестник СЗО РАО «Образование и культура Северо-Запада России». 2002. Вып. 7. URL: <http://scipeople.ru/publication/103841>.

Габышева 2017 – Габышева Л.К. Создание института руководителей образовательных программ как инструмент повышения качества образования в вузе // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 7. С. 92–97. DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2017.7.18>.

Гончарова 2015 – Гончарова Н.А. Проектный подход к управлению образовательными программами в вузе // Вестник Гуманитарного университета. 2015. № 4 (11). С. 37–42. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25285772>.

Громова 2010 – Громова Л.А. Управление образовательными программами на основе стандарта третьего поколения // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2010. № 3. С. 36–40. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25975163>.

Капанова 2018 – Капанова В.А. Практико-ориентированная среда в университете: содержание, структура, пути создания // Вестник МГЛУ. Сер. 2. Педагогика, психология, методика преподавания иностранных языков. Минск: МГЛУ, 2018. № 1 (33). С. 28–34. URL: <http://e-lib.mslu.by/handle/edoc/321>.

Кузьминов 2015 – Кузьминов Я.И. ВШЭ: обновление структуры, кадров и образовательных программ [Электронный ресурс]. URL: <https://strategy.hse.ru/data/2015/12/01>.

Соловова, Суханкина 2018 – Соловова Н.В., Суханкина Н.В. Управление образовательными программами: новые направления развития // Образование в современном мире: профессиональная подготовка кадрового потенциала с учетом передовых технологий: сб. научн. тр.; отв. ред. Т.И. Руднева. Самара: Изд-во «Ваш Взгляд», 2018. С. 130–135. URL: <http://repo.ssau.ru/handle/Obrazovanie-v-sovremennom-mire/UPRAVLENIE-OBRAZOVATELNYMI-PROGRAMMAMI-NOVYE-NAPRAVLENIYA-RAZVITIYA-73426>.

Трапицын, Трапицына 2012 – Трапицын С.Ю., Трапицына Г.Н. Управление качеством образовательных

программ на основе процессного подхода // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2012. № 3. С. 132–140. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18624555>.

Тубер, Крашакова, Гнатышина 2016 – Тубер И.И., Крашакова Т.Ю., Гнатышина Е.В. Профессиональный стандарт педагога профобразования – основа для пересмотра системы повышения квалификации в профессиональной образовательной организации // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та. 2016. № 5. С. 100–106. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnyy-standart-pedagoga-profobrazovaniya-osnova-dlya-peresmotra-sistemy-povysheniya-kvalifikatsii-professionalnoy>.

Чандра 2015 – Чандра М.Ю. Управление качеством проектирования и реализации образовательных программ в вузе: замысел концепции // Дискуссия. 2015. № 10 (62). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-kachestvom-proektirovaniya-i-realizatsii-obrazovatelnyh-programm-v-vuze-zamysel-kontseptsii>.

References

Asaul, Kaparov 2007 – Asaul A.N., Kaparov B.M. *Upravlenie vysshim uchebnym zavedeniem v usloviyakh innovatsionnoi ekonomiki* [Management of a higher educational institution in an innovative economy]. SPb.: Gumanistika, 2007, 264 p. Available at: https://www.spbgasu.ru/documents/docs_176.pdf [in Russian].

Baranova 2016 – Baranova N.V. *Podgotovka prepodavatelei vuzov k upravleniyu obrazovatel'nymi programmami vysshego obrazovaniya: avtoref. dis. ... kand. pedag. nauk* [Training university teachers to manage educational programs of higher education: Author's abstract of Candidate's of Pedagogical sciences thesis]. M., 2016, 24 p. Available at: http://www.firo.ru/wp-content/uploads/2010/06/Baranova_1.pdf [in Russian].

Barylkina 2013 – Barylkina L.P. *Obrazovatel'naya programma – klyuchevoi dokument v upravlenii obrazovatel'noi organizatsiei* [The educational program is a key document in the management of an educational organization]. *Global'nyi nauchnyi potentsial* [Global Scientific Potential], 2013, no. 10 (31), pp. 198–200. Available at: [http://globaljournals.ru/assets/files/journals/global-scientific-potential/31/g-n-p-10\(31\).pdf](http://globaljournals.ru/assets/files/journals/global-scientific-potential/31/g-n-p-10(31).pdf) [in Russian].

Bordovskaya, Titova 2002 – Bordovskaya N.V., Titova E.V. *Kachestvo deyatel'nosti prepodavatelya vuzov: podkhod k ponimaniyu i otsenke* [The quality of the university teacher: an approach to understanding and evaluation]. *Vestnik SZO RAO «Obrazovanie i kul'tura Severo-Zapada Rossii»* [Bulletin of the NWD RAO «Education and Culture of the North–West of Russia»], 2002, Vol. 7. Available at: <http://scipeople.ru/publication/103841> [in Russian].

Gabysheva 2017 – Gabysheva L.K. *Sozdanie instituta rukovoditelei obrazovatel'nykh programm kak instrument povysheniya kachestva obrazovaniya v vuzе* [Creation of an institute of educational program managers as a tool to improve the quality of education at a university]. *Obshchestvo: sociologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: Sociology, Psychology, Pedagogics], 2017, no. 7, pp. 92–97. DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2017.7.18> [in Russian].

Goncharova 2015 – Goncharova N.A. *Proektnyi podkhod k upravleniyu obrazovatel'nymi programmami v vuzе* [Project methodology for higher education programmes]. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta* [The Review of the Liberal arts University], 2015, no. 4, pp. 37–42. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25285772> [in Russian].

Gromova 2010 – Gromova L.A. *Upravlenie*

obrazovatel'nymi programmami na osnove standarta tret'ego pokoleniya [Management of educational programs based on the standard of the third generation]. *Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya)* [Vestnik Universiteta], 2010, no. 3, pp. 36–40. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25975163> [in Russian].

Kapranova 2018 – Kapranova V.A. *Praktiko-orientirovannaya sreda v universitete: soderzhanie, struktura, puti sozdaniya* [The practice-oriented environment at the university: content, structure, ways of creation]. *Vestnik MGLU. Ser. 2. Pedagogika, psikhologiya, metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Minsk State Linguistic University Bulletin. Series 2. Pedagogy, psychology, methods of foreign languages teaching]. Minsk: MGLU, 2018, no. 1 (33), pp. 28–34. Available at: <http://e-lib.mslu.by/handle/edoc/321> [in Russian].

Kuz'minov 2015 – Kuz'minov Ja.I. *VShE: obnovenie struktury, kadrov i obrazovatel'nykh programm* [HSE: updating the structure, staff and educational programs]. Available at: <https://strategy.hse.ru/data/2015/12/01> [in Russian].

Solovova, Suhankina 2018 – Solovova N.V., Sukhankina N.V. *Upravlenie obrazovatel'nymi programmami: novye napravleniya razvitiya* [Management of educational programs: new directions of development]. In: *Obrazovanie v sovremennom mire: professional'naya podgotovka kadrovogo potentsiala s uchetom peredovykh tekhnologii: sb. nauchn. tr.; otv. redaktor T.I. Rudneva* [Education in the modern world: professional training of personnel potential, taking into account advanced technologies: collection of research papers; scientific editor T.I. Rudneva]. Samara: Izd-vo «Vash Vzglyad», 2018, pp. 130–135. Available at: <http://repo.ssau.ru/handle/Obrazovanie-v-sovremennom-mire/UPRAVLENIE-OBRAZOVATELNYMI-PROGRAMMAMI-NOVYE-NAPRAVLENIYA-RAZVITIYA-73426> [in Russian].

Trapicin, Trapicina 2012 – Trapicin S.Yu., Trapicina G.N. *Upravlenie kachestvom obrazovatel'nykh programm na osnove protsessnogo podkhoda* [Managing educational quality based on the system-active process]. *Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh* [New in psychological and pedagogical research], 2012, no. 3, pp. 132–140. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18624555> [in Russian].

Tuber, Krashakova, Gnatyshina 2016 – Tuber I.I., Krashakova T.Yu., Gnatyshina E.V. *Professional'nyi standart pedagoga profobrazovaniya – osnova dlya peresmotra sistemy povysheniya kvalifikatsii v professional'noi obrazovatel'noi organizatsii* [The professional standard of the teacher of vocational education – a basis for revision of system of professional development in the professional educational organization]. *Vestnik Chelyabinskogo gos. ped. un-ta* [Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University], 2016, no. 5, pp. 100–106. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnyy-standart-pedagoga-profobrazovaniya-osnova-dlya-peresmotra-sistemy-povysheniya-kvalifikatsii-v-professionalnoy> [in Russian].

Chandra 2015 – Chandra M.Ju. *Upravlenie kachestvom projektirovaniya i realizatsii obrazovatel'nykh programm v vuzе: zamysel kontseptsii* [Quality management for projecting and realization of educational programs in universities: the concept]. *Diskussiya* [Discussion], 2015, no. 10 (62). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-kachestvom-proektirovaniya-i-realizatsii-obrazovatelnyh-programm-v-vuze-zamysel-kontseptsii> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-3-82-88
УДК 378.1

Дата поступления статьи: 20/VII/2019
Дата принятия статьи: 2/IX/2019

М.Г. Резниченко, Е.А. Помельникова

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ УСПЕШНОСТЬ СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

© Резниченко Мария Геннадьевна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры социальных систем и права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: rezmary@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8722-8950>

© Помельникова Елена Александровна – старший преподаватель, кафедра иностранных языков и русского как иностранного, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: pomelnikov-home@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9207-1716>

АННОТАЦИЯ

Подготовка специалистов информационной безопасности является одной из первоочередных государственных задач в связи с расширением областей применения информационных технологий, что обуславливается рядом факторов. Успешность профессиональной деятельности специалиста информационной безопасности является характеристикой его профессиональной деятельности в случае признания обществом и им самим полного обеспечения режима защиты информации от информационных угроз. Дается анализ уже проведенных исследований, посвященных подготовке специалистов информационной безопасности в вузе, и доказывается необходимость формирования интегративного свойства личности специалиста информационной безопасности (готовности к успешной профессиональной деятельности) как основы для реализации профессиональных функций (информационно-аналитической, проектной, технологической, интерактивной, рефлексивной). Адекватно функциям определяются компоненты готовности (ориентационный, целеполагающий, операционный, коммуникативный, оценочный), качества личности (ответственность, субъектность, профессиональная мобильность, коммуникабельность, творческая активность), составляющие основу данных компонентов, и критерии их сформированности (этическое сознание, профессиональное самосознание, профессиональная, социальная и акмеологическая направленность).

Описывается процесс формирования компонентов готовности к успешной профессиональной деятельности на основе личностно-ориентированного подхода. На базе его принципов (индивидуализации, субъектности, самоактуализации, доверия и поддержки, творчества и успеха) определяются методы (наглядные и вербальные, индуктивные и дедуктивные, репродуктивные и проблемно-поисковые, методы стимулирования интереса) формирования личностных качеств специалиста информационной безопасности.

Ключевые слова: информационная безопасность, информационные угрозы, режим обеспечения защиты информации, успешность профессиональной деятельности, готовность к успешной профессиональной деятельности, индивидуализация, субъектность, самоактуализация.

Цитирование. Резниченко М.Г., Помельникова Е.А. Профессиональная успешность специалистов в сфере информационной безопасности // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 3. С. 82–88. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-3-82-88>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

PROFESSIONAL SUCCESSFULNESS OF INFORMATION SECURITY SPECIALISTS

© *Reznichenko Maria Gennadievna* – Doctor of Pedagogical Sciences, associate professor, professor of the Department of Social Systems and Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: rezmary@mail.ru. **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0002-8722-8950>

© *Pomelnikova Elena Aleksandrovna* – senior lecturer, Department of Foreign Languages and Russian as a Foreign Language, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: pomelnikov-home@yandex.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-9207-1716>

ABSTRACT

Information security specialists' training in the higher education system is considered one of the primary national tasks on account of the expansion of the information technologies application that is stipulated by a number of factors. Success of the information security specialists' professional activities is a characteristic of their professional activity in case of recognition of completed ensuring the information protection from information threats by the society and the specialists themselves. The analysis of the researches which were conducted before is given. It is stated that there is a lack of works devoted to the development of personal qualities needed for information protection. It is proved that the development of the readiness to successful professional activity as an integrative personality characteristic for information security specialists is necessary. Such readiness becomes a base of the implementation of the professional functions as an information security specialist has to exercise a number of functions: information-analytical, projecting, technological, interactive, reflective. According to these functions the components of the information security specialists' readiness to successful professional activity are defined. They are orientational, goal setting, operating, communicative, evaluative. The components require special personal qualities. The orientational component needs a sense of responsibility, the goal setting one needs subjectness; the operating component requires professional mobility and the communicative one – sociability; creative activity is required by the evaluating component. The criteria proving that such components are formed are ethical consciousness, professional self-consciousness, professional, social and acmeological orientations.

The process during which the components of the information security specialists' readiness to successful professional activity are formed on the base of personality-oriented approach is described. According to its principals of individuality, subjectivity, self-actualization, trust and support, creativity and success the methods are defined. These are verbal and visual methods, inductive and deductive methods, reproductive and problem-searching ones, methods of interest stimulation.

Key words: information security, information threats, information security protection ensuring, successfulness of professional activity, readiness to successful professional activity, individualization, subjectiveness, selfactualization.

Citation. Reznichenko M.G., Pomelnikova E.A. *Professional'naya uspehnost' spetsialistov v sfere informatsionnoi bezopasnosti* [Professional successfulness of information security specialists]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 3, pp. 82–88. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-3-82-88> [in Russian].

Введение

Защита информационного капитала сегодня считается основой обеспечения стабильной экономики, совершенствования функционирования общественных и государственных институтов. В «Доктрине информационной безопасности Российской Федерации» от 5 декабря 2016 г. (Доктрина) заявлено, что главной информационной угрозой является расширение областей применения информационных технологий; выделены угрозы интересам организаций и меры по их предупреждению, нарушения режима коммерческой тайны, утечки конфиденциальной информации, профилактика и предотвращение преступности в информационной сфере.

Серьезной проблемой для государства, его экономики, общественной и политической жизни является разнообразие тех угроз, которые могут нанести вред любой сфере жизни. Под информационной угрозой в Доктрине понимается «совокупность действий и факторов, создающих опасность нанесения ущерба национальным интересам в информационной сфере» (Доктрина, с. 1). Угроза безопасности информации компьютерной системы – это «потенциально возможное воздействие на информацию, которое прямо или косвенно может нанести урон пользователям или владельцам информации» (Киреенко 2012, с. 40). Выделяют угрозы, не зависящие от деятельности человека, или

естественные угрозы и искусственные угрозы, то есть вызванные человеческой деятельностью, которые, в свою очередь, подразделяются на непреднамеренные (ошибки в проектировании и разработке программ, случайные сбои) и преднамеренные, заслуживающие наибольшего внимания [Киреенко 2012]. С каждым годом растет количество случаев умышленной утечки информации. Большая часть таких утечек исходит от внутренних нарушителей, то есть от персонала предприятия [Астахова, Лушников 2019].

Особенности подготовки специалистов информационной безопасности

Организацию режима защиты информации от любых информационных угроз на предприятии обязаны осуществлять специалисты информационной безопасности. Именно эти специалисты должны находиться в постоянной готовности к противоборству в информационной среде. Идеальное подразделение по обеспечению защиты информации на предприятии должно иметь руководителя, аналитиков, аудиторов, администраторов и специалистов по работе с пользователями. Задачей руководителя является создание системы защиты, аналитики отвечают за анализ состояния режима защиты, определение требований к безопасности и средств защиты, разработку необходимых нормативно-методических и организационно-распорядительных документов. Аудиторы организуют контроль текущего состояния системы защиты информации на основе определенных целей. За сопровождение и администрирование штатных средств обеспечения безопасности и анализа защищенности отвечают администраторы. Реализацию и контроль исполнения регламентов безопасной обработки информации осуществляют специалисты по работе с конечными пользователями [Савельев].

По результатам анкетирования слушателей учебного центра «Информзащита», опубликованным на сайте сообщества BISA, объединяющего профессионалов в области информационной безопасности, руководителей бизнес-подразделений, представителей регуляторов и других специалистов, заинтересованных в развитии информационной безопасности в России и мире, все роли исполняются коллективом от одного до трех специалистов. Этого, по мнению директора центра М. Савельева, недостаточно, так как каждому специалисту информационной безопасности приходится обладать компетенциями во всех отраслях информационной безопасности: управлением информационной и сетевой безопасностью; безопасностью электронной подписи и операционных систем и приложений; защитой информации от утечек по техническим каналам и обеспечением антивирусной защиты; обеспечением соответствия международным, государственным и отраслевым стандартам; анализом и расследованием инцидентов и пр. Специалист обязан уметь анализировать конкретную ситуацию, ставить задачи, исполнять сам и контролировать исполнение, сопровождать в дальнейшем внедренные решения, то есть полноценно выполнять пять функций: информационно-аналитическую, проектную, технологическую, интерактивную и рефлексивную.

Отмечается, что от современного специалиста требуют, помимо профессиональных знаний, «околобезопасных» компетенций: уметь анализировать огромное количество нормативных документов в области безопасности (компетенции, относящиеся к юриспруденции); уметь бюджетировать, на цифрах доказывать руководству экономический эффект от внедрения систем безопасности (компетенции финансиста); уметь «продать» свои решения руководству и окружающим (компетенции маркетолога), а также обладать компетенциями бизнес-аналитика, психолога, программиста [Савельев].

Сегодня работодатели и общество ждут от специалиста не только эффективной работы, качественной своевременной организации мероприятий, но и успешной реализации всех его функций, что предполагает достижение социально значимых результатов и удовлетворенность самого специалиста как основы творчества и создания нового [Помельникова 2017].

В наши дни большое внимание уделяется профессиональной успешности именно в сфере оценки компаний. Этот вопрос интересует психологию менеджмента, цель которой – повысить эффективность предприятий и компаний. Бизнес-психология представляет успех как способность человека достигать личных внешних целей. Успешным считается напористый, активный, деятельный, достигший вершин материального процветания, карьеры, славы специалист, имеющий возможность потреблять жизненные удовольствия. Успешностью считается характеристика деятельности человека – это совокупность позитивных результатов, накопленных в течение деятельности [Родионова]. По мнению Н.Л. Киселевой, профессиональная успешность – это «субъектно-личностное состояние профессионала, характеризующееся проживанием личностных достижений в контексте истории его профессиональной деятельности и возникающее на ценностной основе стремления к успеху и мастерству» [Киселева 2003, с. 105]. А.А. Деркач и его коллеги считают успешность профессиональной деятельности «качественной характеристикой деятельности специалиста в аспекте соответствия социально значимых результатов его профессиональной деятельности степени личной удовлетворенности ее процессом и результатами» [Деркач 2002, с. 140–141].

Профессиональная успешность для специалиста информационной безопасности является характеристикой его профессиональной деятельности в случае признания обществом и им самим полного обеспечения режима защиты информации от информационных угроз при реализации его профессиональных функций. Основу такой деятельности представляет готовность специалиста к успешному решению профессиональных задач. В данном случае такая готовность должна обеспечить специалисту успешную реализацию информационно-аналитической, проектной, технологической, интерактивной и рефлексивной функций. Таким образом, готовность к успешной профессиональной деятельности специалиста информационной безопасности – это интегративное свойство его личности, системообразующее компоненты, выделяемые адекватно функциям успешной профессиональной деятельности.

По мнению педагогов, готовность к профессиональной деятельности — это совокупность знаний, умений и навыков и положительного отношения (Л.А. Кандыбович, Н.Д. Левитов, А.В. Петровский, К.К. Платонов). Готовность специалиста информационной безопасности должна содержать, помимо профессиональных компетенций, ряд других, относящихся к разным специальностям. Проблема в том, что в ходе профессиональной подготовки таким компетенциям не уделяется достаточного внимания, дополнительные компетенции специалисту приходится осваивать самостоятельно, на собственном опыте или получая дополнительное образование. В процессе получения профессионального образования будущий специалист может подготовиться к успешной профессиональной деятельности, развив в себе определенные качества личности: ответственность для реализации информационно-аналитической функции (ориентационный компонент); субъектность — для проектной (целеполагающий компонент); профессиональную мобильность — для технологической (операционный компонент); коммуникабельность — для интерактивной (коммуникативный компонент) и творческую активность — для рефлексивной (оценочный компонент).

Ответственность как контроль субъекта выполнения принятых норм и правил, соблюдение моральных принципов при осуществлении деятельности будет развиваться с формированием этического сознания, то есть совокупности морально-нравственных устоев, знаний и представлений об окружающем мире. Под субъектностью понимается качество личности, определяющее осуществление самостоятельно регулируемой деятельности. Для этого специалисту необходимы умения самодетерминации, саморегулирования, осознание себя как профессионала, что представляется профессиональным самосознанием. При резко изменяющихся условиях работы, связанных с постоянно трансформирующимися информационными угрозами, от специалиста требуется такое качество, как мобильность, то есть готовность личности к переменам, развитию которой будут способствовать профессиональная направленность, осознание значимости и смысла профессиональной деятельности. Развитию такого качества, как коммуникабельность (нахождение общего языка с окружающими), помогает социальная направленность, то есть знания и навыки организации совместной работы. Творческая активность выделяется работодателями в связи с необходимостью предотвращения появления угроз, что требует от специалиста поиска новых способов решения, защиты от еще не существующих, но уже спрогнозированных угроз, чему будет способствовать сформированная акмеологическая направленность как потребность в достижении. Так, этическое сознание, профессиональное самосознание, профессиональная, социальная и акмеологическая направленность будут критериями сформированности готовности специалистов информационной безопасности к успешной профессиональной деятельности.

Исследователи отмечают недостаточное внимание в ходе профессиональной подготовки к личностным качествам специалиста информационной безопасности: есть попытки развития личностных

отдельных качеств в рамках уже существующих основных учебных дисциплин, выступающих содержанием элементом. Ученые предлагают формировать профессиональную культуру [Сластенова 2006], профессиональную мобильность, способности адаптироваться [Грицык 2005], готовность к аналитической деятельности [Меньшенина 2016], профессиональную самостоятельность [Рычкова 2010]. Однако нами не обнаружено работ, предлагающих систему формирования совокупности качеств, адекватно тем функциям, которые придется реализовывать будущему специалисту в инновационных условиях деятельности.

В качестве одного из средств формирования компонентов готовности будущих специалистов информационной безопасности к успешной профессиональной деятельности мы предлагаем специальный курс «Основы профессионального успеха в сфере информационной безопасности» [Помельникова 2018], направленный на развитие необходимых специалистам личностных качеств. На основе принципов личностно-ориентированного подхода, способствующего развитию обучаемых как «коллективного субъекта, индивида, наделенного неповторимым субъектным опытом» [Бондаревская, Кульневич 1999].

Только субъект деятельности может быть целеустремленным и целедостигающим существом, мотивировать совершение данной деятельности. Только субъект может рефлексировать и обладать «образом себя», отвечать за процесс, направлять его ход, завершать и продолжать его. Только субъект может развиваться и быть активным [Петровский 1996]. Субъекту присуще свойство адаптации, саморегулирования, саморегуляции, подчинения высшим интересам низших. Он регулирует процессы, которые ведут к подчинению среды своим исходным интересам. Адаптация есть реализация его фиксированных предметных ориентаций: удовлетворение потребности, иницировавшей поведение, достижение поставленной цели, решение исходной задачи. Субъект способен на рефлексию, с которой связан процесс самопознания и самопрограммирования, что является материализацией собственного прогноза о совершенствовании своей личности. Таким образом, только субъект профессии может знать о своих сильных и слабых сторонах и принимать решения о способах самосовершенствования, стремиться развивать в себе профессионала, четко представлять свою работу в будущем и иметь внутренний локус профессионального контроля, то есть искать причины успеха-неудачи в себе.

Для формирования готовности к успешной профессиональной деятельности в ходе исследования нами применялись принципы индивидуализации, самоактуализации, субъектности, доверия и поддержки, творчества и успеха [Степанов 1991].

Отбор педагогических средств осуществлялся на основе принципов личностно-ориентированного подхода и потребовал обращения к различным классификациям методов (Ю.К. Бабанский, И.Я. Лернер и М.Н. Скаткин). Словесные и наглядные методы для обеспечения принципа индивидуализации; индуктивные и дедуктивные — принципа

субъектности; репродуктивные – принципа самоактуализации; проблемно-поисковые – принципа доверия и поддержки; методы стимулирования интереса – принципа творчества и успеха [Бабанский 1989; Лернер 1981].

Для формирования готовности к реализации информационно-аналитической функции использовался принцип индивидуализации создавались условия для проявления индивидуальности личности, содействия развитию индивидуальных особенностей. Данному факту способствовали наглядные и вербальные методы как способы передачи информации для ее осмысления. Их целью стало формирование представлений будущих специалистов об успешной профессиональной деятельности в сфере информационной безопасности. Формирование представлений – это активный процесс мышления и деятельности, совершаемый в сознании под руководством извне [Клинберг 1984]. Согласно данной теории, в качестве средств формирования ориентационного компонента готовности к успешной профессиональной деятельности использовались такие методы, как просмотровое и изучающее чтение, лекция-дискуссия, мини-конференции, лекции-визуализации, круглый стол на тему «Факторы успеха», в ходе которых студентам предлагается показать свои знания по теме. Данный процесс позволяет будущим специалистам проявить себя, способствуя повышению самооценки, формированию образа «Я», чувства ответственности за ту миссию, которую несет специалист информационной безопасности: обеспечение защиты, предотвращение информационных угроз, формирование этического сознания.

Для формирования готовности к реализации проектной функции использовался принцип субъектности, чему способствовали беседа-обсуждение, диспут, мозговой штурм, лекция-провокация (такие методы носят активизирующий характер творческого тренинга) [Малкина].

Формированию готовности к реализации технологической функции способствует принцип самоактуализации, актуализации своих интеллектуальных и коммуникативных способностей. Психологическая диагностика и анализ личных качеств позволяют обучаемым определить свой уровень потребности в достижении успеха («Потребность в достижении», разработанная Ю.М. Орловым), утвердиться в своей профессиональной ориентации (опросник Холланда «Тип профессиональной среды» и «Профессиональная ориентация»), узнать свой локус контроля («Когнитивная ориентация. Локус контроля» Дж. Роттера), уровень перфекционизма, темперамент (Личностный опросник Айзека). Глубокий самоанализ способствует профессиональной направленности.

Формирование готовности к реализации интерактивной функции базируется на принципе доверия и поддержки (поддержка стремления учащегося к самореализации и самоутверждению). Будущим специалистам информационной безопасности предлагается решать проблемные ситуации из жизни профессионального общества, оценивать возмож-

ные ошибки и находить решения. Для моделирования профессиональной деятельности и формирования опыта профессионального поведения предлагаются ролевые игры как модель взаимосвязанных между собой проблемных ситуаций, что позволяет включиться в коммуникативное воздействие, приближенное к реальности [Кашапов 2011]. Коллективная деятельность позволяет развивать профессиональные способности, стимулируя будущих специалистов к самостроительству своего «Я» и самосовершенствованию, формируя позитивную Я-концепцию личности студента.

Студентам предлагается акмеологическое моделирование личной профессиональной деятельности, которое обеспечивает формирование оценочного компонента готовности и акмеологической направленности на основе принципа творчества и успеха. Моделирование в акмеологии, основанное на проектировании соотношения настоящего и будущего, способствует осознанию наличного состояния личности, способов ее изменения. Каждая траектория представляется в виде презентации на заключительной конференции.

Заключение

Итак, запрос государства и общества на специалистов информационной безопасности, способных к профессиональной успешности, вступает в противоречие с существующей подготовкой таких специалистов в вузе, характеризующейся недостаточным вниманием к общепрофессиональным компетенциям и развитию требуемых качеств личности. Разрешением данного противоречия служит формирование готовности к успешной профессиональной деятельности, состоящей из компонентов адекватно функциям, реализующимся специалистами при организации режима защиты информации. Отбор педагогических средств и процесс формирования происходит на основе личностно-ориентированного подхода и его принципов, результатом чего становится интегративное свойство личности будущих специалистов, критериями сформированности которого являются этическое сознание, профессиональное самосознание, профессиональная, социальная и акмеологическая направленность. Данное интегративное свойство обеспечивает личность такими качествами, как ответственность, субъектность, мобильность, коммуникабельность и творческая активность, что в будущем позволит специалистам информационной безопасности успешно реализовывать свои профессиональные функции. Эффективность формирования готовности будущих специалистов информационной безопасности к успешной профессиональной деятельности подтвердилась ростом значений показателей в структуре готовности.

Источники фактического материала

Доктрина – Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi>.

Библиографический список

- Астахова, Лушникова 2019 – *Астахова Л.В., Лушникова С.С.* Культура информационной безопасности предприятия: сравнительный анализ зарубежных и российских исследований // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2019. № 1 (31). С. 37–47. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37334708>.
- Бабанский 1989 – *Бабанский Ю.К.* Избранные педагогические труды / [сост. М.Ю. Бабанский; авт. вступ. ст. Г.Н. Филонов, Г.А. Победоносцев, А.М. Моисеев; авт. коммент. А.М. Моисеев]; Акад. пед. наук СССР. М.: Педагогика, 1989. 558 с. URL: http://elibrary.gnpbu.ru/text/babanskiy_izbrannye-pedagogicheskie-trudy_1989.
- Бондаревская, Кульневич 1999 – *Бондаревская Е.В., Кульневич С.В.* Педагогика: личность в гуманистических теориях и системах воспитания. Ростов н/Д.: Учитель, 1999. 560 с. URL: https://www.studmed.ru/bondarevskaya-ev-kulnevich-sv-pedagogika-lichnost-v-gumanisticheskikh-teoriyakh-i-sistemah-vospitaniya_3e57cc5d00a.html.
- Грицык 2005 – *Грицык В.А.* Виртуальный лабораторный комплекс на базе программных эмуляторов в профессиональной подготовке специалистов в области информационной безопасности: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Ставроп. гос. ун-т. Ставрополь, 2005. 159 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/virtualny-laboratornyi-kompleks-na-baze-programnykh-emulyatorov-v-professionalnoi-podgotov/read>.
- Деркач 2002 – *Деркач А.А.* Акмеология. М.: РАГС, 2002. 650 с. URL: <https://klex.ru/bo6>.
- Кашапов 2011 – *Кашапов М.М.* Акмеология: учебное пособие. Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. Ярославль: ЯрГУ, 2011. 112 с. URL: <http://www.lib.uniya.ac.ru/edocs/iuni/20110510.pdf>.
- Киреенко 2012 – *Киреенко А.Е.* Современные проблемы в области информационной безопасности: классические угрозы, методы и средства их предотвращения // Молодой ученый. 2012. № 3. С. 40–45.
- Киселева 2003 – *Киселева Н.Л.* Психолого-педагогические условия развития успешности учителя: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Киселева Наталья Леонидовна. Курск, 2003. 187 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/psikhologo-pedagogicheskie-usloviya-razvitiya-professionalnoi-uspeshnosti-uchitelya>.
- Клинберг 1984 – *Клинберг Л.* Проблемы теории обучения. М.: Педагогика, 1984. 256 с.
- Лернер 1981 – *Лернер И.Я.* Дидактические основы методов обучения. М.: Педагогика, 1981. 186 с. URL: https://www.studmed.ru/lerner-ya-didakticheskie-osnovy-metodov-obucheniya_4c9038bec46.html.
- Малкина – *Малкина Е.В.* Практика – критерий качества подготовки специалистов [Электронный ресурс]. URL: http://msuc.edu.ru/conf_05/part3/doc9.html.
- Меньшенина 2016 – *Меньшенина С.Г.* Формирование готовности к аналитической деятельности студентов – будущих специалистов по информационной и компьютерной безопасности: автореф. дис. ... канд. педагог. наук: 13.00.08 / Меньшенина Светлана Григорьевна; [место защиты: Ульянов. гос. ун-т]. Ульяновск, 2016. 261 с. URL: <https://www.docme.ru/doc/1402952/formirovanie-gotovnosti-k-analiticheskoy-deyatelnosti-stud>.
- Петровский 1996 – *Петровский В.А.* Личность в психологии: парадигма субъектности: монография. Ростов н/Д., 1996. 485 с. URL: http://www.bim-bad.ru/docs/lichnostq_v_psihologii_v.a._petrovskij.pdf.
- Помельникова 2017 – *Помельникова Е.А.* Особенности представлений профессиональной успешности у студентов специальности «информационная безопасность» // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 8. № 12–2. С. 198–206. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32245977>.
- Помельникова 2018 – *Помельникова Е.А.* Основы профессионального успеха в сфере информационной безопасности: учебное пособие / под ред. М.Г. Резниченко. Самара: Изд-во «Инсома-пресс», 2018. 102 с.
- Родионова – *Родионова Е.А.* Субъектный подход к определению профессиональной успешности [Электронный ресурс]. URL: http://psyjournals.ru/files/63215/22_Rodionova.
- Рычкова 2010 – *Рычкова А.А.* Дистанционные образовательные технологии как средство формирования профессиональной самостоятельности будущих инженеров-программистов: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Рычкова Анастасия Александровна; [место защиты: Оренбург. гос. ун-т]. Оренбург, 2010. 235 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/distantcionnye-obrazovatelnye-tehnologii-kak-sredstvo-formirovaniya-professionalnoi-samosto>.
- Савельев – *Савельев М.* Проблематика подготовки специалистов в сфере информационной безопасности. URL: <https://bis-expert.ru/articles/43975>.
- Сластенова 2006 – *Сластенова И.В.* Методика реализации прикладной направленности курса «Высшая математика» при обучении специалистов в области информационной безопасности: на материале теории вероятностей и математической статистики: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Астрахан. гос. ун-т. Астрахань, 2006. 222 с.
- Степанов 1991 – *Степанов С.Ю., Похмелькина Г.Ф., Колошина Т.Ю., Фролова Т.В.* Принципы рефлексивной психологии педагогического творчества // Вопросы психологии. 1991. № 5. С. 5–14. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1991/915/915005.htm>.

References

- Astakhova, Lushnikova 2019 – *Astakhova L.V., Lushnikova S.S.* Kul'tura informatsionnoi bezopasnosti predpriyatiya: sravnitel'nyi analiz zarubezhnykh i rossiiskikh issledovaniy [Culture of information security enterprise: comparative analysis of foreign and Russian Research]. Vestnik UrFO. Bezopasnost' v informatsionnoi sfere [UrFR Newsletter. Information Security], 2019, no. 1 (31), pp. 37–47. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37334708> [in Russian].
- Babanskiy 1989 – *Babanskiy Yu.K.* Izbrannye pedagogicheskie trudy / [sost. M.Yu. Babanskiy; avt. vstup. st. G.N. Filonov, G.A. Pobedonostsev, A.M. Moiseev; avt. komment. A. M. Moiseev]; Akad. ped. nauk SSSR [Selected pedagogical works. [Complier M.Yu. Babanskiy; author of the introductory article G.N. Filonov, G.A. Pobedonostsev, A.M. Moiseev; narration A.M. Moiseev]; Academy of Pedagogical Sciences of the USSR]. M.: Pedagogika, 1989, 558 p. Available at: http://elibrary.gnpbu.ru/text/babanskiy_izbrannye-pedagogicheskie-trudy_1989 [in Russian].
- Bondarevskaya, Kulnevich 1999 – *Bondarevskaya E.V., Kulnevich S.V.* Pedagogika: lichnost' v gumanisticheskikh teoriyakh i sistemakh vospitaniya [Pedagogy: personality in humanistic theories and education systems]. Rostov-

- on-Don: Uchitel', 1999, 560 p. Available at: https://www.studmed.ru/bondarevskaya-ev-kulnevich-sv-pedagogika-lichnost-v-gumanisticheskikh-teoriyah-i-sistemah-vospitaniya_3e57cc5d00a.html [in Russian].
- Gritsyk 2005 – *Gritsyk V.A.* Virtual'nyi laboratornyi kompleks na baze programmnykh emulyatorov v professional'noi podgotovke spetsialistov v oblasti informatsionnoi bezopasnosti: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.08. Stavrop. gos. un-t. [A virtual laboratory complex based on software emulators in the training of specialists in the field of information security: author's abstract of Candidate's of Pedagogical sciences thesis: 13.00.08. Stavropol State University]. Stavropol, 2005, 159 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/virtualnyi-laboratornyi-kompleks-na-baze-programmnykh-emulyatorov-v-professionalnoi-podgotov/read> [in Russian].
- Derkach 2002 – *Derkach A.A.* Akmeologiya [Acmeology]. M.: RAGS, 2002, 650 p. Available at: <https://klex.ru/bo6> [in Russian].
- Kashapov 2011 – *Kashapov M.M.* Akmeologiya: uchebnoe posobie. Yarosl. gos. un-t im. P.G. Demidova [Acmeology: textbook; P.G. Demidov Yaroslavl State University]. Yaroslavl: YarGU, 2011, 112 p. Available at: <http://www.lib.uniyar.ac.ru/edocs/iuni/20110510.pdf> [in Russian].
- Kireenko 2012 – *Kireenko A.E.* Sovremennye problemy v oblasti informatsionnoi bezopasnosti: klassicheskie ugrozy, metody i sredstva ikh predotvrashcheniya [Modern problems in the sphere of information security: classical threats, methods and means of their prevention]. *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], 2012, no. 3, pp. 40–45. Available at: <https://moluch.ru/archive/38/4365> [in Russian].
- Kiseleva 2003 – *Kiseleva N.L.* Psikhologo-pedagogicheskie usloviya razvitiya uspekhov uchitelya: dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.08 [Psychological and pedagogical conditions for the development of teacher's success: Candidate's of Pedagogical Sciences thesis: 13.00.08]. Kursk, 2003. 187 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/psikhologo-pedagogicheskie-usloviya-razvitiya-professionalnoi-uspekhov-uchitelya> [in Russian].
- Klinberg 1984 – *Klinberg L.* Problemy teorii obucheniya [Problems of learning theory]. M.: Pedagogika, 1984, 256 p. [in Russian].
- Lerner 1981 – *Lerner I.Ya.* Didakticheskie osnovy metodov obucheniya [Didactic foundations of teaching methods]. M.: Pedagogika, 1981, 186 p. Available at: https://www.studmed.ru/lerner-iya-didakticheskie-osnovy-metodov-obucheniya_4c9038bec46.html [in Russian].
- Malkina – *Malkina E.V.* Praktika – kriterii kachestva podgotovki spetsialistov [Elektronnyi resurs] [Practice – criteria of quality of specialists training [Electronic resource]]. Available at: http://msuc.edu.ru/conf_05/part3/doc9.html [in Russian].
- Menshenina 2016 – *Menshenina S.G.* Formirovanie gotovnosti k analiticheskoi deyatel'nosti studentov budushchikh spetsialistov po informatsionnoi i komp'yuternoi bezopasnosti: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.08; [Mesto zashchity: Ul'yan. gos. un-t] [Formation of readiness to the analytical activity of students future specialists in information and computer security: author's abstract of Candidate's of Pedagogical Sciences thesis: 13.00.08]. Ulyanovsk, 2016, 261 p. Available at: <https://www.docme.ru/doc/1402952/formirovanie-gotovnosti-k-analiticheskoi-deyatelnosti-stud> [in Russian].
- Petrovskii 1996 – *Petrovskii V.A.* Lichnost' v psikhologii: paradigma sub'ektnosti; monografiya [Personality in psychology: the paradigm of subjectivity; monograph]. Rostov-on-Don, 1996, 485 p. Available at: http://www.bimbad.ru/docs/lichnostq_v_psihologii_v.a._petrovskij.pdf [in Russian].
- Pomel'nikova 2017 – *Pomel'nikova E.A.* Osobennosti predstavlenii professional'noi uspekhov u studentov spetsial'nosti «informatsionnaya bezopasnost'» [Special aspects of the notions about professional successfulness among IT security students]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Russian Journal of Education and Psychology], 2017, Vol. 8, no. 12–2, pp. 198–206. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32245977> [in Russian].
- Pomel'nikova 2018 – *Pomel'nikova E.A.* Osnovy professional'nogo uspekha v sfere informatsionnoi bezopasnosti: uchebnoe posobie. Pod red. M.G. Reznichenko [Fundamentals of professional success in the field of information security: textbook. M.G. Reznichenko (Ed.)]. Samara: Izd-vo «Insompress», 2018, 102 p. [in Russian].
- Rodionova – *Rodionova E.A.* Sub'ektnyi podkhod k opredeleniyu professional'noi uspekhov [Elektronnyi resurs] [Subject approach to the definition of professional success [Electronic resource]]. Available at: http://psyjournals.ru/files/63215/22_Rodionova [in Russian].
- Rychkova 2010 – *Rychkova A.A.* Dstantsionnye obrazovatel'nye tekhnologii kak sredstvo formirovaniya professional'noi samostoyatel'nosti budushchikh inzhenerov-programmistov: dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.08. Rychkova Anastasiya Aleksandrovna; [mesto zashchity: Orenburg. gos. un-t] [Remote educational technologies as a means of forming professional independence of future software engineers: Candidate's of Pedagogical sciences thesis: 13.00.08]. Orenburg, 2010, 235 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/dstantsionnye-obrazovatelnye-tekhnologii-kak-sredstvo-formirovaniya-professionalnoi-samosto> [in Russian].
- Savelyev – *Savelyev M.* Problematika podgotovki spetsialistov v sfere informatsionnoi bezopasnosti [Problems of training specialists in the field of information security]. Available at: <https://bis-expert.ru/articles/43975> [in Russian].
- Slastenova 2006 – *Slastenova I.V.* Metodika realizatsii prikladnoi napravlenosti kursa «Vysshaya matematika» pri obuchenii spetsialistov v oblasti informatsionnoi bezopasnosti: na materiale teorii veroyatnostei i matematicheskoi statistiki: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.02. Astrakhan. gos. un-t. [Methodology for the implementation of the applied orientation of the course «Higher Mathematics» in the training of specialists in the field of information security: on the basis of probability theory and mathematical statistics: author's abstract of Candidate's of Pedagogical sciences thesis: 13.00.02. Astrakhan State University]. Astrakhan, 2006, 222 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/metodika-realizatsii-prikladnoi-napravlenosti-kursa-vysshaya-matematika-pri-obuchenii-spets/read> [in Russian].
- Stepanov 1991 – *Stepanov S.Yu., Pokhmelkina G.F., Koloshina T.Yu., Frolova T.V.* Printsipy reflektivnoi psikhologii pedagogicheskogo tvorchestva [Principles of reflective psychology of pedagogical creativity]. *Voprosy psikhologii* [Voprosy psikhologii], 1991, no. 5, pp. 5–14. Available at: <http://www.voppsy.ru/issues/1991/915/9150>

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-3-89-94
УДК 37.03

Дата поступления статьи: 10/VII/2019
Дата принятия статьи: 25/VIII/2019

И.В. Никулина, А.Э. Снежкова

ИССЛЕДОВАНИЕ УРОВНЯ СФОРМИРОВАННОСТИ МОТИВАЦИИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

© *Никулина Ирина Вячеславовна* – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры теории и методики профессионального образования, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: nikulinaiv@yandex.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-4716-9650>

© *Снежкова Алиса Эмилевна* – магистр III курса кафедры теории и методики профессионального образования, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: Alisik1995_2009@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-7148-663X>

АННОТАЦИЯ

Мотивация учебной деятельности является одним из ключевых аспектов обучения. Проведенные психологические, педагогические исследования доказали значимую роль мотивационных переменных в эффективности учебной деятельности. Актуальность проблемы мотивации учебной деятельности обусловлена, с одной стороны, возрастающим интересом государства к реализации потенциала личности для ее дальнейших достижений, которые являются основой развития современного информационного и высокотехнологичного общества, а с другой стороны, снижением внутренней учебной мотивации в процессе обучения. Внутренняя мотивация учебной деятельности гарантирует успешность и значительные достижения обучающегося в учебном процессе, что, в свою очередь, напрямую связано с дальнейшим прогрессом не только его лично, но и в совокупности людей – всего общества в целом. Внутренняя мотивация учебной деятельности определяется системой мотивов, находящих отражение в интересе к содержанию учебной деятельности, в создании продуктивного результата, в получаемом удовольствии от процесса познания, от решения интеллектуальных задач. Внутренняя учебная мотивация обуславливает академические достижения, позитивную динамику успеваемости, а также является условием психологического благополучия.

Методы исследования: анализ и синтез научных идей и результатов исследований в сфере мотивации; обобщение и систематизация фактов и положений о мотивации учебной деятельности; изучение мотивации учебной деятельности обучающихся.

В статье представлено определение мотивации учебной деятельности, дан сравнительный анализ понятий «мотивация» и «мотив». Рассмотрены мотивы, относящиеся к внешней (мотив социального одобрения, боязнь наказания, мотив общения, внеучебная школьная мотивация) и внутренней (познавательный интерес, мотивация достижения, осознание социальной необходимости, мотив самореализации) мотивации учебной деятельности. Проанализированы результаты анкетирования обучающихся 5–11 классов, выделены ведущие мотивы учебной деятельности на каждом из возрастных этапов.

Ключевые слова: мотивация учебной деятельности, мотивы, внешние мотивы, внутренние мотивы, уровень сформированности мотивации, диагностика мотивации.

Цитирование. Никулина И.В., Снежкова А.Э. Исследование уровня сформированности мотивации учебной деятельности обучающихся // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 3. С. 89–94. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-3-89-94>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-3-89-94

Submitted: 10/VII/2019

UDC 37.03

Accepted: 25/VIII/2019

I.V. Nikulina, A.E. Snezhkova

STUDY OF THE LEVEL OF FORMATION OF MOTIVATION FOR LEARNING ACTIVITIES OF STUDENTS

© *Nikulina Irina Vyacheslavovna* – Candidate of Pedagogical Sciences, associate professor of the Department of Theory and Methods of Professional Education, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: nikulinaiv@yandex.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-4716-9650>

© *Snezhkova Alisa Emilevna* – master of the 3rd year of study, Department of Theory and Methods of Professional Education, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: Alisik1995_2009@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-7148-663X>

ABSTRACT

Motivation for learning is one of the key aspects of learning. Conducted psychological, pedagogical studies have proved a significant role of motivational variables in the effectiveness of educational activities. The urgency of the problem of motivation for educational activity is due, on the one hand, to the growing interest of the state in realizing the potential of the individual for its further achievements, which are the basis for the development of modern information and high-tech society, and on the other hand, to a decrease in internal educational motivation in the learning process. The internal motivation of educational activity guarantees the success and significant achievements of the student in the educational process, which, in turn, is directly related to the further progress not only of him personally, but also in the aggregate of people – the whole society as a whole. The intrinsic motivation of educational activity is determined by a system of motives reflected in interest in the content of educational activity, in creating a productive result, in enjoying the process of cognition, and solving intellectual problems. Internal educational motivation determines academic achievement, positive dynamics of academic performance, and is also a condition of psychological well-being.

Research methods: analysis and synthesis of scientific ideas and research results in the field of motivation; generalization and systematization of facts and regulations on the motivation of educational activities; study of the motivation of learning activities of students.

The article presents the definition of motivation for educational activities, gives a comparative analysis of the concepts of «motivation» and «motive». The motives related to external (motive of social approval, fear of punishment, motive of communication, extracurricular school motivation) and internal (cognitive interest, motivation to achieve, awareness of social need, motive of self-realization) motivation for learning activities are considered. The results of a survey of students in grades 5–11 are analyzed, the leading motives of educational activity at each of the age stages are highlighted.

Key words: motivation of study activity, motives, external motives, internal motives, level of motivation formation, diagnostics of motivation, personality development.

Citation. Nikulina I.V., Snezhkova A.E. *Issledovanie urovnya sformirovannosti motivatsii uchebnoi deyatel'nosti obuchayushchikhsya* [Study of the level of motivation for learning activities of students]. *Vestnik Samarского университета. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 3, pp. 89–94. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-3-89-94> [in Russian].

Введение

Социокультурные изменения, происходящие в сфере образования, в частности в сфере общего школьного образования, приводят к интенсивному изменению социальных ориентиров в обществе. Непрерывное и динамическое изменение педагогической среды, переход к новой образовательной парадигме сопровождаются появлением новых требований ко всем участникам образовательного процесса: как к педагогам, так и к обучающимся. Появление новых требований порождает необходимость находить средства для их удовлетворения. Этот процесс получил свое отражение в системе школьного образования. Современная школа на-

ходится на стадии динамического обновления, постоянно происходит совершенствование содержания, организационных форм, а также инновационных технологий обучения. Однако педагоги сталкиваются с нежеланием обучающегося учиться, это касается как дисциплин гуманитарного, так и естественного цикла. В настоящее время обучающиеся средней общеобразовательной школы должны обладать не только определенной суммой знаний, умений и навыков, но и иметь внутренний потенциал, способствующий самоактуализации, самообразованию в процессе учебной деятельности. В связи с этим основной задачей, стоящей перед педагогом в средней общеобразовательной школе, яв-

ляется создание психолого-педагогических условий для развития внутренней мотивации учебной деятельности.

Важность развития мотивации и мотивационной сферы обучающегося очевидна, так как современными ориентирами общества и образования стали постоянное стремление к познанию, саморазвитию и самообразованию не только на всем периоде обучения, но и в течение всей жизни. Основные усилия педагогов направлены в первую очередь на улучшение и постепенное совершенствование методического аппарата учебного процесса, в то время как развитие мотивационной сферы деятельности обучающихся относится к очень глубинным и трудно осознаваемым сторонам человеческой психики, являясь важным фактором активизации учебно-познавательной деятельности. Сложность развития мотивационной сферы заключается в том, что необходимо формировать не внешние, а внутренние мотивы учебной деятельности, которые дают начало самоактуализации личности. Преобладание в структуре учебных мотивов интереса к учебной деятельности, мотивов достижения, развитого уровня самоконтроля и настойчивости, умения преодолевать трудности, возникающие при решении интеллектуальных задач, способствует результативности и эффективности учебной деятельности обучающихся.

Степень разработанности проблемы

В философской, педагогической, психологической литературе отмечается важная роль мотивационных переменных в эффективности деятельности [Ильин 1995; Леонтьев 2005; Маслоу 1999; Никулина 2008; Никулина, Санько 2017; Хекхаузен 2003], рассматривается структура мотивации учебной деятельности, источники и механизмы возникновения учебных мотивов, роль мотивации в достижении эффективности учебной деятельности [Бакшаева, Вербицкий 2006; Божович 2001; Гордеева 2013; Маркова 1981; Маркова, Матис, Орлов 1990; Реан 1999; Шепелева 2008].

Теоретический анализ литературы показал, что успех в учебной деятельности зависит от особенностей учебной мотивации, выполняющей роль движущей силы, определяющей академические достижения обучающихся. Побудительной силой учебной деятельности является мотив. Мотив, по определению А.Н. Леонтьева, «опредмеченная потребность». Мотивами могут быть предметы внешнего мира, привычки, чувства, представления – все то, в чем нашла воплощение потребность. Мотив показывает, во имя чего осуществляется учебная деятельность и какие при этом преследуются цели.

Термин «мотивация» значительно шире термина «мотив». Мотивация – это сложный многоуровневый регулятор жизнедеятельности человека. Под мотивацией понимают процессы детерминации активности человека или формирования побуждения его к деятельности [Ильин 1995; Леонтьев 2005; Хекхаузен 2003]. В учебном процессе мотивационная сфера личности проявляется в качестве совокупности различных побуждений: мотивов, потреб-

ностей, интересов, целей, установок, обуславливающих проявление учебной активности и стремление участвовать в школьной жизни.

В структуре учебной мотивации можно выделить внешние и внутренние мотивы. Выделенные мотивы играют различную роль в эффективности учебной деятельности и по-разному определяют психологическое благополучие обучающихся. К внешним мотивам относят: мотив социального одобрения, боязнь наказания, мотив общения, внеучебную школьную мотивацию. Обучающиеся с выраженной мотивацией социального одобрения учатся прежде всего ради похвалы, признания, поощрения со стороны педагогов, одноклассников, родителей. Мотив «боязнь наказания» показывает значимость для обучающегося наказания, порицания со стороны других людей за его учебные неудачи. Обучающиеся с выраженной мотивацией боязни наказания учатся прежде всего потому, что опасаются наказания за неуспехи в учебной деятельности. Обучающиеся, у которых ведущим мотивом является мотив общения, проявляют заинтересованность в тех видах деятельности, где присутствует коммуникация, что не всегда относится непосредственно к учебному процессу. Обучающиеся с внеучебной школьной мотивацией проявляют заинтересованность в различных внеучебных делах, проходящих в школе (концерты, выставки, праздники и др.). Они с удовольствием ходят в школу, часто являются активными участниками внеурочной деятельности, однако учатся неохотно, по необходимости.

Внутренние мотивы учебной деятельности связаны с процессом познания и достижения результатов в ней. К внутренним мотивам относятся: познавательный интерес, мотивация достижения, осознание социальной необходимости, мотив самореализации. Обучающиеся с выраженной познавательным интересом испытывают потребность в получении нового знания и новой информации. Они получают удовольствие от самого процесса открытия нового. Обучающиеся с доминирующим мотивом достижения проявляют желание быть лучшими, осознавать себя способными, умными, компетентными. В учебной деятельности они хотят доказать себе, что способны на многое. Мотив осознания социальной необходимости учения проявляется в стремлении обучающихся быть образованными. Они учатся потому, что осознают необходимость получения хорошего образования для собственного успешного будущего. Мотив самореализации свидетельствует о значимости учебной деятельности как ведущей сферы самореализации.

Мотивация личности подвержена возрастными изменениям. У дошкольников и младших школьников основными мотивами являются интерес к учению, стремление к взрослости, принятие новой социальной роли (ученика). В средних классах ведущими мотивами являются стремление найти свое место среди товарищей; познание и оценка свойств своей личности; интерес к определенному предмету в школе на фоне снижения общей мотивации учения; мотив избегания неприятностей (боязнь

наказания). Для старших школьников наиболее ярким мотивом учебной деятельности становится подготовка к следующей ступени своего образования.

Результаты исследования

С целью изучения ведущих мотивов учебной деятельности было проведено анкетирование среди обучающихся 5–11 классов города Самары. В анкетировании приняло участие 66 человек (учащиеся с пятого по одиннадцатый класс). Анкета включала в себя тридцать девять вопросов, каждый из которых направлен на выявление доминирующего мотива учебной деятельности обучающихся. Анализ результатов анкетирования позволяет сделать вывод, что на каждом возрастном этапе происходит изменение доминирующих мотивов в структурах внешней и внутренней мотивации учебной деятельности (рис. 1).

Преобладающими мотивами в структуре внешней мотивации учебной деятельности у обучающихся 5–7 классов являются мотивы социального одобрения родителей и боязни наказания со стороны школы.

Таким образом, можно сделать вывод, что обучающиеся данной возрастной группы учатся потому, что есть внимание со стороны родителей к их учебным успехам и они не желают показаться в глазах педагогов неспособными. На втором месте

по значимости в структуре внешней мотивации учебной деятельности стоит мотив общения, что свидетельствует о том, что обучающиеся ходят в школу, чтобы пообщаться с друзьями, одноклассниками, педагогами.

Преобладающими мотивами в структуре внешней мотивации учебной деятельности у обучающихся 8–9 классов являются мотив социального одобрения педагогами и мотив социального одобрения родителями. Для обучающихся данной возрастной группы важно получить одобрение со стороны педагогов и родителей. Доминирующим в структуре внешней мотивации учебной деятельности обучающихся 10–11 классов выступает мотив общения.

Доминирующими мотивами в структуре внутренней мотивации учебной деятельности у обучающихся 5–7 классов являются познавательный интерес и мотив самореализации (рис. 2). Обучающиеся с выраженным познавательным интересом получают удовольствие от самого процесса открытия нового, проявляют интерес к новому знанию и новой информации. Мотив самореализации выражается в значимости учебной деятельности как ведущей сферы самореализации, места, где обучающийся может заявить о себе, развивая свой потенциал.

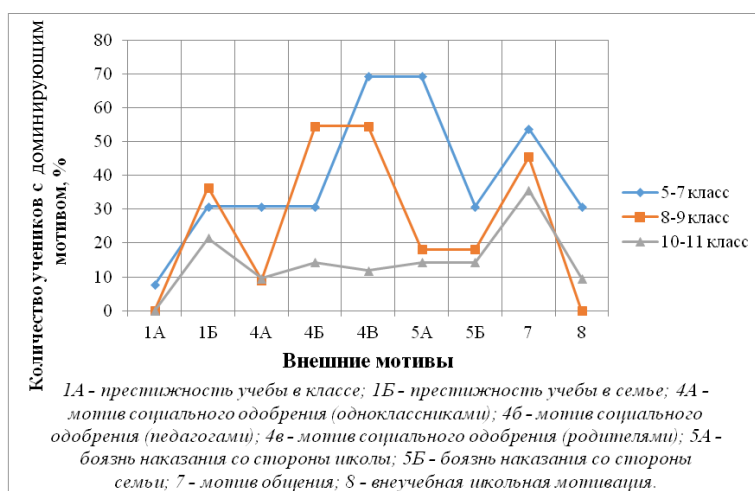

Рис. 1. Доминирующие мотивы в структуре внешней мотивации учебной деятельности

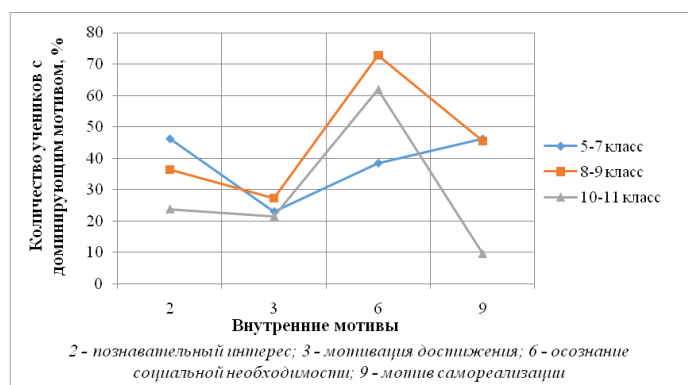

Рис. 2. Доминирующие мотивы в структуре внутренней мотивации учебной деятельности

Преобладающим мотивом в структуре внутренней мотивации учебной деятельности у обучающихся 8–9, 10–11 классов оказался мотив осознания социальной необходимости учения; учащиеся данной возрастной группы стремятся быть образованными людьми, осознавая необходимость получения хорошего образования.

Результаты анкетирования показали высокую степень развития познавательного интереса у учащихся 5–7 классов, которая к 10 классу резко понижается, что требует поиска способов сохранения и развития внутренней учебной мотивации старшеклассников.

Выводы

Основной проблемой развития мотивационной сферы обучающихся является преобладание внешних мотивов учебной деятельности: общение в рамках школы и потребность в социальном одобрении. Внешняя мотивация учебной деятельности непродуктивна и кратковременна. Обучающиеся с преобладанием внешней мотивации испытывают внутренний дискомфорт. Снижение интенсивности внешнего фактора (уменьшение социального одобрения, снижение угрозы наказания) приводят к демотивации учебной деятельности, что требует создания условий для формирования внутренней мотивации учебной деятельности. Внутренняя мотивация учебной деятельности выражается интересом к приобретению знаний, преодолению трудностей, реализации собственного интеллектуального, творческого и личностного потенциала, что гарантирует дальнейший непрерывный и независимый от внешней среды рост личности.

Библиографический список

Бакшаева, Вербицкий 2006 – *Бакшаева Н.А., Вербицкий А.А.* Психология мотивации студентов. М.: Логос, 2006. 184 с. URL: https://www.e-reading.club/bookreader.php/1042469/Verbickiy_Psihologiya_motivacii_studentov.html.

Божович 2001 – *Божович Л.И.* Проблемы формирования личности: Избр. психол. тр. / под ред. Д.И. Фельдштейна; Рос. акад. образования, Моск. психол.-соц. ин-т. 3-е изд. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2001. 349 с. URL: http://elib.gnpbu.ru/textpage/download/html/?book=bozhovich_problemy_formirovaniya-lichnosti_2001&bookhl.

Гордеева 2013 – *Гордеева Т.О.* Мотивация учебной деятельности школьников и студентов: структура, механизмы, условия развития: дис. ... канд. психол. наук. М., 2013. 444 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/motivatsiya-uchebnoi-deyatelnosti-shkolnikov-i-studentov-struktura-mekhanizmy-usloviya-razvi>.

Гордеева 2005 – *Гордеева Т.О.* Мотивационные факторы, влияющие на достижения в учебной деятельности // Психология в вузе. 2005. № 4. С. 3–27. URL: <https://mybiblioteka.su/9-99627.html>.

Ильин 1995 – *Ильин Е.П.* Сущность и структура мотива // Психологический журнал. 1995. Т.16. № 2. С. 27–41. URL: <https://poisk-ru.ru/s833t11.html>

Леонтьев 2005 – *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, Академия, 2005. 352 с. URL: <https://studfiles.net/preview/3004604>.

Маркова 1981 – *Маркова А.К.* Исследование мотивации учебной деятельности и идеи Л.С. Выготского // Научное творчество Л.С. Выготского и современная психология. М.: Просвещение, 1981. 256 с.

Маркова, Матис, Орлов 1990 – *Маркова А.К., Матис Т.А., Орлов А.Б.* Формирование мотивации учения: книга для учителя. М.: Просвещение, 1990. 192 с. URL: <http://pedlib.ru/Books/1/0389>.

Маслоу 1999 – *Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. 478 с. URL: http://www.bim-bad.ru/docs/maslow_motivation_and_personality.pdf.

Никулина 2008 – *Никулина И.В.* Мотивация профессионально-педагогической деятельности преподавателя высшей школы // Вестник Самарского государственного университета. 2008. № 66. С. 303–311. URL: <https://journals.ssau.ru/index.php/hpp/article/view/4443>.

Никулина, Санько 2017 – *Никулина И.В., Санько А.М.* Мотивация научно-исследовательской деятельности преподавателей университета // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2017. № 5. С. 27–32. URL: http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia_hum/2017/2017_5_27_32.pdf.

Реан 1999 – О ценностно-мотивационной сфере студентов-универсантов / Реан А.А. [и др.] // Ананьевские чтения-99: тезисы научно-практич. конф. СПб., 1999. С. 222–223. URL: http://elib.gnpbu.ru/text/ananyevskie_chteniya_1999/go,0;fs,0.

Хекхаузен 2003 – *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность. 2-е изд. СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003. 860 с. URL: [http://znakka4estva.ru/uploads/category_items/%D0%9C%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%B8%20%D0%B4%D0%B5%D1%8F%D1%82%D0%B5%D0%BE%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C%20%D0%A5%D0%B5%D0%BA%D1%85%D0%B0%D1%83%D0%B7%D0%B5%D0%BD%D0%A5%202003%2086%D1%81%20%D0%A1%D0%B5%D1%80.%20%D0%9C%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B0%20%D0%BF%D1%81%D0%B8%D1%85%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%B8\).PDF.pdf](http://znakka4estva.ru/uploads/category_items/%D0%9C%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%B8%20%D0%B4%D0%B5%D1%8F%D1%82%D0%B5%D0%BE%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C%20%D0%A5%D0%B5%D0%BA%D1%85%D0%B0%D1%83%D0%B7%D0%B5%D0%BD%D0%A5%202003%2086%D1%81%20%D0%A1%D0%B5%D1%80.%20%D0%9C%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B0%20%D0%BF%D1%81%D0%B8%D1%85%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%B8).PDF.pdf).

Шепелева 2008 – *Шепелева Е.А.* Особенности учебной и социальной самоэффективности школьников: дис. ... канд. психол. наук. М.: МГУ, 2008. 166 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/osobennosti-uchebnoi-i-sotsialnoi-samoeffektivnosti-shkolnikov>.

References

Bakshaeva, Verbitskiy 2006 – *Bakshaeva N.A., Verbitskiy A.A.* *Psikhologiya motivatsii studentov* [Psychology of motivation of students]. M.: Logos, 2006, 184 p. Available at: https://www.e-reading.club/bookreader.php/1042469/Verbickiy_-_Psihologiya_motivacii_studentov.html [in Russian].

Bozhovich 2001 – *Bozhovich L.I.* *Problemy formirovaniya lichnosti: Izbr. psikhol. tr. Pod red. D.I. Fel'dshteyna; Ros. akad. obrazovaniya, Mosk. psikhol.-sots. in-t. 3-e izd.* [Problems of personality formation: Selected psychological works. D.I. Feldstein (Ed.); Russian Academy of Education, Moscow psycholog-social university. 3-rd edition]. M.: MPSI; Voronezh: MODEK, 2001, 349 p. Available at: <http://elib.gnpbu.ru/textpage/download/html/>

- ?book=bozhovich_problemy-formirovaniya-lichnosti_2001&bookhl [in Russian].
- Gordeeva 2013 – *Gordeeva T.O. Motivatsiya uchebnoi deyatel'nosti shkol'nikov i studentov: struktura, mekhanizmy, usloviya razvitiya: dis. ... kand. psikh. nauk* [Motivation of educational activity of schoolchildren and students: structure, mechanisms, conditions of development: Candidate's of Psychological Sciences thesis]. M., 2013, 444 p. Available at: <https://www.disscat.com/content/motivatsiya-uchebnoi-deyatelnosti-shkolnikov-i-studentov-struktura-mekhanizmy-usloviya-razvi> [in Russian].
- Gordeeva 2005 – *Gordeeva T.O. Motivatsionnye faktory, vliyayushchie na dostizheniya v uchebnoi deyatel'nosti* [Motivational factors influencing achievements in educational activities]. *Psikhologiya v vuze* [Psychology in the university], 2005, no 4, pp. 3–27. Available at: <https://mybiblioteka.su/9-99627.html> [in Russian].
- Ilyin 1995 – *Ilyin E.P. Sushchnost' i struktura motiva* [Essence and structure of motive]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 1995, Vol. 16, no. 2, pp. 27–41. Available at: <https://poisk-ru.ru/s833t11.html> [in Russian].
- Leontiev 2005 – *Leontiev A.N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. M.: Smysl, Akademiya, 2005, 352 p. Available at: <https://studfiles.net/preview/3004604> [in Russian].
- Markova 1981 – *Markova A.K. Issledovanie motivatsii uchebnoi deyatel'nosti i idei L.S. Vygotskogo* [Study of motivation of educational activities and ideas of L.S. Vygotsky]. In: *Nauchnoe tvorchestvo L.S. Vygotskogo i sovremennaya psikhologiya* [Scientific creativity of L.S. Vygotsky and modern psychology]. M.: Prosveshchenie, 1981, 256 p. [in Russian].
- Markova, Matis, Orlov 1990 – *Markova A.K., Matis T.A., Orlov A.B. Formirovanie motivatsii ucheniya: kniga dlya uchitelya* [Formation of motivation of teaching: book for teacher]. M.: Prosveshchenie, 1990, 192 p. Available at: <http://pedlib.ru/Books/1/0389> [in Russian].
- Maslow 1999 – *Maslow A. Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and personality]. SPb.: Evraziya, 1999, 478 p. Available at: http://www.bim-bad.ru/docs/maslow_motivation_and_personality.pdf [in Russian].
- Nikulina 2008 – *Nikulina I.V. Motivatsiya professional'no-pedagogicheskoi deyatel'nosti prepodavatelya vysshei shkoly* [Motivation of vocational and pedagogical activity of the teacher of higher school]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2008, no. 66, pp. 303–311. Available at: <https://journals.ssau.ru/index.php/hpp/article/view/4443> [in Russian].
- Nikulina, Sanko 2017 – *Nikulina I.V., Sanko A.M. Motivatsiya nauchno-issledovatel'skoi deyatel'nosti prepodavatelei universiteta* [Encouraging effective research activity of university teachers]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki* [Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Social, humanitarian, medicobiological sciences], Vol. 19, no. 5, 2017, pp. 27–32. Available at: http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia_hum/2017/2017_5_27_32.pdf [in Russian].
- Rean 1999 – *Rean A.A. et al. O tsennostno-motivatsionnoi sfere studentov-universantov* [On the value-motivational sphere of students-universants]. In: *Anan'evskie chteniya-99: tezisy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Anan'ev readings-99: theses of research and practical conference]. SPb., 1999, pp. 222–223. Available at: http://elib.gnpbu.ru/text/ananyevskie_chteniya_1999/go,0;fs,0/ [in Russian].
- Khekkhauzen 2003 – *Khekkhauzen Kh. Motivatsiya i deyatel'nost'. 2-e izd.* [Motivation and activities. 2nd edition]. SPb.: Piter; M.: Smysl, 2003, 860 p. Available at: [http://znakka4estva.ru/uploads/category_items/%D0%9C%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%B8%20%D0%B4%D0%B5%D1%8F%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C%20%D0%A5%D0%B5%D0%BA%D1%85%D0%B0%D1%83%D0%B7%D0%B5%D0%BD%D0%A5%202003.%20860%D1%81\)%20%D0%A1%D0%B5%D1%80.%20%D0%9C%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B0%20%D0%BF%D1%81%D0%B8%D1%85%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%B8\).PDF.pdf](http://znakka4estva.ru/uploads/category_items/%D0%9C%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%B8%20%D0%B4%D0%B5%D1%8F%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C%20%D0%A5%D0%B5%D0%BA%D1%85%D0%B0%D1%83%D0%B7%D0%B5%D0%BD%D0%A5%202003.%20860%D1%81)%20%D0%A1%D0%B5%D1%80.%20%D0%9C%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B0%20%D0%BF%D1%81%D0%B8%D1%85%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%B8).PDF.pdf) [in Russian].
- Shepeleva 2008 – *Shepeleva E.A. Osobennosti uchebnoi i sotsial'noi samoeffektivnosti shkol'nikov: dis. ... kand. psikh. nauk* [Peculiarities of educational and social self-efficiency of schoolchildren: Candidate's of Psychological Sciences thesis]. M.: MGU, 2008, 166 p. Available at: <https://www.disscat.com/content/osobennosti-uchebnoi-i-sotsialnoi-samoeffektivnosti-shkolnikov> [in Russian].

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-3-95-102
УДК 37.03

Дата поступления статьи: 15/VI/2019
Дата принятия статьи: 26/VII/2019

З.И. Годизова, Цянь Ван

СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛОВ ФИНАЛЬНО-ОТРИЦАТЕЛЬНОГО СПОСОБА ДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

© *Годизова Зара Иосифовна* – доктор филологических наук, доцент, кафедра русского языка, декан факультета русской филологии, Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, 362025, Российская Федерация, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44–46.

E-mail: godizovazi@rambler.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-3277-3708>

© *Ван Цянь* – аспирант, кафедра русского языка, факультет русской филологии, Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, 362025, Российская Федерация, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44–46.

E-mail: wangqian2112@gmail.com. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-8275-1793>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена глаголам финально-отрицательного способа действия, выражающим семантику негативных последствий действия.

Глаголы финально-отрицательного способа действия не привлекали активного внимания исследователей. Представляется интересным и актуальным рассмотреть указанные глаголы с точки зрения функционально-стилистической; определить, за счет чего создается семантика негативных последствий действия в этих глаголах: в какой степени она выражена самим глаголом, а в какой степени определяется контекстом; следует уточнить само понятие «негативные последствия действия».

В процессе исследования были использованы следующие методы: наблюдения, описания, функционально-семантического анализа, при анализе и обобщении языковых явлений применялась количественная методика.

Материалом исследования послужили примеры из произведений русских писателей (Ф.М. Достоевского, В.П. Астафьева, М.М. Зощенко, В.И. Шукшина), выделенные из Национального корпуса русского языка.

В статье рассматривается широкий круг проблем, связанных с принципами выделения словообразовательного значения, определения его сущности, закономерностями взаимодействия аффиксов и мотивирующей основы и др.

На основании проведенного исследования установлено, что в создании значения негативных последствий действия большую роль играет сама семантика словообразовательной модели до-...-ся, использование в качестве мотивирующих глаголов стилистически маркированных слов (разговорных или просторечных); кроме того, семантика отрицательного результата действия создается в значительной степени контекстом и ситуацией. Определены функционально-стилистические особенности глаголов финально-отрицательного способа действия, установлено, что характерным для них является функционирование в разговорной речи. Выявлено, что имперфективы от данных глаголов образуются редко, препятствием к их образованию является несочетаемость значения несовершенного вида с семантикой чрезмерной интенсивности и длительности действия, крайней степени проявления действия, вызывающей негативные последствия действия.

Ключевые слова: способы действия, финально-отрицательный способ действия, словообразовательное значение, негативные последствия действия, интенсивность действия, длительность действия.

Цитирование. Годизова З.И., Ван Цянь. Системно-функциональные особенности глаголов финально-отрицательного способа действия в современном русском языке // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 3. С. 95–102. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-3-95-102>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

SYSTEMIC FUNCTIONAL PECULIARITIES OF THE VERBS OF THE FINAL NEGATIVE WAY OF ACTING IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

© Godizova Zara Iosifovna – Doctor of Philological Sciences, associate professor, Department of Russian Language, dean of the Faculty of Russian Philology, North Ossetian State University after K.L. Khetagurov, 44–46, Vatutina Street, Vladikavkaz, 362025, North Ossetia – Alania, Russian Federation.

E-mail: godizovazi@rambler.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-3277-3708>

© Van Qian – post-graduate student of the Department of Russian Language, Faculty of Russian Philology, North Ossetian State University after K.L. Khetagurov, 44–46, Vatutina Street, Vladikavkaz, 362025, North Ossetia – Alania, Russian Federation.

E-mail: wangqian2112@gmail.com. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-8275-1793>

ABSTRACT

The article deals with the verbs of final negative way of acting, which are one of the brightest representatives of the group of ways of acting.

The verbs of final negative way of acting haven't attracted the researchers' attention yet. Meanwhile it is rather interesting and actual to explore the given verbs from the functional stylistic and aspect correlation points of view as well as to find out what causes the negative consequences of acting semantics and the in different contexts. The term negative consequences of acting should be also qualified.

In the research process the following methods were used: observation, description and functional semantic analyses. The quantitative methodology was used in analysis and generalization of language phenomena.

As a material for the study, examples from works by Russian writers selected from the Russian National Corpus (F.M. Dostoevsky, V.P. Astafyev, M.M. Zoshchenko, V.I. Shukshin) were used.

A wide range of issues related to the principles of word formation meaning, definition of its essence, patterns of interaction of affixes and motivating basis, etc. is considered in the given article.

The research proves that the semantics of word formation model itself plays an important role in creating of the negative consequence of acting до-...-ся as well as the usage of stylistically marked words (colloquial) as motivating verbs; in addition, the semantics of the negative result of acting is created by the context and situation. The semantics of the negative result of acting is manifested as the occurrence of the subject's negatively assessed state (fatigue, unfitness, exhaustion), negative development of events, negative situations as a result of the subject's acting. The functional stylistic features of the verbs of the final negative mode of acting are determined and it is established that functioning in colloquial speech is one their characteristics. We have also established that the imperfective forms of the given verbs are rarely used and in addition the obstacle to their formation is the total meaning of the perfect form.

Key words: ways of acting, final negative way of acting, word-formative meaning, negative consequence of acting, intensity of acting, lasting of acting.

Citation. Godizova Z.I., Van Qian. *Sistemno-funksional'nye osobennosti glagolov final'no-otritsatel'nogo sposoba deistviya v sovremennom russkom yazyke* [Systemic functional peculiarities of the verbs of the final negative way of acting in the modern Russian language]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 3, pp. 95–102. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-3-95-102> [in Russian].

Введение

Способы глагольного действия (СД) – это семантические разряды глаголов, выражающие, подобно категории вида и семантической категории предельности – неопределенности, различные типы протекания и распределения действий во времени. Семантическая категория предельности – неопределенности, лежащая в основе грамматической категории вида, является высшей абстракцией среди СД.

Проблема способов глагольного действия связана с проблемой описания семантики префиксов, с выявлением механизма развития различных значений у префиксов. Глагольные приставки традиционно описываются в рамках двух областей язы-

кознания – аспектологии и теории словообразования, хотя задачи и способы описания приставок значительно различаются в них.

Словообразовательное значение является одним из самостоятельных типов языковых значений. Проблемы принципов выделения словообразовательного значения, определения его сущности, обоснования его нетождественности лексическому и грамматическому значению поставлены довольно давно, но продолжают оставаться актуальными и в настоящее время.

Хотя в определении словообразовательной семантики и принципов ее описания в настоящее время достигнуты значительные успехи [Улуханов, 2007;

Лопатин, Улуханов 2016; Николаев 2009; Земская; Черепанов 2004], само понятие «словообразовательное значение» остается неоднозначным. Например, оно трактуется как стандартно возобновляемые отношения лексических значений пар слов, связанных отношениями производности [Головин 1966], семантическое отношение мотивированного (производного) слова к мотивирующему [Лопатин, Улуханов 2016], семантический результат, возникший в процессе слияния смыслов мотивирующего слова и словообразовательного форманта [Тихонов 1972], особый семантический множитель [Волоцкая 1966] и т. д.

Основное различие между имеющимися определениями сводится, как считает Р.С. Маначурян, к тому, что «словообразовательные значения трактуются как повторяющаяся семантическая «сумма» (или, точнее, «произведение») производящего слова и словообразовательного аффикса или же как повторяющаяся семантическая «разность» производного и производящего» [Маначурян 1975, с. 10]. Сам он определяет словообразовательное значение следующим образом: «Словообразовательное значение – это общая для ряда производных слов семантическая реляция их структурных компонентов, основанная на корреляции этих производных и соответствующих производящих» [Маначурян 1975, с. 12]. Если носителем словообразовательного значения является аффикс, то возникает ряд вопросов: обладает ли аффикс семантической самостоятельностью и определенностью, каков характер и объем значения аффикса. Отвечая на эти вопросы, Р.С. Маначурян, например, исходит из того, что морфема является двусторонней единицей, обладающей планом содержания и планом выражения, поэтому установление значения для нее возможно. Этих значений может быть ограниченное число или, наоборот, очень много, но инвариантным из них следует считать то значение, которое наименее зависимо от контекста [Маначурян 1975, с. 28].

Очень ценными для лингвиста, вознамерившегося описать словообразовательную семантику каких-либо аффиксов, являются мысли И.С. Улуханова, который отмечал: «Для того, чтобы описать словообразовательную семантику какого-либо префикса, следует выявить все компоненты этой семантики и их комбинации в разных значениях префикса» [Улуханов 2007, с. 208].

В процессе словообразования происходит взаимодействие аффикса и мотивирующей основы, которое подчинено семантическим, стилистическим, структурно-словообразовательным и формальным закономерностям [Улуханов 2007, с. 215–216].

В механизме развития новых значений у аффиксов большая роль отводится семантически переходным типам, которые возникают при присоединении аффикса к новым основам и которые совмещают в своем значении семантические элементы, свойственные другим типам [Улуханов 1972, с. 210].

При определении семантики нового производного слова следует учитывать тот факт, что эта семантика не является простой суммой составляющих – семантики производящей основы и форманта, в формировании значения производного слова участвует и семантика самой словообразовательной модели.

При оценке словообразовательных единиц, каковыми являются и производные глаголы, большую роль играет не только внутренний контекст (мотивирующий глагол), но и внешний контекст. «Известно, что в основе семантического развития конкретного слова лежит тесная связь между значениями данного слова и сочетающимися с ним словами. Для глагола это особенно важно, так как он оказывается тесно связанным с субъектом и объектом обозначаемого действия. Поэтому изменение значения глагольного слова приводит как к расширению ряда возможных субъектов и объектов при нем, так и поддерживается таким расширением» [Трошкина, Черепанов 2000, с. 117].

В словообразовательной системе большой интерес представляют синонимические, омонимические и антонимические отношения, которые в отличие от словообразовательных отношений «являются не деривационными, а альтернативными (“паратактическими”) отношениями сосуществования равноправного с точки зрения их системного статуса единиц» [Николаев 2009, с. 77].

Постановка задач

В современном русском языке имеется значительное количество конфиксальных (приставочно-постфиксальных) и префиксальных способов глагольного действия, в значении которых присутствует сема «негативные последствия действия» (НПД), совмещенная, как правило, с излишней интенсивностью, чрезмерностью или с длительностью и кратностью действия. Очевидно, это обусловлено и действующей в языке тенденцией к выразительности языковых средств, и особенностями именно русской языковой картины мира.

Представляется интересным и актуальным установить, за счет чего создается семантика негативных последствий действия в глаголах финально-отрицательного СД с конфиксом до-...-ся, в какой степени она выражена самим глаголом, а в какой степени создается контекстом; следует уточнить само понятие «негативные последствия действия», в том числе применительно к этим глаголам.

Для адекватного описания глаголов финально-отрицательного СД следует охарактеризовать их с точки зрения функционально-стилистической, а также с точки зрения видовой соотносительности, выявить причины их преимущественной представленности в совершенном виде.

Методология

Методологическими основами исследования явилась теория функционально-семантических полей А.В. Бондарко, уходящая своими истоками в тру-

ды И.И. Мещанинова, О. Есперсена, Л.В. Щербы, С.Д. Кацнельсона.

В процессе исследования были использованы следующие методы: наблюдения, описания, функционально-семантического анализа, при анализе и обобщении языковых явлений применялась количественная методика.

В качестве материала исследования послужили произведения русских писателей (Ф.М. Достоевского, В.П. Астафьева, М.М. Зощенко, В.И. Шукшина). Материал выделен из Национального корпуса русского языка методом сплошной выборки.

Ход исследования

Производные глаголы имеют ряд характерных признаков: как правило, они являются носителями нескольких ситуаций, комплекса смыслов, т. е. могут указывать на само действие, на субъекта и объекта этого действия, характер осуществления действия (интенсивное, длительное, многократное и т. д.), последствия действия (в том числе негативные). Производные глаголы являются компактным средством выражения сложной семантики, соотносимой с описательной конструкцией. Это особенно актуально для СД, выражающих НПД.

Семантика НПД может проявляться явно, эксплицитно или только подразумеваться, выражаться скрыто, имплицитно; может в значительной степени зависеть от контекста или же выражаться самой глагольной формой и не нуждаться в специфическом контексте.

Значение НПД может проявляться по-разному: это может быть причинение какого-то вреда субъекту или объекту действия; изменение состояния субъекта или объекта, вызванное действием (возникновение состояния увлечения, утомления, негодности, истощенности, пресыщенности действием); невозможность дальнейшего продолжения действия вследствие крайней усталости, бессилия; истощенность субъекта или объекта; уничтожение объекта.

Многие из СД со значением НПД являются конфиксальными. В конфиксальных глаголах степень интенсивности действия повышается за счет сосредоточенности глагольного действия в сфере субъекта, излишней активности субъекта в осуществлении действия.

Рассмотрим более подробно глаголы финально-отрицательного СД с конфиксом *до-...ся*, эксплицитно и регулярно выражающие семантику НПД.

Финально-отрицательный СД указывает на чрезмерность проявления действия, следствием которой являются отрицательные для субъекта последствия: *догуляться до простуды, доиграться до ссоры, докричаться до хрипоты* и под. [Теория функциональной грамматики... 2003, с. 81] (иначе: «доставить себя до неприятных последствий путем интенсивного совершения действия, названного мотивирующим глаголом» [Русская грамматика 2005, с. 385]). В.В. Лопатин и И.С. Улуханов отмечают характерность данного типа для разговорной речи и просторечия (*до-гулять-ся, до-курить-ся, до-петь-*

ся, до-сидеть-ся, до-слушать-ся, до-спать-ся, до-спорить-ся, до-читать-ся — все разг.) [Лопатин, Улуханов 2016, с. 75].

М.А. Шелякин отмечает такую особенность этого СД, как неограниченная возможность образования данных глаголов от любых непредельно-непереходных глаголов со значением действий лиц [Шелякин 1975, с. 69]. Например:

«И через нее моя жизнь пошла в разные стороны, и через нее я *докатился до тюрьмы и сумы* и много путешествовал» (Зощенко).

«— Хилай-хилай, мусорило, а то *докорячишься*, мы у тя пистоль отберем и положим тут баиньки, — услышал я, следуя по павильону мимоходом, и никакого значения тому не придал» (Астафьев).

Отрицательные последствия действия могут быть представлены частью бессоюзного сложного предложения или самостоятельным предложением:

«Вишь, за кого я тебя принял... — *Допился*, сукин сын! — *Все секреты свои рассказал тебе*» (Шукшин).

«...Встретив на другой день Кольку губастого, Матвей усмехнулся: — Что, брат, *доигрался?* Она тебя *возьмет теперь за рога*, Нинка-то. Колька заулыбался...» (Шукшин).

Глаголы финально-отрицательного СД часто встречаются в синтаксических конструкциях типа *до того, что...*:

«...Как все довольны, как все стараются уверить себя, что довольны и совершенно счастливы, и как все, наконец, *до того достарались, что* и действительно уверили себя, что довольны и совершенно счастливы, и... и... остановились на этом» (Достоевский).

«Нина смотрела на воду, Костя сбоку разглядывал ее. *И досмотрелся до того, что забыл неловкость и крепко прижал ее руку к своему боку*, Нина повернулась к нему...» (Шукшин).

«А довела тоже жена родная: тоже чего-то ругались, ругались, *до того доругались, что брат Иван стал биться головой об стенку и приговаривать: "Да до каких же я пор буду мучиться-то?!"*» (Шукшин).

«Как можно *докатиться до того, чтобы* ни одного вала в запасе не было?» (Шукшин).

Это может быть развернутая синтаксическая конструкция, описывающая негативный результат действия:

«*Привяжут человека к столбу, выбреют макушку и капают на эту плешину по капле холодной воды — никто почесть не выдерживал. Вот додумались!* Мы тоже удивлялись, а некоторые совсем не верили» (Шукшин).

«*В самый разгар уборочной в колхозе "Заря коммунизма" вышли из строя две автомашины — полетели колесчатые валы. Колхозный механик Сеня Громов, сухой маленький человек, налетел на шоферов соколом. — До-дд-доигрался?! — Сеня заикался. — До-д-допрыгались?!*» (Шукшин).

Глаголы с конфиксом *до-...-ся* часто выражают угрозу или обещание негативных последствий, например:

«— Молчать! — строго осадил Лизвета Васильевна. — А то *договоришься* у меня!..» (Шукшин).

«— Ты *достукаешься, достукаешься*, — сердился шофер, что возил взвод управления на своем «газике», — *подшибут машину, ребят погубишь*» (Астафьев).

Имперфективные формы финально-отрицательных глаголов (типа: *добалтываться, доигрывать, докатываться, долеживаться* и под.) возможны, хотя это скорее чисто теоретическая возможность их образования. Это связано с тем, что имперфективные формы нормальны только для глаголов, обозначающих разовые действия (ср.: *он часто договаривается до того, что...*), а для глаголов кратных действий, в которых совершенный вид представлен суммарным значением, имперфективные формы невозможны, как и для других чрезмерно-кратных способов действия [Теория функциональной грамматики... 2003, с. 70]. Тем не менее иногда все же встречаются глаголы финально-отрицательного СД в несовершенном виде, например:

«— Я сам выпиваю очень умеренно. У меня есть сосед; инженер-конструктор... *Допивается до того, что опохмелиться утром рубля нет*» (Шукшин).

Глаголы финально-отрицательного СД очень экспрессивны, они в большей степени характерны для разговорной речи и, соответственно, для произведений, в которых разговорная речь преобладает (В.П. Астафьев, М.М. Зощенко, В.М. Шукшин), например:

«А мне хрен с тобой, что ты городской, что ты штиблетами по тротуару форсишь. *Дофорсился* вот: *отвалили лет пятнадцать, наверно, за красивую-то жизнь*. Магазин наверно, подломил, не иначе. Шиканул разок и — загремел» (Шукшин).

«Вот *довозмущался!* *Теперь унимай душу*. *Раньше бы ушел из магазина — ничего бы не было*» (Шукшин).

«Захлопнул дверь да в избу. Да давай в трубу орать: “Караул! У меня черт на крыльце!” Городской старик громко захохотал. *До слез досмеялся...*» (Шукшин).

Как видно из приведенных контекстов, глаголы часто имеют стилистическую окраску (разговорную или просторечную).

В произведениях русской классической литературы XIX века (Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя, А.Н. Толстого, А.И. Куприна) глаголы финально-отрицательного СД представлены очень ограниченно, например:

«Как все довольны, как все стараются уверить себя, что довольны и совершенно счастливы, и как все, наконец, *до того достарались, что* и действительно уверили себя, что довольны и совершенно счастливы, и... и... остановились на этом» (Достоевский).

Семантически близким к финально-отрицательному СД является длительно-усилительный, тоже маркированный данным конфиксом. Однако в длительно-усилительном способе действия актуализируется интенсивность и длительность действия: *дозвониться, дозваться, добудиться, доискаться*.

Этот СД не содержит в своем значении семы «отрицательные последствия действия». Контекст может подчеркивать интенсивность действия, указывать на конечный предел длительности или на длительность интервала, например:

«И будем обедать. Люба ушла. Нарочно, похоже, ушла — чтобы они тут *до чего-нибудь хоть договорились*» (Шукшин).

«— Ведь вся уж деревня знает: к Любке тюремщик приехал! Мне на работе прямо сказали... — Любка, Любка!.. — *насилу дозвалась мать*» (Шукшин).

«... Как-то *досиделись* они, Баев с Марьей, *часов до трех тоже...*» (Шукшин).

«— А денечки идут. Пронзительная, грустная правда. — Да. Не идут, а бегут, мать их! Но не я первый *додумался*, что они так вот — неповторимо, безоглядно, спокойно — идут» (Шукшин).

Многие глаголы этого способа действия имеют имперфективные формы, например:

«Никаких записок Марина не оставила, она знала: милиция вынет ее из петли, засвидетельствует смерть, *доискиваться* же ни до чего не будет» (Астафьев).

Одни и те же глаголы с формантом *до-...-ся* могут выступать в значении длительно-усилительного или финально-отрицательного СД, этот факт свидетельствует о том, что резкой границы между этими двумя СД не существует и семантика негативных последствий действия создается в значительной степени благодаря контексту. Например, глаголы *додуматься, дождаться* чаще выражают семантику длительно-усилительного СД, однако в определенном контексте в них может актуализироваться семантика финально-отрицательного СД:

«— И что она пишет? — Пишет, что беду мою всю понимает... Но, говорит, не понимаю: как ты *додумался в тюрьму угодить?*» (Шукшин).

«— А што за пальто-то? — Пальто Чехова, писателя. Он в нем на Сахалин ездил. — Ссылали, что ль? — Да зачем! Сам ездил — посмотреть. От он тогда и простыл. *Додуматься — в таком пальти-сечке в Сибирь!*» (Шукшин).

Вместе с тем нельзя утверждать, что семантика негативных последствий действия создается только благодаря контексту и ситуации, она актуализируется и за счет употребления стилистически сниженной лексики, часто составляющей мотивирующую базу этого СД (*докатиться, допрыгаться, докорячиться, дофорситься* и под.). Наконец, очень важно, что сама семантика словообразовательной модели *до-...-ся* участвует в формировании значения негативного результата действия, которое по этому так легко развивается в глаголах с этим конфиксом.

Сема «отрицательные последствия» выделяется и в префиксальном словообразовательном типе (финитивном СД), например, В.В. Лопатиным и И.С. Улухановым, которые определяют его значение следующим образом: «довести кого-л. до неприятных последствий посредством действия, названного мотивирующим глаголом» (до-лечить

(разг.); «лечением довести до каких-л. неприятных последствий», до-ездить (прост.); «измучить ездой», до-колотить (прост.)», отмечаются также окказионализмы: до-балбесничать: «Аркадий! Ты глупости не болтай. Подумай лучше, чем заниматься будешь. Добалбесничал!» (В. Розов); до-фотографировать: «Даша про себя ахнула: “Довели!.. Дофотографировали!”» (Г. Николаева); до-волновать: «Доволнуешь ее до того, что тоже в гроб сведешь» (У. Фолкнер; пер. с англ.); до-охранять: «Доохраняли этих тигров, расплодили! Скоро они по центральной площади гулять будут» (газ.); до-топать: «А Женя Маркин умер. Довели, дотопали...» (газ.) [Лопатин, Улукханов 2016, с. 75].

Однако глаголы финитивного СД, содержащие в своей семантике сему НПД, практически не представлены в нашем материале, что свидетельствует о неактуальности значения НПД для данного СД. Негативный результат проявляется в префиксальном типе как причинение какого-то вреда субъекту или объекту действия; негативное изменение состояния субъекта или объекта действия.

Полученные результаты и выводы

Таким образом, глаголы финально-отрицательного СД с конфиксом *до-...-ся* выражают семантику негативных последствий действия ярко, эксплицитно, регулярно, в то время как для глаголов финитивного СД с префиксом *до-...-ся* это значение второстепенное, редко проявляющееся при их функционировании.

Для глаголов финально-отрицательного СД характерным является их употребление в разговорной речи. Семантика отрицательного результата действия создается в значительной степени контекстом и ситуацией: одни и те же глаголы могут в разных контекстах выражать значения разных СД — длительно-усилительного, не содержащего семантики отрицательных последствий действия, и финально-отрицательного, выражающего значение негативного результата.

В создании значения негативных последствий действия большую роль играет сама семантика словообразовательной модели *до-...-ся*, а также использование в качестве мотивирующих глаголов стилистически маркированных слов (разговорных или просторечных).

Глаголы финально-отрицательного СД с конфиксом *до-...-ся* являются носителями комплекса аспектуальных значений — чрезмерной интенсивности, длительности и негативного результата действия. При функционировании глаголов финально-отрицательного СД семантика негативного результата действия может присутствовать в большей или меньшей степени и проявляется как возникновение негативно оцениваемого состояния субъекта (возникновение состояния увлечения, утомления, негодности, истощенности), негативное развитие событий, негативная ситуация как следствие действий субъекта.

Имперфективы от финально-отрицательных глаголов (типа: *добалтываться, доигрывать, до-*

катываться, долеживаться и под.) образуются редко, препятствием к их образованию является несочетаемость значения несовершенного вида с семантикой чрезмерной интенсивности и длительности действия, крайней степени проявления действия, вызывающей негативные последствия действия.

В последнее время единицы словообразовательной системы все чаще анализируются в аспекте когнитивной парадигмы языкознания, позволяющей глубже понять сущность словообразовательных значений и когнитивных структур, соответствующих им, обнаружить особенности категоризации мира словообразовательными средствами. В формировании языковой картины мира все большую роль играют средства вторичной номинации, т. е. производные слова. Словообразовательная система в русском языке способна быстро реагировать на меняющиеся коммуникативные потребности общества и создавать производные слова вместо громоздких описательных конструкций, что вполне соотносится с тенденцией к экономии языковых средств.

Наличие в русском языке такого многообразия СД со значением негативных последствий действия, явившихся результатом чрезмерно интенсивного или длительного действия исходного глагола, говорит о значимости данного концепта (или нескольких концептов) для носителей русского языка, для русской языковой картины мира.

Источники фактического материала

Астафьев В.П. Веселый солдат // Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorgpora.ru> (дата обращения: 12.11.2018).

Астафьев В.П. Жестокие романсы // Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorgpora.ru> (дата обращения: 12.11.2018).

Астафьев В.П. Пролетный гусь // Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorgpora.ru> (дата обращения: 13.11.2018).

Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorgpora.ru> (дата обращения: 21.10.2018).

Зошенко М.М. Великосветская история // Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorgpora.ru> (дата обращения: 25.11.2018).

Шукшин В.М. Беседы при ясной луне // Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorgpora.ru> (дата обращения: 27.11.2018).

Шукшин В.М. Алеша Бесконвойный // Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorgpora.ru> (дата обращения: 02.12.2018).

Шукшин В.М. Билетик на второй сеанс // Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorgpora.ru> (дата обращения: 03.12.2018).

Шукшин В.М. Думы // Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorgpora.ru> (дата обращения: 08.12.2018).

Шукшин В.М. Земляки // Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorgora.ru> (дата обращения: 08.12.2018).

Шукшин В.М. Как мужик переплавлял через реку волка, козу и капусту // Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorgora.ru> (дата обращения: 09.12.2018).

Шукшин В.М. Калина красная // Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorgora.ru> (дата обращения: 12.12.2018).

Шукшин В.М. Коленчатые валы // Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorgora.ru> (дата обращения: 12.12.2018).

Шукшин В.М. Мой зять украл машину дров! // Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorgora.ru> (дата обращения: 15.12.2018).

Шукшин В.М. Обида // Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorgora.ru> (дата обращения: 15.12.2018).

Шукшин В.М. Охота жить // Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorgora.ru> (дата обращения: 10.01.2019).

Шукшин В.М. Петька Краснов рассказывает // Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorgora.ru> (дата обращения: 10.01.2019).

Шукшин В.М. Пост скриптам // Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorgora.ru> (дата обращения: 11.01.2019).

Шукшин В.М. Хахаль // Национальный корпус русского языка. Режим доступа: URL: <http://www.ruscorgora.ru> (дата обращения: 12.01.2019).

Шукшин В.М. Чередниченко и цирк // Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorgora.ru> (дата обращения: 12.01.2019).

Библиографический список

Волоцкая 1966 – Волоцкая З.М. Семантическая классификация и способ образования отыменных глаголов // Структурная типология языков. М.: Наука, 1966. С. 165–180.

Головин 1966 – Головин Б.Н. Приставочное внутриглагольное словообразование в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1966. 44 с.

Земская 1992 – Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992. 221 с.

Лопатин, Улуханов 2016 – Лопатин В.В., Улуханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: ИЦ «Азбуковник», 2016. 812 с.

Маначурян 1975 – Маначурян Р.С. Проблемы исследования словообразовательных значений и средств их выражения: дис. ... д-ра филол. наук. Ереван, 1975. 421 с.

Николаев 2009 – Николаев Г.А. Русское историческое словообразование: Теоретические проблемы. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 177 с. URL: [https://nashol.com/2017100196746/russkoe-istoricheskoe-](https://nashol.com/2017100196746/russkoe-istoricheskoe-slovoobrazovanie-teoreticheskie-problemi-nikolaev-g-a-2010.html)

[slovoobrazovanie-teoreticheskie-problemi-nikolaev-g-a-2010.html](https://nashol.com/2017100196746/russkoe-istoricheskoe-slovoobrazovanie-teoreticheskie-problemi-nikolaev-g-a-2010.html).

Русская грамматика 2005 – Русская грамматика: в 2 т. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 2005. URL: <http://ussrbooks.ru/russkaja-grammatika-v-2-h-tomah-n-ju-shvedova-1980>.

Теория функциональной грамматики... 2003 – Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Изд. 3-е, стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2003. 352 с. URL: <https://superlinguist.ru/grammatika-skachat-knigi-besplatno/bondarko-a-v-teoriiia-funkcionalnoi-grammatiki-vvedenie-aspektualnost-vremennaia-lokalizovannost-taksis.html>.

Тихонов 1972 – Тихонов А.Н. Синхрония и диахрония в словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования. Самарканд, 1972. С. 351–378.

Трошкина, Черепанов 2000 – Трошкина А.Н., Черепанов М.В. Формирование значения интенсивности действия в процессе семантического развития глагола // Предложение и слово. Парадигматический, текстовый и коммуникативный аспекты. Саратов, 2000. С. 116–120. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24750658>.

Улуханов 1972 – Улуханов И.С. О некоторых промежуточных явлениях в словообразовании (К соотношению синхронии и диахронии) // Актуальные проблемы русского словообразования. I. Материалы республиканской научной конференции (12–15 сентября 1972 г.). Самарканд, 1972. С. 207–212.

Улуханов 2007 – Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 256 с. URL: <https://cassiopeiabook.info/books/slovoobrazovatel'naya-semantika-v-russkom-yazyike-i-printsipy-ee-opisaniya>.

Черепанов 2004 – Черепанов М.В. Очерк словообразовательной типологии русского глагола. Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 2004. 608 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002454451>.

Шелякин 1979 – Шелякин М.А. Терминативно-продолжительные и терминативно-интенсивные способы действия в современном русском языке // Ученые записки Тартуского гос. университета. 1979. № 4. Вып. 482. С. 64–74.

References

Volotskaya 1966 – Volotskaya Z.M. *Semanticheskaya klassifikatsiya i sposob obrazovaniya otymennykh glagolov* [Semantic classification and way of denominal verb formation]. In: *Strukturnaya tipologiya yazykov* [Structural typology of languages]. M.: Nauka, 1966, pp. 165–180 [in Russian].

Golovin 1966 – Golovin B.N. *Pristavochnoe vnutriglagol'noe slovoobrazovanie v sovremennom russkom literaturnom yazyke: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Prefix verbal word formation in the modern Russian literary language: Author's abstract of Candidate's of Philological Sciences thesis]. M., 1966, 44 p. [in Russian].

Zemskaya 1992 – Zemskaya E.A. *Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'* [Word formation as an activity]. M.: Nauka, 1992, 221 p. [in Russian].

Lopatin, Ulukhanov 2016 – Lopatin V.V., Ulukhanov I.S. *Slovar' slovoobrazovatel'nykh affiksov sovremennogo*

- russskogo yazyka* [Dictionary of word formation affixes in the modern Russian language]. M.: ITs «Azbukovnik», 2016, 812 p. Available at: http://www.ruslang.ru/book_lopatin-uluxanov16 [in Russian].
- Manachuryan 1975 – *Manachuryan R.S. Problemy issledovaniya slovoobrazovatel'nykh znachenii i sredstv ikh vyrazheniya: dis. ... d-ra filol. nauk* [Issues of word formation study and means of their expression: Doctor's of Philological Sciences thesis]. Erevan, 1975, 421 p. [in Russian].
- Nikolaev 2009 – *Nikolaev G.A. Russkoe istoricheskoe slovoobrazovanie: Teoreticheskie problemy* [Russian historical word formation: theoretical issues]. M.: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2009, 177 p. Available at: <https://nashol.com/2017100196746/russkoe-istoricheskoe-slovoobrazovanie-teoreticheskie-problemi-nikolaev-g-a-2010.html> [in Russian].
- Russkaya grammatika 2005 – *Russkaya grammatika: v 2 t.* [Russian grammar: in 2 vols.]. M.: Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova, 2005. Available at: <http://ussrbooks.ru/russkaja-grammatika-v-2-h-tomah-n-ju-shvedova-1980/> [in Russian].
- Teoriya funktsional'noi grammatiki... 2003 – *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis. Izd. 3-e, stereotip.* [Theory of functional grammar. Introduction. Aspectuality. Temporary localization. Taxis. 3-rd edition, stereotyped]. M.: Editorial URSS, 2003, 352 p. Available at: <https://superlinguist.ru/grammatika-skachat-knigi-besplatno/bondarko-a-v-teoriia-funktsionalnoi-grammatiki-vvedenie-aspektualnost-vremennaia-lokalizovannost-taksis.html> [in Russian].
- Tikhonov 1972 – *Tikhonov A.N. Sinkhroniya i diakhroniya v slovoobrazovanii* [Synchrony and diachrony in word formation]. In: *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya* [Actual problems of Russian word formation]. Samarkand, 1972, pp. 351–378 [in Russian].
- Troshkina, Cherepanov 2000 – *Troshkina A.N., Cherepanov M.V. Formirovanie znacheniya intensivnosti deistviya v protsesse semanticheskogo razvitiya glagola* [Formation of intensity of action meaning in the process of semantic development of a verb]. In: *Predlozhenie i slovo. Paradigmaticheskii, tekstovyi i kommunikativnyi aspekty* [Sentence and word. Paradigmatic, text and communication aspects]. Saratov, 2000, pp. 116–120. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24750658> [in Russian].
- Ulukhanov 1972 – *Ulukhanov I.S. O nekotorykh promezhutochnykh yavleniyakh v slovoobrazovanii (K sootnosheniyu sinkhronii i diakhronii)* [About some intermediate phenomena in word formation (To the correlation of synchrony and diachrony)]. In: *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya. I. Materialy respublikanskoi nauchnoi konferentsii (12–15 sentyabrya 1972 g.)* [Topical issues of the Russian word formation. I. Materials of the Republican research conference (September 12–15, 1972)]. Samarkand, 1972, pp. 207–212.
- Ulukhanov 2007 – *Ulukhanov I.S. Slovoobrazovatel'naya semantika v russkom yazyke i printsipy ee opisaniya* [Word formation semantics in the Russian language and the principles of its description]. M.: Izdatel'stvo LKI, 2007, 256 p. Available at: <https://cassiopeiabook.info/books/slovoobrazovatel'naya-semantika-v-russkom-yazyke-i-printsipy-ee-opisaniya> [in Russian].
- Cherepanov 2004 – *Cherepanov M.V. Ocherk slovoobrazovatel'noi tipologii russkogo glagola* [Essay of word formation typology of the Russian verb]. Saratov: Izd-vo Sarat. gos. un-ta, 2004, 608 p. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002454451> [in Russian].
- Shelyakin 1979 – *Shelyakin M.A. Terminativno-prodolzhitel'nye i terminativno-intensivnye sposoby deistviya v sovremennom russkom yazyke* [Terminal continuous and terminal intensive ways of action in the modern Russian language]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gos. Universiteta* [Scientific notes of the University of Tartu], 1979, no. 4, Issue 482, pp. 64–74 [in Russian].

О СИТУАТИВНОЙ ИРОНИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ДИСКУРСЕ

© *Овшиева Неля Львовна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии, Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, 358000, Российская Федерация, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11.

E-mail: novshieva@yandex.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-0586-3510>

© *Поштанова Милана Саналовна* – студент IV курса по направлению подготовки (специальности) 45.03.01 Филология. Профиль «Зарубежная филология (английский и немецкий языки и литература)», Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, 358000, Российская Федерация, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11.

E-mail: milanaposhtanova@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-1999-7448>

АННОТАЦИЯ

Актуальность исследования обусловлена недостаточной разработанностью проблем, связанных с анализом ситуативной иронии. Цель проводимого исследования состоит в выявлении языковых особенностей иронического стиля литературного дискурса в соответствии с представлением о ситуативной иронии как стиле литературного дискурса. В соответствии с указанной целью в работе ставятся следующие задачи: 1) рассмотреть подходы к анализу ситуативной иронии в современной лингвистике; 2) исследовать характерные черты иронических ситуаций; 3) рассмотреть типы ситуативной иронии в англоязычных коротких рассказах. Анализ языкового материала осуществляется посредством жанрового подхода, прагмалингвистического и лингвистического методов исследования.

В настоящем исследовании выявление принципа организации короткого рассказа опирается на классификацию событий Дж. Лукариелло, представляющих собой 7 типов скриптов. В основе принципа организации рассказа лежит определенное несоответствие иронического скрипта сценарию в общепринятом понимании. В этой связи классификацию иронических событий Дж. Лукариелло скорее можно назвать классификацией нарушений или отклонений.

Анализ материала показал, что в литературном дискурсе доминантными являются скрипты несоответствия. В рассказах преобладают эмотивная лексика, лексический повтор, синтаксический параллелизм и стратегии косвенности. Их функция состоит в том, чтобы создать иронический эффект, вовлекая читателя тем самым в диалог с автором. Кроме того, посредством ситуативной иронии писатель передает некое моральное послание читателю. Указанные языковые особенности коротких рассказов характеризуют их как образец иронического стиля литературного дискурса.

Ключевые слова: ситуативная ирония, иронические скрипты, скрипты несоответствия, стиль литературного дискурса.

Цитирование. Овшиева Н.Л., Поштанова М.С. О ситуативной иронии в англоязычном литературном дискурсе // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 3. С. 103–111. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-3-103-111>.

N.L. Ovshieva, M.S. Poshtanova

ON SITUATIONAL IRONY IN ENGLISH LITERARY DISCOURSE

© *Ovshieva Nalya L'vovna* – Candidate of Philological Sciences, associate professor of the Department of Germanic Philology, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, 11, Pushkin Street, Elista, 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation

E-mail: novshieva@yandex.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-0586-3510>

© *Poshtanova Milana Sanalovna* – a 4th year undergraduate student in the direction of training (specialty) 45.03.01 Philology. Profile «Foreign Philology (English and German Languages and Literature)», Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, 11, Pushkin Street, Elista, 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation.

E-mail: milanaposhtanova@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-1999-7448>

ABSTRACT

The relevance of the study is due to the insufficient development of the issues associated with the analysis of situational irony. In the present study, the objective of the study is to identify the linguistic features of the ironical mode of literary discourse in accordance with the idea of situational irony as mode of literary discourse. In accordance with this goal, the work sets the following tasks: 1) to consider approaches to the analysis of situational irony in modern linguistics; 2) to explore the characteristic features of ironical situations; 3) to consider the types of situational irony in English short stories. The analysis of language material is carried out by means of genre approach, pragmalinguistic and stylistic methods of research.

In this study, the principle of organizing a short story is based on the classification of events by J. Lucariello, which represents 7 types of ironical script. The principle of organizing a story is based on a certain discrepancy of an ironical script with the generally accepted script. The classification of ironical events by J. Lucariello, therefore, can rather be called the classification of violations or deviations. Ironical schemes are activated when some combination of the following four characteristics is found in a situation: unexpectedness, human frailty, outcome, and opposition.

The analysis of the material showed that the imbalances script is most frequently used, viz. such subtypes as temporal, contextual imbalances and role reversal. The stories abound in emotional lexis, lexical repetition, syntactic parallelism and indirect politeness strategies. They are designed to create an ironical effect, thereby involving the reader in the dialogue with the author. In addition, by way of situational irony the writer conveys a certain moral message to the reader. These linguistic features of short stories characterize them as a sample of the ironical mode of literary discourse.

Key words: situational irony, ironical scripts, imbalances scripts, mode of literary discourse.

Citation. Ovshieva N.L., Poshtanova M.S. *O situativnoi ironii v angloyazychnom literaturnom diskurse* [On situational irony in English literary discourse]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 3, pp. 103–111. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-3-103-111> [in Russian].

Введение

На протяжении многих веков ирония является объектом пристального изучения философов, лингвистов, литературоведов. Интерес к иронии не ослабевает и по сей день. Однако большинство исследований сосредоточено преимущественно на вербальной иронии, в то время как ситуативная ирония, играющая важную роль в организации дискурса, не получила должного освещения в научной литературе.

Актуальность исследования обусловлена интересом современного языкознания к вопросу о роли иронии в литературном дискурсе, а также недостаточной разработанностью проблем, связанных с анализом ситуативной иронии. В настоящей статье цель проводимого исследования состоит в выявлении языковых особенностей иронического стиля литературного дискурса в соответствии с представ-

лением о ситуативной иронии как стиле литературного дискурса [Easthope 1997].

Типы ситуативной иронии

Ситуативная ирония в более широком смысле определяется как ситуация, когда результат не соответствует ожидаемому, но в более общем смысле она понимается как ситуация, которая включает в себя противоречия или резкие контрасты [Elleström 2002, с. 51]. Ситуативная ирония больше похожа на мошенничество – уловку, происходящую в течение определенного периода времени. Участники и зрители не осознают иронию, потому что ее осознание осуществляется в более поздний момент времени как неожиданный «поворот». В ситуативной иронии ожидаемый результат контрастирует с конечным результатом [Turner 2015, с. 10]. Не все формы иронии являются сознательными, предна-

меренными или запланированными. Например, ирония также возникает по счастливой случайности из-за непреднамеренных и неожиданных обстоятельств или из-за развития ситуаций. Ситуативная ирония фокусируется на удивительной и неизбежной хрупкости состояния человека, когда последствия действий часто противоположны тому, что ожидалось [Grant 2004].

Ситуативная ирония определяется Д. Мюкке как состояние событий, противоположное тому, что ожидалось, или как противоречивый результат событий, как будто в насмешку над ожидаемым и нормальным ходом событий [Mueske 1969]. Это определение акцентирует наше внимание на двух ключевых чертах ситуативной иронии, а именно на неожиданности происходящего и человеческой слабости перед обстоятельствами. Неудивительно, что ситуативную иронию рассматривают как особый случай жизни, имитирующий искусство.

Д. Мюкке [Mueske 1969] предлагает описание форм и функций иронии как риторического средства, проводя различие между разными степенями иронии и способами, посредством которых они могут быть реализованы. Он также описывает иронию как способ сознания, возникающий из определенного набора исторических условий, и при этом различает специфическую и общую иронию. Он полагает, что специфическая ирония характерна для обществ, которые имеют установленные ценности и убеждения. Как правило, эта форма иронии является корректирующей или нормативной в том смысле, что она представляет собой риторическое средство, используемое с целью критики воспринимаемых заблуждений или отклонений. Поэтому его последствия локализованы и не воспринимаются как предназначенные для дестабилизации установленных норм. Общая ирония типична для современного периода, которую Д. Мюкке идентифицирует как возникшую из растущего осознания «фундаментальных противоречий» в жизни.

У. Бут рассматривает иронию прежде всего как риторический прием, предполагающий, чтобы сознательное намерение автора быть ироничным было воспринято читателем как таковое. Он заинтересован в том, чтобы объяснить, как авторы достигают иронических эффектов посредством сигналов в тексте и как читатели делают соответствующие выводы на основе этих сигналов.

Он выделяет такие виды иронии, как стабильная, нестабильная, явная, скрытая, конечная, бесконечная и т. д. [Booth 1974]. Однако внимание У. Бута сосредоточено на стабильной иронии или иронии с ясным риторическим намерением. Эта форма иронии наиболее тесно связана с доминирующей темой в работе У. Бута *A Rhetoric of Irony*: как сообщества формируются посредством иронии. Его всегда интересовал вопрос достижения общего понимания иронии ироником и читателем и, как следствие, вопрос создания сообщества.

Однако Л. Хатчеон не считает, что ирония создает сообщество, но что уже существуют дискур-

сивные сообщества, которые делают возможной иронию. Существует общее чувство языка и сообщества, которое позволяет некоторым ранее существующим дискурсивным сообществам разделять чувство иронии. Л. Хатчеон [Hutcheon 1995] определяет иронию как стратегию «дискурсивной политики» в риторике текстов.

Хотя словесная ирония предполагает наличие иронизирующего субъекта, большинство типов ситуативной иронии просто предполагают присутствие наблюдателя [Mueske 1970]. Ситуативную иронию можно также рассматривать как несоответствие в ситуации, возникающее из-за напряженности между ожидаемым или предполагаемым и тем, что на самом деле происходит. Оно часто связано с чувством несчастья или несправедливости по отношению к участникам ситуации. К тому же в самой ситуации это несоответствие непреднамеренно и часто выходит из-под контроля участников ситуации, которые могут быть жертвами ситуативной иронии. Таким образом, характерными чертами ситуативной иронии являются следующие: ирония несоответствия/неуместности; обыденная житейская история; неизбежность возмездия: из всех статуй именно статуя, созданная жертвой, падает на его убийцу; история несет в себе послание для читателей, некую мораль, т. е. является поучительной историей.

Изучение ситуативной иронии осуществляется в основном с позиций когнитивной лингвистики [Littman and Mey 1991; Lucariello 2007; Shelley 2007]. С точки зрения когнитивистики ситуативная ирония является благодатной почвой для изучения когнитивных процессов нашего мышления. В своих работах авторы стремятся определить, что такое ситуативная ирония, как она создается и какое воздействие оказывает на адресата. Понимание иронии как сложного комплекса смыслов, порожденного человеком, является одним из критериев высокоинтеллектуального человека. В наши дни ирония стала одним из средств воздействия на сознание адресата [Соболева 2018].

В своей работе Д. Литтман и Дж. Мей пытаются определить ситуативную иронию таким образом, чтобы даже компьютерная программа могла распознавать и создавать ее. Тем не менее эта концепция упускает из виду важность перспективы в ситуативной иронии. Поскольку ситуативная ирония не создается, а за ней наблюдают, перспектива наблюдателя имеет решающее значение для иронического осознания ситуации. То, как мы воспринимаем ситуацию, зависит от условий, например, рассказали человеку просто о ситуации или он участник иронической ситуации. Другими словами, благодаря перспективе ситуативная ирония является субъективной и полностью зависит от точки зрения наблюдателя. Таким образом, компьютерная программа, которая сможет объективно оценить ситуативную иронию сценария, нереалистична в применении.

В своей классификации Д. Литтман и Дж. Мей предлагают три типа ситуативной иронии, определяемые как ирония интенциональной цели / плана, ирония интуитивной цели / плана и ирония компетенции [Littman and Mey 1991]. Согласно этим категориям, определенные комбинации сюжетных поворотов и нереализованных намерений составляют иронию. Д. Литтман и Дж. Мей придают чрезмерное значение несоответствию между человеческими намерениями и реальностью в своих категориях, рассматривая при этом не все возможные типы ситуативной иронии,

Наибольший вклад работы Дж. Лукариелло состоит в ее эмпирическом подтверждении ситуативной иронии как типа концептуального события. Она рассматривает ситуативную иронию как схему или сценарий, хотя ее исследование во многом опирается на труды Д. Мюкке. Событие может быть классифицировано как ситуативно ироническое, когда оно не соответствует сценарию события в определенном аспекте. В исследовании была разработана таксономия типов иронических событий и были определены особенности этих событий. Этими особенностями являлись неожиданность, человеческая слабость, контраст и результат (опыт проигрыша или победы). Хотя иронических событий много и они разнообразны, так или иначе они сигнализируют об уязвимости человека перед судьбой – интенциональности, действиях, состоянии, итоге.

Иронические события влекут за собой, среди прочего, несоответствие между целями, действиями и результатами (как при нанесении себе ущерба), несогласованность действий и состояний в пространственно-временном контексте и последовательности действий, не обоснованных в обычных и причинных отношениях. Эти характеристики события расходятся с теми, которые представлены структурой скрипта [Lucariello 2007, p. 469; Schank, Abelson 1977]. Иронические схемы активируются, когда некоторое сочетание следующих четырех характерных черт обнаружено в ситуации: неожиданность, человеческая слабость, исход и контраст. В рамках своей таксономии Дж. Лукариелло выделяет 7 типов событий, характеризующихся как ситуативная ирония [Lucariello 2007, p. 469; Schank, Abelson 1977].

1. Несоответствие: случаи несоответствия или контраста либо в поведении человека, либо возникающие из ситуации (таких параметров ситуации, как время, контекст, роли и др.).

2. Потери: человек сталкивается только с потерей. Ключевой особенностью таких потерь является их причина, либо вызванная человеком, либо судьбой.

3. Победы: события, которые завершаются победным исходом человека, где средство, приведшее к проигрышу, становится средством для достижения победы или человек непреднамеренно побеждает.

4. Двойные результаты: человек сталкивается с двумя связанными между собой результатами, такими как потеря – потеря (т. е. весьма маловероятная потеря повторяется) или победа – потеря (т. е. победа, которая оказывается на самом деле потерей).

5. Скрытая ирония: события, в которых наблюдатель (аудитория, читатель и т. д.) знает, что жертве еще предстоит выяснить.

6. Уловка-22: проигрышный результат как неизбежный результат всех доступных путей необходимого и соответствующего действия.

7. Совпадение: разные события, такие как совпадения или последовательности действий, у которых нет общепринятых или причинных оснований.

Таким образом, осознание иронии ситуации возникает, когда ход событий не соответствует нашим сценариям. Ирония несоответствия или неожиданности связана с насмешкой ситуации над хрупкостью человеческих намерений и ожиданий. В этой связи теорию ситуативной иронии Дж. Лукариелло вполне логично назвать теорией нарушений или отклонений.

Трактовка ситуативной иронии в концепции К. Шелли – это попытка дать обоснованную оценку ситуативной иронии в когнитивном плане. По этой теории, человеческое познание рассматривается как система понятий, объединенных на основе максимальной концептуальной согласованности [Shelley 2007]. Согласно этой теории, ситуация считается иронической, когда она имеет бикогерентную концептуальную структуру, адекватную когнитивную релевантность и вызывает соответствующее сочетание эмоций. Цель теории бикогерентности состоит в том, чтобы дать объяснение корпусу реальных примеров ситуативной иронии, собранных автоматически из электронных источников новостей. Теория бикогерентности ситуативной иронии основывается на концептуальных отношениях бикогерентности либо между классами, либо между элементами. Он предлагает обзор компонентов теории бикогерентности, объясняет природу бикогерентности, когерентности и непоследовательности, а также излагает теорию, основанную на концептуальных отношениях, подчеркивает значимость отношений бикогерентности и эмоций. По мнению Г.Л. Колстона и Р. У. Гиббса [Colston, Gibbs 2007, с. 19], наиболее важным вкладом работы К. Шелли, возможно, является более формализованная структура, придаваемая общему понятию противоречия, которое многие различные исследования пытались определить.

В настоящем исследовании выявление принципа организации короткого рассказа опирается на классификацию событий Дж. Лукариелло, представляющих собой 7 типов иронических скриптов, а именно – скрипты несоответствия, потери, победы, двойного результата, скрытой иронии, уловки-22 и совпадения. Как отмечалось выше, классификацию иронических событий Дж. Лукариелло

скорее можно назвать классификацией нарушений или отклонений.

Рассмотрим скрипты несоответствия.

№ 1

Neilson gave a gasp, for at that moment a woman came in. She was a native, a woman of somewhat commanding presence, stout without being corpulent, dark, for the natives grow darker with age, with very grey hair. She wore a black Mother Hubbard, and its thinness showed her heavy breasts. *The moment had come.*

She made an observation to Neilson about some household matter and he answered. He wondered if his voice sounded as unnatural to her as it did to himself. She gave the man who was sitting in the chair by the window an indifferent glance, and went out of the room. *The moment had come and gone.*

(Maugham. Red, 286)

Рассказ повествует об истории любви туземки и англичанина, разлученных в молодости. Через некоторое время Салли выходит замуж за Нельсона, однако сохраняет любовь к Рыжему. Много лет спустя они встречаются снова, однако не узнают друг друга. Ирония ситуации состоит в том, что Нельсон ожидает драматическую встречу двух возлюбленных после долгой разлуки, но этого не происходит: Салли не узнает Рыжего. Ситуативная ирония достигается противопоставлением эмоциональной лексики, описывающей волнение Нельсона (gave a gasp, his voice sounded unnatural) и равнодушие Салли (gave an indifferent glance). Символично, что в повествовании Рыжего не называют по имени, а вместо этого используется перифраз the man who was sitting in the chair, тем самым позволяя читателю взглянуть на картину происходящего глазами Салли. Ключевыми же приемами в реализации иронии являются синтаксический параллелизм в конце первого и второго абзацев и использование антонимов come и gone.

Салли и Рыжий не узнали друг друга, поскольку с течением времени человек стареет, меняется его внешность, что приводит к несоответствию внешности пожилого человека романтическому представлению о нем в молодости.

№ 2

Robert's face grew red, he clenched his fist and half rose from his chair.

«Damn you, stop talking about my wife. If you mention her name again I swear I'll knock you down».

«Oh no, you won't. You're too great a gentleman to hit a feller smaller than yourself».

Hardy had said these words mockingly, watching Robert, and quite ready to dodge if that great fist struck out; he was astounded at their effect. Robert sank back into his chair and unclenched his fist.

«You're right. But only a mean hound would trade on it».

The reply was so theatrical that Fred Hardy began to chuckle, but then he saw that the man meant it. He was deadly serious.

(Maugham. The Lion's Skin, 155)

В данном примере бывший мойщик машин Роберт, выдавая себя за отставного капитана, женится на богатой женщине. На одной вечеринке он встречает одного из своих старых знакомых Фреда

Харди, машину которого он обслуживал. Однако он делает вид, что не знает его. Стремясь задеть Роберта, намекая на его прошлое, Фред Харди язвительно называет его джентльменом. Однако его ожидания не оправдываются, когда он понимает, что его слова возымели прямо противоположный эффект. Здесь автор использует градацию (Robert's face grew red, he clenched his fist and half rose from his chair), свидетельствующую о том, что он еле сдерживает ярость. Читатель ожидает драматическую развязку, однако автор прибегает к приему антиградации (Robert sank back into his chair and unclenched his fist). Ирония ситуации в том, что с течением времени Роберт действительно стал джентльменом, поэтому он не может быть более слабого соперника.

№ 3

She's wept on: «Oh, Reggie, you can't want to break my heart! Only come back! I'll not say a word about all this. I'll learn golf. I won't have any friends you don't care about. *After all these years, when we've been so happy together*».

«I've never been happy till now», said Mr. Wade, still gazing at Madeleine. «Dash it all, Iris, you wanted to marry that ass Jordan. Why don't you go and do it?»

(Christie. The Case of the Discontented Husband, 270)

Реджинальд Вейд обращается за помощью к мистеру Пайну, который помогает людям решать их проблемы. Айрис, его жена, требует развода. Чтобы спасти его брак, мистер Пейн предлагает ему сыграть роль любовника помощницы мистера Пайна, прекрасной мисс Мадлен де Сара. Однако Реджинальд Вейд действительно увлекается ею, в то время как его жена готова вернуться назад. В данном примере несоответствие возникает в результате смены ролей. На этот раз Айрис предлагает ему опять быть вместе (косвенный речевой акт приглашения we've been so happy together). Однако Реджинальд отказывается (косвенный речевой акт отказа I've never been happy till now) [Серль 1986]. Автор использует ситуативную иронию, чтобы выразить насмешку над изменчивой натурой человека.

№ 4

A smile of triumph spread over his smooth and swarthy face. He handed back the chain. He was about to speak. Suddenly he caught sight of Mrs. Ramsay's face. It was so white that she looked as though she were about to faint. [...]

Mr. Kelada stopped with his mouth open. He flushed deeply. You could almost see the effort he was making over himself.

«I was mistaken», he said. «It's very good imitation, but of course as soon as I looked through my glass I saw that it wasn't real. I think eighteen dollars is just about as much as the damned thing's worth».

He took out his pocketbook and from it a hundred dollar note. He handed it to Ramsay without a word.

«Perhaps that'll teach you not to be so cocksure another time, my young friend», said Ramsay as he took the note.

(Maugham. Mr Know-All, 296)

Мистер Келада, которого прозвали на корабле «Мистером Всезнайкой», плывет в японскую Кубу. Вместе с мистером Келадой, которого терпеть не может весь экипаж корабля из-за его фамильярно-

сти, болтливости и страсти спорить, делит каюту рассказчик, повествующий историю.

Однажды мистер Келада поспорил с мистером Рэмсеем по поводу реальной стоимости ожерелья, которое было подарено миссис Рэмсей одним из поклонников. Добропорядочная миссис Рэмсей оказывается в шекотливой ситуации: она неверна своему мужу, и это может стать известно ему. Поняв это, мистер Келада проявляет деликатность и такт, говоря неправду, чтобы спасти репутацию миссис Рэмсей [Grice 1969; Leech 1983]. Ирония ситуации в том, что мистер Келада **ведет себя как джентльмен**, однако мистер Рэмсей считает, что наконец **проучил самоуверенного мистера Всезнайку**, проявившего свою некомпетентность. Здесь автор хочет показать, что первые впечатления часто вводят в заблуждение, а внешность часто обманчива.

№ 5

«...I often wish I'd gone on the regular stage myself. Must be a topping life, if one has talent, like you» [...]

Silence recalled him from his rings of smoke. Bryce-Green was sitting, with cigar held out *and mouth a little open, and bright eyes round as pebbles, fixed – fixed on some object* near the floor, past the corner of the tablecloth. Had he burnt his mouth? The eyelids fluttered; he looked at Caister, licked his lips like a dog, nervously and said:

«I say, old chap, don't think me a beast, but *are you at all – er – er – rocky?* I mean – *if I can be of any service*, don't hesitate! *Old acquaintance*, don't you know, and all that...»

His eyes rolled out again towards the object, and Caister followed them. Out there above the carpet he saw it – his own boot. It dangled slightly, six inches off the ground – split – right – across, twice, between lace and toecap.

(Galsworthy. The Broken Boot, 30–31)

В данном примере мы наблюдаем беседу двух старых приятелей, встретившихся после долгой разлуки, состоятельного мецената Брайс-Грина и переживающего тяготы жизни актера Джильберта Кейстера. Брайс-Грин не догадывается о бедности актера и считает, что Кейстер – успешный актер и живет в роскоши до того момента, пока не увидел под столом его рваный башмак с трещиной. В данном примере мы наблюдаем **несоответствие между образом Кейстера**, который прекрасно играет роль богатого человека, успешного в профессии, и реальностью – **контекстом**, а именно такой деталью, как рваный башмак. Автор описывает эмоциональное состояние Брайс-Грина, его изумление при виде рваного ботинка с помощью эмотивной лексики (*mouth a little open, eyes round as pebbles*) и повтора (*fixed – fixed on some object*).

№ 6

The waiter came skating round as if he desired to clear. Must go! Two young women had come in and were sitting at the other table between him and the door. He saw them look at him, and his sharpened senses caught the whisper:

«Sure – in the last act. *Don't you see his mèche blanche?*»

«Oh! yes – of course! Isn't it – wasn't he – I»

Caister *straightened his back; his smile crept out, he fixed his monocle.* They had spotted his Dr Dominick!

«If you've quite finished, sir, may I clear?»

«Certainly. I'm going». He gathered himself and rose. The young women were gazing up. *Elegant, with a faint smile, he passed them close, so that they could not see, managing – his broken boot.*

(Galsworthy. The Broken Boot, 32)

Это история о бедном актере Джильберте Кейстере, у которого нет средств даже на то, чтобы купить обувь. Однако он стремится выглядеть в глазах своих поклонниц элегантно, уверенным в себе человеком. Ирония ситуации состоит в **явном несоответствии между представлением молодых женщин об актере** и реальностью – **контекстом**, о котором свидетельствует такая значимая деталь, как рваный башмак. Данное несоответствие создает комический эффект.

Рассмотрим скрипты двойного результата, такие как «потеря – выигрыш» или «выигрыш – потеря»:

№ 7

I handed it to him.

«Who's this from?» He opened it. «Oh!»

He took out of the envelope, not a letter, but a hundred-dollar note. He looked at me and again he reddened. He tore the envelope into little bits and gave them to me.

«Do you mind just throwing them out of the porthole?»

I did as he asked, and then I looked at him with a smile.

«*No one likes being made to look a perfect damned fool*», he said.

«Were the pearls real?»

«*If I had a pretty little wife I shouldn't let her spend a year in New York while I stayed at Kobe*», said he.

At that moment *I did not entirely dislike Mr. Kelada.* He reached out for his pocketbook and carefully put in it the hundred-dollar note.

(Maugham. Mr Know-All, 297)

В этой истории мистер Келада заявляет о том, что он специалист в ювелирном деле. Однако ему пришлось проявить свою «некомпетентность»: он был вынужден неправильно определить реальную стоимость ожерелья, в результате проиграть пари и отдать сто долларов мистеру Рэмсею. Однако именно благородство мистера Келады, спасшего репутацию миссис Рэмсей, заставило рассказчика переменить свое мнение о нем в лучшую сторону. После этого пари Мистер Келада получил конверт, в котором лежала стодолларовая банкнота. Пытаясь уклониться от объяснения, он использует стратегию дистанцирования (*No one likes being made to look a perfect damned fool*), имея в виду себя в этой конкретной ситуации [Brown, Levinson 1987, p. 129–130]. Он также косвенно подтверждает, что жемчужное ожерелье было подлинным (*If I had a pretty little wife I shouldn't let her spend a year in New York while I stayed at Kobe*). Таким образом, **проиграв пари, он тем не менее приобретает уважение в глазах своего соседа по каюте.**

№ 8

I steeled myself against his unexpressed but palpable desire. He should not coax, cajole, or wring from me the dollar he craved. *I had had enough of that wild-geese chase.*

Tripp feebly unbuttoned his coat of the faded pattern and glossy seams to reach for something that had once

been a handkerchief deep down in some obscure and cavernous pocket. As he did so I caught the shine of a cheap silver-plated watch-chain across his vest, and something dangling from it caused me to stretch forth my hand and seize it curiously. It was *the half of a silver dime that had been cut in halves with a chisel*. «What?» I said, looking at him keenly.

«Oh yes», he responded, dully. «*George Brown, alias Tripp. What's the use?*»

Barring the W. C. T. U., I'd like to know if anybody disapproves of my having produced promptly from my pocket Tripp's whiskey dollar and unhesitatingly laying it in his hand.

(Henry. No Story, 142)

В этой ситуации Ада Лоури, приехавшая на последние деньги из маленького городка в поисках своего друга детства, случайно встречается с Триппом и спрашивает его, не знает ли он Джорджа Брауна. Вечно пьяный Трипп, работник из печатного отдела газеты, оказывается тем самым Джорджем Брауном, которого Ада Лоури хотела найти в этом городе, но не узнала при встрече. Он приходит к мистеру Чалмерзу, работавшему внештатным репортером, и просит помочь девушке деньгами, поскольку ее история может послужить хорошей темой для рассказа. Ирония ситуации состоит в том, что, хотя **репортер платит девушке за ее историю и дает Триппу доллар на выпивку, тот** предает себя (What's the use?) и в результате **теряет свою любовь**. Читатель испытывает чувство грусти и сожаления по поводу того, как распорядился своей жизнью герой.

Рассмотрим скрипт потери.

№ 9

The two young people were having tea together. Hector watched for some time from his place on the sofa, barely stifling his growls. *A climax was reached when, in the course of some barely intelligible back-chat, Mike leant forward and patted Millicent on the knee.*

It was not a serious bite, a mere snap, in fact. [...] Millicent spoke harshly to Hector and tenderly to Mike, and hurried to her mother's medicine cupboard for a bottle of iodine.

Now no Englishman, however phlegmatic, can have his hand dabbed with iodine without, momentarily at any rate, falling in love.

Mike had seen the nose countless times before, but that afternoon, as it was bowed over his scratched thumb, and as Millicent said, «Am I hurting terribly?» as it was raised towards him, and as Millicent said, «There. Now it will be all right», Mike suddenly saw it transfigured as its devotees saw it and from that moment, until long after the three months of attention which she accorded him, he was Millicent's besotted suitor.

The pup Hector saw all this and realized his mistake. Never again, he decided, would he give Millicent the excuse to run for the iodine bottle.

(Waugh. On Guard, 308–309)

В этой истории Гектор, жених Миллисент, уезжая на работу в Африку, подарил ей щенка, названного в его честь, и наказал следить за тем, чтобы Милли не вышла замуж, пока он не вернется. Однако именно попытка щенка Гектора пре-

дотратить романтические отношения между Миллисент Блейд и Майком Босвеллом заставила последнего обратить внимание на очаровательный носик Милли. Эпитет в несобственно-прямой речи (he was Millicent's besotted suitor) свидетельствует о том, что **усилия Гектора привели к обратному эффекту**.

Рассмотрим скрипт совпадения.

№ 10

Of course, I was invited to the wedding. After the ceremony I dragged Lathrop aside.

«You are an artist», said I, «and haven't figured out why Maggie Brown conceived such a strong liking for Miss Bates – that was? Let me show you».

The bride wore a simple white dress as beautifully draped as the costumes of the ancient Greeks. I took some leaves from one of the decorative wreaths in the little parlour, and made a chaplet of them, and placed them on née Bates shining chestnut hair, and made her turn her profile to her husband.

«By jingo!» said he. «*Isn't Ida's head a dead ringer for the lady's head on the silver dollar?*»

(Henry. The Enchanted Profile, 26)

В этой истории богатая пожилая дама, увидев девушку по имени мисс Бейтс, прониклась к ней симпатией и стала ей покровительствовать. Помощь пожилой леди Мэгги Браун, которая кажется на первый взгляд благородным поступком, на самом деле отражает пристрастие женщины к деньгам. Ирония ситуации состоит в том, что причиной, побудившей Мегги Браун помогать Иде Бейтс, является **поразительное сходство Иды с женская головкой на серебряном долларе** (a dead ringer for the lady's head on the silver dollar). Здесь удивление мужа, узнавшего об этом, выражается с помощью восклицания (By jingo!), эмоционально-усилительного слова dead и риторического вопроса.

Заключение

Таким образом, в основе принципа организации иронического рассказа лежит определенное несоответствие иронического скрипта сценарию в общепринятом понимании. Анализ материала показал, что в литературном дискурсе преимущественно встретились такие типы ситуативной иронии, как скрипты несоответствия, двойного результата, потери и совпадения.

В коротких рассказах доминантным является скрипт несоответствия, а именно такие его подтипы, как несоответствие, возникающее между представлением о человеке и реальностью (контекстом), и несоответствие, возникающее с течением времени и в результате смены ролей. В рассказах преобладают эмотивная лексика, лексический повтор, синтаксический параллелизм и стратегии косвенности. Их функция состоит в том, чтобы создать иронический эффект, вовлекая тем самым читателя в диалог с автором произведения. Кроме того, посредством ситуативной иронии писатель передает некое моральное послание читателю. Указанные языковые особенности коротких рассказов характеризуют их как образец иронического стиля литературного дискурса.

Источники фактического материала

Maugham. Red – *Maugham W.S. Red* // Английский рассказ XX века: сб. 2 / на англ. яз.: сост. Н.А. Самуэльян. М.: Менеджер, 2004. С. 258–288.

Maugham. Know-all – *Maugham W.S. Mr Know-all* // Английский рассказ XX века: сб. 2 / на англ. яз.: сост. Н.А. Самуэльян. М.: Менеджер, 2004. С. 288–297.

Maugham. The Lion's Skin – *Maugham W.S. The Lion's Skin* // Rain and Other Short Stories. М.: Прогресс, 1977. С. 129–164.

Christie – *Christie A. The Case of the Discontented Husband* // Избранные рассказы: сб. / на англ. яз.: сост. Н.А. Самуэльян. М.: Менеджер, 2004. С. 254–271.

Galsworthy – *Galsworthy J. The Broken Boot* // Английский рассказ XX века: сб. 2 / на англ. яз.: сост. Н.А. Самуэльян. М.: Менеджер, 2004. С. 27–32.

Henry – *Henry O. No Story* // Избранные рассказы / на англ. яз.: сост. Н.А. Самуэльян. 5-е изд. М.: Менеджер, 2005. С. 131–142.

Henry – *Henry O. The Enchanted Profile* // Избранные рассказы / на англ. яз.: сост. Н.А. Самуэльян. 5-е изд. М.: Менеджер, 2005. С. 18–26.

Waugh – *Waugh E. On Guard* // Английский рассказ XX века: сб. 3 / на англ. яз.: сост. Н.А. Самуэльян. М.: Менеджер, 2004. С. 302–316.

Библиографический список

Booth 1974 – *Booth W.C. A Rhetoric of Irony*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1974. 292 p. URL: <https://uwaterloo.ca/wayne-booths-rhetorology/works-and-about-booth/wayne-c-booth-rhetoric-irony-1974>.

Brown, Levinson 1987 – *Brown P., Levinson S.C. Politeness: Some universals in language usage* // *Studies in Interactional Sociolinguistics*; 4. Gen Ed. John J. Gumperz. Cambridge University Press, 1987. 345 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9780511813085>.

Colston, Gibbs 2007 – *Colston H.L. and R.W. Gibbs Jr. A Brief History of Irony* // *Irony in Language and Thought: A Cognitive Science Reader* / ed. by H.L. Colston and R.W. Gibbs Jr. New York, London: Lawrence Erlbaum Associates, 2007. pp. 3–21. URL: <http://bookre.org/reader?file=1208494>.

Easthope 1997 – *Easthope A. Culture and Nation: Englishness* // *Cultural Learning: Language Learning. Selected Papers from the Second British Studies Conference. Prague 18-20 October 1996* / ed. by S. Bassnett and M. Prochazka. Perspectives Litteraria Pragensia. Prague, 1997. pp. 13–26.

Elleström 2002 – *Elleström L. Divine Madness: On Interpreting Literature, Music and the Visual Arts*. Bucknell University Press, 2002. 307 p.

Grant, Osrick, Hardy, Putman, Philips 2004 – *Grant D., Osrick C., Hardy C., Putnam L.L. and Phillips N.*, eds. *The Sage Handbook of Organizational Discourse*. Sage Publications Ltd, 2004. 448 pp. DOI: <http://dx.doi.org/10.4135/9781848608122.n1>.

Grice 1969 – *Grice H. Utterer's Meaning and Intention* // *The Philosophical Review*, 78, 1969. pp. 147–177. DOI: 10.2307/2184179.

Hutcheon 1995 – *Hutcheon L. Irony's edge: The theory and politics of irony*. London; New York: Routledge, 1995. 248 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203359259>.

Leech 1983 – *Leech G.N. Principles of pragmatics*. London, New York, 1983. 257 pp. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315835976>.

Littman, Mey 1991 – *Littman D. & J. Mey. The nature of irony: Toward a computational model of irony* // *Journal of Pragmatics*, 15, 1991, pp. 131–151. DOI: [https://doi.org/10.1016/0378-2166\(91\)90057-5](https://doi.org/10.1016/0378-2166(91)90057-5).

Lucariello 2007 – *Lucariello J. Situational Irony: A Concept of Events Gone Awry* // *Irony in Language and Thought: A Cognitive Science Reader* / ed. by H.L. Colston and R.W. Gibbs Jr. New York, London: Lawrence Erlbaum Associates, 2007. pp. 467–497. DOI: 10.1037/0096-3445.123.2.129.

Muecke 1969 – *Muecke D.C. The compass of irony*. London: Methuen, 1969. 276 p. URL: <https://digital.library.adelaide.edu.au/dspace/bitstream/2440/38225/1/09lim945.pdf>.

Muecke 1970 – *Muecke D.C. Irony (Critical Idiom)*. Methuen Publishing Ltd, 1970. 92 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315388342>.

Schank, Abelson 1977 – *Schank R.C., and Robert P. Abelson. Scripts, plans, goals, and understanding: An inquiry into human knowledge structures*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1977. 248 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203781036>.

Shelley 2007 – *Shelley C. The bicoherence theory of situational irony* // *Irony in Language and Thought: A Cognitive Science Reader*. ed. by H.L. Colston and R.W. Gibbs Jr. New York; London: Lawrence Erlbaum Associates, 2007, pp. 531–578.

Turner 2015 – *Turner K.L. This Is the Sound of Irony*. Ashgate Publishing, Ltd., 2015. 270 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315551074>.

Серль 1986 – *Серль Дж. П. Косвенные речевые акты* / пер. с англ. Н.В. Перцова // *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов*. М.: Прогресс, 1986. С. 195–222. URL: https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/_5.htm.

Соболева 2018 – *Соболева И.А. Функциональный потенциал иронии в современном медиадискурсе* // *Дискурс-Пи*. 2018. № 3–4 (32–33). С. 44–49 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnyy-potentsial-ironii-v-sovremennom-mediadiskurse> (дата обращения: 08.03.2019).

References

Booth 1974 – *Booth W.C. A Rhetoric of Irony*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1974. 292 p. Available at: <https://uwaterloo.ca/wayne-booths-rhetorology/works-and-about-booth/wayne-c-booth-rhetoric-irony-1974> [in English].

Brown, Levinson 1987 – *Brown P., Levinson S.C. Politeness: Some universals in language usage*. In: *Studies in Interactional Sociolinguistics*; 4. Gen Ed. John J. Gumperz. Cambridge University Press, 1987. 345 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9780511813085>.

Colston, Gibbs 2007 – *Colston H.L. and R.W. Gibbs, Jr. A Brief History of Irony*. In: *Irony in Language and*

- Thought: A Cognitive Science Reader*. Ed. by H.L. Colston and R.W. Gibbs Jr. New York, London: Lawrence Erlbaum Associates, 2007, pp. 3–21. Available at: <http://bookre.org/reader?file=1208494> [in English].
- Easthope 1997 – Easthope A. Culture and Nation: Englishness. In: *Cultural Learning: Language Learning. Selected Papers from the Second British Studies Conference. Prague 18–20 October 1996*. Ed. by S. Bassnett and M. Prochazka. Perspectives Litteraria Pragensia. Prague, 1997, pp. 13–26 [in English].
- Elleström 2002 – Elleström L. Divine Madness: On Interpreting Literature, Music and the Visual Arts. Bucknell University Press, 2002. 307 p. [in English].
- Grant, Oswick, Hardy, Putman, Philips 2004 – Grant D., Oswick C., Hardy C., Putnam L.L. and N. Phillips (Eds.) *The Sage Handbook of Organizational Discourse*. Sage Publications Ltd, 2004, 448 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.4135/9781848608122.nl> [in English].
- Grice 1969 – Grice H. Utterer's Meaning and Intention. *The Philosophical Review*, Vol. 78, no. 2 (Apr., 1969), pp. 147–177. DOI: [10.2307/2184179](https://doi.org/10.2307/2184179) [in English].
- Hutcheon 1995 – Hutcheon L. Irony's edge: The theory and politics of irony. London; New York: Routledge, 1995, 248 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203359259> [in English].
- Leech 1983 – Leech G.N. Principles of pragmatics. London, New York, 1983, 257 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315835976> [in English].
- Littman, Mey 1991 – Littman D., & J. Mey. The nature of irony: Toward a computational model of irony. *Journal of Pragmatics*, 1991, Vol. 15, pp. 131–151. DOI: [https://doi.org/10.1016/0378-2166\(91\)90057-5](https://doi.org/10.1016/0378-2166(91)90057-5) [in English].
- Lucariello 2007 – Lucariello J. Situational Irony: A Concept of Events Gone Awry. In: *Irony in Language and Thought: A Cognitive Science Reader*. Ed. by H.L. Colston and R.W. Gibbs Jr. New York, London: Lawrence Erlbaum Associates, 2007, pp. 467–497. DOI: [10.1037/0096-3445.123.2.129](https://doi.org/10.1037/0096-3445.123.2.129) [in English].
- Muecke 1969 – Muecke D.C. The compass of irony. London: Methuen, 1969. 276 p. Available at: <https://digital.library.adelaide.edu.au/dspace/bitstream/2440/38225/1/09lim945.pdf> [in English].
- Muecke 1970 – Muecke D.C. Irony (Critical Idiom). Methuen Publishing Ltd, 1970, 92 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315388342> [in English].
- Schank, Abelson 1977 – Schank R.C., and Robert P. Abelson. Scripts, plans, goals, and understanding: An inquiry into human knowledge structures. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1977, 248 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203781036> [in English].
- Shelley 2007 – Shelley C. The bicoherence theory of situational irony. In: *Irony in Language and Thought: A Cognitive Science Reader*. Ed. by H.L. Colston and R.W. Gibbs Jr. New York; London: Lawrence Erlbaum Associates, 2007, pp. 531–578. DOI: [10.1207/s15516709cog2505_7](https://doi.org/10.1207/s15516709cog2505_7) [in English].
- Turner 2015 – Turner K.L. This Is the Sound of Irony. Ashgate Publishing, Ltd., 2015, 270 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315551074> [in English].
- Searle 1986 – Searle J.R. *Kosvennyye rechevye akty. Perevod s angl. N.V. Pertsova* [Indirect speech acts. Translation from English by N.V. Pertsov]. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. XVII. Teoriya rechevykh aktov* [New in foreign linguistics. Issue XVII. Theory of speech acts]. M.: Progress, 1986, pp. 195–222. Available at: https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/_5.htm [in Russian].
- Soboleva 2018 – Soboleva I.A. *Funktsional'nyi potentsial IRONII V SOVREMENNOM MEDIADISKURSE* [Functional Potential of Irony in Modern Media Discourse]. *Diskurs-Pi* [Discourse-Pi], 2018, no. 3–4 (32–33), pp. 44–49. Available at: http://www.madipi.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=505 [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-3-112-122
УДК 81.139

Дата поступления статьи: 16/IV/2019
Дата принятия статьи: 19/VI/2019

К.Б. Свойкин, Е.В. Арестова

СИСТЕМА КОНВЕНЦИОНАЛЬНЫХ И ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ИХ ИМПЛИКАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

© *Свойкин Константин Бертольдович* – доктор филологических наук, заведующий кафедрой английской филологии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева, 430000, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68.
E-mail: svoikin@gmail.com. **Web of Science ResearcherID:** O-3277-2018. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-3484-612X>

© *Арестова Елена Вадимовна* – аспирант кафедры английской филологии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева, 430000, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68.

E-mail: arestova.lena14@yandex.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-5010-3679>

АННОТАЦИЯ

В настоящее время проблема анализа речевых компонентов текстов экономической тематики в рамках медиадискурса как никогда актуальна в силу того, что затрагивает наиболее злободневные темы и насущные проблемы, как экономические, так и смежные с ними – общественные и общественно-политические. При этом работы, посвященные анализу внекоммуникативных и неэксплицированных компонент медиадискурса, встречаются редко, в то время как именно надтекстовый и затекстовый компоненты высказывания приобретают особую актуальность в силу того, что медиадискурс получает в современном информационном пространстве открытые и интерактивные формы. В данной статье пойдет речь о компонентах (а именно эксплицитных и имплицитных отражениях систем конвенциональных и индивидуальных ценностей авторов), содержащихся в письменных англоязычных текстах из интернет-источников, освещающих экономические и сопряженные с ними явления. Часть исследуемых медиатекстов рассматривается в изолированном виде, часть – в дистрибуции с ответными комментариями, реализуемыми на интерактивных форумах. Известная роль будет отведена исследованию конвенциональной системы ценностей (как мотивационной компоненты дискурса, связывающей личности авторов в едином оценочном поле) в ракурсе заданной в медиадискурсе тематики как хронотопического контекста субъективных импликаций автора и отражаемого им явления/объекта. Вопрос субъективности/объективности оценки представлен в статье в когнитивном ракурсе и в терминах объективного/субъективного аргумента оценочного характера, при этом в расчет принимается максимальная вариативность оценочных суждений. Материалом послужил англоязычный медиадискурс различного формата: статьи в интернет-изданиях, блоги политических и экономических деятелей, твиты, форумы, отражающие диалогический интерактивный компонент медиакommunikации.

Ключевые слова: система ценностей, англоязычный медиадискурс, импликация, индивидуальные ценности, конвенциональные ценности.

Цитирование. Свойкин К.Б., Арестова Е.В. Система конвенциональных и индивидуальных ценностей: их импликации в англоязычном медиадискурсе // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 3. С. 112–122. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-3-112-122>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

К.В. Svoikin, E.V. Arestova

**CONVENTIONAL AND INDIVIDUAL VALUES SYSTEM:
THEIR IMPLICATIONS IN THE ENGLISH MEDIA DISCOURSE**

© *Svoikin Konstantin Bertoldovich* – Doctor of Philological Sciences, head of the Department of English Philology, National Research Ogarev Mordovia State University, 68, Bolshevistskaya Street, Saransk, 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

E-mail: svoikin@gmail.com. **Web of Science ResearcherID:** O-3277-2018. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-3484-612X>

© *Arestova Elena Vadimovna* – postgraduate student of the Department of English Philology, National Research Ogarev Mordovia State University, 68, Bolshevistskaya Street, Saransk, 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

E-mail: arestova.lena14@yandex.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-5010-3679>

ABSTRACT

Currently, the problem of unspoken text components analysis is gradually becoming more and more relevant, especially of those within the economic media discourse because it covers the most topical issues and problems, both namely economic and related – social and sociopolitical issues viewed in their communicative expansion. At the same time articles analyzing non verbal or non explicit components of the above mentioned discourse are quite few in number meanwhile the textual and contextual cognitive backgrounds are getting more and more topical as far as the media discourse itself obtains open and interactive forms in contemporary information trends. This article explores the components (namely, the implicit reflections of the authors' conventional and individual value systems) actualized in texts focused upon economic and related phenomena published in numerous Internet sources. The media texts under analysis have been explored either isolated or proceeded with comments written in open forum discussions and panels. The focus has been made on the conventional value system (as a component of both discourse and the personality of the authors as well as of their evaluative paradigms within common value paradigms) from the perspective of the subject set in the media discourse as the chronotopic context of the author's subjective implications and the phenomenon/object oriented at argumentation within extensive variety of the evaluative statements. The material under analysis represents media discourse of various designs written in English and issued in the Internet: articles from Internet journals, political and business blogs, tweets, forums and discussions – all that represents dialogic or interactive characteristics in media communication.

Key words: discourse, English media discourse, individual values system, conventional values, implication.

Citation. Svoikin K.B., Arestova E.V. *Sistema konventsional'nykh i individual'nykh tsennosti: ikh implikatsii v angloyazychnom mediadiskurse* [Conventional and individual values system: their implications in the English media discourse]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 3, pp. 112–122. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-3-112-122> [in Russian].

Введение

Говоря о медиадискурсе в общем и о текстах публицистического стиля в частности, важно помнить основные характеристики этого жанра, а именно – отражающее, формирующее и организующее свойства [Добросклонская 2005, с. 183], где под *отражающим* свойством подразумевается способность освещать события окружающей действительности. Данное свойство реализуется в виде постоянного обновления различного рода новостных лент. *Организирующее* свойство означает четкое структурирование потока информации в рамках различных тем, таких как (в нашем случае): политика, экономика, образование, культура и другие. *Формирующее* свойство текстов массовой информации – это не что иное, как способность влиять на систему оценок и формирование общественного мнения

[Добросклонская 2005, с. 183]. Таким образом, можно выявить такой несемантический компонент медиатекста, как информационная картина мира автора, ведь, по словам Т.Г. Добросклонской, концепция информационной картины мира неразрывно связана с языковой картиной мира, что понимается здесь как установленное в языке мировоззрение, идеология, система ценностей, иными словами, как лингвистическая форма представлений о жизнедеятельности человека и интерпретаций всего происходящего вокруг него.

Также нельзя не отметить культуроспецифичность данного вида дискурса, которая проявляется даже в организации структуры новостного потока. Так, например, согласно результатам исследования, проведенного Т.Г. Добросклонской, «английские и в особенности американские СМИ уделяют гораз-

до меньше внимания освещению событий за рубежом, чем СМИ в России» [Добросклонская 2005, с. 186]. И это пример лишь одного аспекта изучения зарубежного медиадискурса. Сложно даже гипотетически представить, сколько таких аспектов для изучения можно выявить уже на начальном этапе исследования медиатекстов, освещающих межкультурные (международные) события.

Идеи Добросклонской во многом вторят Т. ван Дейку, который полагал, что «структуры медиатекстов могут быть адекватно поняты только в одном случае: если мы будем анализировать их как результат когнитивной и социальной деятельности журналистов по производству текстов и их значений, как результат интерпретации текстов читателями газет и телезрителями, производимой на основе опыта их общения со средствами массовой информации» [Дейк 1989, с. 123]. Основательное значение для анализа медиатекстов имеет также то, что «социальная, политическая и идеологическая ценность анализа новостей часто зависят от того, насколько эксплицитно выявлены значения, лишь подразумеваемые, прямо не выраженные, иначе говоря, раскрыты ли имплицитные функции текстов новостей» [Дейк 1989, с. 135]. Дискурс, таким образом, как все чаще принято считать, – «это особое использование языка... для выражения особой ментальности... идеологии... И (дискурс)... в конечном счете создает особый *ментальный мир*» [Заложных 2017, с. 71]. Принимая во внимание высказанное мнение, мы неизбежно начинаем искать в текстах различных тематик и жанров минимально двух действующих лиц и, значит, как минимум пары дополняющих или опровергающих друг друга систем ценностей: автора и его прогнозируемого адресата, достигая таким образом определенного уровня десубъективизации как самого дискурса, так и оценочного ряда, эксплицитированного или имплицитированного в нем.

Методология

При обсуждении медиатекстов, например, экономической тематики мы нередко сталкиваемся с разного рода объективизирующими компонентами, в которых нашему вниманию представлены точные значения и показатели, извлечения из актуальных документов или отчетов исследователей, фактуальные данные. Однако при всей полноте и достоверности предоставляемой информации, если речь не идет только лишь о сухих цифрах (котировки, диаграммы), мы все же рассматриваем экономическую статью как публицистическое произведение, что свойственно медиадискурсу. При этом в таком дискурсе обязательно присутствуют элементы личной оценки, складывающиеся из приемлемой для данного автора системы ценностей, выраженной имплицитно или эксплицитно. Так, при рассмотрении статей выявляемые системы ценностей намеренно закладываются автором, который обязательно описывает ситуацию, исходя из своей позиции, на которую будут влиять как политиче-

ские, так и прочие его взгляды, составляющие так называемый профессиональный и личностный background автора [Арестова, Свойкин 2018; Арестова 2017 б].

Со стороны потребителя медиадискурса присутствует иная устойчивая ценностная система со своим профессиональным и личностным опытом, однако, вступая в коммуникативные отношения с медиатекстом, потребитель условно готов к сравнению двух вышеуказанных систем ценностей. По словам Г.Х. фон Вригта, «понимание особым образом связано с *интенциональностью*» [Вригт 1986, с. 45]. Иными словами, принимаясь за текст любого жанра и свойства, мы как минимум прикладываем свое намерение к начальному этапу сравнения своего с иным, к столкновению ценностных систем, ибо в терминах этого столкновения можно говорить об осмысленном чтении, при котором мы обнаруживаем себя ищущими аргументов и контраргументов, доказательств и разного рода объяснений. Итак, как утверждает Вригт, «для того чтобы наша потребность в объяснении была удовлетворена, необходимо, чтобы базис объяснения был более строго связан с объектом объяснения, чем просто посредством закона, устанавливающего универсальное сопутствование свойства быть вороном и свойства быть черным» [Вригт 1986, с. 57].

Таким образом, можно предположить, что упоминаемые системы ценностей будут влиять не только на состав смыслов высказывания, кодируемый автором текста, и на результаты реконструкции этого состава смыслов, которая будет генерироваться в рамках системы ценностей и личных убеждений потребителя текста при его освоении, но, помимо этого, накладывать новый смысл на объект обсуждения – «героя повествования» [Арестова 2017 а]. Высказанные положения обретут в данном контексте прагматику небезосновательности в силу того, что при столкновении потока информации с его получателем произойдет запланированное автором взаимодействие имплицитированных и эксплицитированных убеждений, присущих этим лицам в медиатексте.

В этом отношении интересны положения С. Эпштейна об убеждениях, транслируемые в совместном труде М.А. Падун и Н.В. Тарабриной «Психическая травма и базисные когнитивные схемы личности». Так, ими указывается, что, по мнению С. Эпштейна, «личность имеет две основные адаптивные системы: эмпирическую и рациональную» [Падун, Тарабрина 2003, с. 124]. Согласно положениям ученого, «конструкты, которые люди строят при помощи рациональной системы, называются убеждениями, а конструкты, которые формируются в эмпирической системе, называются имплицитными убеждениями или схемами», и именно «схемы лежат в основе конструируемой человеком теории реальности, составляют ее фундамент» [Падун, Тарабрина 2003, с. 124]. В силу того, что «они формируются в результате процесса генерализации личностью эмоционально значимого опыта

при взаимодействии с окружающим миром», они, соответственно, «проявляются в поведении человека автоматически, предшествуя по времени произвольным рациональным процессам» [Падун, Тарабрина 2003, с. 124].

Поскольку авторство текста является многоплановым в том смысле, что включает и юридический аспект (авторское право на интеллектуальное произведение), и продуцентный – относящийся персонально к автору, «который осознанно или интуитивно маркирует свое отношение к элементам текста» [Свойкин 2006, с. 179], исходя при этом из того, что «продуцентное авторство в... коммуникации предполагает совокупность мнений... выраженную в языковых знаках и вводимую различными эксплицирующими элементами» [Свойкин 2006, с. 179]. Приравнивая, таким образом, текст публицистического жанра к его автору, можно полагать, что «Человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), то есть создает текст (хотя бы и потенциальный)» [Бахтин 1979, с. 285]. Другими словами, текст и автор – это в сумме единый мыслительный (или информационный) поток, формируемый, исходя из экстралингвистических качеств автора – уровня образования, политической и экономической осведомленности, уровня знакомства с темой, заявленной в статье или иной письменной работе. Из этого следует, что все заявленные субъективные данные – мнение, личная оценка, не только присутствуют в тексте, но и накладывают определенный отпечаток на смысл высказывания, что вызывает цепочку взаимодействий и переплетения систем ценностей автора, читателя и даже предмета повествования (в случае, когда речь идет о человеке или стране) [Арестова 2016]. Схематично можно было бы выразить объективный результат интерпретации дискурса через своего рода формулу, где Р = результат, который будет складываться из отраженных в дискурсе компонентов индивидуальной системы ценностей (ИСЦ), преломленных в актуальной описываемой ситуации (АС) и соотношенных с обобщенной (конвенциональной) системой ценностей (КСЦ) для каждого воспринимаемого или вербализуемого дискурса. В этом ракурсе рассматриваемый текст или отрывок из него будет восприниматься как вторичный в силу того, что обладает «ответно-полемичной и оценочной прагматикой» [Свойкин 2003, с. 89], поскольку, соотносясь с обобщенными ценностными парадигмами, «отражает тесные дисциплинарно-диалогические связи как полемического, так и комплементарного характера» [Свойкин 2003, с. 179; Свойкин 2005]. В свою очередь А.А. Масленникова предлагает наблюдения о вариантах развития текстовой интерпретации. По ее словам, в первом случае адресат увеличивает смысловой объем исходного текста за счет дополнительных умозаключений, к которым он приходит по прочтении исходного материала. Во втором случае происходит векторное расхождение смыслов говорящего и адресата, т. е. соприкосновения смыслов адресанта и адресата оказываются в разных непересекающихся плоскостях и становятся «ненаходимыми» [Масленникова 1999, с. 272].

Ход исследования

Рассматривая медиадискурс с позиции его оценочных экспликаций/импликаций, основным фокусом внимания, таким образом, мы предлагаем определить такие его компоненты, которые могут и являются отражениями системы ценностей автора текста либо могут рассматриваться потребителем этого текста как апеллирующие к его системе ценностей, например:

1. **New York has lost its crown as home to the most ultra-rich people, beaten out by the rising tide of extreme wealth in Asia** (Bloomberg).

Данный текст апеллирует к восприятию изменяющейся экономической ситуации в мире, иллюстрируя ситуацию скачкообразного экономического роста не самой экономически благополучной до недавнего времени страны – Китая. Реализуемое через три антитезы (*has lost its crown vs beaten out by; home to the most ultra-rich people vs the rising tide of extreme wealth; New York vs Asia*) утверждение имеет формат романтической метафоры с экспрессивными конструктами в ключевых позициях: *lost/beaten; home / tide; ultra-rich/ extreme wealth*, объединенных в общий контрастирующий хронотоп: *New York/Asia*. При этом формат остается повествовательным, а признаков явного экспрессивного синтаксиса не наблюдается. Оценка, предъявляемая автором, не выражается также и оценочными экспликатами лексического плана и выглядит имплицитной. Безапелляционное на первый взгляд суждение, однако, претендует на объективность, что подтверждается следующим абзацем:

2. **Hong Kong surpassed the Big Apple as the city with the highest population of people worth at least \$30 million, according to a new report.** The former British colony saw its number of **ultra-wealthy increase 31 %** last year, to about 10,000, **research firm Wealth-X found, higher than** the nearly 9,000-strong population of the **U.S.'s largest city** (Bloomberg).

Автор статьи приводит в поддержку своего суждения результаты исследования, проведенного информационно-аналитическим агентством Wealth-X, занимающимся исследованиями достатка в мировом масштабе с 2010 года и зарекомендовавшим себя наряду с Forbes одним из лучших в этом смысле. В этом проявляется аргументированная поддержка автором идеи о собственной объективности (*according to a new report, research firm Wealth-X found, \$30 million, increase 31 %*) с целью обеспечения доверия читателя. При этом второй фрагмент содержит уже явные оценочные средства, выраженные вербальными средствами: *surpassed, the highest, worth at least, ultra-wealthy, increase, higher than, U.S.'s largest city* (глаголы со сравнительной семантикой, сравнительные формы прилагательных). Так, на начальном этапе ознакомления с отрывками уже можно говорить о предъявлении ряда очевидных элементов системы ценностей, выносимых автором в фокус текста. С точки зрения выразительных средств можно отметить глагол с эмоциональной коннотацией (*surpassed*) и гиперболическую грамматико-семантическую конструк-

цию (The former British colony *saw its number of ultra-wealthy increase 31 % ... higher than the nearly 9,000-strong population* of the U.S.'s largest city) с элементом антитезы (**The former British colony VS the U.S.'s largest city**), прослеживаемую во втором предложении второго абзаца. Все выявленные элементы указывают на то, что представленный отрывок содержит эксплицитную оценку сложившейся ситуации, и поддерживают эту оценку в форме объективизированных в числовой форме данных.

Нижеприведенный пример представляет собой организованную в единую дистрибуцию комбинацию первого и заключительного абзацев статьи, опубликованной в открытой онлайн-версии журнала FORTUNE – FORTUNE Newsletters.

3. When I initially set out to publish a book, my concept was pitched toward an adult audience. It was called *This Book Is Not for You*, and it was about current youth culture, known as Generation Z.

...

Building online businesses is Gen Z's version of playing with Tamagotchis. Go ahead and underestimate Generation Z. They've already archived you and labeled you obsolete (Rojas M. «Generation Z Is Set to Upend the Business World»).

Освещаемая в статье тема коррелирует с социальной проблемой «отцов и детей», однако в данном случае эта проблема реализуется через вопрос не только качественно нового мышления, но и качественно нового экономического инструмента – *online businesses*. Маркер *Gen Z* – это своего рода вербальный элемент исключительности новой категории общества в его отношении к вводимому в статье понятию. Под определенным углом можно усмотреть корреляцию с популярной ныне парадигмой антропоцентризма, присущей также и подходу в воспитании детей, где занимает одну из главенствующих ролей. Здесь же и вовсе можно наблюдать ироничное нивелирование компетенции «взрослых» поколений (*This Book Is Not for You*) и ироничный же вызов к нему: *Underestimate Generation Z. They've archived you and labeled you obsolete*.

Из приведенной дистрибуции очевидно, что предметы очередной антитезы – новое поколение, так называемое поколение Z, и взрослое поколение. Примечательно, что автор статьи относится к тому социальному кругу, о котором ведет повествование, а значит, осознанно дает ироничную характеристику «старого» взгляда на новое экономическое явление: *Building online businesses is Gen Z's version of playing with Tamagotchis*. Под эмоционально окрашенной вводной мы рассматриваем здесь синтагматическую конструкцию в повелительном наклонении с эксплицитной семантикой: *Go ahead and underestimate Generation Z*, подводящую к смысловой кульминации фразы – *They've already archived you*, что позволяет отследить импликацию оценки. В числе семиотических маркеров, указывающих на это, можно выделить также стилистический прием сравнения (*Building online businesses =*

playing with Tamagotchis) и гиперболической конструкции с включением метафоры (*archived you and labeled you obsolete*).

Проанализированная дистрибуция, безусловно, принадлежит к публицистическому жанру с присущими ему оценочными характеристиками. Характеристики эти проявляются в том, что сталкивающиеся друг с другом ценности, принадлежащие к разным системам, составляют собой в конечном счете убеждение нового свойства, которое попадает в информационное поле читателя (уточним, обывателя, необязательно имеющего представление об описываемом явлении) и приобретает новые свойства, предъявляемые читателю. Иными словами, два смысловых поля в статье, смешавшись в единый информационный поток, вклиниваются в третий или иной другой по счету в зависимости от качества обработки этого текста читателем.

Говоря о вышеприведенных примерах, можно выделить одну общую неотъемлемую черту, содержащуюся в них. Это наличие выраженной через семиотические маркеры индивидуальной авторской оценки. Помимо названной черты, ярко выражено присутствие основных характеристик, присущих публицистическому стилю, – в особенности формирующей. Нельзя не заметить в приведенных отрывках их отражающей функции, так как тексты в рамках изучаемой нами категории затрагивают в своем большинстве злободневные темы. Актуальность выбираемого материала, ко всему прочему, расширяет круг возможностей для манипулирования целевой аудиторией, подкрепляя потенциальную ответную реакцию эмоционально окрашенными высказываниями и художественными средствами выразительности (это эпитеты, ирония, гиперболические конструкции, риторические вопросы и пр.).

Фрагменты, проанализированные выше, взяты из статей, опубликованных в интернет-изданиях, не предполагающих ответных реакций потребителей данного дискурса, что не позволяет провести анализ впечатлений читателей, равно как и участия этих читателей в открытом обмене мнениями (оценочными или иными) с авторами публикаций, однако современное состояние медиадискурса позволяет найти и проследить диалогические отношения автора медиатекста с его читателем, что мы и анализируем ниже.

4. The top 1 per cent of earners pay 28 per cent of the «tax burden» (Theresa May MP, 1 November, 2017).

That's true of income tax. It will be different for other types of tax. – via [Fact Check](#) (Channel 4 News).

Данный пример взят из новостного источника в социальной сети Facebook. Представленный в качестве мотиватора комментариев текст принадлежит к жанру экономического дискурса. Первая фраза носит объективный характер, исключая любой оценочный ряд.

Интерес, однако, представляют столкновение мнений, реализованных в форуме, и появляющийся

в результате соединения оценочных рядов качественно новый образ. К слову, получающийся образ носит более положительный или, как в данном примере, более отрицательный характер в зависимости от оценки, которая накладывается на него в момент обращения или комментирования:

4.1. Which actually demonstrates **the disparity** in wages **between the few and the many. It's not something to be proud of.**

Личная оценка реализуется вербально в форме обиды на правительство с помощью стилистического маркера антитезы (*the disparity - between the few and the many*) и фигуры речи, призванной вызывать чувство вины (*It's not something to be proud of*). Косвенно это отражает отношение к правилам, регулирующим процессы налогообложения, но напрямую подвергает оцениванию категорию людей, согласных с существующей системой. Следующий комментарий и вовсе выражает эксплицированное неприятие к успешным (*successful*) людям и содержит требование к поддержке неконкурентоспособных слоев населения (*we should support those who can't be arsed*):

4.2. Yeah **people shouldn't be too successful, we should support those who can't be arsed.**

Мы, однако, не можем также утверждать, не является ли приведенный комментарий саркастически организованной провокацией, на мысль о которой наталкивают две гиперболы в антитезе: *too successful / can't be arsed*. И если принять к сведению, что идиома *can't be arsed* может быть интерпретирована как «хронический бездельник или неудачник», мысль о провокации кажется вполне правдоподобной. Логично, что ответ на провокацию появляется в последующем комментарии:

4.3. **Nate Alter doesn't know what he's talking about!?** Those that pay tax (particularly income tax) have jobs and work hard!

Ответ, помимо прочего, содержит эксплицитную отрицательную оценку (*I think Nate Alter doesn't know what he's talking about!?*) с реализуемой попыткой привлечь внимание к своей позиции единомышленников, усиленной пунктуационно, и заодно «вразумить» непринимавших эту позицию участников форума. Первая часть комментария выражена в форме риторического вопроса, что, как известно, является популярным лингво-психологическим приемом для воздействия на аудиторию, осознанно вовлекающим реципиента в диалог. Далее, не дожидаясь ответа на свой риторический вопрос, автор «помогает догадаться» об очевидном ответе на него (*Those that pay tax (particularly income tax) have jobs and work hard!*).

На примере последующих трех комментариев можно видеть неоднозначное отношение к налоговой политике Великобритании в целом.

4.4. «**Burden**». **Not a contribution to the well-being and upkeep of society.** It's a burden on the wealthiest apparently.

Комментарий 4.4 предлагает определить, насколько точен термин «ноша (*Burden*)» и не следу-

ет ли применить к заявленной проблематике более приемлемый термин «вклад (*contribution*)», что следует, по-видимому, рассматривать как нейтрально коннотированную ремарку. Комментарий 4.5 содержит очевидную критику сложившейся системы:

4.5. **This is irrelevant**, income tax is paid no matter who earns it. Pay the lowest paid more and they will pay more tax. Tax revenues will remain the same for the exchequer or may increase. **The top 1 % pay 28 % of the tax burden but probably pay half of what they should anyway with tax avoidance and evasion.**

Можно предположить, что такой резонанс вызван «провокационным» числом налогоплательщиков, осуществляющих наибольший вклад в государственную казну (*1 percent of earners pay 28 percent*). Такая реакция реализует популярный стереотип о всемирном заговоре, заключающийся в том, что «богачи» правят миром и считают своим долгом поддерживать неравноправие во всем мире, а также непомерно «воруют» у бедной части населения (*probably pay half of what they should anyway with tax avoidance and evasion*).

Очевидно, наиболее политизированной оценкой снабжен комментарий 4.6, приводимый последним в данной диалогической линейке, поскольку его можно при пристальном рассмотрении считать условно завершающим полемическую цепочку:

4.6. Worth noting - **The richest 1 per cent** of people in the UK **own almost a quarter of the country's wealth**, a new report has revealed. The study by Credit Suisse also showed **the huge levels of inequality** in the UK in a detailed assessment that showed **the richest five per cent** of people in the country **own 44 per cent of all wealth**.

Комментарий включает две очевидные антитезы: *The richest 1 per cent / own almost a quarter of the country's wealth; the richest five per cent / own 44 per cent of all wealth*, позволяющие автору комментария осуществить вполне объективизированную экстраполяцию того, что в целом он описывает как высокий уровень экономического расслоения в Великобритании (*the huge levels of inequality*), подкрепленную ссылками на официальные отчеты (*a new report has revealed / study by Credit Suisse also showed*). Такая оценочная экспликация представляется в значительной степени релевантной и рациональной.

Таким образом, можно констатировать, что индивидуальные системы ценностей, реализуемые на письме в форме комментариев, актуализуют как имплицитный, так и эксплицитный оценочные ряды, придавая вербализованному в исходном тексте положению неоднозначную форму. Кроме того, наблюдения показывают, что вариативность оценочных вводных весьма широка как качественно, так и количественно и не всегда может осуществляться в рациональном или объективном информационно-смысловом поле [Арестова, Свойкин 2018].

В частности, в традиции американского медиадискурса диаметрально противоположны оценки и число участ-

ников подобных дискуссий меньше (Ам: 256 vs Бр: 437), однако количество оценочных компонентов значительно превалирует над информационными, и если в британском форуме аргументирующая составляющая постов форума очевидна, то в американском нет. Рассмотрим ряд иллюстраций.

5. We have a president that can't get anything done so he just keeps signing executive orders all over the place (Donald Trump on Barack Obama, January 2016).

Mr. Trump has changed his tune.

Since taking office he signed 52 executive orders. That's 33 % more than Mr Obama has signed by this point in his presidency (Channe 14).

Как известно, политический блок идет бок о бок с экономической тематикой. Представленный выше отрывок – прямое тому доказательство. Так, первые строки – пример объективизированной информации, выраженный в форме цитаты речи самого Дональда Трампа, упоминающего количество выполняемой «бумажной» работы Бараком Обамой и подсчитанное количество распоряжений, подписанных непосредственно Трампом за время его правления на настоящем этапе. Оценочные импликации в данном отрывке довольно скудны, и не они привлекают наше внимание. Интерес представляют в большей степени комментарии, а именно то, как объективной информации через единственный реальный объект – президента, приписываются субъективные оценочные образы. При этом существенным будет и то, что текст, принадлежащий изначально к политическому дискурсу, начинает обсуждаться и в рамках социального, а также экономического контекста. Примером вовлечения темы в экономическую тематику будет комментарий *Yvonne McKeever*, безусловно поддерживающей избранного президента:

5.1. **He's done plenty, unemployment is down, illegals border crossing is down, he eliminated strangling regulations on small businesses, he ended the sequester for our military, the stock market has been at an all time high, on and on! He has kept his promises, more than any other president!**

Стоит отметить, что тексты с возможностью комментирования представляют интерес собственно в плане рассмотрения конфликта различных систем ценностей, но никак не изучения объективного портрета героя повествования, так как зачастую в споре участвуют обыватели с различной степенью осведомленности в вопросах политики или экономики. Наиболее интересным является то, что дискуссия на стадии комментирования ведется уже не с иницирующим высказыванием, но в большей степени между участниками форума. Их цель – в первую очередь и любыми средствами защитить свою точку зрения, касающуюся, как, например, в этом обсуждении, политических предпочтений. Примером тому будет служить нарушение общепринятых правил ведения объективной дискуссии, выражающееся в предъявлении субъективных оценок не столько точки зрения участника, сколько его персональных характеристик в про-

цессе обсуждения, что зачастую указывает на бессилие оппонента выразить свою позицию иначе, чем провокацией, граничащей с оскорблением:

5.2. *What do you smoke?*

Данный пример, однако, не является типичным и приведен лишь для иллюстрации самых крайних способов выражения оценочной позиции, тем более что мы не можем с какой-либо уверенностью утверждать, представляет данное высказывание аргумент в споре или же может быть отнесено к жанру «троллинга». Большая часть комментариев, однако, имеет вполне очевидный дискуссионный характер с выраженными оценочными компонентами, затрагивающими не столько личность автора обсуждаемого текста, сколько его деятельностные характеристики, даже и в отрыве от обсуждаемой темы.

Наиболее интересным для нашего исследования является возможность дискуссии, обеспечивающей «обмен» суждениями и оценками, позволяющий сформировать относительно объективную картину системы ценностей, обобщенных в отдельно взятой группе (в частности для описываемой статьи число комментариев на момент исследования составило более 250, из них 99 прямых – на основной пост и остальные – ответные на посты участников форума). Ниже приведены фрагменты перекрестной дискуссии участников. Представляется закономерным начать с комментария, содержащего наиболее нейтральный оценочный компонент:

5.3. **I would differentiate between things that have changed since the election and things that the president has done.**

Очевидно то, что автор пытается в своем комментарии найти такую интерпретацию исходного текста, в которой содержалось бы наиболее рациональное развитие дискуссии, что заметно и по нейтральному стилю, и по манере рассуждения, и по прямой формальной логике формулирования собственного отношения к описываемой ситуации: *differentiate between things that have changed and things the president has done*. Безусловная попытка сохранить рациональное видение ситуации имплицитно заинтересованность в трезвом анализе, однако практически следующий комментарий демонстрирует принцип контрастной риторики, присущей сегодня открытой дискуссии в сетевом медиакурсе:

5.4. That is because **nothing he has done has gone into effect yet**. When his policies actually being to create an everyday reality. That is when... you can begin to get the AGAIN... Whenever that was... I am thinking that **it will look like the great depression**. The rest of us are busy fixing the future, **the past just left the station**.

Данный комментарий – пример вербализации негативной оценочной позиции в отношении деятельности Трампа. Вербализация осуществляется посредством сравнения с временами «Великой депрессии» (*it will look like the great depression*), где деятельность президента олицетворяет метафори-

ческое «прошлое», которое уже «миновало» метафорическую же станцию «настоящего» и отправилось в «будущее» (*the past just left the station*), «ждать возврата к прошлому осталось недолго» (*you can begin to get the AGAIN*). Тон автора поста можно рассматривать как наставительно-поучительный, подтверждением чему служат лексические маркеры с очевидной коннотацией вовлеченности (*The rest of us are busy fixing the future*).

5.5. Everything I said has already been done and has been taking effect. Your in liberal bubble, get out some time and see what's really happening!

Иллюстрацией агрессивной аргументации с оценочной импликацией, как, например, в представленном выше комментарии, будет являться последовательное отрицание аргументов оппонента (*Everything I said has already been done and has been taking effect*). Your in liberal bubble, get out some time and see what's really happening!

Исходя из такого рода реакции последователей Трампа, можно предположить, что катализатором защитных реакций на объективное во всех отношениях высказывание было сравнение его с Обамой в численном эквиваленте (*That's 33 % more than Mr. Obama has signed by this point in his presidency*). Так, образ человека, который по изначальным данным просто подписал на 33 % больше распоряжений, чем предыдущий президент, «обрастает» через включенность в обсуждение участников форума дополнительными оценочными понятиями, как например: *...see what's really happening! I would differentiate between things that have changed since the election and things that the president has done*. Однако не избегают своих оценок и противники политики президента, которые также получают оценочные характеристики зачастую нелицеприятного характера – *liberal bubble (The ideological bubble that periodically causes American liberals to believe that they're in Sweden (Urban Dictionary))*. Таким образом, на данном примере можно наблюдать, как объективное понятие или образ могут быть смоделированы ограниченным вербализованным компонентом, несущим оценочную информацию. Второе наблюдение заключается в том, что попытки манипулирования оппонента уловками и различными приемами указывают на то, что коммуникант, включенный в оценочные дискуссии, желает и прилагает множественные усилия для доказательства своей позиции. Кроме того, можно заметить, что чем меньше у дискутирующего аргументов, тем больше его желание спровоцировать оппонента посредством нелицеприятных оценок личного или обобщенного характера (*what do you smoke?/liberal bubble*), чтобы получить еще одну возможность опровергнуть получаемые в свой адрес аргументы, ведь зачастую эффективные методы подтверждения своей позиции в таком диалоге отсутствуют [Свойкин 2008].

Особый интерес вызывает на сегодняшний день новая форма медиадискурса короткого формата: твит. Данная форма постепенно входит в тренд и

используется крупными политическими деятелями для прямого обращения к публике. Безусловно, краткость формы, связанная с ограничением на объем публикуемого текста, требует компрессии и концентрации на ограниченном числе компонентов текста. Вполне естественно ожидать в таком дискурсе высокую степень оценочности разного рода.

Нижеприведенный комплекс материал взят из твиттера Дональда Трампа. Это его собственноручно опубликованное высказывание, доступное в сети, выражающее эксплицитную положительную оценку экономической ситуации в США, связанной с безработицей.

6. So many records being set with respect to our Economy. Unemployment numbers among BEST EVER. A beautiful thing to watch! (Donald J. Trump Twitter).

Безусловный оценочный ряд, сконцентрированный в двух синтагмах: *BESTEVEVER, A beautiful thing*, относит всю информационную составляющую твита (новой формы медиатекста) к разряду экспрессивно-оценочного контента с ассертивной риторикой. Несмотря на однозначный позитивный посыл данного твита, есть те, кто не соглашается с ним – в форме попытки объективизированной оценки, прибегая к упоминанию «упоминаний» (*So many records being set*), а также чисто отрицательной оценки без претензии на объективность (*nightmare, destroys, sells state secrets, a mob boss, pollutes air*), для наглядности следует привести полемизирующие твиты:

6.1. So many records being set with respect to indictments, crimes, firings, resignations, sex traffickers, misspellings and misspeakings in the trump admin. The WORST EVER. A horrible thing to watch!

Можно отметить, что даже попытка претендовать на нейтральность позиции заканчивается неуспехом, доказательством чему служат маркеры оценки – грамматическая форма превосходной степени сравнения и ироничный параллелизм с включением антитезы (*A beautiful thing to watch! A horrible thing to watch! / BEST EVER WORS TEVER*). Следующий твит реализует тотально негативное отношение к политике Трампа, используя титульный текст как повод для словесной агрессии, выставляя нынешнего президента в чрезвычайно нелицеприятном виде через вербализацию совершенно одиозных параметров (*nightmare that lasts forever, destroys, embarrasses, sells state secrets, a mob boss, pollutes air&water*), и лишь в конечной позиции текста мы можем видеть когезивную сцепку с твитом Трампа (*Obama's economy*):

6.2. It's like a nightmare that lasts forever. He destroys our relationships with allies, embarrasses us daily, sells state secrets to enrich himself, runs the White House like a mob boss, pollutes air & water& we're supposed to praise him for Obama's economy he hasn't destroyed yet.

Однако было бы неправильным приводить лишь негативные оценки, реализуемые в ответных твитах. Ниже представлен пример твита с положи-

тельной оценкой деятельности нынешнего президента США и очевидной негативной оценкой президента предыдущего (*Thank you for saving this country from Obama!!!*). К слову, положительная оценка в случае с этим примером также субъективна и даже мало связана с экономическим дискурсом, а апеллирует лишь к личным качествам, которые (по мнению автора ответного твита) присущи Трампу (*so classy and humble, and not to mention quite handsome*):

6.3. And it's all because of you Donald! You are so classy and humble, and not to mention quite handsome. Thank you for saving this country from Obama!!!

Естественной позицией, по которой этот диалог можно причислить к дискуссии в рамках экономического дискурса, — это антитеза, привязанная к личности Обамы как человека, устанавливающей экономику страны, с одной стороны, и виновного в ее развале — с другой (*Obama's economy he hasn't destroyed yet vs saving this country from Obama*).

Выводы

Так, на основании проведенного анализа фрагментов различных по своей природе дискурсов экономической и политической тематики можно наблюдать, что:

а) в дискурсе такого рода имеется выраженный или невыраженный вербально оценочный компонент, обусловленный актуальностью как тематики, так и контента указанного дискурса, что особенно проявляется через степень вовлеченности массового потребителя медиадискурса в заявленные контексты;

б) при достижении информации адресата она подвергается этим адресатом очевидной оценке вне зависимости от посыла высказывания, при этом прагматика освоенного текста в известной мере искажается, проходя через призму системы культурных и политико-экономических ценностей адресата;

г) адресат, используя возможности современных систем коммуникации, формирует ответ на исходный медиатекст, наполняя его своими собственными оценочными аргументами разной степени дискуссионной или риторической квалификации, осуществляя при этом собственное членение исходного текста и акцентируя свою оценку на компонентах, полученных в результате этого членения;

д) поскольку адресат медиадискурса массовый, появляется возможность наблюдать массовую вербализацию ответных на исходный медиатекст оценочных высказываний, их процессуальную включенность в общий перекрестный диалог, постепенно трансформирующийся в столкновение череды диаметральных оценочных суждений, уходящих зачастую от контента исходного текста.

Указанные характеристики медиадиалога в определенном смысле дают повод усматривать в реальном медиапространстве действие принципа неопределенности в дискурсе, а именно вариативнос-

ти интерпретации одного и того же высказывания (даже с неотъемлемыми элементами объективности) разными получателями информации с дальнейшим развертыванием его в различных контентных плоскостях.

Заключение

Таким образом, изучая публицистический дискурс, мы можем выявить определенные закономерности. Так, в процессе интерпретации заданного текста (подразумеваем здесь ранее интерпретированную и вербализованную неким автором идею), мы получаем вариант «искаженной», можно сказать, «преломленной через идейную призму» вербальной проекции, пусть и объективной изначально, но вследствие приложения к субъективной картине реципиента трансформированной в новый вариант дискурса. Другими словами, получаем вариант текста, модифицированный в процессе его интерпретации, содержащей уже не только контентную структурированность, но и новые — оценочные компоненты. Причем оценочные компоненты могут выступать в самой диалогической сильной позиции или вовсе поглощать рациональные составляющие дискуссии, формируя сквозной оценочный поток с диаметрально-характеристиками и стремящейся к нулю смысловой составляющей, что может послужить предметом серьезного исследования.

Здесь также можно выделить наблюдения о вариантах развития текстовой интерпретации, конвергентные результатам А.А. Масленниковой (увеличение смыслового объема исходного текста за счет дополнительных умозаключений). В нашем случае интерпретационный результат прирастает в эмотивно-оценочном направлении за счет формирования оценочно-модальных компонентов, которые и вербализуются в ответных на исходный медиадискурс текстах.

На наш взгляд природа медиадискурса не только позволяет осуществить такую оценочную интерпретацию, но скорее направлена на «провокацию» такой оценки в силу значительной идеологической интенциональности, свойственной именно этому типу дискурса массового потребления. Именно поэтому исследования медиадискурса до настоящего момента являются популярным явлением и при бдительном рассмотрении открывают все новые объекты исследования.

Источники фактического материала

Rojas — *Rojas M. Generation Z Is Set to Upend the Business World*. URL: <http://fortune.com/2018/10/18/generation-z-social-media-influencers>.

Bloomberg — *Bloomberg New York Is No Longer the Top City for the Ultra-Rich*. URL: <http://fortune.com/2018/09/06/new-york-hong-kong-ultra-rich-wealthx>.

Channe 14 — *Channe 14*. URL: <https://www.facebook.com/Channel4News/photos/a.347140506938/10155399653661939/?type=3&theater>.

Channe 14 News – *Channe 14 News*. URL: <https://www.facebook.com/Channel4News/photos/a.347140506938/10155375010771939/?type=3&theater>.

Urban Dictionary – *Urban Dictionary*. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Manhattan%20Membrane>.

Twitter – *Twitter*. URL: <https://twitter.com/realDonaldTrump>.

Библиографический список

Арестова, Свойкин 2018 – *Арестова Е.В., Свойкин К.Б.* Понятие статуса и оценочной импликации вне семиотического компонента (на материале англоязычного медиадискурса) [Электронный ресурс] // *Огарев-online*. 2018. № 7. URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/ponyatie-statusa-i-ocenочноj-implikacii-vne-semioticheskogo-komponenta-na-materiale-angloyazychnogo-mediadiskursa>.

Арестова 2016 – *Арестова Е.В.* Принципы семиотической и несемиотической стратификации речи (на материале английского языка) [Электронный ресурс] // *Огарев-online*. 2016. № 6. URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/principy-semioticheskoi-i-nesemioticheskoi-stratifikacii-rechi-na-materiale-anglijskogo-yazyka>.

Арестова 2017 а – *Арестова Е.В.* Проблемы несемиотической стратификации англоязычного письменного дискурса [Электронный ресурс] // *Огарев-online*. 2017. № 10. URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/problemu-nesemioticheskoi-stratifikacii-angloyazychnogo-pismennogo-diskursa>.

Арестова 2017 б – *Арестова Е.В.* Способы речевой идентификации несемиотических элементов в медийном дискурсе (на материале английского языка) [Электронный ресурс] // *Огарев-online*. 2017. № 14. URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/sposoby-rechevoj-identifikacii-nesemioticheskix-elementov-v-medijnom-diskurse-na-materiale-anglijskogo-yazyka>.

Бахтин 1979 – *Бахтин М.М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // *Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества*. М., 1979. 424 с. URL: <https://culture.wikireading.ru/48883>.

Вригт 1986 – *Вригт Г.Х. фон*. Логико-философские исследования: избр. тр.: пер. с англ. / общ. ред. Г.И. Рузавина и В.А. Смирнова; сост. и авт. предисл. В.А. Смирнов. М.: Прогресс, 1986. 600 с. URL: http://www.logic-books.info/sites/default/files/vright_g.x_fon_logiko-filosofskie_issledovaniya.pdf.

Дейк 1989 – *Дейк Т.А. ван*. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. 308 с. URL: <http://bookfi.net/book/1237558>.

Добросклонская 2005 – *Добросклонская Т.Г.* Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). М., 2005. 288 с. URL: <https://ru.b-ok.cc/book/3116476/e84dc4>.

Заложных 2017 – *Заложных В.В.* Понятие «дискурса» в лингвистике в диахронно-синхроническом ракурсе // *Эволюция и трансформация дискурсов: сб. науч. ст. / М-во образования и науки Рос. Федерации; Самар. нац. исслед. ун-т им. С. П. Королева; отв. ред. С.И. Дубинин, В.Д. Шевченко*. Самара: Изд-во Самарского университета, 2017. Вып. 2. С. 67–73. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30082849>.

Масленникова 1999 – *Масленникова А.А.* Скрытые смыслы и их лингвистическая интерпретация. СПб., 1999. 299 с. URL: <https://www.dissertac.com/content/skrytye-smysly-i-ikh-lingvisticheskaya-interpretatsiya>.

Падун, Тарабрина 2003 – *Падун М.А., Тарабрина Н.В.* Психическая травма и базисные когнитивные схемы личности // *Консультативная психология и психотерапия*. 2003. № 1. С. 121–141. URL: http://psyjournals.ru/files/22406/mpj_2003_n1_Padun_Tarabarina_Psichicheskaya.pdf.

Свойкин 2005 – *Свойкин К.Б.* Диалогика вторичного текста в научной коммуникации // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2005. № 2. С. 84–89. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9900400>.

Свойкин 2008 – *Свойкин К.Б.* Дискретные характеристики речевого смысла // *Вестник Мордовского университета*. 2008. № 3. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22532267>.

Свойкин 2003 – *Свойкин К.Б.* Многомерность авторского аспекта в научной коммуникации // *Языки в современном мире: тез. докл. Междунар. научно-практич. конф. Саранск, 2003*. С. 57–58. URL: <http://jgreenlamp.narod.ru/tezisy.htm>.

Свойкин 2006 – *Свойкин К.Б.* Способы проявления продуцентного авторства в англоязычном научном тексте // *Интеграция образования*. 2006. № 1. С. 178–182. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/sposoby-proyavleniya-produtsentnogo-avtorstva-v-angloyazychnom-nauchnom-tekste>.

References

Arestova, Svoikin 2018 – *Arestova E.V., Svoikin K.B.* *Ponyatie statusa i otsenочноj implikatsii vne semioticheskogo komponenta (na materiale angloyazychnogo mediadiskursa)* [Elektronnyi resurs] [Status and assessment as nonsemiotic components: a study of English media discourse]. *Ogarev-online*, 2018, no. 7. Available at: <http://journal.mrsu.ru/arts/ponyatie-statusa-i-ocenочноj-implikacii-vne-semioticheskogo-komponenta-na-materiale-angloyazychnogo-mediadiskursa> [in Russian].

Arestova 2016 – *Arestova E.V.* *Printsipy semioticheskoi i nesemioticheskoi stratifikatsii rechi (na materiale anglijskogo yazyka)* [Elektronnyi resurs] [Principles of semiotic and nonsemiotic speech stratification (English-based study)]. *Ogarev-online*, 2016, no. 6. Available at: <http://journal.mrsu.ru/arts/principy-semioticheskoi-i-nesemioticheskoi-stratifikacii-rechi-na-materiale-anglijskogo-yazyka> [in Russian].

Arestova 2017 а – *Arestova E.V.* *Problemy nesemioticheskoi stratifikatsii angloyazychnogo pis'mennogo diskursa* [Elektronnyi resurs] [Non-semiotic stratification of written English discourse: current issues]. *Ogarev-online*, 2017, no. 10. Available at: <http://journal.mrsu.ru/arts/problemu-nesemioticheskoi-stratifikacii-angloyazychnogo-pismennogo-diskursa> [in Russian].

Arestova 2017 б – *Arestova E.V.* *Sposoby rechevoj identifikatsii nesemioticheskikh elementov v mediinom diskurse (na materiale anglijskogo yazyka)* [Elektronnyi resurs] [Principles of nonsemiotic speech units identification in media discourse: an English-based study]. *Ogarev-online*, 2017, no. 14. Available at: <http://journal.mrsu.ru/arts/sposoby-rechevoj-identifikacii-nesemioticheskix-elementov-v-medijnom-diskurse-na-materiale-anglijskogo-yazyka> [in Russian].

- Bakhtin 1979 – *Bakhtin M.M. Problema teksta v lingvistike, filologii i drugih gumanitarnykh naukakh. Opyt filosofskogo analiza* [Problem of the text in linguistics, philology and other humanities. Philosophical Analysis Experience]. In: *Bakhtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. M., 1979, 424 p. Available at: <https://culture.wikireading.ru/48883> [in Russian].
- Dijk 1989 – *Dijk T.A. van. Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language, Cognition. Communication]. M., 1989, 308 p. Available at: <http://bookfi.net/book/1237558> [in Russian].
- Dobrosklonskaya 2005 – *Dobrosklonskaya T.G. Voprosy izucheniya mediatekstv (opyt issledovaniya sovremennoi angliiskoi mediarechi)* [Issues of studying media texts (experience in the study of modern English media speech)]. M., 2005, 288 p. Available at: <https://ru.b-ok.cc/book/3116476/e84dc4> [in Russian].
- Wright 1986 – *G.H. von Wright. Logiko-filosofskie issledovaniya: Izbr. tr.: Per. s angl. Obshch. red. G.I. Ruzavina i V.A. Smirnova; Sost. i avt. predisl. V.A. Smirnov* [Explanantion and Understanding, London 1971. Philosophical papers, vol. 1,2,3]. M.: Progress, 1986, 600 p. Available at: http://www.logic-books.info/sites/default/files/vright_g.x._fon._logiko-filosofskie_issledovaniya.pdf
- Zalozhnykh 2017 – *Zalozhnykh V.V. Ponyatie «diskurs» v lingvistike v diakhronno-sinkhronicheskom rakurse* [The notion of «discourse» in linguistics in synchronic and diachronic aspects]. In: *Evolyutsiya i transformatsiya diskursov: sb. nauch. st. M-vo obrazovaniya i nauki Ros. Federatsii, Samar. nats. issled. un-t im. S. P. Koroleva; otv. red. S.I. Dubinin, V.D. Shevchenko* [Evolution and transformation of discourses: collection of scientific articles. Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Samara National Research University; S.I. Dubinin, V.D. Shevchenko (Eds.)]. Samara: Izd-vo Samarskogo universiteta, 2017, Issue 2, pp. 67–73. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30082849> [in Russian].
- Maslennikova 1999 – *Maslennikova A.A. Skrytye smysly i ikh lingvisticheskaya interpretatsiya* [Hidden meanings and their linguistic interpretation]. Available at: <https://www.dissercat.com/content/skrytye-smysly-i-ikh-lingvisticheskaya-interpretatsiya> [in Russian].
- Padun, Tarabrina 2003 – *Padun M.A., Tarabrina N.V. Psikhicheskaya travma i bazisnye kognitivnye skhemy lichnosti* [Mental trauma and basic cognitive patterns of personality]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counselling Psychology and Psychotherapy], 2003, no. 1, pp. 121–141. Available at: http://psyjournals.ru/files/22406/mpj_2003_n1_Padun_Tarabarina_Psihicheskaya.pdf [in Russian].
- Svoikin 2005 – *Svoikin K.B. Dialogika vtorichnogo teksta v nauchnoi kommunikatsii* [Secondary text dialogics in academic communication]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2005, no. 2, pp. 84–89. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9900400> [in Russian].
- Svoikin 2008 – *Svoikin K.B. Diskretnye kharakteristiki rechevogo smysla* [Discrete Characteristics of Speech Meaning]. *Vestnik Mordovskogo universiteta* [Mordovia University Bulletin], 2008, no. 3. Available at: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22532267> [in Russian].
- Svoikin 2003 – *Svoikin K.B. Mnogomernost' avtorskogo aspekta v nauchnoi kommunikatsii* [Multidimensionality of the author's aspect in scientific communication]. In: *Yazyki v sovremennom mire: tez. dokl. Mezhdunar. nauchno-praktich. konf.* [Languages in the modern world: abstracts of the International research and practical conference]. Saransk, 2003, pp. 57–58. Available at: <http://jgreenlamp.narod.ru/tezisy.htm> [in Russian].
- Svoikin 2006 – *Svoikin K.B. Sposoby proyavleniya produtsentnogo avtorstva v angloyazychnom nauchnom tekste* [Ways of manifestation of productive authorship in an English-language scientific text]. *Integratsiya obrazovaniya* [Integration of Education], 2006, no. 1, pp. 178–182. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/sposoby-proyavleniya-produtsentnogo-avtorstva-v-angloyazychnom-nauchnom-tekste> [in Russian].

Ю.Е. Плотницкий

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОГО И ПЕСЕННОГО ДИСКУРСОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ МУЗЫКАЛЬНЫХ ВИДЕО ГРУППЫ MUSE)**

© Плотницкий Юрий Евгеньевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и русского как иностранного, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.
E-mail: yuriplo@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1155-5928>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается специфика воздействия кинематографического дискурса на визуальный компонент видеоклипов британской группы Muse. Видеоклип трактуется как семантически осложненный текст, в котором визуальный и вербальный компонент связаны друг с другом, и характер этих связей – тоже предмет исследования.

Рассмотрены характеристики видеоряда, или визуального компонента сложного текстового поликодового единства, которым является музыкальное видео, а также характер корреляции вербального и визуального компонентов. Проанализированы тематические характеристики лирики и то, как это тематическое своеобразие реализуется в визуальном компоненте при очевидном воздействии кинематографического дискурса.

Производится обзор основных подходов к понятию «поликодовый текст», и сравниваются точки зрения российских и зарубежных специалистов на специфические особенности текстов этого типа.

Влияние кинематографического дискурса на песенный дискурс в рамках проанализированного нами материала рассматривается как на формальном, так и на содержательном уровне

В рамках исследования выявлены некоторые популярные сценарии, сформировавшиеся в кинематографическом дискурсе и оказывающие влияние на песенный дискурс посредством привлечения их элементов в визуальный компонент музыкальных видео. Кроме этого, среди результатов исследования следует упомянуть определение источников заимствования для элементов, являющихся компонентами картины мира, представленной в музыкальных видео группы Muse.

Ключевые слова: поликодовый текст, видеоклип, визуальный компонент, вербальный компонент, кинодискурс, песенный дискурс.

Цитирование. Плотницкий Ю.Е. Взаимодействие кинематографического и песенного дискурсов (на материале музыкальных видео группы Muse) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 3. С. 123–129. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-3-123-129>.

INTERRELATION OF CINEMATOGRAPHIC AND SONG DISCOURSES (AS EXEMPLIFIED IN MUSIC VIDEOS OF MUSE BAND)

© Plotnickiy Yuriy Evgenievich – Candidate of Philological Sciences, associate professor of the Department of Foreign Languages and Russian as a Foreign Language, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: yuriplo@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1155-5928>

ABSTRACT

The article analyses specific features of how the cinematic discourse influences the visual component of music videos by the English band Muse. The music video is viewed as a complex semantic entity, where the visual and the verbal components are linked with each other. The nature of this linkage is also studied in this paper.

The research also studies the characteristics of the visual component, which is viewed as a part of the complex polycode textual entity – music video, as well as the nature of correlation between the verbal and the visual components. The paper analyses topical features of the verbal component, or song lyrics, and the way these thematic features are actualized in the visual component under the obvious influence on the cinematic discourse.

Overviews different approaches to the notion of «polycode text» among both Russian and foreign scholars and compares their views on specific characteristics of this kind of texts. The influence of cinematic discourse on song discourse within the framework of the analyzed material is studied on both formal and content level.

The research has made it possible to reveal several popular scripts, or scenarios, which originated in the cinematic discourse and keep exercising significant influence on song discourse, resulting in utilizing their elements in the visual component of music videos.

Besides that, among the results of this research we can mention determining sources of borrowing for the elements, making up the image of the world presented in music videos of the band Muse.

Key words: polycode text, music video, visual component, verbal component, cinematic discourse, song discourse.

Citation. Plotnickiy Yu.E. *Vzaimodeistvie kinematograficheskogo i pesennogo diskursov (na materiale muzykal'nykh video gruppy Muse)* [Interrelation of cinematographic and song discourses (as exemplified in music videos of Muse band)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 3, pp. 123–129. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-3-123-129> [in Russian].

Постановка проблемы

Идея о том, что дискурсы не существуют в изоляции, но активно взаимодействуют друг с другом, не является новой. Чтобы понять это, достаточно ознакомиться с работами В.Д. Шевченко, Н.Н. Сабянина, А.Н. Даниловой, О.В. Соколовой и некоторыми другими. Мы намеренно отказались от использования понятия «интерференция дискурсов», поскольку некоторые исследователи понимают под ним, по сути, случаи использования в одном тексте фрагментов иного текста, часто другой жанровой принадлежности, то есть интертекстуальность. В нашем же случае зачастую бывает трудно или даже невозможно определить конкретный кинотекст, используемый в музыкальном видео, скорее это действительно влияние кинодискурса в широком смысле, о чем речь подробно пойдет ниже.

Поскольку характеристика различных подходов к пониманию того, что следует понимать под «дис-

курсом», не входила в число задач данной статьи, мы ограничимся лишь замечанием о том, что «дискурс» нам видится как совокупность текстов, использующихся в схожих речевых ситуациях, где есть схожие продуценты и реципиенты речевого сообщения, используются схожие каналы и средства передачи этого сообщения, в силу этой схожести сами эти сообщения имеют черты сходства, в том числе и языкового плана, хотя это и не исключает тематического разнообразия этих текстов. В этом плане наша позиция близка точке зрения Н.Д. Арутюновой, которая понимает под дискурсом «совокупность текстов определенного типа в ситуации их создания и реализации» [Арутюнова 1990, с. 136–137].

Поскольку объектом данного исследования являются такой специфический тип текста, как музыкальное видео, или видеоклип, необходимо сказать несколько слов о том, что представляет собой эта разновидность сложного текста, имеющего сво-

ими компонентами музыку, песенную лирику и видеоряд. Тексты такого типа в работах исследователей носят разные названия: «креолизованные», «мультимодальные», «поликодовые», «контаминированные» и так далее. Как отмечает один из разработчиков теории мультимодальности Г. Кресс: «Постоянно расширяющееся присутствие мультимодальных текстов в мире в целом уже имеет формирующее воздействие на центральные аспекты устной и письменной речи, так же как и на принципы композиции более высокого уровня: будь то синтаксической... текстуральной... или другие принципы» [Кресс 2016, с. 78]. Эта мысль подтверждает целесообразность рассмотрения музыкального видеоклипа в единстве и взаимодействии его вербальных и невербальных компонентов, хотя по понятным причинам от мелодического компонента в плане анализа приходится абстрагироваться. Е.В. Быкова в своей статье [Быкова 2017, с. 40] обращает внимание на то, что в видеоклипе в силу его поликодового характера «требуют переосмысления такие базовые категории текста, как “цельность”, “связность”... и т. д.». Эта мысль подтверждает актуальность рассмотрения связи вербального и визуального компонентов как составляющих текстовую основу видеоклипа.

Мы полагаем, что, несмотря на то, что песня как вербально-мелодическое целое, может существовать как самостоятельный текст, привнесение визуального компонента при создании видеоклипа превращает ее в более сложное текстовое единство, в чем-то близкое кинофильму. Таким образом, песня семантически осложняется посредством визуального ряда, который, вступая в различные отношения с вербальным компонентом (это могут быть иллюстрация, метафорические и метонимические отношения, контраст, комплементарные отношения, эмфатическое выделение какой-то детали и т. д.), превращает исходную песню в новый визуально-вербально-мелодический текст с более богатым и разноплановым содержанием в сравнении с первоначальным вербально-мелодическим.

Введение в ткань песенного текста визуального компонента более чем логично, ведь общеизвестно, что основным каналом поступления информации в сознание является визуальный, через него человек получает около 80 % информации об окружающей действительности. Поскольку визуальная информация обладает самым высоким уровнем информативности, с ее помощью появляется возможность оказать более сильное эстетическое воздействие на реципиентов данного комплексного сообщения, то есть на зрительскую аудиторию. Как отмечают в своей работе М.Б. Ворошилова и К.В. Злоказов: «Визуальное действие... позволяет человеку практически мгновенно воспринимать запрограммированное воздействие... причем это воздействие является и более глубоким...» [Ворошилова, Злоказов 2017, с. 128]. Эта же мысль звучит в статье В.А. Емельяненко и Е.Н. Ремчуковой: «Доминирующее ранее в качестве основного носи-

теля информации слово заменяется образом, что выражается и в приоритете визуального ряда над вербальным» [Емельяненко, Ремчукова 2018, с. 68].

Следует также уточнить, что понятие «кинодискурс» используется нами в широком смысле, так как в рамках рассмотренного нами материала видеоряд включает, помимо собственно кинематографических, также анимационные фрагменты и «виртуальную реальность» мира компьютерных игр, которая в зависимости от качества видеоряда ближе либо к кино, либо к анимации. Речь здесь идет об использовании тем и идей известных фильмов, тематика которых стала уже частью массового сознания, например захват власти на земле роботами, популяризированный в фильме «Терминатор» и многих других.

Задача данного исследования, таким образом, состоит в том, чтобы выявить случаи взаимодействия песенного и кинодискурса, а также выяснить, в чем специфика этого взаимодействия и как оно сказывается на общем восприятии видеоклипа и его эстетическом воздействии на аудиторию, под которой мы понимаем слушателей и зрителей, владеющих английским языком и заинтересованных в том, чтобы получить полноценное впечатление от видеоклипа и обладающих аналитическими способностями, позволяющими понять искомое «сообщение», вложенное в текст авторами песни и видеоряда.

Последнее вводное замечание, подтверждающее «взаимное тяготение» песенного и кинематографического дискурсов, состоит в том, что песенные саундтреки стали неотъемлемой частью практически любого современного фильма.

Характеристика материала

В качестве материала исследования нами были выбраны музыкальные видео британской инди-рок-группы Muse. После того как мы исключили из сферы рассмотрения те видео, где видеоряд сводится к простому показу в разных ракурсах музыкантов группы, в качестве объекта анализа осталось всего 22 музыкальных видео, визуальный компонент которых, помимо концептуальности, имеет черты кинематографичности. Мы имеем в виду, что в этих видео не только практически отсутствует иллюстративность (они не являются визуальной поддержкой тому, о чем идет речь в песенной лирике), но и присутствует сюжет или его фрагменты, где либо музыканты, либо приглашенные актеры играют некие роли; как вариант — видеоряд может быть анимационным или представлять собой фрагмент компьютерной игры, где виртуальная реальность также изображается средствами анимации. Иными словами, в этих музыкальных видео используются элементы кинематографического языка.

Результаты исследования

Прежде всего следует отметить, что, исходя из характера видеоряда, мы сочли целесообразным

разделить музыкальные видео на две группы. В первую вошли 7 видео, визуальный компонент которых может быть охарактеризован как «реалистичный», то есть то, что изображается, не содержит фантастических черт, представляя реальных людей в реалистических ситуациях, либо перед нами вообще кадры документальной хроники. Во вторую группу, более многочисленную (15 видеоклипов), вошли музыкальные видео, чей видеоряд демонстрирует либо отдельные черты фантастической реальности, либо представляет целостный фантастический мир. Преобладание музыкальных видео с фантастическим видеорядом представляется нам вполне логичным в силу их большей зрелищности и, как результат, большей степени воздействия на аудиторию.

Интересным нам кажется тот факт, что имеется тематическая корреляция между видео реалистического и фантастического плана, то есть некоторые темы и идеи реализуются и реалистическими, и фантастическими средствами. В частности, такие тематические доминанты, как война, ложь/предательство, свобода и зависимость, одиночество/несчастливая любовь и восстание/революция, представлены и в реалистических, и в фантастических музыкальных видео.

Рассмотрим в качестве примера тему **свободы**, которая реализуется либо как борьба за ее сохранение, либо как стремление к свободе при ее отсутствии. На вербальном уровне в лирике песни *Time Is Running Out* речь идет о тщетных попытках достичь свободы от любовной зависимости: *I wanted freedom But I'm restricted, I tried to give you up But I'm addicted*. В качестве визуальной поддержки, однако, использованы кадры заседания военного совета, где все участники вначале послушно маршируют по команде вокруг круглого стола, изначально призванного символизировать равенство, а потом вспыхивает бунт, и они начинают сбрасывать с себя военную форму, оставаясь в нижнем белье. При всей гротескности этого видеоряда он представляется фрагментом какого-то фильма, события которого не имеют отношения к сугубо любовной лирике песни. В данном случае функция видеоряда, как нам кажется, состоит в конкретизации лирики, которая, как это часто бывает, носит несколько абстрактный характер: до конца непонятно, кто является адресатом многочисленных упреков и обвинений и каковы обстоятельства данного противостояния.

Покажем для сравнения фантастическое видео песни *The Dark Side*, где лирический герой хочет вырваться из неблагоприятных жизненных обстоятельств, детали которых снова, как и в предыдущем видео, неясны: *I have lived in darkness For all my life I've been pursued... Break me out, Break me out Set me free*. В клипе все обстоятельства очень конкретны и ясны, так как герой на гоночной машине пытается сбежать из какого-то странного места, а за ним гонятся огромные, в стиле фильма «Трансформеры», роботы. Характер видеоряда

представляет собой нечто среднее между компьютерной игрой и анимацией. Не будучи аллюзией на какой-то конкретный фильм, данный видеоряд находится в кинематографическом дискурсивном поле и похож на огромное количество фильмов, где разрабатывается тема «Восстание машин», начало которой положил легендарный «Терминатор».

Тема свободы, а точнее, ее отсутствия в социальном контексте может быть реализована и средствами анимации. Например, в песне *Animals* речь идет о бесконтрольном потреблении и бесчеловечной борьбе за материальные блага, царящих в современном обществе: *You are an animal Don't take anything less Out of control Strike those in distress Analyse Advertise Expand Bend more rules Buy yourself an island*. Видеоряд представляет человека, которому сборщики денег приносят бесконечные счета, и ему приходится их оплачивать, потом сборщики в черном сажуют его на цепь и забирают глаза, конечности, и все это попадает в некую машину, которая потом поглощает и самих сборщиков. Выбор анимации в качестве видеоряда для передачи этого фантастического сюжета представляется вполне логичным, поскольку средствами реалистического кино показать это было бы намного сложнее.

В лирике песни *Thought Contagion* разрабатывается тема **протеста** человека против социальных устоев и бессилия что-либо изменить: *They'll never do what you want them to Give it up and want them break through It's too late for a revolution Brace for the final solution... you've been bitten by someone's false beliefs*. Образ ложных идей, подобных ядовитым укусам, реализуется в видеоряде как фрагмент некоего фильма о вампирах, где девушка, целующаяся с юношей на танцах, превращается в вампира, кусает и заражает всех окружающих. Этот фрагмент, содержащий метафорическое сравнение, представляет собой достаточно широко распространенный сюжетный ход вампирских фильмов, которых в современном кинематографе огромное количество.

Интерес представляет и еще один видеоклип, где сочетаются реалистические и анимационные изобразительные средства. В лирике песни *Pressure* лирический герой страдает от несвободы и безуспешных попыток освободиться от некоего давления, характер которого не очень понятен: *I'm trapped and my back is against the wall I see no solution or exit out I'm grinding it out no one can see The pressure is growing exponentially...* На видео мы наблюдаем школьную вечеринку, в ходе которой игрушечные животные средствами анимации оживают и набрасываются на людей, а директор школы пытается справиться с ними каким-то лучевым оружием в духе фильма «Охотники за привидениями» и подобных ему. Мотив игрушек как вместилища злых духов и прочих сверхъестественных существ является очень распространенным в мистических фильмах и фильмах ужасов. Ниже речь пойдет еще об одном видео, где используется этот образ.

Еще одна тема, которая реализуется как средствами реалистического, так и фантастического видеоряда, — это тема **войны**. Примером реалистичного видеоряда может послужить клип на песню *Aftermath*. В песенной лирике в той мере, в какой она поддается рациональной интерпретации, речь идет о том, что непрекращающиеся войны, по мнению лирического героя, привели к тому, что человечество должно сплотиться и преодолеть враждебность и разобщение: *War is all around I'm growing tired of fighting... From this moment We're bound together Now and forever The loneliness has gone*. Видеоряд инкорпорирует в себя как страшные хроникальные кадры ядерной бомбежки Хиросимы и Нагасаки, так и их анимационный аналог, что производит еще более жуткое впечатление. Анимационную вставку можно трактовать либо как идею о том, что злодеяния такого рода стали настолько привычными, что могут составлять сюжет анимационного фильма, либо как расчет на «кумулятивный» эффект от использования двух разных типов видеоряда с целью усиления эмоционального воздействия.

Другой клип, посвященный теме войны, — *Reapers* — фантастическим может считаться лишь условно, поскольку использование дронов в боевых действиях из фантастических фильмов пришло в реальность: *War war just moved up a gear I don't think I can handle the truth I'm just a pawn And we are all expendable Incidentally Electronically erased By your drones*. Видеоряд представляет бегущего человека с наведенным на него прицелом дрона, которым дистанционно управляет девушка-оператор. Мы сочли возможным рассмотреть этот клип как минимум по той причине, что война дронов, к счастью, еще не стала повседневной реальностью, оставаясь все-таки в пределах кинематографического дискурса. На примере этих двух видео хорошо видна разница в средствах представления видеосюжета: реалистический видеоряд обращен в прошлое, фантастический — в будущее, и использование средств кинематографа позволяет успешно решить обе эти задачи.

Тема **восстания/революции**, смыкающаяся с темой свободы, которая рассматривалась выше, затрагивается в 4 музыкальных видео, 3 из которых содержат фантастический видеоряд, а одно представляет собой пограничный случай, где реальность имеет фантастические вкрапления. Мы рассмотрим более подробно этот пограничный случай, а именно — музыкальное видео песни *Knights Of Cydonia*, где в вербальном компоненте речь идет о необходимости борьбы за позитивные изменения в обществе: *Time has come to make things right You and I must fight for our rights You and I must fight to survive*. Здесь мы опять констатируем абстрактный характер призывов, которые находят свою конкретизацию в видеоряде, где в лучших традициях вестернов герой стреляет по злодеям в маленьком городке на Диком Западе, убивает шерифа на дуэли (видимо, это репрезентация борьбы за справед-

ливость с несправедливой властью. Все выдержано в лучших традициях фильмов жанра «вестерн», за исключением того, что на дуэли с шерифом герой стреляет в него энергетическими лучами, подобно джедаям из «Звездных войн» или анимационным компьютерным играм, что подчеркивает ироническое отношение к изображаемым событиям.

Еще одна песня, *Uprising*, название которой говорит само за себя, содержит в лирике призывы к восстанию и захвату власти: *Rise up and take the power back, it's time that The fat cats had a heart attack, you know that Their time is coming to an end...* Однако анимационный видеоряд сводит на нет серьезность лирики этой песни, поскольку в нем мы видим, как игрушечные плюшевые мишки разносят в пух и прах игрушечный город. Вряд ли может вызвать сомнение ироническая направленность данного видеоряда, причем она вступает в противоречие с абсолютно серьезным тоном песенной лирики.

Другое фантастическое музыкальное видео, где также затрагивается тема борьбы и противостояния с властью имущими и содержатся призывы к сопротивлению, называется *Dig Down: When God decides to look the other way And the clown takes the throne We must find a way... We won't let them divide We will never abide...* Такой протестный и политизированный пафос лирики сопровождается анимационным 3D-видеорядом в духе компьютерной игры, где девушка пробирается по зданию, дерется, стреляет, оставляя за собой горы трупов, взрывает себя и врагов, но остается в живых, поскольку она, видимо, робот-андройд. И снова перед нами яркий пример воздействия кинодискурса, где существует огромное количество фильмов о роботах, поскольку искусственный интеллект и возможные опасности, связанные с его разработкой, являются одной из самых популярных тем последнего десятилетия.

Помимо текстов социального и протестного характера, которые рассматривались выше, в музыкальных видео группы Muse достаточно широко представлена **любовная тематика**, причем здесь преобладают видео реалистического характера (7 из 10 видео), хотя в некоторых из них элемент фантастичности привносится посредством использования спецэффектов. Например, в песне *Break It To Me* на вербальном уровне речь идет об отсутствии искренности между влюбленными и стремлении одного из них узнать правду: *And I can handle the truth I can cope with whatever you are holding back No need to sugar coat...* Однако видеоряд представляет человека, который ночью бродит по пустой школе, танцует, выкидывает вещи из шкафчиков, причем в полутемном коридоре его лицо очень похоже на лицо вампира. Этот видеоряд может быть интерпретирован как метафорическая пластическая поддержка идеи о том, что правда делает нас свободными — ведь делать что угодно в школе с ее правилами и всеобъемлющей регламентацией можно только ночью, и выбрасывание чужих вещей на

пол является актом свободы, пусть и с деструктивным оттенком.

Проблема лжи в любовных отношениях в музыкальном видео на песню *Plug in Baby* реализуется фантастическими средствами на вербальном уровне: *I've exposed your lies, baby The underneath no big surprise... My plug in baby Crucifies my enemies When I'm tired of giving...* На уровне визуального представления мы видим манекен девушки модельной внешности, что является достаточно редким для видео этой группы примером пусть неполной, но все же иллюстрации того, о чем идет речь в лирике. Простота и иллюстративность соотношения вербального и визуального ряда компенсируется нетривиальностью самого сюжетного хода — ведь перед нами, видимо, робот-андроид, которого можно подзаряжать от сети.

Музыкальное видео на песню *Madness* представляет собой, по сути, фрагмент фильма, где юноша и девушка сначала вместе едут в метро, видимо, еще не знакомые друг другу, затем оказываются рядом, спасаясь от толпы хулиганов, громящих вагоны и все вокруг, и, наконец, целуются на фоне схватки между хулиганами и полицией. Бесмысленный вандализм толпы хулиганов, очевидно, метафорически связан с темой безумия, обозначенной в названии песни, а поведение юноши и девушки, естественно, с темой любви. Таким причудливым образом видеоряд отражает сомнения лирического героя в том, что его любовь на самом деле не любовь, а безумие: *And now I need to know is this real love Or it is just madness keeping us afloat?* Необычность решения, отраженного в видеоконпоненте, состоит в том, что тема безумия представлена совершенно сторонними персонажами — толпой хулиганов, в то время как в лирике такого разделения нет.

Еще одно музыкальное видео, лирика которого связана с любовными отношениями, называется *Sing for Absolution* и на вербальном уровне повествует о любви лирического героя и отсутствии взаимности со стороны девушки: *I only dream of you My beautiful Tiptoe to your room A starlight in the gloom I only dream of you And you never knew...* В отличие от лирики, где картина отношений и причины невозможности счастья представлены очень расплывчато, фантастический видеоряд во вполне кинематографическом духе демонстрирует нам историю о том, как некий молодой человек отправляется в космос, засыпает в криогенном модуле, затем просыпается и садится на некую планету, в которой, при всей ее безжизненности и разрушенных городах, можно угадать Землю. В данном случае напрашивается параллель между лирикой и видеорядом, так как и в том и в другом случае имеют место крушение надежд и разочарование. Другой вариант интерпретации может состоять в том, что видеоряд хронологически следует за описанным в лирике крушением любви, а лирический герой попытался вылечить разбитое сердце, улетев в космос в попытке обрести там надеж-

ду на новую жизнь и счастье, но этому не суждено было сбыться. Как мы в очередной раз заметили, фантастические сюжеты из кинематографа достаточно часто используются для видеоряда песен разной тематики, от протестной до любовной.

Выше нами приведены наиболее интересные и наиболее, с нашей точки зрения, характерные примеры музыкальных видео, чтобы избежать очень продолжительного и вряд ли целесообразного описания всех примеров.

Выводы

Анализ отобранного нами материала позволяет утверждать, что визуальный компонент такого сложного текстового единства, как музыкальное видео, или видеоклип, демонстрирует совершенно очевидные признаки воздействия на него кинематографического дискурса, причем специфика этого воздействия такова, что на визуальном уровне мы имеем дело скорее со следами влияния кинодискурса как целого, а не посредством каких-то конкретных фильмов или их фрагментов. Видеоряд показывает фрагменты сюжета или даже практически завершённые сюжетные линии, связанные тематически с хорошо известными массовой аудитории фильмами или в ряде случаев компьютерными играми. Нами выделены такие актуальные для современной массовой культуры сценарии, как «Восстание машин», «Борьба людей против вампиров», «Сверхъестественное», «Полеты в космос», «Вестерн» и «Безумие». Указанные сценарии реализуются в видеоряде фантастическими или значительно реже реалистическими средствами, что вполне логично, так как фантастические элементы обладают более высокой степенью зрелищности.

Эта кинематографическая реальность иногда имеет футуристические черты, то есть представляет некий условный мир будущего, где несчастную любовь можно попытаться забыть с помощью полета в космос, а клоны и роботы-андроиды живут среди людей. В других случаях это реальность, дополненная сверхъестественными элементами: экстрасенсами, вампирами и путешествиями во времени. Еще одна разновидность кинематографического мира — анимационная реальность, где действуют персонажи мультфильмов, причем сюжеты чаще далеки от «детских». В тех же немногочисленных случаях, где показана «обычная реальность», тематические области, привлеченные для видеоряда, представляют собой человеческие пороки, войну, армию, хулиганство и вандализм.

Несомненный интерес представляет соотношение вербального и визуального рядов, то есть то, какие образы и темы привлекаются для передачи идей, представленных в песенной лирике. Нами отмечено, что в этой связи имеют место такие ассоциации, как уподобление разрушительных идей укусу вампира, общественного устройства — кукольному театру, лживые люди подобны роботам, так как ложь есть нечто искусственное; противостояние человека и общественных устоев подобно

борьбе традиционного героя-одиночки из любого вестерна или сражению с роботами. Счастье средни полету, государство с его налоговой системой изображается как огромный, поглощающий все механизм. Перечисленные выше соответствия скорее метафорического типа, хотя есть небольшое количество примеров метонимических связей между визуальным и вербальным уровнями. В частности, детство метонимически связано с куклами и анимационными фильмами, а несчастная любовь и страдания — с плачем.

Как мы видим, влияние кинематографического дискурса на песенный дискурс в рамках проанализированного нами материала реализуется как на формальном, так и на содержательном уровне, что еще раз подтверждает: кинематографический дискурс является самым влиятельным в современной массовой культуре, причем это влияние отражается в том числе на содержании и структуре визуального компонента музыкальных видео британской группы Muse.

Библиографический список

- Арутюнова 1990 — Арутюнова, Н.Д. Дискурс // Арутюнова Н.Д. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. 685 с. URL: <https://lingvisticheskiy-slovar.ru/description/diskurs/168>.
- Быкова 2017 — Быкова Е.В. Цельность и связность поликодового текста // Медиатекст: структура, композиция, векторы обновления. СПб., 2017. С. 34–47. URL: http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1490780507_7563.pdf.
- Ворошилова, Злоказов 2017 — Ворошилова М.Б., Злоказов К.В. Психолингвистические методы исследования креолизованного текста // Политическая наука, 2017. № 2. С. 124–132. URL: <http://inion.ru/publishing/journals/politicheskaya-nauka/arkhiv/2017-2/psikholingvisticheskie-metody-issledovaniia-kreolizovannogo-teksta>.
- Омельяненко, Ремчукова 2018 — Омельяненко В.А., Ремчукова Е.Н. Поликодовые тексты в аспекте теории мультимодальности // Коммуникативные исследования. 2018. № 3(17). С. 66–78. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.3.66-78.
- Кресс 2016 — Кресс Г. Социальная семиотика и вызовы мультимодальности // Политическая наука. 2016. № 3. С. 65–84. URL: <http://inion.ru/publishing/journals/politicheskaya-nauka/arkhiv/2016-3-politicheskaya-semiotika/sotsialnaia-semiotika-i-vyzovy-multimodalnosti-social-semiotics-and-the-challenge-of-multimodality>.
- Arutyunova 1990 — Arutyunova N.D. *Diskurs* [Discourse]. In: Arutyunova N.D. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar*. Gl. red. V.N. Yartseva [Arutyunova N.D. Linguistic encyclopedic dictionary. V.N. Yartseva (Ed.)]. M.: Sov. Entsiklopediya, 1990, 685 p. Available at: <https://lingvisticheskiy-slovar.ru/description/diskurs/168> [in Russian].
- Bykova 2017 — Bykova E.V. *Tsel'nost' i svyaznost' polikodovogo teksta* [Categories wholeness and coherence in the multi code text]. In: *Mediatekst: struktura, kompozitsiya, vektory obnovleniya* [Media text: structure, composition and vectors of renewal]. St. Petersburg, 2017, pp. 34–47. Available at: http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1490780507_7563.pdf [in Russian].
- Voroshilova, Zlokazov 2017 — Voroshilova M.B., Zlokazov K.V. *Psikholingvisticheskie metody issledovaniya kreolizovannogo teksta* [Psycholinguistic methods for creolised text analysis]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2017, no. 2, pp. 124–132. Available at: <http://inion.ru/publishing/journals/politicheskaya-nauka/arkhiv/2017-2/psikholingvisticheskie-metody-issledovaniia-kreolizovannogo-teksta/> [in Russian].
- Omelianenko, Remchukova 2018 — Omelianenko V.A., Remchukova E.N. *Polikodovye teksty v aspekte teorii mul'timodal'nosti* [Polycode texts in the aspect of the multimodality theory]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication studies], 2018, no. 3 (17), pp. 66–78. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.3.66-78 [in Russian].
- Kress 2016 — Kress G. *Sotsial'naya semiotika i vyzovy mul'timodal'nosti* [Social semiotics and the challenge of multimodality]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2016, no. 3, pp. 65–84. Available at: <http://inion.ru/publishing/journals/politicheskaya-nauka/arkhiv/2016-3-politicheskaya-semiotika/sotsialnaia-semiotika-i-vyzovy-multimodalnosti-social-semiotics-and-the-challenge-of-multimodality> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-3-130-138
УДК 811.581

Дата поступления статьи: 15/VI/2019
Дата принятия статьи: 24/VIII/2019

Н.Н. Котельникова

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ ВЫВЕСОК КАК ФРАГМЕНТА СЕМИОТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ГОРОДА

© *Котельникова Надежда Николаевна* – кандидат педагогических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и перевода, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 400066, Российская Федерация, г. Волгоград, пр. им. В.И. Ленина, 27.
E-mail: kotelnikova_n_n@yahoo.com. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0001-9900-1983>

АННОТАЦИЯ

В рамках медиаурбанистики, исследующей разные аспекты человеческой коммуникации в городской среде, город трактуется как сложное коммуникативное образование, находящее отражение в знаках различных семиотических систем. Одной из таких систем, формирующих семиотическое пространство города, являются вывески, репрезентирующие наименования объектов городской инфраструктуры.

Настоящая статья посвящена изучению текстов китайских городских вывесок как неотъемлемой составляющей медиаурбанистического дискурса. Тема исследуется с позиций социолингвистики с применением соответствующих научных методов (этнографического метода и семиотического анализа), также использованы элементы дистрибутивного анализа. Материалом исследования послужили тексты вывесок пяти китайских мегаполисов: Пекин, Тяньцзинь, Шанхай, Ханчжоу и Гуанчжоу. В статье дается краткий ретроспективный обзор развития языка китайских городских вывесок, рассмотрена структура текстов вывесок и определены особенности ее идентифицирующего, квалифицирующего и дифференцирующего компонентов. Выявлена лингвокультурная специфика использования в текстах вывесок иноязычной графики, топонимов и антропонимов, описаны характерные национальные приемы: игра слов, основанная на омофонии, использование преимуществ иероглифической письменности и текстов древней китайской поэзии.

Автор приходит к выводу, что тексты городских вывесок являются ценным источником информации, демонстрирующим не только признаки влияния на медиаурбанистический дискурс китайских городов глобализационных процессов, но и прежде всего наглядно подчеркивающим их уникальные характеристики, особый колорит и самобытность языкового портрета этих городов.

Ключевые слова: медиаурбанистика, Китай, языковой облик города, городская семиотика, текст вывески.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-29-09114.

Цитирование. Котельникова Н.Н. Лингвокультурные особенности текстов вывесок как фрагмента семиотического пространства современного китайского города // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 3. С. 130–138. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-3-130-138>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

**TEXTS OF SIGNBOARDS AS A FRAGMENT OF SEMIOTIC LANDSCAPE
OF A MODERN CHINESE CITY: LINGUOCULTURAL FEATURES**

© Kotelnikova Nadezhda Nikolaevna – Candidate of Pedagogical Sciences, associate professor of the Department of Intercultural Communication and Translation, Volgograd State Socio-Pedagogical University, 27, Lenin Avenue, Volgograd, 400066, Russian Federation.

E-mail: kotelnikova_n_n@yahoo.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9900-1983>

ABSTRACT

From the perspective of urban communication studies, that explore various aspects of human communication in an urban environment, the city is interpreted as a complex communicative formation, which is reflected in the signs of various semiotic systems. One of such systems forming the semiotic landscape of a city is signboards representing the names of urban infrastructure facilities.

The article reflects the results of linguistic analysis of signboards texts of five China megacities: Beijing, Tianjin, Shanghai, Hangzhou and Guangzhou. A brief retrospective review of the development of the urban signboards language as a part of Chinese cities' linguistic appearance is given. The structure of Chinese signboards' texts is considered and the main features of its identifying (the general name of an urban object that determines the type of an enterprise), qualifying (the component that clarifies the profile of an urban object, as well as the range of products and services offered) and differentiating (the individual name of an object) components are determined.

The article shows how the technique of foreign graphics, inclusion of toponyms and anthroponyms in the text, advantages of Chinese ideographic writing system are used in signboards texts' creation. Using the owners' names, surnames and even nicknames, based on their appearance, can be considered as a traditional way of commercial objects' nominating in China. The creators of signboards texts, taking into account the peculiarities of Chinese language as one of the most homonymous languages, actively use the language game technique that is based on the words with the same pronunciation, but different meaning and writing. The use of phrases from ancient Chinese poetry as a differentiating component is pointed out as one of specific features of Chinese urban signboards texts.

The author emphasizes that the urban signboards texts are a valuable source of information, that shows not only how the globalization processes influence the urban discourse of Chinese cities, but above all, clearly accentuates their unique characteristics, originality and identity of the language portrait of these cities.

Key words: urban communication studies, China, language appearance of a city, urban semiotics, signboard text.

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research according to the research project № 17-29-09114.

Citation. Kotelnikova N.N. *Lingvokul'turnye osobennosti tekstov vyvesok kak fragmenta semioticheskogo prostranstva sovremennogo kitaiskogo goroda* [Texts of signboards as a fragment of semiotic landscape of a modern Chinese city: linguocultural features]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 3, pp. 130–138. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-3-130-138> [in Russian].

Введение

Коммуникативное пространство современного города является отражением особенностей образа жизни социума, общественного мировоззрения, моральных норм, эстетических принципов и представляет собой совокупность разнородных языковых образований, составляющих сложную единую систему. Исследование этой сложной коммуникативной системы оформилось в особое научное направление, находящееся на стыке урбанистики и коммуникативистики, для обозначения которого мы используем термин «медиаурбанистика», поскольку он включает в себе принадлежность исследу-

емой сферы общения городу, а также указывает на применение в ней различных форм и средств коммуникации (*media*) [Леонтович 2018а, с. 27]. Как отмечает О.А. Леонтович, медиаурбанистика – это «мощное социолингвистическое направление, позволяющее выявить роль различных семиотических знаков в формировании облика большого города как экзистенциального пространства» [Леонтович 2018б, с. 199]. В контексте этого научного направления город трактуется как сложное дискурсивное образование, «текст» в широком смысле этого слова, а его облик рассматривается через совокупность знаков различных семиотических систем.

Среди «текстов», формирующих семиотическое пространство города, особый интерес представляют тексты вывесок, репрезентирующие наименование объектов инфраструктуры города (например, предприятий коммерческого типа или культурно-развлекательных заведений). Следует отметить, что в нашем исследовании мы рассматриваем надпись на вывеске как особый тип текста, соглашаясь с Н.В. Михайлюковой в том, что «вывеска – это своеобразный «свернутый» текст-примитив. В акте номинации городского объекта происходит свертывание высказывания, позволяющее экономно и компактно передать смысловое содержание текста вывески. Таким образом, название городского предприятия является определенными итогами акта коммуникации, так как содержит сжатый, свернутый речевой акт номинатора: предложение воспользоваться товарами и услугами данного городского объекта» [Михайлюкова 2017, с. 52].

Настоящая статья, написанная в рамках проекта РФФИ «Язык большого города: медиаурбанистический дискурс в России и КНР», который предполагает всестороннее исследование коммуникативного пространства современного китайского города, посвящена изучению текстов китайских городских вывесок как неотъемлемой составляющей медиаурбанистического дискурса. Следует отметить, что визуальное коммуникативное пространство китайских мегаполисов в настоящее время остается недостаточно изученным. Тем не менее существует ряд исследований, посвященных некоторым аспектам наименования объектов инфраструктуры китайского города. Так, например, О.В. Дубкова и М.В. Захарова-Саровская [Дубкова, Захарова-Саровская 2018] рассматривали модели словосложения, используемые при образовании современных китайских эргонимов. Вывески на русском языке как фрагмент коммуникативного пространства приграничных китайских городов были объектом исследований Цзян Ин [Цзян 2016], Мань Шу [Мань 2018], Л.М. Шипановской [Шипановская 2016]. Русскоязычные вывески в лингвокультурном пространстве китайского города также рассматривали Е.В. Харченко и Мань Шу [Харченко, Мань 2018], анализируя их с точки зрения наличия лингвистических ошибок. В некоторой степени близки к тематике нашего исследования и работы, посвященные изучению принципов наименования китайских внутригородских объектов [Ван 2008], китайских брендов [Глазачева, Коваль 2014; Ульянова 2015], а также особенностям перевода зарубежных брендов на китайский язык [Ульянова 2015].

Целью настоящей статьи является рассмотрение текстов вывесок как фрагмента коммуникативного пространства современного крупного китайского города, выявление и анализ их структурно-семантических особенностей, а также определение их лингвокультурной специфики. **Материалом исследования** послужили тексты вывесок пяти китайских мегаполисов (Пекин, Тяньцзинь, Шанхай, Ханчжоу и Гуанчжоу), отобранные методом

сплошной выборки. Тема исследуется с позиций социолингвистики с применением соответствующих научных методов (этнографического метода и семиотического анализа), также использованы элементы дистрибутивного анализа.

Ретроспективный обзор развития языка китайских городских вывесок

Язык городских вывесок как часть языкового облика китайских городов динамично менялся с течением времени, отражая особенности общественного сознания и народной культуры в ту или иную эпоху. Так, города первой половины XX века (до образования КНР в 1949 г.) пестрили вывесками, отражавшими надежды на процветание заведения, благосостояние и успех в делах его хозяина [Ду 1994, с. 41]. В традиционном Китае считалось, что от имени во многом зависит то, как человек проживет свою жизнь. Поэтому и при номинации коммерческих объектов китайцы старались выбрать название, сулящее заведению благоденствие и стабильное развитие: 永安公司 – компания «Вечное спокойствие (Безопасность на века)», 大荣布店 – текстильная лавка «Великая слава (Большой почет)», 商乐茶楼 – чайная «Радостная торговля». С начала 50-х годов и до окончания «культурной революции» тексты городских вывесок имели пропагандистскую окраску и отличались идеологической маркированностью: 胜利旅馆 – гостиница «Победа», 群众印刷厂 – типография «Народные массы», 红旗大饭店 – гостиница «Красное знамя».

Значительные изменения в языковом облике китайского города произошли в 80-е годы XX века по мере успешного претворения в жизнь политики реформ и открытости. Открытость внешнему миру и глобализационные процессы оказали серьезное преобразующее влияние на развитие китайского общества. Появилось огромное количество городских вывесок, эксплицирующих национальный колорит зарубежных стран как с помощью иностранных имен собственных в иероглифическом написании (罗马夜总会 – ночной клуб «Рим», 伊士曼宾馆 – гостиница «Истмен»), так и с помощью прямого использования иноязычной лексики (Sunshine 服装店 – магазин одежды Sunshine, Honey 咖啡厅 – кафе Honey). Вывески с иноязычной лексикой, ассоциирующейся с западным образом жизни, роскошью и богатством экономически развитых стран, привлекали китайского городского обывателя рубежа XX–XXI веков своей непривычностью, обещанием чего-то нового, отличного от повседневной жизни [Котельникова 2018, с. 27–28].

В последние годы в противовес глобализации и интернационализации в Китае усиливаются тенденции к сохранению национальной самобытности, которые находят свое отражение в городских вывесках, преимущественно в использовании устаревших китайских наименований заведе-

ний (聚贤阁 – «Терем, собирающий мудрецов», 卧龙山庄 – вилла «Спящий дракон») [Ли 2009, с. 78], а также образов, взятых из истории, культуры и классической литературы, например: 兰亭宾馆 – гостиница «Павильон орхидей» (предисловие к антологии «Стихотворения, сочиненные в Павильоне орхидей» – наиболее знаменитое произведение каллиграфа Ван Сичжи); 又一村饭店 – ресторан «Еще одна деревенька» (название ресторана – фраза из стихотворения «Горная прогулка» (游山西村) сунского поэта Лу Ю) [У 2015, с. 50].

Структурно-семантические особенности текстов китайских городских вывесок

Рассматривая структуру текста вывесок, мы вслед за Н.В. Михайлюковой выделяем три основных компонента: идентифицирующий (общее название городского объекта, определяющее тип предприятия), квалифицирующий (компонент, уточняющий профиль городского объекта, а также ассортимент предлагаемых товаров и услуг) и дифференцирующий (индивидуальное название объекта) [Михайлюкова 2013, с. 13]. Идентифицирующим компонентом текста китайской вывески может быть как слово (友谊商店 – магазин «Дружба», 发型设计沙龙 – Салон моделирования причёсок), так и морфема, входящая в состав слова. Мы считаем, что, если в тексте вывески присутствуют такие многосложные слова, построенные по атрибутивному типу, как 药房 – аптека (药 – лекарства + 房 – здание, помещение), 茶馆 – чайная (茶 – чай + 馆 – торговое предприятие), 理发店 – парикмахерская (理发 – стрижься + 店 – магазин, лавка), идентифицирующим компонентом следует считать не все слово, а лишь постпозитивную морфему, тогда как препозитивную морфему (или морфемы) следует отнести к квалифицирующему компоненту. Китайские лингвисты отмечают, что в коммунистическом Китае до периода проведения политики реформ и открытости идентифицирующий компонент текстов городских вывесок был преимущественно представлен морфемой 店 (магазин, лавка), например: 百货店 – универмаг; 药店 – аптека; 饭店 – гостиница, ресторан; 书店 – книжный магазин [Дин 2006, с. 25]. Впоследствии с целью преодоления подобного однообразия в качестве идентифицирующего компонента стали активно использоваться и другие родовые морфемы: 馆 (предприятие бытового обслуживания, небольшое торговое предприятие), 厅 (зал, палаты), 楼 (терем, здание), 屋 (комната, помещение). Широкое распространение получили и иноязычные названия, заимствованные как фонетическим (吧 bā (от англ. bar) – бар; 沙龙 shālóng (от франц. salon) – салон; 得来速 dé lái sù (от англ. drive-thru) – ресторан фаст-фуд с линией автораздачи), так и семантическим способами (超市 – супермаркет: 超 – супер + 市 – рынок; 大众市场 – масс-маркет: 大众 – широкие массы +

市场 – рынок). Вместе с тем в последние годы, как мы отмечали ранее, наблюдается тенденция к использованию в качестве идентифицирующего компонента устаревших китайских наименований, таких как 阁 (терем, палата, зал), 轩 (флигель, домик), 坊 (лавка, торговый ряд), 斋 (кабинет, студия), 山庄 (усадебная вилла). Эти традиционные наименования в тексте вывесок, призванные разнообразить названия городских объектов, схожих по профилю деятельности, не только обогащают языковой облик современного китайского города, но и являются элементом обращения к национальному самосознанию.

Идентифицирующий и квалифицирующий компоненты текста вывески соотносятся между собой как родовое и видовое названия того или иного объекта. Один и тот же идентифицирующий компонент может быть уточнен с помощью различных квалификаторов, например, идентификатор 吧 (бар) может быть уточнен квалификаторами 酒 – алкоголь (酒吧 – бар, паб), 网 – Интернет (网吧 – интернет-кафе), 氧 – кислород (氧吧 – кислородный бар), 迪 (сокращенно от 迪斯科) – дискотека (迪吧 диско-бар). В тексте многих вывесок идентифицирующий компонент отсутствует, и основная информативная нагрузка ложится на квалификатор, например: 沸点麻辣烫 – Острый суп «Точка кипения», 勿忘我鲜花礼品 – Цветы и подарки «Незабудка». Дифференцирующий компонент, являясь собой индивидуальное название объекта, представлен именем собственным и является базовой составляющей вывески. С точки зрения количественно-слогового состава подавляющее число этих имен собственных представляют собой трех- или четырехсложные образования, что делает их лаконичными и ритмичными [Гэн, Чжао 2006, с. 197], например: 好口味小吃楼 – закусочная «Хороший вкус»; 天作之合婚纱摄影 – студия свадебной фотографии «Союз, совершенный небом». Дифференцирующий компонент, обязательно присутствующий на вывеске, выполняет функции индивидуализации городского объекта среди подобных и привлечения внимания адресата, он в наибольшей степени отражает особенности мышления и характерные черты менталитета китайских городских жителей. Поэтому именно дифференцирующий компонент текста городских вывесок представляет для нас наибольший интерес.

Следует отметить, что для структуры текста китайских вывесок характерна фиксированная последовательность обозначенных компонентов: дифференцирующий компонент + квалифицирующий компонент + идентифицирующий компонент, что связано с грамматическими особенностями китайского языка.

Иногда в тексте вывесок, помимо собственно названия объекта, содержится и рекламный компонент – краткий текст информирующего или рекомендательного характера,

например: 绿岛阳光 (ниже на вывеске) 风味家常菜, 特色商务餐, 经典宴会席 — «Солнечный свет зеленых островов» (ниже) Вкусная домашняя кухня, оригинальные бизнес-ланчи, изысканные банкеты; 安心快餐店 (ниже) 安心坐下来吃一碗吧! 既便宜又好吃! — Ресторан быстрого питания «Спокойствие» (ниже) Спокойно сядь и съешь тарелочку! Дешево и вкусно!

Лингвокультурная специфика текстов китайских городских вывесок

На основе проведенного нами лингвистического анализа фактического материала (более 1200 текстов вывесок таких мегаполисов, как Пекин, Тяньцзинь, Шанхай, Ханчжоу и Гуанчжоу) считаем возможным обозначить некоторые характерные особенности, свойственные текстам вывесок современного китайского города.

Использование иноязычной графики

Абсолютно естественно, что процессы интернационализации экономики находят свое отражение в лингвистическом облике современного китайского города в виде вывесок с иноязычными названиями крупнейших мировых компаний. Использование иноязычной графики также активно практикуется и китайскими компаниями, что продиктовано либо объективной необходимостью при выходе бренда на международный рынок, либо, и это чаще всего, желанием придать заведению оттенок элитарности, вызвать у реципиента ассоциации с западным образом жизни.

Однако следует отметить, что иностранная лексика сложна для носителя китайского языка с точки зрения как произношения, так и запоминания, поэтому иностранные компании, выходя на китайский рынок, часто разрабатывают для своего бренда иероглифический логотип. Таким образом, в текстах китайских городских вывесок мировых компаний иноязычное название нередко дублируется в иероглифическом написании: Auchan 欧尚 (сеть гипермаркетов), Watsons 屈臣氏 (сеть магазинов), Hilton 希尔顿 (сеть отелей). И наоборот, поскольку в китайских мегаполисах живет большое количество иностранцев, многие из которых не владеют иероглифической письменностью, часто на вывесках китайский текст дублируется в иноязычной графике, причем переводу на английский язык подвергаются лишь идентифицирующий и квалифицирующий компоненты текста, тогда как дифференцирующий транскрибируется с помощью китайского латинизированного алфавита пиньинь, например: 滨江购物中心 Binjiang Shopping Center — торговый центр «Биньцзян»; 靛齿口腔门诊部 Liang Chi Dental Clinic — стоматологическая клиника «Лянчи».

Использование топонимов и антропонимов

Следует отметить частотность использования в составе дифференцирующего компонента текста китайских городских вывесок антропонимов (личных имен, фамилий, прозвищ) и топонимов (географических названий), а также указать некоторые особенности их использования.

Традиционным для Китая является способ номинации коммерческих объектов с использованием фамилий (редко имен) владельцев — считается, что тем самым владелец берет на себя ответственность за качество предоставляемых услуг. Чаще всего названия с антропонимами имеют следующую структуру: «фамилия + и (имени кого-то, под чьим-то именем) + направление деятельности» [Ян 2008, с. 313], например: 朱记火锅 — «Хого (китайский самовар) от Чжу», 宋记秘制烤鱼 — «Жареная рыба по секретному рецепту от Суня», 赵记修鞋店 — «Мастерская Чжао по ремонту обуви». Также в китайских городах можно увидеть вывески небольших коммерческих заведений, в названии которых фигурируют прозвища владельцев, основанные на особенностях их внешности, например: 胖子生煎 — «Обжаренные мясные пампушки от Толстяка»; 张麻子厨房用品店 — «Лавка кухонной утвари рябой Чжан». Конечно же, глобализационные процессы привели к тому, что вместе с традиционными для Китая текстами вывесок в настоящее время можно увидеть и тексты с антропонимами, построенными по западному образцу, где дифференцирующий компонент представлен иностранным именем собственным в иноязычном либо иероглифическом написании: Angelina 甜品沙龙 — Салон десертов «Ангелина», 蒙娜丽莎瓷砖 — Керамическая плитка «Мона Лиза».

Использование топонимов в названиях коммерческих объектов, представленных на китайских городских вывесках, чаще всего мотивировано месторасположением объекта либо желанием отразить стилизацию интерьера заведения, показать соотнесенность товара или предоставляемой услуги с указанным географическим объектом, реже — стремлением актуализировать общепринятые ассоциации, связанные с географическим объектом. Например, 前门自行车商店 — магазин «Велосипеды на Цяньмэнь» (расположен на улице Цяньмэнь в Пекине); 莫斯科餐厅 — ресторан «Москва» (ресторан русской кухни в Пекине); 巴黎风情婚纱摄影店 — студия свадебной фотографии «Парижский стиль» (апеллирование к традиционному ассоциированию Парижа с модой, изысканностью, романтикой и пр.). Названия, мотивированные топонимами, являются традиционными для китайских заведений общественного питания. Это обусловлено разнообразием региональных особенностей китайской кухни, значительными отличиями в способах приготовления и используемых ингредиентах в разных регионах. Такие названия имеют структуру «топоним + название блюда, на приготовлении которого специализируется ресторан», и хотя и не отличаются оригинальностью, однако являются очень информативными для клиентов, например: 山西刀削面 — «Нарезная лапша провинции Шаньси», 重庆火锅店 — «Чунцинский хого», 桂林米粉 — «Гуйлинская рисовая лапша». Также следует отметить, что в традиционных названиях, включающих в себя топонимы и антропонимы, часто используются слова 正宗 (классический, настоящий) и 老牌 (известная торговая

марка, старая марка), например: 老牌郭家瓦罐汤 — «Фирменный бульон в горшочках семьи Го»; 正宗兰州拉面 — «Настоящая ланьчжоуская лапша».

Использование игры слов, основанной на омофонии

Китайский язык как один из наиболее омофоничных языков мира предоставляет широкие возможности для применения художественного приема, при котором используются одинаково звучащие, но различные по значению и написанию слова с целью достижения эффекта актуализации двойного значения (双关). В качестве примера использования подобной языковой игры приведем текст вывески с названием фруктового магазина 侬家果园 — «Фруктовый сад твоей семьи». Прототипом этого названия является фраза 农家果园 — «Фруктовый сад крестьянской семьи». По-китайски обе эти фразы звучат абсолютно одинаково, на письме же номинатор намеренно заменил слово «крестьянин» 农 (nóng) на его омофон 侬 (nóng), который в шанхайском диалекте имеет значение «ты», таким образом, добившись актуализации двойного значения: с одной стороны «крестьянский сад» говорит о натуральности и экологичности продаваемых фруктов, с другой — местоимение «твой» делает товар ближе к потребителю, создает представление о том, что его уже включили в число владельцев товара [Ли 2009, с. 78]. Поскольку для китайского языка важным является визуальное восприятие текста, следует отметить и внешнее сходство между исходным иероглифом (农) и тем, на который он был заменен (侬), — оба иероглифа имеют идентичный графический элемент, что еще больше помогает сохранить связь модифицированной единицы с ее прототипом.

Особенно часто используется прием игры слов, если прототипом для названия городского объекта послужил фразеологический оборот. Поскольку китайские фразеологические единицы имеют сжатую форму (состоят преимущественно из четырех иероглифов), при этом обладают глубоким смысловым содержанием и высокой степенью узнаваемости, они часто выступают в качестве дифференцирующего компонента текста городских вывесок как в оригинальном, так и в трансформированном виде. Так, например, фразеологизм 天长地久 (на веки вечные; досл. — долгий, как небо, постоянный, как земля) был трансформирован в название винного магазина 天长帝酒 — «Вечное императорское вино», где слово 地 dì (земля) заменено на омофоничное ему 帝 dì (император), а слово 久 jiǔ (долгий) — на 酒 jiǔ (вино). В качестве основы для названия одного из магазинов одежды был использован фразеологизм 依依不舍 (не в силах расстаться; глубокая привязанность), в котором лексической замене подверглись первые два иероглифа: слово 依依 yīyī (неотступно думать о чем-либо) было заменено на

редуплицированную форму слова 衣 yī (одежда). Таким образом, вывеску этого магазина одежды украшает надпись 衣衣不舍, которую можно перевести как «Не в силах расстаться ни с одной вещью [купленной в этом магазине]».

Использование преимуществ иероглифической письменности

Иероглифическая письменность является важнейшей особенностью, отличающей визуальный облик китайской вывески от городских вывесок других стран. Художественно-эстетический облик иероглифического знака, ставший основой каллиграфии как самостоятельного вида художественного искусства, дает широкие возможности для создания графического дизайна вывески. Однако нас в большей степени интересуют не графические, а лингвистические особенности иероглифических знаков, удачно применяемые в текстах городских вывесок.

Китайский является изолирующим слогоморфемным языком, где практически каждая (за редкими исключениями) морфема, обозначаемая на письме иероглифом, представляет собой слог и имеет собственное значение. Поскольку подавляющее большинство фиксируемых иероглифами лингвистических единиц, будь то односложное слово или часть многосложного слова, имеют собственное значение, естественным является преимущественное использование в текстах городских вывесок иероглифических знаков с ярко выраженной положительной семантикой, особенно иероглифов, воспринимающихся носителями языка как символы всевозможных благ (吉祥字), таких как: 福 (счастье), 康 (здоровье), 美 (красота), 顺 (удача), 富 (богатство). Дифференцирующий компонент текста городских вывесок, включающий такие иероглифы, может представлять собой как сочетание имен нарицательных, построенное по привычным грамматическим моделям (恒康药店 — аптека «Долговременное здоровье»; 鸿福酒家 — ресторан «Великое счастье»), так и имя собственное, которое на иностранные языки возможно перевести лишь с помощью транслитерации, в то время как в сознании носителей китайского языка оно будет вызывать самые позитивные эмоции и впечатления, провоцируемые семантикой использованных иероглифических знаков, например: 顺鑫火锅店 — ресторан хого «Шуньсинь» (имя собственное Шуньсинь состоит из иероглифов 顺 — удачный, успешный; 鑫 — счастливый знак для собственных имен, намекающий на богатство и процветание), 兴明饭店 — отель «Синмин» (имя собственное Синмин состоит из иероглифов 兴 — воодушевление, радость, веселье; 明 — светлый, ясный).

Следующей особенностью китайской письменности, обыгрываемой в текстах городских вывесок, является идеографичность иероглифического знака.

Основным материалом для творчества служат пиктограммы (простые иероглифы, изначально представлявшие собой примитивные изображения предметов) и идеограммы (сложные иероглифы, состоящие из двух или более пиктограмм). Художественная образность, присущая этим двум видам иероглифов, делает возможным двойную актуализацию: реализацию в одном контексте семантического значения иероглифа-идеограммы и исходных значений пиктограмм (графем), которые его составляют. Например, на вывеске одного из магазинов детской одежды обозначено название 人从众 — «Человек следует за толпой». Видно, что все три иероглифа состоят из одного и того же элемента — пиктограммы 人 (человек), количество которого увеличивается с каждым иероглифом. Таким образом, текст вывески графически изображает увеличение потока клиентов. Дифференцирующий компонент текста вывески 喆喆进口化妆品 — Импортная косметика «Чжэ-жэ» — состоит из двух иероглифов 喆, являющихся традиционной разнописью иероглифа 哲 (мудрый, прозорливый). Выбор традиционного варианта написания иероглифа явно был мотивирован его внутренней формой — сложный иероглиф 喆 состоит из двух простых иероглифов 吉 (счастье, удача), таким образом, в названии магазина заложено «четырёхкратное счастье».

Использование текстов древней китайской поэзии

Одной из специфических черт текстов китайских городских вывесок является использование фраз из древней китайской поэзии в качестве дифференцирующего компонента. Китайские лингвисты утверждают, что вывески с названиями, мотивированными поэтическими строками, появились в Китае еще во времена династии Сун (X–XIII вв.) [Гэн, Чжао 2006, с. 196]. Этот способ онимизации сохранил свою популярность и до настоящего времени. Фраза из классического стихотворения, с одной стороны, придает тексту городской вывески эстетическую привлекательность, с другой — вызывает у реципиента поэтические чувства и ряд ассоциаций, связанных с данным художественным произведением, а также, что немаловажно, повышает статус самого заведения [Ду 1994, с. 50; У 2015, с. 41]. Приведем примеры подобных текстов городских вывесок: — 江春水温泉商务酒 — бизнес-отель «Речные вешние воды» (название отеля — фраза из стихотворения поэта Ли Юй на мотив «Юймэйжэнь»), 绿如蓝商店 — магазин «Зеленый, как мятлик» (название магазина — фраза из стихотворения «Цзяннаньские воспоминания» поэта Бо Цзюйи).

Выводы

Проведя исследование характерных особенностей вывесок современных китайских мегаполисов (Пекин, Тяньцзинь, Шанхай, Ханчжоу и Гуанчжоу), считаем обоснованными следующие выводы.

1. Применение медиаурбанистических подходов к изучению городской семиотики Китая и ее языкового наполнения, в частности текстов вывесок, позволяет выявить национально-культурную специфику языкового портрета современного крупного китайского города, поскольку эти тексты в значительной мере отражают и культурные традиции, и трансформационные процессы, происходящие в системе ценностных ориентаций горожан, фиксируют явления и тенденции, характеризующие развитие городской лингвокультуры.

2. Структура текста китайских вывесок характеризуется фиксированной последовательностью компонентов, что связано с грамматическими особенностями китайского языка. Активное использование иноязычных заимствований в качестве идентифицирующего и дифференцирующего компонентов демонстрирует влияние мировой массовой культуры и глобализационных процессов на медиаурбанистический дискурс в Китае. Выявлена тенденция к использованию в качестве идентифицирующего компонента устаревших китайских наименований, которые не только обогащают языковой облик современного китайского города, но и являются элементом обращения к национальному самосознанию.

3. К лингвокультурным особенностям текстов китайских городских вывесок мы отнесли частое употребление иноязычной графики, топонимов и антропонимов, поскольку использование этих приемов в Китае имеет яркую национальную специфику (например, дублирование иноязычного логотипа в иероглифическом написании, транскрибирование дифференцирующего компонента текста вывески с помощью китайского латинизированного алфавита пиньинь, включение в текст вывески фамилий владельцев, топонимов, отражающих региональные особенности китайской кухни, и др.), а также характерные именно для китайской лингвокультуры приемы, такие как игра слов, основанная на омофонии, использование преимуществ иероглифической письменности и текстов древней китайской поэзии. Наличие в текстах городских вывесок этих уникальных национальных особенностей наглядно подчеркивает особый колорит и самобытность языкового портрета китайских городов, что значительно отличает его от языковых портретов городов других стран.

Библиографический список

Ван 2008 — Ван Л. Семантические особенности ойкодомонимов Беларуси и Китая // Вестник Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. 2008. № 3 (49). С. 62–68. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23492211>.

Глазачева, Коваль 2014 — Глазачева Н.Л., Коваль Н.Н. Основные принципы нейминга в современном китайском языке // Россия и Китай: аспекты взаимодействия и взаимовлияния: материалы VI заочной Международной научно-практич. конф. / под ред. Н.Л. Глазачевой, О.В. Залесской. М., 2014. С. 49–54. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23246204>.

Гэн, Чжао 2006 — Гэн Чуньлин, Чжао Юйхун. 从招牌语言的特点看语言对社会的映射 [Особенности текстов

вывесок как формы отражения общественного сознания в языке] // *Теория языка*, 2006. № 2. С. 196–197. URL: <http://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotal-LLJJ200602092.htm>.

Дин 2006 – Дин Аньин. *Дин Аньин*. *Обзор особенностей языка вывесок* [Краткий обзор особенностей языка вывесок] // *Тайаньский журнал образования*, 2006. № 1. С. 25–26. URL: <https://www.ixueshu.com/document/1f1a94d3797badd6.html>.

Ду 1994 – Ду Вэнься. *Ду Вэнься*. *Национальная психология и культура – анализ языка вывесок и его риторических фигур* [Национальная психология и культура – анализ языка вывесок и его риторических фигур] // *Риторика*, 1994. № 2. С. 40–41. URL: <http://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotal-XCXX199402027.htm>.

Дубкова, Захарова-Саровская 2018 – Дубкова О.В., Захарова-Саровская М.В. *Контрастивный анализ словосложения в русском и китайском языках на материале неологической эргономики* // *Вестник Кемеровского государственного университета*, 2018. № 2. С. 170–175. DOI: 10.21603/2078-8975-2018-2-170-175.

Котельникова 2018 – Котельникова Н.Н. *Иноязычные заимствования в эргономии как неотъемлемый компонент урбанистического дискурса Волгограда и Тяньцзиня* // *Язык. Культура. Коммуникация: материалы XI Всероссийской научно-практической конф. с международным участием*. Ульяновск: УлГУ, 2018. С. 26–31. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35348111>.

Леонтович 2018а – Леонтович О.А. *«Всевидящее око» города с позиций социолингвистики* // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*, М., 2018. Т. XIV, Ч. 3. С. 199–212. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.20>.

Леонтович 2018б – Леонтович О.А. *Лик современного города через призму медиурбанистики* // *Жизнь языка в культуре и социуме – 7: материалы международной конф.* / Институт языкознания РАН, Российский университет дружбы народов; отв. ред. Е. Ф. Тарасов. М.: Канцлер, 2018. С. 27–28. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35442160>.

Ли 2009 – Ли Цао. *Лингвистический анализ вывесок* [Обзор особенностей языка вывесок – на примере вывесок магазинов г. Ухань] // *Гуаньчжоу журнал образования*, 2009. № 8. С. 77–79. URL: <http://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTOTAL-GXZJ200904026.htm>.

Мань 2018 – Мань Ш. *Специфика двуязычных китайско-русских вывесок пограничного города Маньчжурия* // *Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология*, 2018. Т. 28. № 5. С. 820–823. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36351417>.

Михайлюкова 2017 – Михайлюкова Н.В. *Тексты вывесок как особый малый письменный жанр в коммуникативном пространстве города* // *Вестник Челябинского государственного университета*, 2017. № 3 (399). Филологические науки. Вып. 105. С. 51–58. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29345678>.

Михайлюкова 2013 – Михайлюкова Н.В. *Тексты городских вывесок как особый речевой жанр (на материале языка г. Владивостока): автореф. дис. ... канд. филол. наук*. Владивосток, 2013. 27 с. URL: <https://www.dissertat.com/content/teksty-gorodskikh-vyvesok-kak-osobyi-rechevoi-zhanr-na-materiale-yazyka-g-vladivostok/read>.

У 2015 – У Миньсяо. *У Миньсяо*. *Обзор особенностей языка вывесок* [Обзор особенностей языка вывесок – анализ текстов вывесок г. Ханчжоу] // *Журнал Педагогического университета*, 2015. № 3. С. 49–51. URL: <https://wenku.baidu.com/view/ee90ac16a58da0116d17498e.html>.

Ульянова 2015 – Ульянова М.Ю. *«Архетипический брендинг» как основа эффективной рекламы в современном Китае* //

Общество и государство в Китае, 2015. Т. 45. № 18-2. С. 410–423. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29035053>.

Харченко, Мань 2018 – Харченко Е.В., Мань Шу. *Харченко Е.В., Мань Шу*. *Лингвокреативность в языковом пространстве города: межкультурный аспект* // *Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива*, 2018. № 2. С. 454–463. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34883294>.

Цзян 2016 – Цзян Ин. *Цзян Ин*. *Вывески на русском языке как фрагмент коммуникативного пространства приграничного китайского города* // *Язык в различных сферах коммуникации: материалы II Международной науч. конф. / составители Т.Ю. Игнатович, Ю.В. Биктимирова*, 2016. С. 72–76. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28934564>.

Шипановская 2016 – Шипановская Л.М. *Шипановская Л.М.* *Язык как элемент региональной культуры приграничной территории (на материале рекламных вывесок городских объектов г. Благовещенска (РФ) и Хэйхэ (КНР))* // *Россия в мировом сообществе: смысловое пространство диалога культур: материалы Международного форума «Восточный вектор миграционных процессов: диалог с русской культурой» / ответ. Ред. Е.В. Кулеш. М., 2016. С. 254–259. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=29019009.*

Ян 2008 – Ян Лю. *Ян Лю*. *Обзор особенностей языка вывесок* [Обзор особенностей языка вывесок заведений общественного питания – на основе вывесок ночного рынка улицы Бэйцзинлу г. Гуанчжоу] // *Научно-техническая информация*, 2008. № 22. С. 313–314. URL: <http://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotalKJXJ200822208.htm>.

References

Van 2008 – Van L. *Semanticheskie osobennosti oikodomonimov Belarusi i Kitaya* [Semantic peculiarities of oikodomonims of Belarus and China]. *Вестник Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта* [Bulletin of Vitebsk State University], 2008, no. 3 (49), pp. 62–68. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23492211> [in Russian].

Glazacheva, Koval 2014 – Glazacheva N.L., Koval N.N. *Osnovnye printsipy neiminga v sovremennom kitaiskom yazyke* [Basic principles of naming in modern Chinese Language]. *Rossiya i Kitai: aspekty vzaimodeistviya i vzaimovliyaniya: materialy VI zaochnoi Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Pod red. N.L. Glazachevoi, O.V. Zalesskoi* [Russia and China: aspects of interaction and mutual influence: materials of the VI extra-mural International research and practical conference. N.L. Glazacheva, O.V. Zalesskaya (Eds.)]. М., 2014, pp. 49–54. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23246204> [in Russian].

Chunling, Yuhong 2006 – 耿春玲, 赵玉红 [Geng Chunling, Zhao Yuhong]. *从招牌语言的特点看语言对社会的映射* [Signboards texts as a form of reflection of public consciousness in language]. *Теория языка* [Theory Horizon], 2006, no. 2, pp. 196–197. Available at: <http://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotal-LLJJ200602092.htm> [in Chinese].

Ding 2006 – 丁安英 [Ding Anying]. *Обзор особенностей языка вывесок* [Overview of signboards language features]. *Тайаньский журнал образования* [Journal of Daizong], 2006, no. 1, pp. 25–26. Available at: <https://www.ixueshu.com/document/1f1a94d3797badd6.html> [in Chinese].

Du 1994 – 杜文侠 [Du Wenxia]. *Национальная психология и культура – анализ текстов вывесок и его риторических фигур* [National psychology and culture – the analysis of the language of signboards and its rhetorical figures]. *Риторика* [Rhetoric Study], 1994, no. 2, pp. 40–41. Available at: <http://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotal-XCXX199402027.htm> [in Chinese].

- Doubkova, Zakharova-Sarovskaya 2018 – *Doubkova O.V., Zakharova-Sarovskaya M.V. Kontrastivnyi analiz slovoslozheniya v russkom i kitaiskom yazykakh na materiale neologicheskoi ergonomii* [Contrastive analysis of multicomponent neologisms in modern Russian and Chinese: neological ergonomics]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2018, no. 2, pp. 170–175. DOI: 10.21603/2078-8975-2018-2-170-175 [in Russian].
- Kotelnikova 2018 – *Kotelnikova N.N. Inoyazychnye zaimstvovaniya v ergonomii kak neot'emlemyi komponent urbanisticheskogo diskursa Volgograda i Tyan'ziny* [Foreign borrowings in ergonomics as an integral component of the urban discourse of Volgograd and Tianjin]. In: *Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsiya: materialy XI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Language. Culture. Communication: materials of XI All-Russian research and practical conference with international participation]. Ulyanovsk: ULGU, 2018, pp. 26–31. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35348111> [in Russian].
- Leontovich 2018a – *Leontovich O.A. «Vsevidyashchee oko» goroda s pozitsii sotsiolingvistiki* [The all-seeing eye of the city from the perspective of urban communication studies]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN* [Acta Linguistica Petropolitana. Journal of the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences]. 2018, Vol. XIV, Part 3, pp. 199–212. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.20> [in Russian].
- Leontovich 2018b – *Leontovich O.A. Lik sovremennogo goroda cherez prizmu mediurbanistiki* [The face of the modern city through the prism of urban studies]. In: *Zhizn' yazyka v kul'ture i sotsiume – 7: materialy Mezhdunarodnoi konferentsii. Institut yazykoznaniiya RAN, Rossiiskii universitet druzhby narodov. Otv. red. E.F. Tarasov* [Language Life in Culture and Society-7: materials of the international conference. Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, RUDN University. E.F. Tarasov (Ed.). M.: Kantsler, 2018, pp. 27–28. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35442160> [in Russian].
- Li 2009 – *李操 [Li Cao]. 浅议招牌语特色—以武汉市商店招牌语为例* [Discussion on the language features of signboards – to take store signboards of Wuhan for an example]. *广西职业技术学院学报* [Journal of Guangxi Vocational and Technical College], 2009, no. 8, pp. 77–79. Available at: <http://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTOTAL-GXZJ200904026.htm> [in Chinese].
- Man 2018 – *Man Shu. Spetsifika dvuyazychnykh kitaisko-russkikh vyvesok pogranichnogo goroda Man'chzhuriya* [Specificity of the bilingual Chinese-Russian signboards in the frontier city of Manchuria]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology], 2018, Vol. 28, no. 5, pp. 820–823. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36351417> [in Russian].
- Mikhailyukova 2017 – *Mikhailyukova N.V. Teksty vyvesok kak osobyi maliy pis'mennyi zhanr v kommunikativnom prostranstve goroda* [Text of sign as a special small written genre in a city communicative space (as exemplified in Vladivostok city language)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2017, no. 3 (399), pp. 51–58. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29345678> [in Russian].
- Mikhailyukova 2013 – *Mikhailyukova N.V. Teksty gorodskikh vyvesok kak osobyi rechevoi zhanr (na materiale yazyka g. Vladivostoka): avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk* [Texts of signboards as the special speech genre (based on Vladivostok city language material): author's abstract of Candidate's of Philological Sciences thesis]. Vladivostok, 2013, 27 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/tekstygorodskikh-vyvesok-kak-osobyi-rechevoi-zhanr-na-materiale-yazykagvladivostoka/read> [in Russian].
- Wu 2015 – *吴敏娇 [Wu Minjiao]. 招牌语言现象面面观—关于杭州市招牌用语的调查分析* [Aspects of signboard language phenomenon – investigation and analysis of signboard language in Hangzhou]. *南京广播电视大学学报* [Journal of Nanjing Radio and TV University], 2015, no. 3, pp. 49–51. Available at: <https://wenku.baidu.com/view/ee90ac16a58da0116d17498e.html> [in Chinese].
- Ulyanova 2015 – *Ulyanova M.Yu. «Arkhetipicheskii brending» kak osnova effektivnoi reklamy v sovremennom Kitae* [«Archetypal branding» as the basis for efficient advertising in modern China]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China], 2015, Vol. 45, no. 18-2, pp. 410–423. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29035053> [in Russian].
- Kharchenko, Man 2018 – *Kharchenko E.V., Man Shu. Lingvokreativnost' v yazykovom prostranstve goroda: mezhkul'turnyi aspekt* [Creativity in language activity in the linguistic space of the city: intercultural aspect]. *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa* [Ural Journal of Philology. Series: Language. System. Personality: creative linguistics], 2018, no. 2, pp. 454–463. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34883294> [in Russian].
- Jiang 2016 – *Jiang Ying. Vyveski na russkom yazyke kak fragment kommunikativnogo prostranstva prigranichnogo kitaiskogo goroda* [Signs in the Russian Language as a Fragment of the Communicative Space Chinese Border City]. *Yazyk v razlichnykh sferakh kommunikatsii: materialy II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Sostaviteli T.Yu. Ignatovich, Yu.V. Biktimirova* [Language in various areas of communication: materials of the II International research conference. Compilers T.Yu. Ignatovich, Yu.V. Biktimirova], 2016, pp. 72–76. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28934564> [in Russian].
- Shipanovskaya 2016 – *Shipanovskaya L.M. Yazyk kak element regional'noi kul'tury prigranichnoi territorii (na materiale reklamnykh vyvesok gorodskikh ob'ektov g. Blagoveshchenska (RF) i Kheikhe (KNR))* [Language as an element of the regional culture in the border territory (on the material of advertising signs of urban sites in Blagoveshchensk city (the RF) and Heihe (China)]. In: *Rossiya v mirovom soobshchestve: smyslovoe prostranstvo dialoga kul'tur: Materialy Mezhdunarodnogo foruma «Vostochnyi vektor migratsionnykh protsessov: dialog s russkoi kul'turoi». Otvetsvennyi redaktor E.V. Kulesh* [Russia in the world community: semantic space of the dialogue of cultures: proceedings of the International forum “Eastern vector of migration processes: dialogue with the Russian culture”], 2016, pp. 254–259. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29019009> [in Russian].
- Yang 2008 – *杨柳 [Yang Liu]. 餐饮类招牌语言的调查与分析—以广州市北京路夜市为例* [The analysis of the language of catering establishments' signboards – based on the signboards of the Beijingjinlu night market in Guangzhou]. *科技信息(学术研究)* [Science and Technology Information], 2008, no. 22, pp. 313–314. Available at: <http://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTOTAL-KJXI200822208.htm> [in Chinese].

**PEER REVIEW IN EFL WRITING CLASSROOMS AT RUSSIAN UNIVERSITIES:
CULTURAL FACTORS**

© Domysheva Svetlana Arkadyevna – Candidate of Philological Sciences, associate professor, Department of Humanities and Foreign Languages, Baikal International Business School, Irkutsk State University, 1, Karl Marx Street, Irkutsk, 664003, Russian Federation.

E-mail: katsveta@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0651-0795>

© Kopylova Natalia Vladimirovna – Candidate of Philological Sciences, associate professor, Department of Humanities and Foreign Languages, Baikal International Business School, Irkutsk State University, 1, Karl Marx Street, Irkutsk, 664003, Russian Federation.

E-mail: n_v_kopylova@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2153-8286>

ABSTRACT

The article addresses the issue of using peer review in writing within the field of Teaching English as a Foreign Language (TEFL) at the university level in Russia. Although peer review has been recognized by teachers around the world as an effective technique for improving students' writing skills, there are very few publications on this topic in Russia.

The research aims to determine how often peer review is used in EFL writing classes at Russian universities, what attitudes teachers and students have toward peer review and whether these attitudes are influenced by inherent cultural characteristics. The data for analysis was obtained through online and offline anonymous surveys conducted in a number of Russian universities among random samples of teachers and students.

Based on the findings of these surveys, the authors conclude that peer review is not a very common practice in EFL writing classes in Russia although it is viewed mostly in a positive way by both faculty and students. The study also shows that limitations on using peer review are caused by such inherent cultural characteristics as a high degree of collectivism and high power distance. These cultural values, believed to be typical of Russians, are manifested in educational settings; yet, there is no unanimity among faculty and among students about the extent of this manifestation. Moreover, there is a considerable discrepancy between teachers' and students' views on whether learning should be student- or teacher-centered.

Key words: peer review, TEFL, writing pedagogy, Russian universities, collectivism, power distance, student-centered vs. teacher-centered learning.

Citation. Domysheva S.A., Kopylova N.V. *Peer review in EFL writing classrooms at Russian universities: cultural factors*. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 3, pp. 139–147. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-139-147> [in English].

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-3-139-147
УДК 81; 378

Дата поступления статьи: 15/VI/2019
Дата принятия статьи: 25/VII/2019

С.А. Домышева, Н.В. Копылова

ВЗАИМНОЕ РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ ПИСЬМЕННЫХ ЗАДАНИЙ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ: КУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ

© *Домышева Светлана Аркадьевна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков, Байкальская международная бизнес-школа, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1.

E-mail: katsveta@yandex.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-0651-0795>

© *Копылова Наталья Владимировна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков, Байкальская международная бизнес-школа, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1.

E-mail: n_v_kopylova@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-2153-8286>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблема использования взаимного рецензирования письменных заданий в преподавании английского языка как иностранного в российских университетах. Хотя данный метод был признан эффективным для совершенствования навыков письма, в России этой теме посвящено очень незначительное количество публикаций.

Целью данного исследования стало выявление того, как часто взаимное рецензирование используется на занятиях по обучению письму на английском языке в российских университетах, каково отношение преподавателей и студентов к этому методу, а также определение степени влияния культурных факторов на это отношение. Данные для анализа были получены в результате проведения анонимных онлайн- и офлайн-опросов в ряде российских университетов среди преподавателей и студентов в формате случайной выборки.

На основании опросов авторы делают вывод, что в России взаимное рецензирование не находит широкого применения, хотя этот метод оценивается преимущественно положительно как преподавателями, так и студентами. Проведенное исследование также показывает, что ограниченное использование взаимного рецензирования обусловлено такими культурными особенностями, как высокий уровень коллективизма и высокий индекс дистанции власти. Эти культурные ценности, характеризующие русских как нацию, проявляются в образовательном контексте. Тем не менее среди опрошенных преподавателей и студентов нет единой точки зрения относительно степени их проявления. Кроме того, существуют значительные расхождения между мнениями преподавателей и студентов по поводу того, должно обучение быть центрировано на студентах или на преподавателях.

Ключевые слова: взаимное рецензирование, преподавание английского языка как иностранного, обучение письму, российские университеты, коллективизм, дистанция власти, активное обучение vs традиционное обучение.

Цитирование. Domysheva S.A., Kopylova N.V. Peer review in EFL writing classrooms at Russian universities: cultural factors // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 3. С. 139–147. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-3-139-147>.

Introduction

Russia's integration into global research and educational space is accompanied by adopting teaching strategies, approaches, and methods widely used around the world. One such technique that has proven effective in numerous studies is peer review [Bauler 2013; Bowman & Robertson 2013; Carson & Nelson 1996; Connor & Asenavage 1994; Hyland & Hyland 2006; Nelson & Murphy 1993; Ren & Hu 2011; Tsui & Ng 2000; Wang 2009], a learning and assessment tool applied in university writing classrooms, including ESL and EFL classrooms, in many countries.

Whereas various aspects of peer review - such as its forms, benefits, best practices, and limitations - have been extensively researched outside of Russia (for

example, *CompPile*, a database of publications in writing studies, lists nearly three thousand items on the subject published in the West), very little research on this topic has been done in Russia [Halmurzaeva & Masimova 2006; Ostrovskaya & Vyshegorodtseva 2013; Melyokhina 2014]. The lack of publications on peer review by Russian professionals does not necessarily indicate that this method has not been introduced into the EFL pedagogy in Russia; still, it remains unclear how frequently peer review is used in writing classes at Russian universities and how it is viewed by teachers and students. Furthermore, a number of studies emphasize that in some cultures, mostly in Asia, there may be cultural barriers to effective use of peer review [Carson & Nelson 1996; Nelson 2000; Ren & Hu 2011;

Wang 2009]. Our hypothesis is that cultural issues might have a certain negative impact on using peer review in Russia as well. Therefore, this study aims to discover whether peer review is a common practice, well-integrated into the teaching and learning process in EFL writing classrooms in Russian universities, and whether there is any cultural influence hampering its effective implementation.

Literature review

As people are both individuals and members of groups, their cultural roots to a large extent determine their perceptions, values, beliefs, and behavioral patterns. One of the best-known theories in cross-cultural studies is Geert Hofstede's model of cultural dimensions, which resulted from his extensive research into national values differences [Hofstede 2001]. Nelson [Nelson 2000] claims that two of these cultural dimensions – individualism/collectivism and power distance – are especially helpful in understanding ESL and EFL studies. She points out, however, that “cultures vary in their specific manifestations of the dimensions” and “the dimensions may be more applicable to some students than to others due to variations within a culture and the degree to which individual ESL students have adopted target culture norms” [Nelson 2000, p. 76].

The influence of the above-mentioned cultural dimensions on peer review as a pedagogical activity has been thoroughly analyzed in Asian cultures, first of all, in China [Carson 2000; Ren & Hu 2010; Wang 2009]. According to Hofstede [Hofstede 2001], China is a collectivistic culture, with a high power distance ranking. These values shared by most Chinese are manifested in various contexts, including educational settings. Nelson found that Chinese students, concerned for the feelings of their peers and focused on saving the “face” of every member of the group, were reluctant to do peer review. In their opinion, negative comments, which peer reviews are likely to contain, break harmony and cohesion in the group [Nelson 2000, pp. 78–79]. One more cultural dimension that prevents successful implementation of peer review in China is a big status distance in the classroom, which means preference for teacher-centered pedagogy. As it is the teacher's responsibility to transmit knowledge, Chinese students do not feel that they have any right and competence to be actively involved in the learning process [Nelson 2000, pp. 84–85].

In Hofstede's study Russia also ranks as a collectivistic, high power distance culture. It is more individualistic than China (with the scores 39 and 20 respectively on the 100 scale), but its power distance score is higher than that in China (with the scores 93 and 80 respectively). Both countries are in sharp contrast to the USA, where the score on individualism is 91 and the score on power distance is 40 [Hofstede 2001]. In a number of other studies, Russia is also described as a collectivistic culture, with a significant power distance [Isurin 2011; Kants & Realo 1999; Realo & Allik 1999; Tower, Kelly & Richards 1997; Tu, Ling & Chang 2011]. As the scores of China and Russia in the two dimensions have a great degree of analogy, it may be assumed that there are similar manifestations of

collectivism and high power distance in educational settings in general and in the use of peer review in particular.

This hypothesis is also based on the observations made in several studies into the learning culture of Russian ESL students in the USA [Isurin 2011; Malko 2006; Smith 2000]. According to these studies, Russian students are seen by their American instructors as people who strongly identify themselves with an in-group, who tend to feel morally obliged to help their peers and are unwilling to criticize them, and who are accustomed to teacher-centered instruction. Such descriptions of the Russian learning culture indicate that cultural factors may have a certain impact on effective use of peer review in EFL writing classes in Russia, and the extent of this impact needs to be explored.

Methodology

In order to obtain data concerning the scope of using peer review in EFL writing classes at Russian universities and concerning attitudes to this activity among teachers and students, two anonymous self-completion surveys were conducted in four universities in Irkutsk, Abakan, and St. Petersburg. One of the surveys was held among faculty members who teach writing as part of their EFL courses, and the other survey was carried out among university students learning English at different levels. The survey questionnaires were distributed via face-to-face contacts, e-mail, and *Survey Monkey*, an online survey tool.

The questionnaire for teachers includes 18 multiple choice questions, most of which require choosing only one option from the list provided. The questionnaire for students is a simplified and shortened version of the teacher questionnaire, and it consists of 14 multiple choice questions. The first four questions in the teacher questionnaire are aimed at obtaining some demographic data about the survey samples – (1) the teacher sample: gender, age, academic degree, work experience, students' level of language proficiency; (2) the student sample: gender, academic year, major. The other questions deal with peer review as such, covering frequency of its use, its effectiveness from the teachers' and students' perspectives, and possible connections between successful implementation of peer review and cultural characteristics of collectivism and high power distance, which are believed to be typical of Russians (these questions will be discussed in the following section).

The teacher sample includes 25 faculty members, among whom are 23 women and 2 men. Most of the teachers are between 30 and 39 years old, have a Candidate of Sciences degree (a Russian academic degree roughly equivalent to PhD) and have worked in their professional field for 11–15 years (see *Table 1* for more detail).

The participants of the second survey are 119 students, among whom are 92 females and 27 males majoring in humanities, social sciences and applied sciences. Among the respondents there are 30 first-year students, 26 second-year students, 24 third-year students, 23 fourth-year students, 8 graduate students studying

Table 1

Age, Academic Degree and Work Experience of the Faculty Sample

	<i>Age</i>					
	Under 25	25–29	30–39	40–49	50–59	60+
Number of people	-	1	18	5	-	1
	<i>Academic degree</i>					
	Master's degree	Specialist degree	Candidate of Sciences	PhD	Doctor of Sciences	
Number of people	-	6	19	-	-	
	<i>Work experience</i>					
	1–2 years	3–5 years	6–10 years	11–15 years	16–20 years	More than 20 years
Number of people	-	-	6	14	2	3

for their Master's degree and 8 students studying for their Candidate of Sciences degree. The survey used stratified random sampling aimed at gathering information about students at various academic levels.

Data analysis and discussion

The scope of peer review use in EFL writing classes at Russian universities

According to the survey among the faculty, 60 percent of the respondents (15 out of 25 people) have used peer review in their writing classrooms. 8 teachers say that they use peer review approximately once per semester; 6 teachers use it on a more regular basis, several times per semester, and one teacher used to do it in the past but does not practice it any longer.

The survey conducted among the students shows that approximately 56 percent of the sample (67 out of 119 people) have tried peer review in their writing assignments. Among the 52 students who have never done peer review, 37 students say that they would like to try it, while 15 students do not think it is worth trying.

In order to understand how extensive the scope of using peer review in EFL writing classes in Russia is, we compared our findings with the results of a similar survey at a private master's-level comprehensive university in the southeastern United States [Brammer & Rees 2007]. All of the 22 faculty members who completed the survey regularly practiced peer review in their writing courses. 16 teachers (approximately 73 percent) said that they always or usually did it, and 6 teachers (approximately 27 percent) said that they seldom or occasionally did it. The survey among 328 students also showed that all the students were required to do peer review, more or less frequently. About two-thirds of the student respondents used peer review for more than half of their major writing assignments, and 20.4 percent said that they asked their classmates to peer review even when it was not required by the instructor [Brammer & Rees 2007, pp. 74–77].

The results of the U.S. survey indicate that peer review is an inseparable part of writing courses at American universities as 100 percent of the teaching staff practice it in their writing classrooms and 100 percent of the students have to do it. In Russia,

however, as our survey shows, peer review used by approximately 60 percent of the teachers is not a very common learning tool. At the same time, the findings of the two surveys cannot be compared in a simplistic way as there are a number of complicating factors to be further considered. First, the American writing courses mentioned above teach students how to write in their native language, not in a foreign language. Our survey, however, analyzes the use of peer review in EFL writing classes, while it remains unknown whether this technique finds any application when students write in Russian. Second, whereas at American universities a writing course is a separate entity, at Russian universities writing in English is an integrated part of the English language course, together with other aspects such as reading, listening and speaking.

Attitudes to peer review in EFL writing classes at Russian universities

As the survey shows, faculty members have mixed feelings about peer review. Among the 25 surveyed, 14 teachers find peer review effective (3 of them have never tried it); 10 teachers cannot make evaluative judgments about this method (6 of them have never used peer review), and one teacher considers peer review ineffective. Among the 10 teachers who have never used peer review, 7 teachers say that they would like to try it.

Generally, most of the students demonstrate quite a positive attitude to peer review: 77 students (64.7 percent), including 42 students who have tried it, think peer review is an effective technique; 23 students (19.3 percent), including 9 students who have tried it, cannot say whether or not peer review is effective; 19 students (16 percent), including 16 students who have tried it, do not think peer review is effective. Among the students who have tried peer reviewing 62.7 percent evaluate peer review as a helpful method whereas 23.8 percent do not see much value in this activity.

Brammer and Rees study [Brammer & Rees 2007] revealed more positive attitudes to peer review. Most of the faculty respondents share the view that peer review is a valuable part of the writing process (mean = 3.77 on a 5-point scale). Among the students surveyed, approximately 43.3 percent think that peer review is usually or always helpful; 31.1 percent consider it

occasionally helpful; 18 percent seldom find it helpful, and 4.6 percent say it is not helpful at all.

Quite limited use of peer review in EFL writing classes at Russian universities may be caused by several reasons, for example, by poor teacher awareness of this method. Likewise, mixed feelings about peer review among students may be related to the fact that EFL learners may distrust their peers' responses as they all are developing their language proficiency. Still, there is a great probability that there are certain underlying cultural factors behind the current situation. Therefore, the questionnaire includes eight questions designed to determine the presence of such cultural characteristics as a high degree of collectivism and a high degree of power distance in educational settings.

Collectivism

The key features of collectivism are a strong sense of belonging to a certain group and maintaining harmony and good relations within this group. It is important to save the "face" of every member of the group, and disagreeing or criticizing is to be avoided. Such attitudes, however, apply only to the members of the group, not to people outside the group. The questionnaires for teachers and students contained four statements describing possible manifestations of collectivistic patterns of behavior in doing peer reviews. The respondents needed to express their agreement or disagreement with these statements.

The results of the survey among the faculty show that most teachers strongly believe that being on the collectivistic end of the scale causes considerable psychological discomfort among Russian students when they have to do peer reviews. It makes them reluctant to come up with critical comments and to be objective when assessing their group members. This viewpoint is shared by both the teachers who use peer review in their writing activities (Group 1 in the chart below, consisting of 15 teachers) and the teachers who have

never tried peer review and consider this issue hypothetically, relying on their general teaching experience (Group 2 in the chart below, consisting of 10 teachers), Table 2.

The results of the student survey differ considerably from the results of the faculty survey. Whereas the overwhelming majority of the students agree with the first two statements regarding the preferred conditions of doing peer reviews (statement 1: 91 students agree, 28 disagree; statement 2: 87 agree, 32 disagree), there are more respondents who disagree that maintaining harmony in the group and avoiding criticism of group members' writing in order to save their "face" are of great importance (statement 3: 69 disagree, 50 agree; statement 4: 73 disagree, 46 agree). This viewpoint is shared by both the students who have tried doing peer reviews in their writing activities (Group 1 in the chart below) and the students who have never tried peer reviews and consider this issue hypothetically, relying on their experience in other learning activities (Group 2 in the chart below), Table 3.

There is a clear discrepancy between the faculty's and the students' views of collectivism and its impact on peer review. From the teachers' perspective, students value cohesion and good relations within their group and they place a high importance on keeping a friendly atmosphere devoid of any criticism. The students surveyed do not share these opinions so unanimously; in fact, most students display individualistic attitudes.

Power distance

In educational settings power distance refers to the distance between a teacher and a student. High power distance means preference for teacher-centered pedagogy, where the teacher is the sole authority, responsible for transmitting knowledge to the students whose role is to passively receive this knowledge. The teacher functions as "the sage on the stage" and does not expect students to actively participate in their own learning.

Table 2

Peer Review and Collectivism (Faculty's Perspective)

Name	Gr.	Strongly disagree	Disagree	Agree	Strongly agree
1. My students would feel more comfortable and would provide more critical comments if they did peer reviews anonymously, without knowing whose work it is	Gr. 1	-	1	8	6
	Gr. 2	-	1	9	-
	Total	-	2	17	6
2. My students would feel more comfortable and would provide more critical comments if they reviewed work of somebody from another group whom they do not know personally	Gr. 1	-	1	8	6
	Gr. 2	-	3	6	1
	Total	-	4	14	7
3. When students do peer reviews, they tend to apply elevated grades or to award the same grade to everyone because it is very important for them to keep harmony in the group	Gr. 1	-	3	9	3
	Gr. 2	-	3	6	1
	Total	-	6	15	4
4. Students are unwilling to point out errors and shortcomings of their classmates' writing because there is a "face" problem	Gr. 1	-	7	7	1
	Gr. 2	-	2	7	1
	Total	-	9	14	2

The questionnaires for teachers and students contained four statements describing possible manifestations of high power distance in doing peer reviews. The respondents needed to express their agreement or disagreement with these statements.

According to the survey, teachers show a certain extent of disagreement concerning high power distance. The faculty surveyed form two more or less equal groups which have the opposite views of students' ability to do peer reviews (statement 1 in Fig. 4 below). 12 teachers believe that their students are not able to do peer reviews well, whereas 13 teachers disagree. Although it is reasonable to assume that the ability of students to do peer reviews effectively depends on their level of language proficiency, the survey does not confirm this assumption. Teachers whose students' level of language

proficiency is high (assessed as C1 or C2) are found in both of the above-mentioned groups.

Similarly, there is no agreement among faculty concerning the authority and the role of the teacher in the classroom. Responses to statements 2, 3 and 4 in Table 4 below highlight the presence of two opposite teaching paradigms in Russian universities – teacher-centered (statements 2 and 3) and learner-centered (statement 4). The survey shows that there is no unanimous understanding of relationships between faculty and students and of distributing responsibility in the classroom.

The student survey indicates that among students, unlike teachers, the viewpoint that students are competent enough to do peer reviews dominates (83 out of

Table 3

Peer Review and Collectivism (Students' Perspective)

Name	Gr.	Strongly disagree	Disagree	Agree	Strongly agree
1. I would feel more comfortable and would provide more critical comments if I did peer reviews anonymously, without knowing whose work it is	Gr. 1	3	12	35	17
	Gr. 2	2	11	31	8
	Total	5	23	66	25
2. I would feel more comfortable and would provide more critical comments if I reviewed work of somebody from another group whom I do not know personally	Gr. 1	5	11	43	8
	Gr. 2	-	16	31	5
	Total	5	27	74	13
3. Keeping harmony in my group is more important than expressing critical opinions	Gr. 1	5	36	21	5
	Gr. 2	2	26	17	7
	Total	7	62	38	12
4. It is difficult for me to point out errors and shortcomings of my classmates' writing because I do not want to offend them with my criticism	Gr. 1	8	34	24	1
	Gr. 2	5	26	16	5
	Total	13	60	40	6

Table 4

Peer Review and High Power Distance (Faculty's Perspective)

Name	Gr.	Strongly disagree	Disagree	Agree	Strongly agree
1. Peer review is too challenging for students, and they are not able to recognize errors and give good comments	Gr. 1	3	6	5	1
	Gr. 2	-	4	6	-
	Total	3	10	11	1
2. Teachers are solely responsible for making corrections and for explaining how to write. Students' responsibility is just to follow the teacher's guidelines	Gr. 1	2	6	6	1
	Gr. 2	-	4	5	1
	Total	2	10	11	2
3. In Russia, teacher-centered approaches produce better results as students are not ready to be active learners	Gr. 1	1	6	8	-
	Gr. 2	-	3	7	-
	Total	1	9	15	-
4. Students now have more autonomy in learning, and the teacher's role is to help them learn	Gr. 1	-	7	8	-
	Gr. 2	-	2	7	1
	Total	-	9	15	1

Table 5

Peer Review and High Power Distance (Students' Perspective)

Name	Gr.	Strongly disagree	Disagree	Agree	Strongly agree
1. Peer review is too challenging for me. I do not think I am able to recognize errors and give good comments on my peers' writing	Gr. 1	12	38	15	2
	Gr. 2	5	28	16	3
	Total	17	66	31	5
2. Teachers are solely responsible for making corrections and for explaining how to write. Students' responsibility is just to follow the teacher's guidelines	Gr. 1	5	28	28	6
	Gr. 2	3	14	31	4
	Total	8	42	59	10
3. In Russia, teacher-centered approaches produce better results as students are not ready to be active learners	Gr. 1	7	34	21	5
	Gr. 2	7	29	15	1
	Total	14	63	36	6
4. Students now have more autonomy in learning, and the teacher's role is to help them	Gr. 1	2	19	35	11
	Gr. 2	1	7	38	6
	Total	3	26	73	17

119 students believe so). According to the survey, the majority of the students agree that teachers are more responsible for the educational process than learners themselves; however, the numerical difference between the two groups is not very big (69 students versus 50 students). At the same time, most of the respondents support the idea that students are active and autonomous participants of the learning process, not passive recipients of information (statement 3: 77 students versus 42 students; statement 4: 90 students versus 29 students), Table 5.

Conclusions

The first part of the study aimed at discovering how extensively peer review is used in EFL writing classes at Russian universities and how it is viewed by both faculty and students has produced the following results. Unlike American universities, where peer review has become a standard routine in writing courses [Brammer & Rees 2007], in Russia it is not a well-established component of the writing process yet. Nowadays, slightly more than half of the faculty (60 percent) use peer review in their writing classes. Since there is no data on this issue prior to the current study, it is impossible to observe the dynamics of peer review usage in EFL writing pedagogy in Russia. Yet, further research could show whether or not peer review is becoming more popular.

The survey shows that attitudes to peer review are generally positive. The majority of the faculty and the students believe that peer review improves students' writing skills. It means that although there are teachers and students who are opposed to this technique and who do not find it effective, peer review is quite favorably accepted in the EFL community at Russian universities.

The purpose of the second part of the study was to determine whether cultural norms traditionally ascribed to Russia, such as collectivistic values and high power distance, have any impact on implementing peer review

in writing classes. The survey has revealed a certain discrepancy in opinions expressed by the faculty and by the students. Whereas both of these groups believe that it is more comfortable to do peer review anonymously or not knowing whose work is being reviewed, they have different views concerning keeping harmony in the group and saving the group mates' "face". Unlike faculty, the majority of whom believe that these collectivistic patterns of behavior are typical of their students, students themselves mostly do not attach so much importance to these values, thus, displaying a considerable degree of individualism.

Whereas teachers are more cautious in assessing their students' ability to do good peer reviews (only 52 percent believe that peer review is a task with which students can cope successfully), students themselves are more confident of their skills (69.7 percent do not think that peer review is too challenging). In other words, students want to more actively participate in the educational process.

The survey questions about power distance reveal that faculty are more or less equally divided into two groups. One of the groups believes in the principles of teacher-centered pedagogy, and the other one supports the ideas of learner-centered pedagogy. Similar results can be observed in the student sample, where many students tend to show willingness to be more actively involved in the learning process. These findings may indicate that the Russian higher education system is shifting from the older teacher-centered paradigm (characterized by high power distance) to the new learner-centered paradigm (characterized by low power distance).

Based on these findings, we can draw a conclusion that cultural background has a certain impact on the effective use of peer review in EFL writing pedagogy. Still, as the values of collectivism and high power distance considered typical of Russians seem to be undergoing changes, this impact should not be overestimated.

References

- Bowman, Robertson 2013 – *Bowman I.K., Robertson J.* Sequenced Peer Revision: Creating Competence and Community. *The CATESOL Journal*, 2012/2013, no. 24.1, pp. 98–111. Available at: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1111900.pdf> [in English].
- Brammer, Rees 2007 – *Brammer C., Rees M.* Peer Review From the Students' Perspective: Invaluable or Invalid? *Composition Studies*, 2007, Vol. 35 (2), pp. 71–85. Available at: <https://www.uc.edu/content/dam/uc/journals/composition-studies/docs/backissues/35-2/Brammer%20and%20Rees%2035.2.pdf> [in English].
- Carson, Nelson 1996 – *Carson J., Nelson G.* Chinese Students' perception of ESL Peer Response Group Interaction. *Journal of Second Language Writing*, Vol. 5, Issue 1, January 1996, pp. 1–19. DOI: [https://doi.org/10.1016/S1060-3743\(96\)90012-0](https://doi.org/10.1016/S1060-3743(96)90012-0) [in English].
- Connor, Asenavage 1994 – *Connor U., Asenavage K.* Peer Response Groups in ESL Writing Classes: How Much Impact on Revision? *Journal of Second Language Writing*, 1994, no. 3, pp. 257–276 [in English].
- Hofstede 2001 – *Hofstede G.* (2001) Culture's Consequences. Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations, 2nd ed. Sage, Thousand Oaks, CA. Available at: https://digitalcommons.usu.edu/unf_research/53/. [in English].
- Hyland 2006 – *Hyland K., Hyland F.* Feedback on Second Language Students' Writing. Language Teaching. Cambridge: Cambridge University Press, 2006, Vol. 39 (2), pp. 83–101. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S0261444806003399> [in English].
- Isurin 2011 – *Isurin L.* Russian Diaspora: Culture, Identity, and Language Change. NY: Walter de Gruyter, 2011, 234 p. [in English].
- Kants, Realo 1999 – *Kants L., Realo A.* Meta-Level Collectivism in Estonia and Finland. *A Journal of the Humanities and Social Sciences*, 1999, no. 1/2, Vol. 3 (53/48), pp. 3–18 [in English].
- Malko 2006 – *Malko V.A.* A Comparative Analysis of American and Russian ESL/EFL Classroom Cultures. *The CATESOL Journal*, 2006, no. 18.1, pp. 122–137. Available at: http://www.catesoljournal.org/wp-content/uploads/2014/07/CJ18_malko.pdf [in English].
- Nelson, Murphy 1993 – *Nelson G., Murphy J.* Peer Response Groups: Do L2 Writers Use Peer Comments in Revising Their Drafts?. *TESOL Quarterly*, 1993, no. 27, pp. 135–142. DOI: 10.2307/3586965 [in English].
- Nelson 2000 – *Nelson G.* Individualism-Collectivism and Power Distance: Applications for the English as a Second Language Classroom. *The CATESOL Journal*, 2000, no. 12.1, pp. 73–91. Available at: http://www.catesoljournal.org/wp-content/uploads/2014/07/CJ12_nelson.pdf [in English].
- Realo, Allik 1999 – *Realo A., Allik J.* Across-Cultural Study of Collectivism: A Comparison of American, Estonian and Russian Students. *Journal of Social Psychology*, 1999, no. 139, pp. 133–142. DOI: 10.1080/00224549909598367 [in English].
- Ren, Hu 2012 – *Ren H., Hu G.* Peer Review and Chinese EFL/ESL Student Writers. *English Australia Journal*, 2012, Vol. 27(2), pp. 3–16. Available at: <https://ejournal.partica.online/digital/english-australia-journal-272/flipbook/1> [in English].
- Smith 2000 – *Smith I.* Culture Clash in the English as a Second Language Classroom: Russian Students in America. *The CATESOL Journal*, 2000, no. 12.1, pp. 93–116. Available at: http://www.catesoljournal.org/wp-content/uploads/2014/07/CJ12_smith.pdf [in English].
- Tower, Kelly, Richards 1997 – *Tower R.K., Kelly C., Richards A.* Individualism, collectivism and Reward Allocation: A Cross-Cultural Study in Russia and Britain. *Journal of Social Psychology*, 1997, no. 36, pp. 331–345. DOI: 10.1111/j.2044-8309.1997.tb01135.x [in English].
- Tsui, Ng 2000 – *Tsui A.B.M., Ng M.* Do Secondary L2 Writers Benefit From Peer Comments?. *Journal of Second Language Writing*, 2000, no. 9, pp. 147–170. DOI: [https://doi.org/10.1016/S1060-3743\(00\)00022-9](https://doi.org/10.1016/S1060-3743(00)00022-9) [in English].
- Tu, Lin, Chang 2011 – *Tu Y.T., Lin S.Y., Chang Y.Y.* A Cross-Cultural Comparison by Individualism/Collectivism among Brazil, Russia, India and China. *International Business Research*, 2011, no. 4 (2), pp. 175–182. DOI: 10.5539/ibr.v4n2p175 [in English].
- Wang 2009 – *Wang H.C.* Taiwanese Students' Perceptions of Writing Commentaries: Revisiting Culture. *The International Journal of Language, Society, and Culture*, 2009, no. 28, pp. 82–91 [in English].
- Melekhina 2014 – *Melekhina E.A.* *Tekhnologii otsenivaniya esse pri obuchenii aspirantov i magistrantov pis'mu dlya akademicheskikh tselei* [Essay Assessment Technology in Teaching Writing for Academic Purposes to Master and Graduate Students]. *Vestnik TGPU* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2014, no. 10 (151), pp. 202–206. Available at: https://vestnik.tspu.edu.ru/en/archive.html?year=2014&issue=10&article_id=4881 [in Russian].
- Ostrovskaya, Vyshegorodtseva 2013 – *Ostrovskaya E.S., Vyshegorodtseva O.V.* *Academic Writing: kontseptsiya i praktika akademicheskogo pis'ma na angliiskom yazyke* [Academic Writing: Concept and Practice of Academic Writing in English]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2013, no. 7, pp. 104–113. Available at: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/34sg6c13sx/direct/111589237> [in Russian].
- Halmurzaeva, Masimova 2006 – *Halmurzaeva A.F., Masimova A.D.* *Preimushchestva vzaimoproverki kak osnovnogo zvena protsessa napisaniya esse* [Benefits of Peer Review as the Main Element of Essay Writing]. *AUCA Academic Review*, 2006, pp. 183–188. Available at: http://elibrary.auca.kg/bitstream/123456789/308/1/Halmurzaeva_Masimova_2006_4.pdf. [in Russian].
- Bauler 2012/2013 – *Bauler C.V.* Online Forum Discussions and the Development of Opinions in College-Level ESL Writing. *The CATESOL Journal*, 2012/2013, no. 24.1, pp. 112–121. Available at: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1111889.pdf> [in English].

Библиографический список

- Bauler 2013 – *Bauler C.V.* Online Forum Discussions and the Development of Opinions in College-Level ESL Writing // *The CATESOL Journal*. 2013. № 24.1. P. 112–121. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1111889.pdf>.
- Bowman, Robertson 2013 – *Bowman I. K., Robertson J.* Sequenced Peer Revision: Creating Competence and Community // *The CATESOL Journal*. 2013. № 24.1. P. 98–111. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1111900.pdf>.
- Brammer, Rees 2007 – *Brammer C., Rees M.* Peer Review From the Students' Perspective: Invaluable or Invalid? // *Composition Studies*. 2007. Vol. 35 (2). P. 71–85. URL:

- <https://www.uc.edu/content/dam/uc/journals/composition-studies/docs/backissues/35-2/Brammer%20and%20Rees%2035.2.pdf>.
- Carson, Nelson 1996 – *Carson J., Nelson G.* Chinese Students' perception of ESL Peer Response Group Interaction // *Journal of Second Language Writing*. 1996. № 5. P. 1-19. DOI: [https://doi.org/10.1016/S1060-3743\(96\)90012-0](https://doi.org/10.1016/S1060-3743(96)90012-0).
- Connor, Asenavage 1994 – *Connor U., Asenavage K.* Peer Response Groups in ESL Writing Classes: How Much Impact on Revision? // *Journal of Second Language Writing*. 1994. № 3. P. 257–276.
- Hofstede 2001 – *Hofstede G.* Culture's Consequences. Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001. URL: https://digitalcommons.usu.edu/unf_research/53.
- Hyland 2006 – *Hyland K., Hyland F.* Feedback on Second Language Students' Writing. *Language Teaching*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. Vol. 39 (2). P. 83–101. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S0261444806003399>.
- Isurin 2011 – *Isurin L.* Russian Diaspora: Culture, Identity, and Language Change. NY: Walter de Gruyter, 2011. 234 p.
- Kants, Realo 1999 – *Kants L., Realo A.* Meta-Level Collectivism in Estonia and Finland // *A Journal of the Humanities and Social Sciences*. 1999. No. 1/2. Vol. 3 (53/48). P. 3–18.
- Malko 2006 – *Malko V.A.* A Comparative Analysis of American and Russian ESL/EFL Classroom Cultures // *The CATESOL Journal*. 2006. № 18.1. P. 122–137. URL: http://www.catesoljournal.org/wp-content/uploads/2014/07/CJ18_malko.pdf.
- Nelson, Murphy 1993 – *Nelson G., Murphy J.* Peer Response Groups: Do L2 Writers Use Peer Comments in Revising Their Drafts? // *TESOL Quarterly*. 1993. № 27. P. 135–142. DOI: 10.2307/3586965.
- Nelson 2000 – *Nelson G.* Individualism-Collectivism and Power Distance: Applications for the English as a Second Language Classroom // *The CATESOL Journal*. 2000. № 12.1. P. 73–91. URL: http://www.catesoljournal.org/wp-content/uploads/2014/07/CJ12_nelson.pdf.
- Realo, Allik 1999 – *Realo A., Allik J.* Across-Cultural Study of Collectivism: A Comparison of American, Estonian and Russian Students // *Journal of Social Psychology*. 1999. № 139. P. 133–142. DOI: 10.1080/00224549909598367.
- Ren, Hu 2012 – *Ren H., Hu G.* Peer Review and Chinese EFL/ESL Student Writers // *English Australia Journal*. 2012. Vol. 27 (2). P. 3-16. URL: <https://ejournal.partica.online/digital/english-australia-journal-272/flipbook/1/>
- Smith 2000 – *Smith I.* Culture Clash in the English as a Second Language Classroom: Russian Students in America // *The CATESOL Journal*. 2000. № 12.1. P. 93–116. URL: http://www.catesoljournal.org/wp-content/uploads/2014/07/CJ12_smith.pdf.
- Tower, Kelly, Richards 1997 – *Tower R.K., Kelly C., Richards A.* Individualism, collectivism and Reward Allocation: A Cross-Cultural Study in Russia and Britain // *Journal of Social Psychology*. 1997. № 36. P. 331-345. DOI: 10.1111/j.2044-8309.1997.tb01135.x.
- Tsui, Ng 2000 – *Tsui A.B.M., Ng M.* Do Secondary L2 Writers Benefit From Peer Comments? // *Journal of Second Language Writing*. 2000. № 9. P. 147–170. DOI: [https://doi.org/10.1016/S1060-3743\(00\)00022-9](https://doi.org/10.1016/S1060-3743(00)00022-9).
- Tu, Lin, Chang 2011 – *Tu Y.T., Lin S.Y., Chang Y.Y.* A Cross-Cultural Comparison by Individualism/Collectivism among Brazil, Russia, India and China // *International Business Research*. 2011. № 4 (2). P. 175–182. DOI: 10.5539/ibr.v4n2p175.
- Wang 2009 – *Wang H.C.* Taiwanese Students' Perceptions of Writing Commentaries: Revisiting Culture // *The International Journal of Language, Society, and Culture*. 2009. № 28. P. 82-91.
- Мелехина 2014 – *Мелехина Е.А.* Технологии оценивания эссе при обучении аспирантов и магистрантов письму для академических целей // *Вестник ТГПУ*. 2014. № 10 (151). С. 202–206. URL: https://vestnik.tspu.edu.ru/en/archive.html?year=2014&issue=10&article_id=4881
- Островская, Вышегородцева 2013 – *Островская Е.С., Вышегородцева О.В.* Academic Writing: концепция и практика академического письма на английском языке // *Высшее образование в России*. 2013. № 7. С. 104–113. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/34sg6c13sx/direct/111589237>.
- Халмурзаева, Масимова 2006 – *Халмурзаева А.Ф., Масимова А.Д.* Преимущества взаимопроверки как основного звена процесса написания эссе // *AUCA Academic Review*. 2006. С. 183-188. URL: http://elibrary.auca.kg/bitstream/123456789/308/1/Halmurzaeva_Masimova_2006_4.pdf.

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-3-148-155
УДК 811: 378.1

Дата поступления статьи: 10/VI/2019
Дата принятия статьи: 22/VII/2019

Ю.И. Горбунов, О.Ю. Горбунова

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ЛИНГВИСТА-ПЕРЕВОДЧИКА: ЕЕ СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ

© *Горбунов Юрий Иванович* – доктор филологических наук, профессор кафедры «Теория и практика перевода», Тольяттинский государственный университет, 445020, Российская Федерация, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: yourigorbounov@tltu.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5878-6702>.

© *Горбунова Ольга Юрьевна* – старший преподаватель кафедры «Теория и практика перевода», Тольяттинский государственный университет, 445020, Российская Федерация, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: olga.gorbounova@hotmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8707-6811>.

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается вопрос о сущности и содержании профессиональной компетентности лингвиста-переводчика. Авторы статьи полагают, что профессиональная компетентность представляет собой сложную многомерную категорию, которая раскрывается в виде спектра отдельных ключевых компетенций, среди которых на первом месте стоит коммуникативная компетенция со всеми ее составляющими компонентами. Коммуникативная компетенция определяется как способность правильно использовать язык в разнообразных социально детерминированных ситуациях. Коммуникативная компетенция состоит из нескольких составляющих компетенций, среди которых в первую очередь выделяются и составляют ее основное ядро: лингвистическая компетенция, дискурсивная компетенция, социокультурная компетенция.

Наряду с коммуникативной компетенцией в структуре профессиональной компетентности лингвиста-переводчика выделяется ряд особых компетенций, отражающих специфику его переводческой деятельности. Среди них: текстообразующая компетенция, техническая компетенция и информационно-технологическая компетенция, которые предполагают владение современными информационными технологиями, связанными с автоматической переработкой иноязычного текста, автоматическим аннотированием, реферированием и переводом иноязычного текста.

В статье предлагается модель формирования профессиональной компетентности будущих лингвистов-переводчиков, которая включает, помимо перечисленных компетенций, учебно-методический комплекс, состоящий из рабочей программы практического курса технического перевода, обучающего двуязычного автомобильного тезауруса и специального учебного пособия по техническому переводу с французского языка на русский. Основная цель разработанной педагогической модели состоит в том, чтобы в ходе ее внедрения в учебный процесс обеспечить эффективность формирования профессиональной компетентности будущего лингвиста-переводчика.

Ключевые слова: профессиональная переводческая компетентность, коммуникативная компетенция, лингвистическая компетенция, дискурсивная компетенция, социокультурная компетенция, текстообразующая компетенция, техническая компетенция, информационно-технологическая компетенция.

Цитирование. Горбунов Ю.И., Горбунова О.Ю. Профессиональная компетентность лингвиста-переводчика: ее сущность и содержание // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 3. С. 148–155. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-3-148-155>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

LINGUIST-TRANSLATOR'S PROFESSIONAL COMPETENCE: ITS ESSENCE AND CONTENT

© Gorbunov Yuri Ivanovich – Doctor of Philological Sciences, professor of the Department of Theory and Translation Practice, Togliatti State University, 14, Belorusskaya Street, Togliatti, 445020, Russian Federation.

E-mail: yourigorbounov@tlttsu.ru

© Gorbunova Olga Yurievna – senior lecturer of the Department of Theory and Translation Practice, Togliatti State University, 14, Belorusskaya Street, Togliatti, 445020, Russian Federation.

E-mail: olga.gorbounova@hotmail.com

ABSTRACT

The current article deals with the essence and content of the professional linguist-translator's competence. The authors strongly consider that professional competence implies complex multi-dimensional category representing a range of separate key competences among which primarily is figured out a communicative competence including all its basic components. Communicative competence is viewed as an ability to use the language correctly in all the range of socially-determined situations. Communicative competence consists of several principal competences such as linguistic competence, discourse competence and sociocultural competence forming its core.

Along with communicative competence within a structure of linguist-translator's professional competence one can figure out a set of special competences depicting the specificity of a translator's job. The key ones are presented by text-forming competence, technical competence and information-technological competence implying the practical usage of modern information technologies connected with a foreign text's automatic processing, automatic annotation, abstracting and a foreign text's translation.

The article displays the model of future linguist-translators' professional competence formation, which includes above all previously mentioned competences, the teaching materials along with practical course of technical translation's curriculum, bilingual learning automotive thesaurus and special manual training French-Russian technical translation skills. The main goal of our pedagogical model, above introducing it into educational process, is to ensure the efficiency of future linguist-translator's professional competence.

Key words: professional translator's competence, communicative competence, linguistic competence, discourse competence, sociocultural competence, text-forming competence, technical competence, information-technological competence.

Citation. Gorbunov Yu.I., Gorbunova O.Yu. *Professional'naya kompetentnost' lingvista-perevodchika: ee sushchnost' i sodержanie* [Linguist-translator's professional competence: its essence and content]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 3, pp. 148–155. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-3-148-155> [in Russian].

Введение

Вопрос о сущности и содержании профессиональной компетентности лингвиста-переводчика требует детального анализа нормативного документа – федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования третьего поколения – ФГОС ВПО 2010. Этот стандарт предусматривает широкий перечень компетенций, которые составляют содержание профессиональной компетентности лингвиста-переводчика. Рассмотрим конкретно ее сущность и содержание.

Прежде всего профессиональная компетентность лингвиста-переводчика включает *общекультурные компетенции*, которыми обязан владеть будущий бакалавр лингвистики, независимо от избранного профиля – педагогического или переводческого. Из общего количества входящих в данный блок общекультурных компетенций (ОК-1-ОК-12) пря-

мое отношение к профессиональной компетентности лингвиста-переводчика имеют компетенции ОК-2, ОК-3, ОК-7, ОК-12. В основе этих компетенций лежат понятия социокультурной и межкультурной коммуникации, культура мышления, принципы культурного релятивизма и этические нормы.

Следующий перечень профессиональных компетенций (ПК) составляет отдельный блок, который включает профессиональные компетенции лингвиста-переводчика по областям деятельности. Так, в области *производственно-практической деятельности* для лингвиста-переводчика имеют первостепенное значение компетенции ПК-1, ПК-3, ПК-4, ПК-6, ПК-9 – ПК-17, ПК-20, ПК-21 и ПК-28.

Данные компетенции взаимосвязаны и предусматривают владение системой лингвистических знаний, основными дискурсивными способами реализации коммуникативных целей высказывания,

основными способами выражения семантической, коммуникативной и структурной преемственности между частями высказывания, основными особенностями официального, нейтрального и неофициального стилей общения.

Кроме того, эти компетенции предусматривают владение методикой предпереводческого анализа текста; подготовки к выполнению перевода, а также знание основных способов достижения эквивалентности в переводе и умение применять основные приемы перевода. При этом важное место отводится умениям осуществлять письменный и устный последовательный перевод, а также устный перевод с листа с соблюдением норм лексической эквивалентности, грамматических, синтаксических и стилистических норм текста перевода.

Особое внимание в данном блоке компетенций уделяется владению международным этикетом и правилами поведения переводчика в различных ситуациях устного перевода, например: при сопровождении туристической группы или в процессе двусторонних деловых переговоров, в том числе на уровне официальных делегаций [Albig 2008, p. 21].

В области научно-исследовательской деятельности лингвист-переводчик умеет использовать понятийный аппарат философии, теоретической и прикладной лингвистики, переводоведения, лингводидактики и теории межкультурной коммуникации для решения профессиональных задач (ПК-36).

В области организационно-управленческой деятельности лингвист-переводчик ориентируется на рынке труда и занятости в части, касающейся своей профессиональной деятельности (обладает системой навыков экзистенциальной компетенции – изучение рынка труда, составление резюме, проведение собеседования и переговоров с потенциальным работодателем) (ПК-43) [ФГОС ВПО 2010].

Профессиональная переводческая компетентность

Анализ и осмысление перечисленных компетенций убеждают нас в том, что профессиональная переводческая компетентность (ППК) – это сложная многомерная категория, которая раскрывается в виде спектра отдельных ключевых компетенций, среди которых на первом месте стоит коммуникативная компетенция со всеми ее составляющими компонентами. Коммуникативная компетенция определяется также как способность правильно использовать язык в разнообразных социально детерминированных ситуациях [Гез, Фролова 2008; Зимняя 1991; Бим 2001; Равен 2002; Savignon 1997].

Коммуникативная компетенция состоит из нескольких компетенций, среди которых в первую очередь выделяются и образуют ее ядро: лингвистическая компетенция, дискурсивная компетенция, социокультурная компетенция.

Остановимся более подробно на их характеристике.

Лингвистическая компетенция в настоящей работе понимается как *знание системы языка и правил ее функционирования в иноязычной коммуникации*, т. е. лингвистическая компетенция включает

наличие языковых средств с определенным коммуникативным потенциалом, знание языковых средств и их функций, владение фоновыми механизмами речевой деятельности.

Таким образом, лингвистическая компетенция включает овладение иноязычной деятельностью на функциональной основе и предполагает «гибкость языкового сознания» обучающихся – умение оперировать языковыми средствами для целей общения, а также позволяет отличать правильные высказывания от неправильных и формулировать правила языка [Дридзе 1996, с. 15–24].

Основу лингвистической компетенции составляют лингвистические и операционные знания будущего переводчика. Лингвистические знания включают знание системы лексических, грамматических и фонетических единиц и особенностей их сочетаний. Что касается операционных знаний, то они включают знание способов действия с лингвистическими элементами и алгоритмов лингвистических операций.

Лингвистические и операционные знания образуют «лингвистическое сознание» и выступают в качестве контрольного механизма речи [Гохлернер, Эйгер 1983, с. 137–141]. Эти знания, а также сам процесс их усвоения, составляют этап когнитивного освоения деятельности, когда обучаемые практикуются в иноязычной речи, предварительно ознакомившись с теорией изучаемого языка [Шадриков 1982].

В зарубежной педагогике понятие лингвистической компетенции обычно связывают с объемом и точностью владения лингвистическими элементами – фонологией, грамматикой и лексикой [Valette 1977]. Так, М. Финоккиаро и С. Сакко определяют лингвистическую компетенцию как способность понимать и продуцировать изученные или аналогичные им выражения, а также как потенциальную способность понимать новые, неизученные выражения [Finocchiaro, Sako 1983].

В свою очередь Р. Шульц рассматривает лингвистическую компетенцию как способность воссоздавать и манипулировать дискретными лингвистическими фактами о фонологии, морфологии и синтаксисе изучаемого языка [Schulz 1977, p. 94–101].

Исходя из содержания ФГОС ВПО 2010, в состав лингвистической компетенции входит владение системой лингвистических знаний, включающей в себя знание основных фонетических, лексических, грамматических, словообразовательных явлений и закономерностей функционирования изучаемого иностранного языка, его функциональных разновидностей [ФГОС ВПО 2010: ПК-1].

Дискурсивная компетенция включает умение порождать и варьировать коммуникативно-приемлемую речь и корректно интерпретировать содержание речи на иностранном языке; знание и владение типами дискурса, типами текстов, умение их использовать в зависимости от ситуации коммуникации; умения выбрать форму общения и лингвистические средства, исходя из ситуации. По мнению Н.В. Анискиной, дискурсивную компетен-

цию следует рассматривать как неотъемлемую содержательную и структурную составляющую профессиональной компетентности филолога, что означает способность индивида применять совокупность знаний, умений, навыков, а также способов деятельности, связанных с проведением дискурс-анализа, построением и ситуативным пониманием дискурсов как объектов реальной действительности в процессе осуществления профессиональной деятельности [Аниськина 2009, с. 3]. Данное определение относится не только к филологам, но и к лингвистам, в том числе и к будущим переводчикам, поскольку основным объектом их профессиональной деятельности является слово.

В результате анализа содержания ФГОС ВПО 2010 к дискурсивной (речевой) компетенции следует отнести такие компоненты, как ПК-3, ПК-4, ПК-5 и ПК-6. Данные компетенции предполагают владение основными дискурсивными способами реализации коммуникативных целей с учетом времени, места, цели и условий взаимодействия, а также основными способами выражения семантической, коммуникативной и структурной преемственности между частями высказывания.

Кроме того, эти компетенции развивают умение свободно выражать свои мысли, адекватно используя разнообразные языковые средства с целью выделения релевантной информации, и предусматривают владение основными особенностями официального, нейтрального и неофициального регистров общения.

Социокультурная компетенция — это понимание социокультурного контекста, в рамках которого развивается социальная общность, говорящая на конкретном языке, и обучаемый должен уметь применить свою лингвистическую и дискурсивную компетенции: знание и владение социальными правилами и нормами взаимодействия между индивидуумами и учреждениями, знание истории и культуры общества. По мнению В.В. Сафоновой, в структурном плане социокультурное образование лингвистов должно включать общекультурную, страноведческую, лингвострановедческую и социокультурную компетенции, которые в комплексе можно обозначить как социокультурную компетенцию. Социокультурная компетенция обеспечивает возможность ориентироваться в социокультурных маркерах аутентичной языковой среды, прогнозировать возможные социокультурные помехи в условиях межкультурного общения и способы их устранения [Сафонова 1993, с. 11, 29].

Социокультурная компетенция лингвиста-переводчика имеет сложную структуру и включает в себя ряд отдельных компонентов, перечисленных в ФГОС ВПО 2010, среди которых: ПК-2, ПК-7, ПК-8. Эти компетенции формируют, во-первых, представление об этических и нравственных нормах поведения, принятых в инокультурном социуме, о моделях социальных ситуаций, типичных сценариях взаимодействия; во-вторых, предусматривают готовность преодолевать влияние стереотипов и осуществлять межкультурный диалог

в общей и профессиональной сферах общения; в-третьих, развивают умение использовать этикетные формулы в устной и письменной коммуникации, таких как: просьба, приветствие, поздравление, извинение, прощание и т. п.

Специфика коммуникативной компетенции лингвиста-переводчика состоит в том, что она отражает способность участников коммуникации сформировать правильные выводы из речевых высказываний об их полном содержании или смысле на основе фоновых знаний. Это те языковые и экстралингвистические знания, которые помогают переводчику преодолеть лингвоэтнический барьер во время двуязычной коммуникации.

Наряду с коммуникативной компетенцией в структуре профессиональной переводческой компетенции выделяется ряд особых компетенций, которые отражают исключительно специфику его переводческой деятельности:

1) Текстобразующая компетенция, которая предполагает умения распознавать и воспроизводить тексты различного типа в соответствии с коммуникативной задачей и ситуацией общения, обеспечивая надлежащую структуру и языковое наполнение текста, оценивая место и соотношение отдельных частей текста с учетом того, что текст — это связанное речевое целое, то есть наличие в «когнитивном багаже» максимально большого числа моделей / образцов текстов.

Сформированность текстобразующей компетенции позволяет говорить о профессионализме переводчика, поскольку она является основой для достижения адекватности текста перевода, то есть его соответствия на языке перевода ситуации и цели коммуникации [Гальперин 2006].

К текстобразующей компетенции необходимо отнести компоненты ПК-9, ПК-13 и ПК-22, составляющие ее содержание в соответствии с ФГОС ВПО 2010. Эти компоненты предусматривают владение методикой предпереводческого анализа текста и развивают умение оформлять текст перевода в компьютерном текстовом редакторе. Кроме того, будущие лингвисты-переводчики познают методы формального и когнитивного моделирования естественного языка, а также методы создания мета-языков;

2) Техническая компетенция, то есть владение технологией перевода, что предполагает наличие не только теоретических знаний по переводоведению, обеспечивающих понимание задач переводческой деятельности, но и владение методами, приемами перевода, умение выбирать и правильно их использовать для преодоления переводческих трудностей, связанных с лексическими, фразеологическими, грамматическими и стилистическими особенностями исходного текста.

Техническая компетенция — это умение выбрать из множества возможных вариантов перевода тот, который будет наиболее полно соответствовать исходному тексту, иными словами, это понимание того, что перевод принципиально вариативен, следовательно, аналитический выбор также

является важным этапом в процессе перевода. Техническая компетенция также предполагает умение редактировать свои и чужие переводы [Латышев 2001; Князева 2006; Кво 2008].

Техническая компетенция лингвиста-переводчика включает в себя следующие компоненты, отмеченные в ФГОС ВПО 2010: ПК-11, ПК-12, ПК-14 – ПК-20. Эти компоненты в совокупности предусматривают знание основных способов достижения эквивалентности в переводе и умение применять основные приемы перевода.

При этом при выполнении устного последовательного перевода особое внимание обращается на развитие навыка владения основами системы сокращенной переводческой записи. Кроме того, важное значение приобретает владение международным этикетом в различных ситуациях межкультурного общения;

3) Информационно-технологическая компетенция предполагает владение современными информационными технологиями, необходимыми переводчику для осуществления работ, связанных с автоматической переработкой иноязычного текста, автоматического аннотирования, реферирования и перевода иноязычного текста [Зубов, Зубова 2004, с. 75–109].

Информационно-технологическая компетенция представляет собой совокупность компонентов, представленных в ФГОС ВПО 2010 в виде следующего перечня: ПК-10, ПК-13, ПК-21, ПК-26 – ПК-28. В целом эти компоненты предполагают развитие методики подготовки к выполнению перевода, включая поиск информации в справочной, специальной литературе и компьютерных сетях, умение оформлять текст перевода в компьютерном

текстовом редакторе, умение работать с основными информационно-поисковыми и экспертными системами, системами представления знаний, синтаксического и морфологического анализа, автоматического синтеза и распознавания речи, обработки лексикографической информации и автоматизированного перевода, автоматизированными системами идентификации и верификации личности.

В данном случае будущие лингвисты-переводчики осваивают умение работать не только с традиционными носителями информации, распределенными базами данных и знаний, но и с информацией в глобальных компьютерных сетях, совершенствуют навыки поиска в электронных словарях и других электронных ресурсах для решения лингвистических задач.

Содержание профессиональной переводческой компетентности составляет основу педагогической модели, которая используется в учебном процессе при подготовке будущих лингвистов-переводчиков.

Интегративная модель системы формирования профессиональной переводческой компетентности

В результате анализа содержания компетенций ФГОС ВПО 2010 строится педагогическая модель системы формирования переводческой профессиональной компетентности. Эта модель имеет комплексную структуру, что определяет ее интегративный характер. Рассмотрим более подробно содержание данной модели (см. таблицу).

Интегративная модель системы формирования профессиональной переводческой компетентности включает следующие компоненты:

– во-первых: комплекс принципов, среди которых выделяются:

Таблица

Модель формирования ППК

ИНТЕГРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ СИСТЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ	
Цель: повышение эффективности системы формирования профессиональной переводческой компетентности на основе интегративного подхода	
Принципы: а) <i>дидактические принципы:</i> ориентация обучения на формирование личности переводчика специальных текстов; системно-деятельностный принцип; принцип профессиональной мотивации обучения; принцип информатизации и технического обеспечения процесса иноязычной подготовки студента; ориентированность на развитие самообразовательной деятельности студентов;	
б) <i>общие научно-педагогические принципы:</i> принцип сравнительного анализа; принцип профессиональной направленности обучения; принцип обучения в контексте межкультурной парадигмы;	
в) <i>частные методические принципы:</i> принцип интеграции знаний, полученных по ФГОС ВПО; принцип поэтапного формирования профессиональной компетентности переводчика специальных текстов; принцип сохранения русской культурной и национальной самобытности при подготовке переводчиков специальных текстов	
Методическая база: учебно-методический комплекс (УМК)	
1. Рабочая программа практического курса технического перевода	
2. Обучающий двуязычный автомобильный тезаурус	3. Учебное пособие по техническому переводу
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ	
1. Общекультурные компетенции (ОК-2; ОК-3; ОК-7; ОК-12)	
2. Ключевые профессиональные компетенции	
2.1. Коммуникативная компетенция	2.2. Переводческие компетенции
2.1.1. Лингвистическая компетенция (ПК-1)	2.2.1. Textoобразующая компетенция (ПК-9; ПК-13; ПК-22)
2.1.2. Дискурсивная компетенция (ПК-3; ПК-4; ПК-5; ПК-6)	2.2.2. Техническая компетенция (ПК-11; ПК-12; ПК-14-20)
2.1.3. Социокультурная компетенция (ПК-2; ПК-7; ПК-8)	2.2.3. Информационно-технологическая компетенция (ПК-10; ПК-13; ПК-21-28)
Результат: лингвист-переводчик	

а) дидактические принципы:
 – ориентация обучения на формирование личности переводчика специальных текстов;
 – системно-деятельностный принцип;
 – принцип профессиональной мотивации обучения;
 – принцип информатизации и технического обеспечения процесса иноязычной подготовки студента;

– ориентированность на развитие самообразовательной деятельности студентов;

б) общие научно-педагогические принципы:
 – принцип сравнительного анализа;
 – принцип профессиональной направленности обучения;

– принцип обучения в контексте межкультурной парадигмы;

в) частные методические принципы:
 – принцип интеграции знаний, полученных по дисциплинам ФГОС ВПО 2010;

– принцип поэтапного формирования профессиональной компетентности переводчика специальных текстов;

– принцип сохранения русской культурной и национальной самобытности при подготовке переводчиков специальных текстов;

во-вторых, учебно-методический комплекс (УМК), который включает рабочую программу практического курса технического перевода, обучающий двуязычный автомобильный тезаурус и специальное учебное пособие по техническому переводу (с французского языка на русский);

в-третьих: рассмотренные в настоящей статье профессиональные компетенции, а именно: общекультурные и ключевые профессиональные компетенции:

а) коммуникативная с ее основными компонентами: лингвистическая, дискурсивная и социокультурная компетенции;

б) переводческие компетенции: текстообразующая, техническая и информационно-технологическая.

Основная цель интегративной педагогической модели состоит в том, чтобы в процессе ее внедрения в учебный процесс обеспечить эффективность формирования профессиональной компетентности будущего лингвиста-переводчика.

Выводы

Итоги нашего исследования приводят к следующим существенным выводам. Во-первых, исходя из анализа содержания ФГОС ВПО 2010, складывается мнение, что термин «компетентность» является родовым по отношению к термину «компетенция». Однако, по нашему мнению, термин «компетентность» выражает более широкое понятие о профессионализме специалиста, которое включает в себя не только некоторое множество частных компетенций, отражающих специфику профессиональной деятельности в различных сферах межкультурной коммуникации, но и способность и готов-

ность специалиста к реализации приобретенных в образовательном учреждении знаний, умений, навыков, опыта в профессиональной деятельности» [Гурина 2008, с. 82]. Данное положение лежит в основе построенной нами интегративной модели формирования профессиональной переводческой компетентности.

Во-вторых, эффективное формирование профессиональной компетентности лингвиста-переводчика в предметной области «Автомобилестроение» представляется возможным в результате реализации в учебном процессе интегративной модели системы формирования профессиональной переводческой компетентности. Эта модель выстраивается с учетом сочетания различных средств организации профессиональной подготовки, которые включают:

а) комплекс дидактических, общих научно-педагогических и частных методических принципов;

б) рабочую программу практического курса технического перевода;

в) обучающий двуязычный автомобильный тезаурус;

г) учебное пособие по техническому переводу;

д) набор составляющих профессиональной переводческой компетентности, который содержит:

1) общекультурные компетенции; 2) ключевые профессиональные компетенции, которые включают, с одной стороны, коммуникативную компетенцию с ее основными компонентами такими как лингвистическая компетенция, дискурсивная компетенция, социокультурная компетенция, и, с другой стороны, переводческие компетенции, среди которых: текстообразующая, техническая и информационно-технологическая компетенции.

Библиографический список

Albir 2008 – *Albir A.H.* Compétences et traduction et formation par compétences // Traduction Terminologie Rédaction (TTR), 2008, no. 1, vol. 21. Granada, 2008. P. 17–64. DOI: 10.7202/029686ar.

Finocchio, Sako 1983 – *Finocchio M., Sako S.* Foreign Language Testing. A practical Approach. New York: Regents Publishing Co., 1983. 242 p.

Savignon 1997 – Savignon S.J. Communicative Competence: Theory and Classroom Practice (2nd ed.). USA: McGraw-Hill, 1997.

Schulz 1977 – *Schulz R.* Discrete-point Versus Simulated Communication Testing in Foreign Languages // Modern Language Journal. 1977. Vol. 61. № 3. P. 94–101.

Valette 1977 – *Valette R.* Modern Language Testing. New York, 1977.

Анискина 2009 – *Анискина Н.В.* Формирование профессиональной дискурсивной компетенции у студентов-филологов в сфере письменного делового общения: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тольятти, 2009. 21 с. URL: [https://www.disscat.com/content/formirovanie-professionalnoi-diskursivnoi-kompetentsii-ustudentov-filologov-v-sfere-pismennogo/read](https://www.disscat.com/content/formirovanie-professionalnoi-diskursivnoi-kompetentsii-ustudentov-filologov-v-sfere-pismennogo).

- Бим 2001 – *Бим И.Л.* Концепция обучения второму иностранному языку (немецкому на базе английского). Обнинск: Титул, 2001. 48 с.
- Гальперин 2006 – *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2006. 144 с. URL: <http://bookfi.net/book/633607>.
- Гез, Фролова 2008 – *Гез Н.И., Фролова Г.М.* История зарубежной методики преподавания иностранных языков. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 256 с. URL: <https://nashol.com/2017022193231/istoriya-zarubezhnoi-metodiki-prepodavaniya-inostrannih-yazikov-gez-n-i-frolova-g-m-2008.html>.
- Гохлернер, Эйгер 1983 – *Гохлернер М.М., Эйгер Г.В.* Психологический механизм чувства языка // Вопросы психологии. 1983. № 4. С. 137–141. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1983/834/834137.htm>.
- Гурина 2008 – *Гурина Р.В.* Как измерить профессиональную компетентность // Высшее образование в России. 2008. № 10. М., 2008. С. 82–89. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/kak-izmerit-professionalnyu-kompetentnost>.
- Дридзе 1996 – *Дридзе Т.М.* Коммуникативная лингводидактика в расширении оснований социальных связей: семиосоциопсихологический подход // Мир психологии. 1996. № 2. С. 15–24.
- Зимняя 1991 – *Зимняя И.А.* Психология обучения иностранным языкам в школе. М.: Просвещение, 1991. 221 с. URL: <https://sheba.spb.ru/shkola/psiholog-inostran-1991.htm>.
- Зубов, Зубова 2004 – *Зубов А.В., Зубова И.И.* Информационные технологии в лингвистике: М.: Издательский центр «Академия», 2004. 208 с. URL: http://academia-moscow.ru/ftp_share/_books/fragments/fragment_19425.pdf.
- Кво 2008 – *Кво Ч.К.* Технологии перевода. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 256 с.
- Князева 2006 – *Князева О.В.* Модель сочетания традиционных и инновационных технологий в профессиональной подготовке лингвистов-переводчиков на примере курса устного перевода: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Майкоп, 2006. 24 с. URL: <https://www.gavrilenko-nn.ru/upload/pdf/c03844890c25680ddd4263c5e3046f61.pdf>.
- Латышев 2001 – *Латышев Л.К.* Технология перевода. М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. 280 с. URL: http://portal.tpu.ru/SHARED/p/PLOTNIKOVA/AAA/Stud/Tab/Latyshev_Tekhnologia_perevoda.pdf.
- Равен 2002 – *Равен Дж.* Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация. М.: Когито-Центр, 2002. 396 с. URL: https://www.studmed.ru/raven-dzh-kompetentnost-v-sovremenom-obschestve-vyyavlenie-razvitie-i-realizaciya_6a5ac27bfc.html.
- Сафонова 1993 – *Сафонова В.В.* Социокультурный подход к обучению иностранному языку как специальности: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1993. 47 с. URL: http://irbis.gnpbu.ru/Aref_1993/Safonova_V_V_1993.pdf.
- Шадриков 1982 – *Шадриков В.Д.* Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М., 1982. 185 с. URL: <https://klex.ru/jpw>.
- ФГОС ВПО 2010 – *Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 035700 Лингвистика (квалификация (степень) «бакалавр»), утвержденный Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 20 мая 2010 г. № 541.* URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/99023>.

References

Alibir 2008 – *Alibir A.H.* Compétences et traduction et formation par compétences. *Traduction Terminologie Rédaction (TTR)*, January 2008, 21(1). Granada, 2008, pp. 17–64. DOI: 10.7202/029686ar [in French].

Finocchiaro, Sako 1983 – *Finocchiaro M., Sako S.* Foreign Language Testing. A practical Approach. New York: Regents Publishing Co., 1983, 242 p. [in English].

Savignon 1997 – *Savignon S.J.* Communicative Competence: Theory and Classroom Practice (2nd ed.). USA: McGraw-Hill, 1997 [in English].

Schulz 1977 – *Schulz R.* Discrete-point Versus Simulated Communication Testing in Foreign Languages. *Modern Language Journal*, 1977, Vol. 61, no. 3, pp. 94–101 [in English].

Valette 1977 – *Valette R.* Modern Language Testing. New York, 1977 [in English].

Aniskina 2009 – *Aniskina N.V.* *Formirovanie professional'noi diskursivnoi kompetentsii u studentov-filologov v sfere pis'mennogo delovogo obshcheniya: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Formation of professional discursive competence of students-philologists in the sphere of written business communication: author's abstract of Candidate's of Pedagogical Sciences thesis]. Togliatti, 2009, 21 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/formirovanie-professionalnoi-diskursivnoi-kompetentsii-u-studentov-filologov-v-sfere-pismenn/read> [in Russian].

Bim 2001 – *Bim I.L.* *Kontseptsiya obucheniya vtoromu inostrannomu yazyku (nemetskomu na baze angliiskogo)* [The concept of the second foreign language teaching (German based on English)]. Obninsk: Titul, 2001, 48 p. [in Russian].

Galperin 2006 – *Galperin I.R.* *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as the subject of linguistic research]. М.: KomKniга, 2006, 144 p. Available at: <http://bookfi.net/book/633607> [in Russian].

Gez, Frolova 2008 – *Gez N.I., Frolova G.M.* *Istoriya zarubezhnoi metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov* [History of foreign methodology of teaching foreign languages]. М.: Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 2008, 256 p. Available at: <https://nashol.com/2017022193231/istoriya-zarubezhnoi-metodiki-prepodavaniya-inostrannih-yazikov-gez-n-i-frolova-g-m-2008.html> [in Russian].

Gokhlerner, Eyger 1983 – *Gokhlerner M.M., Eyger G.V.* *Psikhologicheskii mekhanizm chuvstva yazyka* [Psychological mechanism of the sense of language]. *Voprosy psikhologii* [Voprosy Psychologii], 1983, no. 4, pp. 137–141. Available at: <http://www.voppsy.ru/issues/1983/834/834137.htm> [in Russian].

Gurina 2008 – *Gurina R.V.* *Kak izmerit' professional'nyu kompetentnost'* [Ways of measuring professional competence]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia], 2008, no. 10, pp. 82–89. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/kak-izmerit-professionalnyu-kompetentnost> [in Russian].

- Dridze 1996 – *Dridze T.M. Kommunikativnaya lingvodidaktika v rasshirenii osnovanii sotsial'nykh svyazei: semiosotsiopsikhologicheskii podkhod* [Communicative linguodidactics in spreading social networking: semiotic, social and psychological approach]. *Mir psikhologii*, 1996, no. 2, pp. 15–24 [in Russian].
- Zimnyaya 1991 – *Zimnyaya I.A. Psikhologiya obucheniya inostrannym yazykam v shkole* [Psychology of teaching foreign languages in public schools]. M.: Prosveshchenie, 1991, 221 p. Available at: <https://sheba.spb.ru/shkola/psiholog-inostran-1991.htm> [in Russian].
- Zubov, Zubova 2004 – *Zubov A.V., Zubova I.I. Informatsionnye tekhnologii v lingvistike* [Information technologies in linguistics]. M.: Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 2004, 208 p. Available at: http://academia-moscow.ru/ftp_share/books/fragments/fragment_19425.pdf [in Russian].
- Kvo 2008 – *Kvo Ch.K. Tekhnologii perevoda* [Translation and Technology]. M.: Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 2008, 256 p. [in Russian].
- Knyazeva 2006 – *Knyazeva O.V. Model' sochetaniya traditsionnykh i innovatsionnykh tekhnologii v professional'noi podgotovke lingvistov-perevodchikov na primere kursa ustnogo perevoda: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [A model of combining traditional and innovative technologies in the professional training of linguists-translators on the example of an interpretation course: author's abstract of Candidate's of Pedagogical Sciences thesis]. Maikop, 2006, 24 p. Available at: <https://www.gavrilenko-nn.ru/upload/pdf/c03844890c25680ddd4263c5e3046f61.pdf> [in Russian].
- Latyshev 2001 – *Latyshev L.K. Tekhnologiya perevoda* [Technology of translation]. M.: NVI-TEZAURUS, 2001, 280 p. Available at: http://portal.tpu.ru/SHARED/p/PLOTNIKOVAAA/Stud/Tab/Latyshev_Tekhnologia_perevoda.pdf [in Russian].
- Raven 2002 – *Raven J. Kompetentnost' v sovremennom obshchestve: vyyavlenie, razvitie i realizatsiya* [Competence in modern society: it's Identification, Development and Release]. M.: Kogito-Tsentr, 2002, 396 p. Available at: https://www.studmed.ru/raven-dzh-kompetentnost-v-sovremennom-obschestve-vyyavlenie-razvitie-i-realizatsiya_6a5ac27bfce.html [in Russian].
- Safonova 1993 – *Safonova V.V. Sotsiokul'turnyi podkhod k obucheniyu inostrannomu yazyku kak spetsial'nosti: avtoref. dis. d-ra ped. nauk* [Sociocultural approach to foreign languages teaching: author's abstract of Doctor of Pedagogical Sciences thesis]. M., 1993, 47 p. Available at: http://irbis.gnpbu.ru/Aref_1993/Safonova_V_V_1993.pdf [in Russian].
- Shadrikov 1982 – *Shadrikov V.D. Problemy sistemogeneza professional'noi deyatel'nosti* [Problems of professional activity systemogenesis]. M., 1982, 185 p. Available at: <https://klex.ru/jpw> [in Russian].
- FGOS VPO 2010 – *Federal'nyi gosudarstvennyi obrazovatel'nyi standart vysshego professional'nogo obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 035700 Lingvistika (kvalifikatsiya (stepen') «bakalavr»), utverzhdenyi Prikazom Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossiiskoi Federatsii ot 20 maya 2010 g. № 541* [Federal State Educational Standard on Higher Professional Education on the training program 035700 Bachelor of Linguistics, approved by the Order of the Russian Ministry of Education and Science dated May 20, 2010 № 541]. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/99023> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-3-156-164
УДК 811.112.2'42(045)

Дата поступления статьи: 23/VII/2019
Дата принятия статьи: 5/IX/2019

А.В. Сытько

ТИПЫ ДЕОНТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

© *Сытько Анна Васильевна* – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой фонетики и грамматики немецкого языка, Минский государственный лингвистический университет, 220035, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Захарова, 21.

E-mail: anns5555@yahoo.de. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-8301-0815>

АННОТАЦИЯ

Исследование посвящено проблеме семантической и функциональной вариативности деонтических конструкций. Как отношение говорящего к действиям по непременно изменению положения дел в реальности данная модальность выражается высказыванием. В нем имеются два плана: содержательный (действие для выполнения) и деонтический, включающий информацию о различного рода факторах, требующих создания иного положения дел, о характере модального отношения к действию (обязательный, запрещенный или разрешенный) и об исполнителе действия, то есть, соответственно, о модальном источнике, модальной силе и модальных агентах. Функциональные особенности деонтических высказываний и различные комбинации и варианты их компонентов зависят от типа дискурса.

В статье с привлечением контекстуального анализа описаны типы модальных агентов в ядерном жанре политического дискурса – в политических речах в немецкой и русской лингвокультурах. В ходе исследования установлено, что набор деонтических агентов предопределен данной дискурсивной практикой, ее функциональными и системообразующими характеристиками и имеет сходство в реализации модального агента независимо от лингвокультуры. Метод функционально-семантического описания позволил выявить, что различные типы деонтических агентов, их вариативность и семантическая гибкость позволяют деонтическим высказываниям реализовывать разные функции, определяя специфику деонтики в политическом дискурсе.

Ключевые слова: деонтика, семантика, модальный агент / субъект деонтики, деонтическое высказывание, деонтическая конструкция.

Цитирование. Сытько А.В. Типы деонтического субъекта в политической речи (на материале немецкого и русского языков) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 3. С. 156–164. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-3-156-164>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

**TYPES OF DEONTIC AGENT IN POLITICAL SPEECH
(ON THE MATERIAL OF GERMAN AND RUSSIAN LANGUAGES)**

© Sytko Anna Wasil'evna – Candidate of Philological Sciences, head of the Department of German Phonetics and Grammar, Minsk State Linguistic University, 21, Zacharov Street, Minsk, 220035, Republic of Belarus.

E-mail: anns55555@yahoo.de. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8301-0815>

ABSTRACT

This study is dedicated to the problem of semantic and functional variability of deontic constructions. Deontic is an invariant characteristic of any discourse, which, depending on its type, organizes modal structures in different ways. In relation to the actions of an obligatory change in the state of affairs in the world, this modality is expressed by a statement in which there are two plans: informative, (action to perform) and deontic, including information about various factors that require creating a different state of affairs, about the nature of the modal attitude to action (mandatory, prohibited or permitted) and about the performer of the action, i.e. about the modal source, modal force and modal agents.

The functional features of deontic expressions and the various combinations and variations of their components depend on the type of discourse. In this paper the types of modal agents in the nuclear genre of political discourse – political speeches in German and Russian linguistic cultures – are described using contextual analysis. The study shows that the set of deontic agents is predetermined by this discursive practice, its functional and system-forming characteristics, and has a similarity in the implementation of a modal agent regardless of linguoculture. The method of functional-semantic description reveals that various types of deontic agents, their variability and semantic flexibility allow deontic utterances to realize different functions, thus determining the peculiarity of deontic modality in political discourse.

Key words: deontics, semantics, modal agent / subject of deontic, deontic utterance, deontic construction.

Citation. Sytko A.W. *Tipy deonticheskogo sub"ekta v politicheskoi rechi (na materiale nemetskogo i russkogo yazykov)* [Types of deontic agent in political speech (on the material of German and Russian languages)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 3, pp. 156–164. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-3-156-164> [in Russian].

Введение

Деонтика является инвариантной характеристикой любого дискурса, который в зависимости от своего типа по-разному организует модальные структуры [Фуко 2004, с. 50, 92, Греймас, Фонтанний 2007, с. 33]. Деонтический агент, или субъект деонтики (деонтический субъект), представляет собой «воздействуемого субъекта», которому внешние или внутренние силы предписывают некое действие [Карасик 1992, с. 251; Papafragou 2000; Verstraete 2005]. Это конкретный или потенциальный получатель информации о том, что должно, запрещено или разрешено осуществить. В прототипической ситуации в роли модального агента деонтики выступает актуальный слушатель, адресат речи. В непрототипической ситуации им является некий одушевленный субъект, который в состоянии выполнить указываемое в пропозиции действие.

Целью данного исследования было выявление и сопоставление типов деонтических агентов в ядерном жанре политического дискурса – в политических речах в немецкой и в русской лингвокультурах. Материалом послужили 200 текстов выступлений канцлера и президентов ФРГ, президентов РФ за период с 2000 по 2018 г., взятые с официальных сайтов.

Определение субъекта деонтики, ограниченной строгими рамками институционального дискурса политики с его «смысловой неопределенностью, связанной с фантомностью ряда денотатов, с преобладанием массового адресата, с эмоциональностью и значительным удельным весом фатического общения, намеренной уклончивостью и намеками» [Шейгал 2004, с. 12] не всегда оказывается тривиальной задачей. Интенциональную базу политического дискурса составляет борьба за власть, предопределяющая одну из его основных функций – «интеграцию и дифференциацию групповых агентов политики» [Шейгал, 2004, с. 9], что обуславливает в нем наличие разнообразных типов деонтических агентов.

1. Деонтический агент с позиции формального выражения и его типы

Субъектом деонтики является семантический субъект. К его анализу можно подходить с разных позиций: его коммуникативной роли, дискретности / недискретности субъекта, единичности / множественности, его референциальных характеристик и т. п.

Поскольку в деонтическом высказывании речь идет о выполнении действия неким лицом, то в интерпретации субъекта определяющую роль иг-

рает та основная его разновидность, которая находит отражение в понятии «агенса», понимаемый как реальный производитель реальных действий [Бондарко 1992, с. 35]. Так, описывая семантику деонтической модальности, Е.В. Падучева отмечает, что это «возможность/необходимость действий некоторого *Агенса*, утверждаемая морально или социально ответственным субъектом или институцией» (курсив наш. – А.С.) [Падучева 2016]. В деонтическом высказывании это тот вид агенса, которому присущ признак контролируемости (намеренного осуществления) действия. Среди разнообразных языковых средств выражения агенса центральным и наиболее регулярным является его выражение подлежащим. Это «идеальная структурно-синтаксическая репрезентация семантического субъекта и приписываемого ему семантического признака» [Бондарко 1992, с. 43]. В связи с этим к рассмотрению деонтического агента можно подходить и с позиции его формального выражения в предложении-высказывании.

При этом субъект деонтики может функционировать в различных значениях: определенном (т. е. конкретное лицо) или обобщенном (т. е. генерализованном). Определенный деонтический агент – это субъект с временной локализованностью в конкретной ситуации с конкретной референцией. Генерализованное значение деонтического субъекта проявляется в двух разновидностях: либо в обобщении всего множества лиц (любого и каждого) (абсолютная генерализация), либо в обобщении определенных лиц, задействованных в данной ситуации или относящихся к ней, но по разным причинам не обозначенных в высказывании (конкретно-ситуативная генерализация). При абсолютной генерализации характеризуются все подобные ситуации и денотат агенса представляет весь класс, любого и каждого члена данного множества и всех их вместе.

2. Способы представления деонтического субъекта в поверхностной структуре высказывания в политической речи

Очевидно, что деонтический агент представляет в политической речи как коммуникативных лиц (говорящего и слушающего/слушающих), так и некоммуникативных. Занимая в поверхностной структуре позицию подлежащего, субъект деонтики может быть представлен:

1) конкретными существительными, обозначающими лиц, например:

В.В. Путин: Да, Вы знаете, я думаю, что это как раз вопрос даже не к ректору, хотя он должен это поддержать (Встреча с преподавателями и студентами Дальневосточного федерального университета, 09.01.2013).

А. Меркел: Der indische Ministerpräsident hat bis 2022 auch eine Aufgabe. Er muss 220 Millionen jungen Leuten eine Ausbildung verschaffen (Rede beim Kongress der CDU/CSU-Bundestagsfraktion „Stabile Rahmenbedingungen für Industrie und Arbeitsplätze in Deutschland“, 21.03.2012). ‘Премьер-министр Индии до 2022 года имеет определенную задачу. Он должен обучить 220 миллионов молодых людей’.

Такой способ оформления агента указывает на лиц, которые не являются непосредственными участниками речевого акта, и может замещаться мес-

тоимением 3-го лица единственного числа *он/она* в анафорической функции.

Кроме этого, конкретными существительными в политической речи оформляется обобщенный деонтический агент. При этом генерализация является абсолютной, а именно когда в ситуации временной нелокализованности обозначается любое лицо с постоянным квалификативным признаком, представляющее всех потенциально возможных членов своего множества, например:

В.В. Путин: Современный человек должен быть не только интеллектуально развитым, особенно студент, но и в физическом отношении должен быть здоровым, сильным (Встреча с преподавателями и студентами Дальневосточного федерального университета, 01.09.2013).

В.В. Путин: ...конечно, как любой человек, если он считает себя россиянином, патриотом, должен объективно оценивать все, что происходит вокруг нас, соответствующим образом реагировать (Выступление на встрече с федеральными и региональными омбудсменами, 05.12.2014);

2) собирательными существительными, обозначающими совокупность определенных лиц как одно неделимое целое и оформляющими обобщенного агента, например:

А. Меркел: Wenn dies die Menschheit nicht lernt, wird die Menschheit dafür in dramatischer Weise bezahlen müssen (Rede bei der 5. Tagung der 11. Synode der EKD, 05.11.2012). ‘Если человечество не научится этому, то человечество должно будет заплатить за это жестоко’.

В значении совокупного агента выступают существительные во множественном числе, такие как *трудящиеся, рабочие* и т. п., например:

А. Меркел: Auch junge Facharbeiter müssen eine Fremdsprache lernen. Es muss ganz normal werden, dass nicht nur Studenten in Europa hin- und hergehen (Rede anlässlich des Deutschen Handwerkstage, 13.09.2012). ‘И молодые рабочие-специалисты должны изучать иностранный язык. Должно стать совершенно нормальным, что по всей Европе ездят не только студенты’.

В.В. Путин: Наши ученые могут и должны добиться значковых результатов по этим важнейшим для всей цивилизации направлениям (Выступление на совместном заседании президиума РАН и ученого совета Курчатовского института, 04.10.2018);

Они обозначают целое, которое нельзя определить количественным числительным, и могут замещаться местоимением 3-го лица множественно-го числа *они*, например:

В.В. Путин: Конечно, таких вещей не должно быть. Чиновников нужно по максимуму исключить, они должны быть оформителями, а решения должны, конечно, принимать профессионалы (Выступление на заседании Совета по культуре и искусству, 21.12.2017);

3) метонимическими номинациями, когда указывается конкретный социальный класс с определенной институциональной ролью. Такой модальный агент не является непосредственным участником коммуникации, локализованным во времени и пространстве, по определенным причинам говорящий не желает конкретики в назывании модального субъекта, например:

В.В. Путин: Это важно, потому что университет должен быть кузницей кадров не только для России, но и для наших партнеров в Азиатско-Тихоокеанском регионе (Встреча с преподавателями и студентами Дальневосточного федерального университета, 09.01.2013).

A. Merkel: Das wird auch bedeuten, dass die Mitgliedstaaten Verantwortung an europäische Instanzen abgeben und sich dann an Vorgaben halten müssen (Rede anlässlich des „Tages des deutschen Familienunternehmens“ der Stiftung Familienunternehmen, 15.06.2012). ‘Это также будет означать, что государства-члены должны будут нести ответственность перед европейскими инстанциями, а затем придерживаться заданных направлений’;

4) различными местоимениями как универсальным способом вербализации семантики лица: **я должен** или **помочь**; **мне надо** позвонить родителям; **каждый должен** заниматься своим делом. Очевидно, что политический дискурс диктует использование в роли модального агента местоимений, указывающих или на конкретное лицо, или на конкретную группу лиц, или на открытый класс агентов. Так, в данном типе дискурса не может быть агента, конкретного лица, представленного местоимением *ты*, а также агента с неопределенной референцией *кто-то*.

3. Невыраженность деонтического агента в поверхностной структуре

Деонтический субъект может быть не выражен в поверхностной структуре, если высказывание оформлено безличным модальным оборотом с синтаксическим нулем \emptyset в русском языке. Но в немецком в таких случаях используется неопределенно-личное местоимение *man* с модальными глаголами (*man muss*, *man kann*, *man darf*), например:

V.V. Путин: Это касается развития судостроительного кластера. Надо его в известной степени возродить, а по большому счету, что касается гражданского судостроения, по сути, начинать заново (Встреча с преподавателями и студентами Дальневосточного федерального университета, 09.01.2013).

A. Merkel: Aber ganz wenige schaffen es – das muss man auch sagen, – neben den schon lange bestehenden Institutionen, wie zum Beispiel Diakonie und Caritas, ein bundesweites Netz aufzuspannen (Rede bei der Festveranstaltung zum zehnjährigen Bestehen von „wellcome“, 15.02.2012). ‘Но довольно многим удается, это надо тоже отметить, создать общенациональную сеть наряду с учреждениями, которые существуют уже давно, такими как Diakonie и Caritas’.

Имплицированный деонтический агент отмечается в тех случаях, когда грамматическим субъектом выступает неодушевленное существительное, выполняющее роль формального носителя действия, например:

V.V. Путин: Но хочу особо подчеркнуть и хочу, чтобы все это поняли: темпы инновационного развития должны быть кардинально выше тех, что мы имеем сегодня (Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года», 08.02.2008).

В таких высказываниях проявляется асимметрия между семантическими и синтаксическими актантами.

Невыраженный деонтический агент оформляется двучленными пассивными конструкциями, где подлежащее представляет собой объект действия деонтического высказывания, который получает ранг субъекта пропозиции, что делает его центром содержательной структуры [Бондарко 1992, с. 44], например:

A. Merkel: Das WTO-System muss also weiterentwickelt werden. Wir wollen den multilateralen Ansatz stärken (Rede beim

Unternehmertag des Bundesverbands Großhandel, Außenhandel, Dienstleistungen e.v., 15.10.2018). ‘Таким образом, систему ВТО нужно и далее развивать. Мы хотим укрепить многосторонний подход’.

V.V. Путин: В основных секторах российской экономики должен быть достигнут как минимум четырехкратный рост этого показателя за 12 лет (Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года», 08.02.2008).

Следует отметить, что благодаря семантической расплывчатости политического дискурса и его специфической адресности за формально невыраженным деонтическим субъектом могут скрываться разные типы агентов, выражаемые местоимениями: *я-агент*, *вы-агент*, *мы-агент*, *все-агент*.

Однако для упрощения идентификации агента при имплицировании деонтического он-агента отмечается кореферентная опора, например:

V.V. Путин: Я не знаю, как это у Правительства будет получаться в ходе практической реализации того, что мы планируем делать, надеюсь, что будет все получаться так, как мы и планируем. Но в целом должна быть системная и выстроенная работа (Выступление на пленарном заседании Государственной думы, 08.05.2018).

4. Семантический объем и типы деонтического агента, выраженного местоимениями

Как уже было отмечено, местоимения с семантикой лица, занимая в грамматической структуре предложения позицию подлежащего, являются прототипическим средством оформления деонтического агента.

В политической речи выражение деонтического субъекта с помощью местоимений в дейктической функции является семантически весьма многообразным, но непрозрачным по смыслу. Ими оформляется как определенный, так и генерализованный типы агентов, при этом с очень широким объемом значения (см. табл.).

Очевидно, что практически во всех типах агента участвует говорящий: он выступает либо самостоятельным исполнителем, либо включается в некоторую группу исполнителей (*я + он*, *я + вы*, *я + вы + они*). Не-исполнителем действия говорящий является лишь в случае *вы-агента*.

4.1. Разновидности определенного деонтического агента

Наряду с местоимениями 3-го лица единственного и множественного числа определенный модальный агент в политической речи оформляется местоимением *я*, указывая на говорящего, который может для выполнения действия номинироваться единолично (*я должен*, *я позволю себе*) или быть включенным в совокупность с конкретным лицом, упоминаемым в тексте является (*я + он*), например:

V.V. Путин: Мы с американскими партнерами постоянно находимся в диалоге, налажен хороший контакт прямо, что называется, «на земле», по координации наших действий и усилий по борьбе с терроризмом. Там еще очаги отдельные есть, и я сообщил Президенту о последних совместных, ну не совместных мероприятиях, а о согласовании этих действий. Поэтому здесь нам (я + Трамп) не было необходимости вдаваться в какие-то детали на уровне президентов (Выступление на пресс-конференции по завершению участия в работе саммита «Группы двадцати», 29.06.2019).

Таблица

Типы агентов в политической речи, оформляемые местоимениями

Тип деонтического о субъекта	Формальное оформление		Семантический объем
определенный	1-го лица ед. ч.	<i>я / ich</i>	говорящий
	3-го лица ед. ч.	<i>он / er</i>	конкретное лицо, являющееся предметом речи
	1-го лица мн. ч.	<i>мы / wir</i>	<i>я + он</i>
генерализованный (конкретно-ситуативный)	1-го лица мн. ч.	<i>мы / wir</i>	<i>я + они</i> (конкретные лица, являющиеся предметом речи) <i>я + вы</i> (конкретные лица, являющиеся актуальным слушателем, коллективным адресатом)
	2-го лица мн. ч.	<i>вы / ihr, Sie</i>	адресаты, актуальные слушатели (коллективный адресат)
	3-е лицо мн. ч.	<i>они / sie</i>	конкретные лица, являющиеся предметом речи
	определительные	<i>каждый</i>	<i>я + вы + они</i> (конкретные лица, представители определенной социально-профессиональной группы)
		<i>все</i>	
	указательные	<i>те, кто / diejenigen, die</i>	конкретные лица, являющиеся предметом речи, коллективный адресат
	2-го лица мн. ч.	<i>вы / ihr, Sie</i>	массовый адресат (потенциальная аудитория (население страны или человечество))
	1-го лица мн. ч.	<i>мы / wir</i>	<i>я + вы + они</i> (все, <i>они</i> = потенциальная аудитория (население страны или человечество))
	определительные	<i>каждый, любой / jeder</i>	
		<i>все / alle</i>	
отрицательное	<i>никто / niemand</i>		

4.1.1. Я-субъект деонтики в политической речи

В политической речи деонтический *я*-субъект отмечается только в сочетании модального маркера с различными глаголами говорения в клишированных деонтических конструкциях двух типов: 1) разрешительные формулы (*позволю себе сказать / ich darf, kann sagen*) и 2) формулы с семантикой обязательности (*должен сказать / ich muss sagen*), которые выполняют различные коммуникативные функции. При этом использование обоих типов обусловлено информационной значимостью последующего сообщения.

Первый тип в зависимости от речевого глагола используется для информационно-смысловой и композиционной организации текста, например:

В.В. Путин: И я позволю себе маленькую реплику по вопросу о нацеливании ракет (Выступление Президента РФ в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Президентом США Дж. Бушем, 24.05.2002).

Кроме этого, разрешительные клише маркируют различные типы отношения, а именно: эпистемическое, иллокутивное или оценочное при нестандартном лексическом наполнении, например:

В.В. Путин: Я, кстати, позволю себе предположить, что такой болезненный для нашего общества вопрос, как коррупция, во многом связан с тем, что у нас появилось слишком много душевно неразвитых людей (Заседание Совета при Президенте по культуре и искусству, 25.12.2015).

A. Merkel: Ich darf Euch versichern: Auch Mädchen können das (Rede anlässlich der Auftaktveranstaltung zum Girls' Day, 21.04.2010). '*Я могу вас заверить: даже девушки могут это делать*'.

A. Merkel: Ich finde dieses Motto jedenfalls sehr richtig und wichtig – wenn ich das sagen darf – für unsere heutige Zeit (Rede beim Wirtschaftsgipfel der "Süddeutschen Zeitung", 13.11.2018). '*В любом случае, для сегодняшнего дня я считаю этот девиз, если можно так выразиться, очень правильным и важным*'.

Конструкции второго типа используются с целью акцентирования, активизации внимания, актуализации общеизвестной информации, детализация информации, комментария, например:

В.В. Путин: Считаю необходимым подчеркнуть (и это очень важно): растущая военная мощь России – это надежная гарантия мира на нашей планете, поскольку эта мощь сохраняет и будет сохранять стратегическое равновесие и баланс сил в мире, что, как известно, было и остается одним из важнейших факторов международной безопасности после Второй мировой войны и до наших дней (Послание Президента Федеральному Собранию, 01.03.2018).

Кроме этого, деонтические конструкции данного типа маркируют аксиологическое отношение: они возникают в контексте негативной оценки ситуации и передают значение вынужденности. Сложившиеся обстоятельства обязывают говорящего как представителя социального института сообщить о неприятных фактах или последствиях чего-либо. Введение деонтической конструкции способствует снижению интенсивности отрицательной оценки в последующем высказывании, например:

A. Merkel: Ich muss angesichts der Lage und auch der Verhandlungsverläufe der letzten Tage, insbesondere des Sonntags, an dem die Regierung viele neue Angebote auf den Tisch gelegt hat, sagen, dass ich, wenn sich da nichts ändert, wenn man sich also nicht auf das konzentriert, was wirklich zur Debatte steht, sehr schlechte Chancen sehe, uns in kurzer Zeit einigen zu können (Rede anlässlich des Spitzengesprächs zur Initiative „Familienbewusste Arbeitszeiten“, 08.02.2011). '*С учетом ситуации и хода переговоров за последние несколько дней, особенно в воскресенье, когда правительство представило много новых предложений, я должна сказать, что если ничего не изменится, вы не сконцентрируетесь на том, что на самом деле подлежит обсуждению, то я вижу очень плохие перспективы договориться за короткое время*'.

4.2. Разновидности генерализованного деонтического субъекта

Генерализация (абсолютная и конкретно-ситуативная) субъекта деонтики позволяет оформлять его как *они*-агент, *мы*-агент, *вы*-агент, *каждый*-/*все*-агент, *те*, *кто*-агент. *Они*-агент используется как анафорическое замещение номинаций неделимой совокупности определенных лиц (*ученые*, *правительство*). Самыми семантически растяжимыми формами являются деонтический *мы*- и *вы*-субъекты.

4.2.1. Субъект деонтики *мы*

Набольшее расширение деонтического агента в политической речи наблюдается при использовании местоимения *мы*, которое акцентирует то множество лиц (*x*), к которому относит себя говорящий *я*, а именно: *я + вы*, *я + они*, *я + вы + они* (*все*). Исследователи отмечают, что «семантический кластер *мы*» существует в сознании говорящего, который «формирует (с некоторой долей размытости) ту общность, в которой находит для себя место» [Норман, Плотникова 2016, с. 135]. Различное семантическое наполнение местоимения *мы* убедительно свидетельствует об отсутствии четкой дейктической референции, о диффузности, «размытости» его содержания, которое используется говорящим политиком, преследующим свои иллюкативные цели.

Оформленный таким образом агент может пониматься как конкретного агента (*я + он*), так и благодаря высокому генеративному потенциалу политического дискурса выступать генерализованным субъектом в двух его разновидностях: конкретно-ситуативной и абсолютной.

Так, конкретно-ситуативный деонтический *мы*-агент представляет собой генерализацию определенных лиц, включающих *я*-агента и *вы*-агента, кореферентного аудитории, к которой здесь и сейчас обращается политик (*я*). Здесь возможна замена *мы* словосочетанием *мы с вами*. Сам говорящий принадлежит к этой группе, ответственной за выполнение некоего поручения в рамках совместного решения определенных задач, оформленных деонтическим высказыванием. С коммуникативно-прагматической точки зрения говорящий скрывает себя как агента за принадлежностью к некоему обобщенному *мы* и вовлекает адресата (*вы*-агента), помимо его воли, в свои модальные рамки, навязывая ему трактовку события и оценки, например:

Мы должны с вами (*я + вы*) *решить и другую задачу на основе выстраивания тех структур, о которых я сказал выше. Мы* (*я + вы*) *должны добиться улучшения качества деятельности государственных органов и правоохранительной системы. Напрочь исключить нарушения законов, особенно такие тяжелые, как похищение людей* (В.В. Путин. Выступление на первом заседании парламента Чеченской Республики, 12.12.2005).

Das tut Portugal in herausragender Weise. Wir (*я + вы*) *müssen aber auch unmissverständlich zeigen, dass wir* (*я + вы*) / *все = я + вы + они*) *die gemeinsame Währungsunion fortentwickeln wollen* (А. Меркел. Rede anlässlich des deutsch-portugiesischen Unternehmertreffens, 12.11.2012). «Португалия делает это замечательно. Но *мы* должны однозначно показать, что хотим продолжать развивать общий валютный союз».

Конкретизированный *мы*-агент, представляющий совокупность *я + вы + они*, обобщает всех задействованных в данной ситуации лиц, объединенных определенной сферой деятельности, политическими взглядами. Он служит «средством выражения коллективистской идеи, подавляя отдельность его членов и фиксируя целостность того множества, которому приписывается индекс *мы*» [Норман, Плотникова 2016, с. 134]. Для усиления эмпатии деонтического высказывания используется сочетание *мы* с обобщающе-выделительным конкретизатором *всем*, выражающим «количество исчисленное и закрытое» [Шведова 1998, с. 122], или с конкретизатором *каждый*, например:

В.В. Путин: *Нужно добиваться конкретных результатов, чтобы оправдать доверие, надежды и ожидания миллионов граждан России. Это главная задача для всех нас* (Выступление на съезде Всероссийской политической партии «Единая Россия», 26.05.2012) [*мы* = все члены партии].

В.В. Путин: *Оправдать доверие граждан России. И потому, как говорится, всем нам* (*я + вы*) / (*я + вы + они*) *нужно просто засучить рукава и работать. Работать без всякого чванства и амбиций, с полной отдачей сил. Это относится к каждому из нас, в том числе, конечно, и ко мне* (Выступление на завершающем заседании VIII съезда партии «Единая Россия», 17.12.2007).

А. Меркел: *Darin stecken Potenziale, die wir in unserer Gesellschaft wirklich nutzen müssen. Deshalb müssen wir alle ansprechen und sagen: Wir brauchen in diesem Land wirklich jeden, damit es so lebenswert bleibt und wir unsere Selbstbestimmung in vollem Umfang behalten* (Rede im Rahmen der Konferenzreihe „Denk ich an Deutschland“ zum Thema „Wie wollen wir leben?“ bei der Alfred-Herrhausen-Gesellschaft, 28.09.2012). «Как раз в этом потенциал, который нам действительно необходимо использовать в нашем обществе. Вот почему *мы все* должны обратиться и сказать: нам действительно в этой стране нужен каждый, чтобы здесь стоило жить и чтобы наше самоопределение было полным».

Абсолютная форма генерализации деонтического субъекта *мы = я + вы + они* возникает в ситуации, когда речь идет о всем социальном множестве. Такое оформление деонтики демонстрирует участие в речевом событии всего социума, к которому причисляются и агенты за рамками речевого события, что свидетельствует о важности потенциального действия, например:

А. Меркел: *Die Menschenverachtung der rechtsextremistischen Mörder ist letztlich unbegreiflich. Und doch müssen wir* (*я + вы + они*) *versuchen zu ergründen, wie und durch wen sie so geworden sind, wie sie geworden sind. Wir* (*я + вы + они*) *müssen alles tun, damit nicht auch andere junge Männer und Frauen zu solcher Menschenverachtung heranwachsen* (Rede „Wir sind ein Land, eine Gesellschaft“, 23.02.2012). «В конце концов, презрение к правым экстремистским убийцам непостижимо. И все же *мы* должны попытаться выяснить, как они стали такими, какими стали. *Мы* должны сделать все, чтобы другие молодые мужчины и женщины не удостоились такого презрения».

Д.А. Медведев: *Пожалуй, в Европе снова можно услышать голоса неонацистов, защищающих фашизм, его главарей, голоса представителей движений, отрицающих основные человеческие права и свободы, призывающих к насильственным изменениям послевоенных границ. Поэтому мы* (*я + вы + они*) *должны быть бдительными, поэтому мы* (*я + вы*) *должны сотрудничать, взаимно уважая интересы друг друга, с сознанием совместной ответственности за мир, свободу, демократию и безопасную жизнь граждан* (Выступление

на торжественном мероприятии, посвященном 65-летию освобождения Братиславы от гитлеровских захватчиков, 07.04.2010).

В политической речи деонтический *мы*-субъект обладает большой вариативностью семантического содержания и характеризуется расплывчатой кореферентностью. Он представляет собой достаточно гибкий компонент модального плана, который в результате семантической размытости политического дискурса в дискурсивном отрезке соотносится говорящим с референтной ситуацией, с реальным миром в соответствии с его интенцией, поэтому может изменять свою семантическую наполненность для различных коммуникативных маневров и трактоваться как *я + вы*, так и как *я + вы + они*. Е.И. Шейгал отмечает в этой связи, что «высокий уровень смысловой неопределенности предоставляет политикам определенную свободу действий, связанную с широким диапазоном возможных интерпретаций» [Шейгал 2004, с. 258].

Подобная многослойность семантики данного местоимения создает проблемы при идентификации субъекта деонтики, при определении того, кто включен в совокупность с *я*-агентом, например:

В.В. Путин: Безусловно, борьба с коррупцией у нас (я + вы [законодатели] + они [страна]) – одно из ключевых направлений укрепления государственности. <...>. Но это совсем не значит, что, понимая это, мы (я + вы)/ (я + вы + они) должны сложить руки и ничего не делать. Напротив, мы (я + вы)/ (я + вы + они) должны активно с этим бороться, и, чтобы различные авантюристы не использовали это в своих целях, мы должны (я + вы) показать людям и обществу, что государство само в состоянии бороться эффективно, и делает это, и будет делать дальше. Так и будем к этому подходить (Встреча с членами Совета законодателей, 24.04.2017).

При этом контекст, несмотря на наличие кореферентной опоры, не всегда снимает семантическую многозначность, поскольку *мы*-агент может реализовывать отличный семантический объем, например:

Д.А. Медведев: В прошлом году мы с Нурсултаном Абишевичем (я + он) подтвердили план совместных действий России и Казахстана на 2009–2010 годы. Сегодня мы (я + он) уже говорили о том, что этот план реализуется. Он состоит из первоочередных мероприятий в политической, торгово-экономической областях, в освоении космического пространства, на транспорте, в коммуникациях, предупреждении чрезвычайных ситуаций, в научной и гуманитарной сферах. Мы (Россия + Казахстан) в целом двигаемся по этому плану, хотя по отдельным пунктам этого плана нам (Россия + Казахстан) необходимо будет придать ускорение нашей работе, и мы (я + он) отдельно еще на эту тему определенные слова скажем (Выступление на Форуме межрегионального сотрудничества России и Казахстана, 11.09.2009).

Для риторического и эмпатического усиления деонтические высказывания с *мы*-агентом многократно повторяются. С этой же целью метонимическая номинация конкретного деонтического субъекта может сопровождаться указанием на *мы*-агента, в результате чего происходит «превращение знаков ориентации в знаки интеграции» [Шейгал 2004, с.10] и реализуется инспирирующая функция: призыв к определенному действию, например:

В.В. Путин: «Единая Россия», мы все должны и дальше упорно трудиться, безусловно выполнять все взятые нами

обещания, быть честными с людьми, слышать людей и незамедлительно реагировать на существующие или возникающие проблемы (Выступление на съезде Всероссийской политической партии «Единая Россия», 26.05.2012).

Такие деонтические высказывания представляют собой так называемый «политический перформатив» (требование).

Использование в деонтическом высказывании *мы*-агента подразумевает существование общих фоновых знаний у субъекта речи и адресата и является способом интеграции, которая выступает организующим принципом семиотического пространства политического дискурса [Шейгал 2004, с. 10]. В деонтическом высказывании реализуются пресуппозиции о том, что сложится или сложилась ситуация, нежелательная как для говорящего, так и для слушающих, требующая вмешательства и поиска совместного решения. Это позволяет говорящему как субъекту политического дискурса с помощью деонтического высказывания указывать на интерсубъективный характер способов устранения проблем и «апеллировать к общей национальной, статусной и прочей социальной принадлежности» [Шейгал 2004, с. 159], перераспределять ответственности, а также достигать психологического сближения со значимым для него адресатом-наблюдателем – массовым адресатом («народом»), внимания которого добиваются политики, на чьи интересы они ссылаются. Это способствует переводу деонтики во внутренний план адресата-наблюдателя, иными словами, интериоризации деонтики. Кроме этого, использование в деонтических высказываниях *мы*-агента, являющегося индикатором идеологического дейксиса, воплощает один из способов эвфемизации как системообразующей характеристики политического дискурса, где речь может идти о мнимой совместности действия.

4.2.2. Субъект деонтики *вы*

Семантический объем *вы*-агента в политической речи варьируется, представляя собой либо абсолютную генерализацию субъекта, либо конкретно-ситуативную, относясь к группе лиц, которые являются коллективным адресатом, но не выступают в роли актуальных слушающих. П. Серю называет их «воспринимаемостью речи» (*unreceuteur concret*) [Степанов 1995, с. 41]. Это отличается от *вы*-субъекта в условиях непосредственного диалога, где имеется в виду локализованная во времени и пространстве индивидуальная референция лица/лиц, а адресат имеет связь с говорящим и может выразить ему свою реакцию.

Конкретно-ситуативный *вы*-агент воплощает обобщенное конкретное множество задействованных в данной ситуации участников определенных социально-профессиональных групп, например:

В.В. Путин: Вы должны донести до людей позицию Президента по ключевым проблемам государственной политики. (Выступление на совещании с полномочными представителями Президента в федеральных округах, 25.12.2000).

Президент РФ в выступлении на совещании с полномочными представителями в федеральных округах агентом считает полпредов, присутству-

ющих в зале, ответственными исполнителями действия, указанного в деонтическом высказывании.

Смысл абсолютной *вы*-формы включает в себя и конкретного адресата высказывания, и, шире, любого человека, каждого представителя аудитории (массового адресата), например:

A. Merkel: Meine Damen und Herren, ich weiß, dass es auch Themen gibt, zu denen wir noch keine Lösungen haben. Das will ich hier nicht verschweigen; ich will sagen, dass ich heute zu diesem Kongress auch keine mitbringen konnte. Aber Sie sollen auch nicht denken, dass ich unter Vergesslichkeit leide; ich lese die Briefe, die ich bekomme, und kenne die Diskussionen (Rede anlässlich des Kongresses „Aussöhnung als Aufgabe Deutschlands Arbeit an den Kriegsfolgen seit 1945“, 15.10.2012). ‘Дамы и господа, я знаю, что есть также темы, по которым у нас пока нет никаких решений. Я не хочу это скрывать. Я хочу сказать, что я на этот съезд сегодня не смогла принести никакого решения. Но вы не должны думать, что я забывчива; я читаю письма, которые я получаю, и я знаю, что обсуждается’.

Для лучшей идентификации объема деонтического *вы*-агента и стилистического варьирования он может получать референциальную опору в виде кореферентного существительного, указывающего на институциональные роли, что выступает специализированным знаком ориентации, типичным для политического дискурса. Риторический повтор деонтического маркера придает деонтическому высказыванию характер лозунга и действует инспирирующе, например:

В.В. Путин: Полпреды — именно те люди, которые находятся на стыке федерального и регионального уровней и должны помочь центру полной и объективной информацией о состоянии дел в этой сфере. Вы должны донести до людей позицию Президента по ключевым проблемам государственной политики. Для такой огромной страны, как Россия, — это особенно актуально и важно. Полномочные представители должны занять более активную позицию в вопросах защиты безопасности государства (Выступление на совещании с полномочными представителями Президента в федеральных округах, 25.12.2000).

A. Merkel: Deshalb möchte ich mich an die Jugend wenden: Sie sind in Deutschland ja Digital Natives und keine Digital Immigrants mehr. Das heißt, Sie wachsen schon in der Zeit der Digitalisierung auf. Sie müssen uns ab und zu Anstöße geben, wenn wir als Gesellschaft der Älteren noch zu langsam sind. Wir brauchen die Jugend dringend, um modern zu sein und bei neuen Entwicklungen mitzukommen (Ansprache im Rahmen Peterburger Dialog, 16.11.2012). ‘Вот почему я хотела бы обратиться к молодежи: в Германии вы цифровые аборигены, а не цифровые иммигранты. Это означает, что вы выросли в эпоху цифры. Время от времени вы должны дать нам импульс, если мы, как общество старших людей, будем слишком медлительны. Нам срочно нужна молодежь, чтобы быть современными и не упускать новых разработок’.

4.2.3. Другие виды генерализованного субъекта деонтики

В политической речи генерализованный деонтический субъект может выражаться определительным местоимением *все*, не в экзистенциальном понимании всего человечества, а в объеме *я + вы + они*. Деонтические высказывания с таким агентом являются случаем конкретизированной генерализации с помощью придаточных или амплификативного перечисления, например:

A. Merkel: Heute bekommen wir an einigen Stellen die Quittung dafür, dass wir letztlich über unsere Kräfte gelebt haben. Deshalb müssen alle aufpassen, dass wir nicht weiter über unsere Kräfte leben: die Mitgliedstaaten der Europäischen Union, die internationalen

Institutionen und die Gesellschaften (Rede anlässlich des „Tages des deutschen Familienunternehmens“ der Stiftung Familienunternehmen, 15.06.2012). ‘Сегодня в некоторых местах мы все еще видим результаты того, что жили не по средствам. Поэтому все должны быть на чеку, чтобы мы не продолжили так жить: государства — члены Европейского Союза, международные институты и общества’.

Д.А. Медведев: Но очень серьезная ответственность лежит на всех, кто действует в интересах поиска взаимоприемлемой развязки. Здесь все должны действовать энергично и солидарно, а не ограничиваться односторонними действиями (Выступление на совещании с российскими послами и постоянными представителями в международных организациях, 12.07.2010).

Синонимичным вариантом конкретизированного *все*-агента выступает деонтический субъект, оформленный указательным местоимением *те, кто / diejenigen, die* в составе придаточного определительного. Здесь возможна замена *те, кто* словосочетанием *все те, кто*, например:

В.В. Путин: Во-вторых, те, кто должен был прогнозировать события и содействовать координации, оказались неадекватны глубине кризиса, оказались неповоротливы, негибки, медлительны (Выступление на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума, 05.06.2009).

A. Merkel: Wir müssen uns also eigentlich um eine Balance bemühen, weil unsere Unternehmen Finanzierungen und Liquidität brauchen. Diejenigen, die für Liquidität sorgen, müssen sich sozusagen auch ein Stück weit unseren Grundvorstellungen verpflichtet fühlen. (Rede im Rahmen der Konferenzreihe „Denk ich an Deutschland“ zum Thema „Wie wollen wir leben?“ bei der Alfred-Herrhausen-Gesellschaft, 28.09.2012). ‘Поэтому нам действительно необходимо найти баланс, потому что наши компании нуждаются в финансировании и ликвидности. Те, кто обеспечивает ликвидность, должны, так сказать, чувствовать ответственность перед лицом наших основных идей’.

При помощи определительных местоимений *каждый / jeder* реализуется обобщение лиц, объективных определенной сферой деятельности, которая указана в контексте, например:

A. Merkel: Meine Damen und Herren, mit diesen Vereinbarungen setzen wir nicht mehr und nicht weniger um als wichtige Eckpunkte des Koalitionsvertrages. Dabei gilt natürlich: Jeder muss sich an die vereinbarten Regeln halten; jeder Mitgliedstaat ist für seinen Haushalt selbst verantwortlich; Haftung und Kontrolle gehören zusammen (Regierungserklärung, 28.06.2018). ‘Дамы и господа, благодаря этим соглашениям мы реализуем ни много ни мало краеугольные камни коалиционного соглашения. Конечно, каждый должен придерживаться согласованных правил; каждое государство-член несет ответственность за свой собственный бюджет; ответственность и контроль вещи взаимосвязанные’.

Д.А. Медведев: Я хотел бы, чтобы полномочные представители по этому вопросу разобрались с каждым субъектом, потому что есть разные, естественно, задачи, разные приоритеты. Каждый должен определяться сам, что ему делать. (Вступительное слово на совещании с полномочными представителями Президента в федеральных округах, 21.01.2009).

Отрицательная форма реализации агента *никто не должен* семантически равна *каждый должен*, при этом отрицается действие, например:

В.В. Путин: У всех людей есть и свои политические права, и социальные, и права в профессии — и никто не должен быть ущемлен [каждый должен быть не ущемлен]. Я хочу и ваше внимание тоже на это обратить, потому что это ваша повседневная работа (Выступление на встрече с федеральными и региональными омбудсменами, 05.12.2014).

Заключение

Таким образом, модальный агент является одним из способов «деонтической креативности». Как вариативное явление деонтического плана высказывания он предоставляет в политическом дискурсе говорящему широкие прагматические возможности. Семантические и функциональные особенности реализации различных типов агентов в рассматриваемых языках (русском и немецком) определяются параметрами коммуникативной задачи политической речи.

Семантическая диффузность деонтического агента формируется под воздействием специфичной адресатности политического дискурса, его смысловой неопределенности, эвфемизации и эмоциональности. Возможность обобщать семантику субъекта деонтики обуславливает коммуникативно-прагматическую специфику деонтических конструкций в данном типе дискурса.

Источники фактического материала

URL: <http://www.kremlin.ru/events/president>.

URL: <http://www.bundespraesident.de>.

URL: <https://www.bundestkanzlerin.de>.

Библиографический список

- Verstraete 2005 – *Verstraete J.-Ch.* Scalar quantity implicatures and the interpretation of modality. Problems in the deontic domain // *Journal of Pragmatics*, 2005, Vol. 37, P. 1401–1418. DOI: 10.1016/j.pragma.2005.02.003.
- Papafragou 2000 – *Papafragou A.* Modality: Issues in the Semantics-Pragmatics Interface. Amsterdam: Elsevier 2000. 238 p. URL: <http://bookfi.net/book/1065083>.
- Бондарко 1992 – *Бондарко А.В.* Субъектно-предикатно-объектные ситуации // *Теория функциональной грамматики: субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность*. СПб., 1992. С. 29–70.
- Греймас, Фонтаний 2007 – *Греймас А.Ж., Фонтаний Ж.* Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души / пер. с фр. И.Г. Меркуловой. М.: ЛКИ, 2007. 334 с. URL: https://vk.com/doc30601958_443073024.
- Карасик 1992 – *Карасик В.И.* Язык социального статуса. М.; Волгоград: Ин-т языкознания, Перемена, 1992. 329 с. URL: <http://www.l-406.narod.ru/SocL/karasik.pdf>.
- Норман, Плотникова 2016 – *Норман Б.Ю., Плотникова А.М.* Конструкции с местоимением мы: формирование актуальной или окказиональной коллективной идентичности // *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. 2016. № 6 (34). С. 126–138. DOI: 10.15293/2226-3365.1606.10.
- Падучева 2016 – *Падучева Е.В.* Модальность. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. М., 2016. URL: <http://rusgram.ru/Модальность#212> (дата обращения: 14.02.2019).
- Степанов 1995 – *Степанов Ю.С.* Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // *Язык и наука конца XX века: сб. ст. / под ред. Ю.С. Степанова*. М.: РГГУ, 1995. С. 35–73. URL: <http://abuss.narod.ru/Biblio/stepanov.htm>.
- Фуко 2004 – *Фуко М.* Археология знаний / пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2004. 416 с. URL: <http://bookfi.net/book/1481275>.
- Шведова 1998 – *Шведова Н.Ю.* Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М., 1998. 176 с. URL: <http://en.bookfi.net/book/1471588>.
- Шейгал 2004 – *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса: монография. М.: Гнозис, 2004. 324 с. URL: <https://indusbook.xyz/books/semiotika-politicheskogo-disku>.

References

Verstraete 2005 – *Verstraete J.-Ch.* Scalar quantity implicatures and the interpretation of modality. Problems in the deontic domain. *Journal of Pragmatics*, September 2005, 37(9), pp. 1401–1418. DOI: 10.1016/j.pragma.2005.02.003 [in English].

Papafragou 2000 – *Papafragou A.* Modality: Issues in the Semantics-Pragmatics Interface. Amsterdam: Elsevier 2000. 238 p. Available at: <http://bookfi.net/book/1065083> [in English].

Bondarko 1992 – *Bondarko A.V.* Sub»ektno-predikatno-ob»ektnye situatsii [Subject-predicate-object situations]. In: *Teoriya funktsional'noi grammatiki: sub»ektnost'. Ob»ektnost'. Kommunikativnaya perspektiva vyskazyvaniya. Opredelennost' / neopredelennost'* [Theory of functional grammar: subjectivity. Objectivity. Communicative perspective of utterance. Certainty / uncertainty]. SPb., 1992, pp. 29–70 [in Russian].

Greimas, Fontanille 2007 – *Greimas A.J., Fontanille J.* *Semiotika strastei. Ot sostoyaniya veshchei k sostoyaniyu dushi, per. s fr. I.G. Merkulovoi* [Semiotics of passions. From the state of things to the state of soul. Translated from French by I.G. Merkulova]. M.: LKI, 2007, 334 p. Available at: https://vk.com/doc30601958_443073024 [in Russian].

Karasik 1992 – *Karasik V.I.* *Yazyk sotsial'nogo statusa* [Language of social status]. M.: Volgograd: In-t yazykoznanija, Peremena, 1992, 329 p. Available at: <http://www.l-406.narod.ru/SocL/karasik.pdf> [in Russian].

Norman, Plotnikova 2016 – *Norman B.Yu., Plotnikova A.M.* *Konstruktsii s mestoimeniem my: formirovanie aktual'noi ili okkazional'noi kolektivnoi identichnosti* [Structures with the pronoun мы: formation of actual and occasional collective identity]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin], 2016, no. 6 (34), pp. 126–138. DOI: 10.15293/2226-3365.1606.10 [in Russian].

Paducheva 2016 – *Paducheva E.V.* *Modal'nost'* [Modality]. In: *Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki* [Materials for the project of corpus description of Russian grammar]. M., 2016. Available at: <http://rusgram.ru/Modal'nost'#212> (accessed 14.02.2019) [in Russian].

Stepanov 1995 – *Stepanov Y.S.* *Al'ternativnyi mir, Diskurs, Fakt i printsip Prichinnosti* [Alternative world, discourse, fact and the principle of causality]. In: *Yazyk i nauka kontsa XX veka: sb. st. Pod red. Yu.S. Stepanova* [Language and science of the late XX century: collection of research papers. Yu.S. Stepanov (Ed.)]. M.: RGGU, 1995, pp. 35–73. Available at: <http://abuss.narod.ru/Biblio/stepanov.htm> [in Russian].

Fuko 2004 – *Fuko M.* *Arkheologiya znanii, per. s fr. M.B. Rakovoi, A.Yu. Serebryannikovoi* [Archeology of Knowledge. Translated from French by M.B. Rakova, A.Yu. Serebryannikova]. SPb.: ITs «Gumanitarnaya Akademiya», 2004, 416 p. Available at: <http://bookfi.net/book/1481275> [in Russian].

Sheygal 2004 – *Sheygal E.I.* *Semiotika politicheskogo diskursa: monografiya* [Semiotics of political discourse: monograph]. M.: Gnozis, 2004, 324 p. Available at: <https://indusbook.xyz/books/semiotika-politicheskogo-disku> [in Russian].

Shvedova 1998 – *Shvedova N.Yu.* *Mestoimenie i smysl. Klass russkikh mestoimenii i otkryvaemye imi smyslovye prostranstva* [Pronoun and Meaning. The class of Russian pronouns and the semantic spaces opened by them]. M., 1998, 176 p. Available at: <http://en.bookfi.net/book/1471588> [in Russian].

КОНТАКТНЫЕ СТРАТЕГИИ В ЭЛЕКТРОННЫХ СТАТЬЯХ И КОММЕНТАРИЯХ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕДИАДИСКУРСА)

© Черезова Мария Александровна – кандидат филологических наук, заместитель начальника кафедры философии и общегуманитарных дисциплин, майор внутренней службы, Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Российская Федерация, г. Самара, ул. Рыльская, 24 в.
E-mail: kuprijanova07@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2728-3501>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена определению места и роли контактных стратегий в интерактивном парном комплексе «электронная статья – электронный комментарий» в немецкоязычной дискурсивной практике политической направленности. В качестве материала настоящего исследования были выбраны первичные сообщения на политическую тему из ведущих газет ФРГ «ZEIT ONLINE», «Süddeutsche Zeitung» и журнала «SPIEGEL ONLINE», а также вторичные тексты в виде комментариев их читательской аудитории. В ходе проведенного языкового анализа доказывается, что стратегическая деятельность в выбранном виде дискурса представляет собой сложный многоаспектный процесс, обусловленный, с одной стороны, интенциями отправителя сообщения, а с другой – условиями интерактивного взаимодействия в рамках интернет-пространства.

Актуальность предлагаемого исследования определяется рассмотрением языковой реализации одной или совокупности выделенных в рабочую классификацию контактных стратегий. Автор делает акцент на участии средств, принадлежащих различным уровням немецкого языка, а также невербальных составляющих в процессах наложения, интенциональной смены или подмены стратегий. Отмечено, что стратегическая программа отправителя электронного сообщения не всегда правильно распознается реципиентом и находит продолжение в электронном комментарии: часто вторичный продукт кардинально противоречит первичному тексту.

Научная новизна проводимого исследования видится автору в том, что в политическом дискурсе электронных немецких СМИ комментаторы, выбирая определенные стратегические модели, могут перевести полемику на основе прочитанного в электронной статье в совершенно новое русло, ориентируясь на собственный заданный стратегический курс. Контактные стратегии, организующие взаимодействие и взаимопонимание участников опосредованной, но близкой в электронном пространстве к непосредственной коммуникации, оказываются важным ключом в постижении заложенной авторской стратегии, а зачастую стратегии немецкоязычного издания в целом.

Ключевые слова: стратегическая деятельность, отправитель, реципиент, стратегия позитивной (само)презентации; стратегия «преуменьшения», конвенциональная стратегия, стратегия псевдоконвенции, стратегия интенсификации, стратегия дискредитации.

Цитирование. Черезова М.А. Контактные стратегии в электронных статьях и комментариях (на примере немецкоязычного политического медиадискурса) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 3. С. 165–171. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-3-165-171>.

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-3-165-171
UDC 811.11-112

Submitted: 6/VIII/2019
Accepted: 19/IX/2019

M.A. Cherezova

CONTACT STRATEGIES IN ELECTRONIC ARTICLES AND COMMENTS (ON THE EXAMPLE OF THE GERMAN POLITICAL MEDIA DISCOURSE)

© Cherezova Maria Aleksandrovna – Candidate of Philological Sciences, Deputy Head of the Department of Philosophy and General Humanities, major in the internal services, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 24v, Rylskaya Street, Samara, 443022, Russian Federation.
E-mail: kuprijanova07@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2728-3501>

ABSTRACT

The article is devoted to determining the place and role of such type of strategies as contact strategies in interactive paired complex «electronic article – electronic comment» in German discursive political practice. As the material for this study, primary messages about political occurrences from the leading German newspapers «ZEIT ONLINE», «Süddeutsche Zeitung» and the journal «SPIEGEL ONLINE» as well as secondary texts in the form of comments from the readership were selected. The language analysis proves that the strategic activity in given form of discourse is a complex multi-faceted process caused by the intentions of the message addresser on the one hand, and by the conditions of interaction within the Internet space on the other hand.

The rationale of this study is determined by considering the language realization of one or a combination of contact strategies allocated to the working classification. The author focuses on using means of various levels of the German language as well as non-verbal components in the processes of imposition, intentional change or substitution of strategies. It is noted that the strategic program of the addresser of the electronic message is not always correctly recognized by the recipient and does not always find a continuation in the electronic comment often the secondary product radically contradicts the original text.

The author thinks that scientific novelty of the study is in the case of the political discourse of electronic German media commentators choosing certain strategic models can transfer the polemic based on what they read in an electronic article into a completely new direction focusing on their own given strategic course. Contact strategies organizing interaction and mutual understanding of participants in indirect, but close in electronic space to direct communication are an important key in discovery the underlying author's strategy and often the strategy of the German press as a whole.

Key words: strategic activity, addresser, recipient, positive presentation strategy, understatement strategy, conventional strategy, pseudo convention strategy, intensification strategy, discredit strategy.

Citation. Cherezova M.A. *Kontaktnye strategii v elektronnykh stat'yakh i kommentariyakh (na primere nemetskoyazychnogo politicheskogo mediadiskursa)* [Contact strategies in electronic articles and comments (on the example of the German political media discourse)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 3, pp. 165–171. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-3-165-171> [in Russian].

Введение

Современные лингвистические школы, как отечественные, так и зарубежные, достаточно активно исследуют разного рода стратегии (дискурсивные, коммуникативные, риторические и др.), в частности в СМИ. Реализация указанных стратегических планов, на наш взгляд, со стороны адресанта обусловлена его целями, задачами, интенциональными установками, а также не в последнюю очередь жанром дискурса, в котором разворачивается взаимодействие отправителя и получателя электронного сообщения. Обратимся к анализу существующих на данный момент классификаций стратегий и определим те из них, которые репрезентируют немецкоязычный медиадискурс.

Классификации стратегий

Общепризнанные стратегии большинства т. н. идеологических дискурсов, представляющие инте-

рес для нашего исследования, были систематизированы Т. А. ван Дейком [Dijk 2005, pp. 42–44]. Его классификация включает две очень важные стратегии: *стратегию позитивной самопрезентации* и *стратегию негативной презентации другого*, которые берутся многими современными лингвистами за отправную точку. Иное часто встречающееся наименование последней из представленных стратегий – «*стратегия дискредитации*» [Иссерс 2008, с. 93–96; Крячкова 2015, с. 89–92]. Достаточно близкие по своей сути к предыдущим понятия определяет в рамках исследования политического дискурса Е.И. Шейгал: *стратегия эвфемизации* и *стратегия дисфемизации* [Шейгал 2000, с. 310].

Что касается непосредственно немецкоязычного дискурса, то на настоящий момент существует целый ряд исследований стратегического плана высказываний различного рода дискурсов с выде-

лением свойственных данным жанрам стратегий. Так, А.Ю. Киселев исследует коммуникативные авторские стратегии в немецком научно-популярном дискурсе [Киселев 2012, с. 6]. Исследователем выделяются следующие виды: *стратегии аттракции* и *стратегии модализации*. Г.А. Туманова в рамках коммуникативного подхода также останавливается на особенностях реализации *стратегии убеждения* на примере русско- и немецкоязычного дискурсивного пространства в политической сфере [Туманова 2016, с. 1].

В рамках нарративного интервью на материале немецкого языка А.Ю. Лапшина выделяет *стратегию обеспечения понимания*, *стратегию контроля над темой* и *эмоционально-настраивающую стратегию* [Лапшина 2009, с. 9]. С.Ш. Каракулова в своем исследовании предлагает новый термин — *митигативная стратегия* ведения интервью с немецкими политическими деятелями [Каракулова 2016, с. 52–62].

Женскому политическому дискурсу и выделенным в ходе исследования *маскулинным стратегиям* посвящена работа Н.А. Синеокой, рассматривающей тексты интервью с женщинами-политиками Германии за 2017–2018 гг. [Синеокая 2019, с. 115–122.].

Е.В. Горбачев, анализируя «тексты сообщений для прессы» в сети Интернет, определяет место *семантических стратегий* в предвыборной коммуникации в ФРГ [Горбачев 2001, с. 3].

Достаточно подробную классификацию стратегий политической коммуникации в ФРГ представляет Ю.В. Вознесенская, выделяя *кооперативные* (в других терминах — *конвенциональные*, или *гармонизирующие*) и *конфликтные* (*конфронтационные*, или *дисгармонизирующие*) стратегии [Вознесенская 2010, с. 8]. А.А. Филинский определяет как одну из ведущих манипулятивных стратегий *стратегию героизации представителей своей партии*, очень близкую перечисленным выше стратегиям [Филинский 2002, с. 68–81].

Обширное разнообразие классификаций потребовало выработки собственных критериев с целью систематизировать вербальное взаимодействие в рамках исследуемой нами дискурсивной практики. Мы предлагаем свою рабочую классификацию стратегий, характерных для современного немецкоязычного медиадискурса.

Контактные стратегии

Выбранные нами для языкового анализа *контактные стратегии* (мы останавливаемся на таком названии, поскольку они организуют внешнее пространство высказывания) имеют цель установить контакт с реципиентом. Следуя идее Ю. Хабермаса, что целью взаимодействия участников общения всегда будет координация действий [Хабермас 2001, с. 198], мы упорядочиваем стратегии по шкале — от наиболее кооперативных до наиболее конфронтационных. Это — *стратегия позитивной (само)презентации* (ориентир на положительные характеристики, как правило, собственные и отказ от

отрицательных оценок членов своей группы); *стратегия «преуменьшения»* (отправителем сообщения замалчиваются собственные недостатки и одновременно чужие достоинства); *конвенциональная стратегия* (строится по принципу договора между участниками коммуникации); *стратегия псевдоконвенции* (в отличие от предыдущей коммуникантами создается лишь видимость доверительных отношений между ними); *стратегия интенсификации* (подчеркиваются собственные достоинства, равно как чужие недостатки); *стратегия дискредитации* (установка на дискредитацию оппонента без упоминания каких-либо положительных моментов о нем).

Стоит, однако, помнить и учитывать тот факт, что стратегическое планирование, его реализация в процессе коммуникации и дальнейшее восприятие речи/сообщения адресатом могут в любой момент подвергнуться влиянию новых факторов, обстоятельств, особенно в рамках электронной медиасреды. Именно поэтому вербализация высказывания в современном немецкоязычном медиадискурсе представляется нам как сложный многокомпонентный процесс, составляющими которого будут отправитель, реципиент, текст электронной статьи и комментария, где взаимопонимание и достижение успешной коммуникации возможно благодаря взаимопроникновению различного рода стратегий.

Обратимся к лингвистическому анализу вербальных и невербальных способов реализации контактных стратегий, на которых построено интерактивное взаимодействие в исследуемой нами дискурсивной практике. Особенностью нашего исследования будет анализ текстов двух видов в комплексе: электронной статьи + электронного комментария, — названного нами ранее интерактивным парным комплексом [Черезова 2017, с. 141–153]. Параллельный анализ обоих текстов корпуса материала (3 статьи и 156 комментариев) дает возможность проследить стратегическое развитие всей программы общения и определить место и значение тех или иных стратегий для успеха интеракции.

Начнем со встречающейся практически в каждом электронном сообщении СМИ комбинации стратегий: позитивной (само)презентации и стратегии дискредитации. Их частотность легко объяснима идеологичностью исследуемой дискурсивной практики. Реализация указанных стратегий может происходить как по принципу наложения, так и интенсиональной смены.

Пример статьи:

Sie ist die erste westliche Regierungschefin, die seit Beginn der Proteste in Hongkong nach China reist. Wie sich Bundeskanzlerin Angela Merkel zu den Unruhen in der chinesischen Sonderverwaltungszone äußern würde, war mit Spannung erwartet worden.

In Peking mahnte sie eine friedliche Lösung der Spannungen in Hongkong an...

...Es gebe Anzeichen, dass die Regierungschefin in Hongkong nun einen Dialog ermögliche.

Примеры комментариев статьи/сообщения (орфография и пунктуация авторов сохранены):

a) **burgundy** heute, 08:49 Uhr

1. **Man muss nur fest dran glauben.**

Demokratie, Menschenrechte und Menschenleben haben eben auch einen Marktwert. Es hängt von den Prioritäten ab. Da allerdings hatten Geld, Macht und Sex schon immer die Nase vorn.

b) *phantasierender*... heute, 09:05 Uhr

2. merkel mahnt?

Mit was will sie den drohen? (SPIEGEL ONLINE, 06.09.2019).

В приведенном отрывке статьи мы наблюдаем, как отправитель сообщения делает явный акцент на исключительно положительную роль бундесканцлера в решении сложной политической задачи. Следовательно, можно заключить, что к стратегии позитивной (само)презентации плотно примыкает стратегия интенсификации, что в языковом плане можно заметить в выборе порядкового числительного в атрибутивной функции *die erste*. Сочетание с прилагательным *westliche* явно указывает на оппозиционный лагерь всех прочих западных держав. Интенсивно подчеркивается роль Ангелы Меркель в этом важном политическом событии не только выбором слов *mit Spannung erwartet*, но и графическим выделением данного сочетания в качестве гиперссылки, по которой реципиент может найти дополнительную, намеренно выбранную отправителем статьи информацию. Переплетение стратегий позитивной (само)презентации и стратегии интенсификации читается в следующих словосочетаниях *Es gebe Anzeichen, nun einen Dialog ermögliche*, где канцлеру Германии приписывается практически невыполнимая миссия, возложенная на нее одну, с которой по силам справиться лишь ей.

Примечательно, что столь позитивный настрой отправителя электронной статьи не находит такого же отклика у читательской аудитории. Предложение *In Peking mahnte sie... an...* (это вариация названия статьи) действует на публику в качестве раздражителя, так что позитивная (само)презентация оборачивается стратегией дискредитации личности политика и ее благих целей по восстановлению демократии и прав человека. Свою позицию и выбираемую стратегическую программу реципиенты обозначают с выбора псевдонима. Так, в примере *b phantasierender*... указывает на отсылку к тексту электронной статьи (слова *Anzeichen*, *apnahmen* одного тематического поля), на неприкрытую насмешку и графическое сопровождение в виде многоточия, обозначающего в электронной переписке процесс размышления. Развитию выбранной позиции служит заголовок комментария, выдающий явное недоверие реципиента по отношению к написанному в статье: имя канцлера напечатано (сложно сказать, намеренно или в рамках электронной среды в спешке, чтобы скорее написать о своем мнении) строчными буквами, ее действия подвергаются сомнению и критике, о чем мы узнаем в следующих друг за другом вопросительных предложениях. Реципиент из примера *a* менее эмоционален, но его утвердительные предложения также выдают сомнение в успехе выбранного политического курса. В противопоставлении рядов однородных членов можно угадать не только дискредитацию действий конкретного полити-

ка, но и всей политической системы в целом по отношению к человечеству и его ценностям.

Стратегическую программу участников коммуникации в немецкоязычном политическом медиадискурсе может также характеризовать *смена* стратегий. В следующем примере в электронной статье стратегия псевдоконвенции сменяется стратегией интенсификации, что выражено в языковом плане модальными глаголами (*wollen, sollen*), наречиями (*vermutlich, allerdings*), неоднократными повторами (*auch*) и отрицаниями (*nicht, keine*).

Пример статьи:

Eine Erhöhung steht bislang *nicht* bevor. Verteidigungsminister Karl-Theodor zu Guttenberg ...*will* vorerst abwarten. Er hatte *auch* bei seinem Besuch in Washington vergangene Woche *keine* Zugeständnisse gemacht.

...Obama *wolle vermutlich* Anfang kommender Woche... Neben der Entscheidung über weitere Soldaten *wolle er auch*...

Die Truppenaufstockung ist innerhalb des Kabinetts *allerdings* umstritten... Statt sich im Kampf gegen die Taliban aufzureiben, *sollten* sich die USA darauf konzentrieren, Al-Qaida-Terroristenauszuschalten. *Auch* der US-Botschafter in Kabul, Karl Eikenberry, der selbst ehemals Oberbefehlshaber am Hindukusch war, warnt vor mehr Soldaten.

Примеры комментариев статьи/сообщения (орфография и пунктуация авторов сохранены):

a) **Julia09**

#1 – 25. November 2009, 12:50 Uhr

Parlamentsarmee vs. GSVP

Wenn ich... richtig verstanden habe, dann gehen die Pläne einer Truppenaufstockung einher mit einer ganz rigiden Einmischung in die Art und Weise der afghanischen Regierungsführung.

... Ich bin sehr gespannt, ob die Politik das Rückgrat hat und vors Volk tritt und sagt: «Ja, wir müssen lasten zur Schaffung internationaler Sicherheit tragen und beschließen offen im Bundestag die Truppenaufstockung!» ...

b) **Atan**

#2 – 25. November 2009, 14:02 Uhr

Allgemeine Mobilmachung!

Schließlich wartet der mörderische Taliban ja nur darauf, sofort direkt zum Brandenburger Tor durch zu marschieren, die Hauptstadt zu brandschatzen, zu plündern und zu schänden!...

c) **Sozialarbeiter**

#3 – 25. November 2009, 16:49 Uhr

ja, wer sich auf Afghanistan ...

... Welch ein Ziel? In 8 Jahren wurde nicht geschafft Ordnung zu schaffen? Und der Widerstand wird immer stärker. Klar, wenn immer mehr zivile Personen zu Schaden kommen. Das schafft keine verbündeten, daß schafft Gegner, daß schürt Hass. Das kostet Geld, viel Geld. Noch mehr Tote, noch mehr Verstümmelte, Verwundete und Traumatisierte... (ZEIT ONLINE, 25.11.2009).

В приведенных комментариях мы можем наблюдать, что реакция реципиента оказалась иной, нежели это предполагалось отправителем электронного сообщения, который заложил определенную стратегическую программу. В текстах вторичной языковой деятельности (их всего три к данной статье) читательская аудитория придерживается мнения о выбранной газетой стратегии «преуменьшения», которую угадывают комментаторы. Например, в тексте *a Julia09* выбирает условное придаточное предложение для формулировки своего предположения о реальном положении дел (*Wenn ich... richtig verstanden habe...*), что также подтверждает оценочное суждение *ganz rigiden Einmischung*.

Выбранную комментатором стратегию дискредитации можно обнаружить в следующем предложении в этом же примере, где автор явно дистанцируется от сообщаемого политиками и выражает недоверие с помощью прямого цитирования. Автор комментария *b* выбрана стратегия интенсификации для выражения собственных мыслей на основе прочитанного в статье. Часть предложений, включая заголовок, содержат восклицание, неприкрытый призыв с элементами сарказма. Стратегический план читается также и в выборе обратного порядка слов, наречий (schließlich, sofort), частиц (ja, nur), прилагательного с оценочным значением (mörderisch) и ряда однородных членов (инфинитивы durchzumarschieren, zu brandschatzen, zu plündern und zu schänden). И наконец, в комментарии *c* пересекаются стратегия дискредитации и стратегия интенсификации. Умалчиваемые политиками Германии промахи обозначаются с новой силой. Реализовать свою позицию реципиенту помогают на синтаксическом уровне риторические вопросы, повторы (immer, Geld, noch mehr), параллелизм (Das schafft keine verbündeten, daß schafft Gegner, daß schürt Hass), ряд однородных членов (Verstümmelte, Verwundete und Traumatisierte). В лексическом плане можно заметить яркий контраст, когда единицы с положительной или нейтральной коннотацией (Ziel, Ordnung) сменяются словами с отрицательной или оценочной коннотацией (Widerstand, Schaden, keine verbündeten, Gegner, Hass, Geld, Tote, Verstümmelte, Verwundete, Traumatisierte).

В ходе анализа мы заметили, что не все рассматриваемые немецкоязычные онлайн-издания настроены на открытый диалог с реципиентами. Как мы видели выше в примерах из газеты ZEIT ONLINE и журнала SPIEGEL ONLINE, их редакция в общем доступе разрешает вести полемику о событиях, публикуемых в СМИ, причем комментарии следуют/размещаются непосредственно за статьей. Совсем иная позиция замечена в газете Süddeutsche Zeitung, которая до 2016 г. также предоставляла своим читателям право дискутировать на своем портале открыто, как и другие издания. Теперь же редакция ограничивает круг лиц, участвующих в дискуссии (четко прописаны условия вступления в диалог на сайте), и перечень тем, которые могут обсуждаться публично. Специально для этих целей с октября 2016 г. была создана рубрика Ihr Forum, позже переименованная и ныне существующая как Leserdiskussion. В данной политике издания можно угадать стратегию псевдоконвенции, поскольку для читателя заранее определено, что, с кем, что и каким образом можно обсуждать только в рамках заданной тематики.

Рассмотрим подробнее, как происходит реализация стратегической деятельности в комплексе «статья – комментарий».

Пример статьи:

Was halten Sie von Tirols Straßensperrungen?

Seit Donnerstag hat Tirol ein Fahrverbot für «Stau-Ausweichler» und Mautvermeider verhängt. Die Sperrungen verstoßen «gegen den Grundsatz des freien Warenverkehrs in der EU», heißt es aus dem Bundesverkehrsministerium.

Примеры комментариев статьи/сообщения (орфография и пунктуация авторов сохранены):

a) stedis • vor 2 Monaten • edited

...Nur, um nicht missverstanden zu werden: ich finde die Maut gut und die Pflicht zur Autobahnnutzung auch...

b) Christian_AT → stedis • vor 2 Monaten • edited

Ihre Aussage ist schlicht falsch oder sogar GELOGEN

... hier im Detail:

<https://www.tirol.gv.at/ver...>

c) stedis → **Christian_AT** • vor 2 Monaten

Verstehe. Man wird gar nicht auf mautpflichtige Autobahnen gezwungen. Da fragt man sich, warum das der Presse überhaupt eine Meldung Wert ist (Süddeutsche Zeitung, 24.06.2019).

В приведенном примере статьи (ее формат также был подстроен под требования времени – мало читающая аудитория, готовая в любой момент рассуждать о собственной позиции) можно заметить наложение конвенциональной стратегии, настраивающей реципиента на обмен мнениями по обсуждаемому вопросу, и стратегии дискредитации, выраженной в языковом плане в цитировании оппонента «Stau-Ausweichler». Противостояние сторон угадывается также в выборе конструкций с противоположным значением (hat... ein Fahrverbot... verhängt → Die Sperrungen verstoßen «gegen...»). Читателю предлагается выбор, кого поддержать в данном вопросе. Именно поэтому часть реципиентов поддерживает австрийское правительство, другие остаются верными позиции министерства транспорта Германии. Так, комментатор в примере *a* с некоторой оговоркой (um nicht missverstanden zu werden) поддерживает идею Тироля о введении дорожной пошлины, что встречает резкое негодование со стороны других участников дискуссии. В примере *b* Christian_AT уже в заголовке своего комментария выражает несогласие с первым комментатором с помощью оценочного суждения (schlicht falsch oder sogar GELOGEN). Частицы несут усиливающую эмоциональную нагрузку, кроме того последнее слово дополнительно выделяется графически, чтобы оказать необходимое воздействие (стратегия дискредитации оппонента). В подтверждение своей позиции Christian_AT приводит ссылку на источник, которому он доверяет и с которым могут ознакомиться в открытом доступе другие читатели. В ответе негативно настроенному собеседнику в примере *c* мы можем угадать конвенциональную стратегию, где stedis (он же выступал в первом комментарии) соглашается с позицией своего оппонента в достаточно лаконичной форме (Verstehe. Man wird gar nicht auf mautpflichtige Autobahnen gezwungen). Примечательно, что после этого комментатор переводит дискуссию в совершенно иную плоскость, замыкая ее на интенциональном выборе вопроса обсуждения со стороны редакции газеты (Da fragt man sich, warum das der Presse überhaupt eine Meldung Wert ist).

Заключение

Итак, в ходе дискурсивного анализа практики немецкоязычных СМИ мы пришли к выводу, что стратегическая деятельность в выбранном поле исследования представляет собой сложный многокомпонентный процесс, одинаково реализуемый в электронной среде как отправителем первоначального продукта (статьи), так и создателем вторичного продукта (комментария), возникающего при обсуждении опубликованного текста в сети Интернет. Стратегическая программа в комплексе «статья – комментарий» может включать наложение, смену или подмену контактных стратегий, выведенных в собственную авторскую классификацию и градуированных по шкале «кооперативная – конфронтационная». Результаты проведенного анализа позволяют утверждать, что все стратегии получают выражение на стилистико-синтаксическом и лексико-грамматическом уровне немецкого языка, более того, отправитель и реципиент зачастую прибегают к невербальным средствам для реализации выбранного ими стратегического курса.

Источники фактического материала

ZEIT ONLINE – Afghanistan: USA fordern von Nato-Partnern mehr Soldaten // *ZEIT ONLINE*. 25.11.2009. URL: <http://www.zeit.de/politik/ausland/2009-11/afghanistan-usa-truppen> (accessed 09.09.2019).

SPIEGEL ONLINE – Chinabesuch: Merkel mahnt friedliche Lösung für Hongkong an // *SPIEGEL ONLINE*. 06.09.2019. URL: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/kanzlerin-angela-merkel-mahnt-friedliche-loesung-fuer-hongkong-an-a-1285514.html> (accessed 09.09.2019).

Süddeutsche Zeitung – Leserdiskussion: Was halten Sie von Tirols Straßensperrungen? // *Süddeutsche Zeitung*. 24.06.2019. URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/tirol-maut-strassensperrung-oesterreich-1.4496623> (accessed 09.08.2019).

Библиографический список

Dijk 2005 – *Dijk T.A. van. Ideology and discourse. A Multidisciplinary Introduction*. Barcelona: Pompeu Fabra University, 2005. 118 p. URL: <http://www.discourses.org/UnpublishedArticles/Ideology%20and%20discourse.pdf> (accessed 09.09.2019).

Вознесенская 2010 – *Вознесенская Ю.В. Речевые стратегии конфликта в немецкой политической коммуникации: на материале парламентских дебатов в Бундестаге: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. 185 с.* URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19235300> (дата обращения: 09.09.2019).

Горбачев 2001 – *Горбачев Е.В. Семантические стратегии предвыборной коммуникации в ФРГ (на материале сообщений для прессы фракции ХДС/ХСС в Бундестаге 1998 г.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2001. 18 с.* URL: <http://cheloveknauka.com/semanticheskie-strategii-predvybornoy-kommunikatsii-v-frg>.

Иссерс 2008 – *Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: монография. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.* URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24003084> (дата обращения: 09.09.2019).

Каракулова 2016 – *Каракулова С.Ш. Реализация митигативной стратегии смягчения оценки в интервью с немецкими политиками // Научный диалог. 2016. № 2 (50). С. 52–62.* URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25509984> (дата обращения: 09.09.2019).

Киселев 2012 – *Киселев А.Ю. Адресные стратегии в научно-популярном дискурсе (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2012. 22 с.* URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30364477> (дата обращения: 09.09.2019).

Крячкова 2015 – *Крячкова А.П. Реализация стратегии дискредитации оппонента в политических дебатах немецкого Бундестага // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 10–1(52). С. 89–92.* URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24155621> (дата обращения: 09.09.2019).

Лапшина 2009 – *Лапшина А.Ю. Коммуникативная стратегия неявного управления в межжанровом пространстве нарративного интервью: на материале немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2009. 187 с.* URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16192373> (дата обращения: 09.09.2019).

Синеокая 2019 – *Синеокая Н.А. Маскулинные коммуникативные стратегии и тактики (на материале интервью женщин-политиков в Германии) // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 1. С. 115–122.* DOI: 10.24411/2499-9679-2019-10321.

Туманова 2016 – *Туманова Г.А. Коммуникативная стратегия убеждения и особенности ее реализации в политическом дискурсе (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 22 с.* URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30431363> (дата обращения: 09.09.2019).

Филинский 2002 – *Филинский А.А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999–2000 гг.: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2002. 163 с.* URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19181823> (дата обращения: 09.09.2019).

Хабермас 2001 – *Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. 381 с.* URL: https://vk.com/doc182701393_343827483.

Черезова 2017 – *Черезова М.А. Интерактивный парный комплекс в электронных СМИ ФРГ // Научный диалог. 2017. № 8. С. 141–153.* DOI: 10.24224/2227-1295-2017-8-141-153.

Шейгал 2000 – *Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: монография. Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.* URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19666928>.

References

Dijk 2005 – *Dijk T.A. van. Ideology and discourse. A Multidisciplinary Introduction*. Barcelona: Pompeu Fabra University, 2005, 118 p. Available at: <http://www.discourses.org/UnpublishedArticles/Ideology%20and%20discourse.pdf> (accessed 09.09.2019) [in English].

Voznesenskaya 2010 – *Voznesenskaya Ju.V. Rechevye strategii konflikta v nemetskoj politicheskoj kommunikatsii: na materiale parlamentskikh debatov v Bundestage: dis. ... kand. filol. nauk* [Conflict Speech Strategies in German Political Communication: Based on the Bundestag Parliamentary Debate: Candidate's of Philological sciences thesis]. SPb., 2010, 185 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19235300> (accessed 09.09.2019) [in Russian].

- Gorbachev 2001 – *Gorbachev E.V. Semanticheskie strategii predvybornoi kommunikatsii v FRG (na materiale soobshchenii dlya pressy fraktsii KhDS/KhSS v Bundestage 1998 g.): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Semantic strategies for campaign communication in Germany (based on press releases from the Christian Democratic Union / Cristian Social Union faction in the Bundestag in 1998): author's abstract of Candidate's of Philological Sciences thesis]. Samara, 2001, 18 p. Available at: <http://cheloveknauka.com/semanticheskie-strategii-predvybornoy-kommunikatsii-v-frg> [in Russian].
- Issers 2008 – *Issers O.S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi: monografiya* [Communicative strategies and tactics of Russian speech: monograph]. M.: Izd-vo LKI, 2008, 288 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24003084> (accessed 09.09.2019) [in Russian].
- Karakulova 2016 – *Karakulova S.Sh. Realizatsiya mitigativnoi strategii smyagcheniya otsenki v interv'yu s nemetskimi politikami* [Realization of Mitigative Strategy of Estimation Mitigation in Interviews with German Politicians]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], 2016, no. 2 (50), pp. 52–62. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25509984> (accessed 09.09.2019) [in Russian].
- Kiselev 2012 – *Kiselev A.Yu. Adresnye strategii v nauchno-populyarnom diskurse (na materiale nemetskogo yazyka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Address strategies in popular science discourse (based on German language material): author's abstract of Candidate's of Philological sciences thesis]. Samara, 2012, 22 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30364477> (accessed 09.09.2019) [in Russian].
- Kryachkova 2015 – *Kryachkova A.P. Realizatsiya strategii diskreditatsii opponenta v politicheskikh debatakh nemetskogo Bundestaga* [The Realization of Opponent Discrediting Strategy in Political Debates of the German Bundestag]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2015, no. 10–1(52), pp. 89–92. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24155621> (accessed 09.09.2019) [in Russian].
- Lapshina 2009 – *Lapshina A.Yu. Kommunikativnaya strategiya neyavnogo upravleniya v mezhdzhanrovom prostranstve narrativnogo interv'yu: na materiale nemetskogo yazyka: dis. ... kand. filol. nauk* [Communicative strategy of implicit control in the intergenre narrative interview: on the material of the German language: Candidate's of Philological Sciences thesis]. Samara, 2009, 187 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16192373> (accessed 09.09.2019) [in Russian].
- Sineokaya 2019 – *Sineokaya N.A. Maskulinnye kommunikativnye strategii i taktiki (na materiale interv'yu zhenshchin-politikov v Germanii)* [Masculine Communication Strategies and Tactics in the Female Political Discourse (on the example of Women Politicians' Interviews in Germany)]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik* [Verkhnevolzhski philological bulletin], 2019, no. 1, pp. 115–122. DOI: 10.24411/2499-9679-2019-10321 [in Russian].
- Tumanova 2016 – *Tumanova G.A. Kommunikativnaya strategiya ubezhdeniya i osobennosti ee realizatsii v politicheskom diskurse (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Communicative strategy of persuasion and features of its realization in political discourse (based on Russian and German languages): author's abstract of Candidate's of Philological sciences thesis]. M., 2016, 22 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30431363> (accessed 09.09.2019) [in Russian].
- Filinskii 2002 – *Filinskii A.A. Kriticheskii analiz politicheskogo diskursa predvybornykh kampanii 1999–2000 gg.: dis. ... kand. filol. nauk* [Critical analysis of the political discourse of the election campaigns of 1999–2000: Candidate's of Philological sciences thesis]. Tver, 2002, 163 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19181823> (accessed 09.09.2019) [in Russian].
- Habermas 2001 – *Habermas Jü. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie* [Moral consciousness and communicative action]. SPb.: Nauka, 2001, 381 p. Available at: https://vk.com/doc182701393_343827483 [in Russian].
- Cherezova 2017 – *Cherezova M.A. Interaktivnyi parnyi kompleks v elektronnykh SMI FRG* [Interactive Paired Complex in Electronic Medias of the Federal Republic of Germany]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], 2017, no. 8, pp. 141–153. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-8-141-153 [in Russian].
- Sheigal 2000 – *Sheigal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa: monografiya* [Semiotics of Political Discourse: monograph]. Volgograd: Peremena, 2000, 368 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19666928> [in Russian].

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-3-172-175
УДК 947.084.2

Дата поступления статьи: 29/VII/2019
Дата принятия статьи: 3/IX/2019

П.С. Кабытов

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ: РОДНОВ М.И. «ПЕРВЫЕ УФИМСКИЕ АВТО» (УФА: АЛЬФА-РЕКЛАМА, 2018. 200 С.)

© *Кабытов Петр Серафимович* – заслуженный деятель науки РФ, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.
E-mail: don.kabytov2012@yandex.ru. **Researcher ID:** S-2272-2016. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-2359-2155>.

АННОТАЦИЯ

Рецензия посвящена анализу монографии М.И. Роднова, который, опираясь на законодательные материалы, нормативные документы городской Думы Уфы, делопроизводственные материалы, используя центральную и региональную прессу (в том числе и рекламу), предпринял реконструкцию процесса автомобилизации губернского города Уфы в начале XX в. Эта проблема рассматривается автором через призму ускорения модернизационных процессов в Российской империи.

В монографии выделены три этапа автомобилизации, которая внесла существенные коррективы в повседневную жизнь городского общества и стала важнейшим фактором, влиявшим на развитие транспорта и формирование новой инфраструктуры.

Научный анализ литературы и комплекса разнообразных источников, подкреплен новыми выводами и наблюдениями, что придает книге М.И. Роднова статус современного исследования повседневной жизни провинциального городского общества, вступившего в эру автомобилизации.

Ключевые слова: авто, автомобилизация, городское общество, бизнес-сообщество, Уфа, городская Дума.

Цитирование. Кабытов П.С. Рецензия на монографию: Роднов М.И. «Первые уфимские авто» (Уфа: Альфа-Реклама, 2018. 200 с.) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 3. С. 172–175. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-3-172-175>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-3-172-175
UDC 947.084.2

Submitted: 29/VII/2019
Accepted: 3/IX/2019

P.S. Kabytov

**REVIEW ON THE MONOGRAPH: RODNOV M.I. «FIRST UFA CARS»
(UFA: ALFA-REKLAMA, 2018, 200 P.)**

© *Kabytov Petr Serafimovich* – Doctor of Historical Sciences, professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, head of the Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: don.kabytov2012@yandex.ru. **Researcher ID:** S-2272-2016. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-2359-2155>.

ABSTRACT

The review is devoted to the analysis of the monograph of M.I. Rodnov which leaning on legislative materials, normative documents of the City Council of Ufa, office work materials, using the central and regional press (including advertizing) undertook reconstruction of process of automobilization of the provincial city of Ufa in the beginnings of the 20th century. This problem is considered by the author through a prism of acceleration of modernization processes in the Russian Empire.

In the monograph three stages of automobilization which introduced essential amendments in everyday life of city society and became the major factor influencing development of transport and formation of new infrastructure are allocated.

The scientific analysis of literature and complex of various sources, is supported with new conclusions and observations that gives to the book by M.I. Rodnov the status of a modern research of everyday life of the provincial city society which entered an era of automobilization.

Key words: car, automobilization, city society, business community, Ufa, city council.

Citation. Kabytov P.S. *Retseziya na monografiyu: Rodnov M.I. «Pervye ufimskie avto». Ufa: Alfa-Reklama, 2018. 200 s.* [Review on the monograph: Rodnov M.I. «The first Ufa cars» (Ufa: Alfa-Reklama, 2018, 200 p.)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriiia, pedagogika, filologiiia* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 3, pp. 172–175. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-3-172-175> [in Russian].

В 2018 г. уфимское издательство «Альфа-Реклама» опубликовало монографию доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника отдела истории и культуры Башкортостан Института истории языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской Академии наук Роднова Михаила Игоревича, в которой реконструирован первый этап автомобилизации Уфы и Уфимской губернии в начале XX в. Во «Введении» сформулирована исследовательская задача – рассмотреть культурологическое воздействие механизации на российское общество. Эта актуальная исследовательская проблема вполне правомерно рассматривается автором монографии через призму ускорения модернизационных процессов в Российской империи начала XX в.

В историографическом обзоре отмечено, что до настоящего времени исследуемая М.И. Родновым проблема лишь частично нашла отражение в исторической литературе. В Республике Башкортостан опубликовано несколько научных трудов, в которых освещаются некоторые аспекты автомобилизации Уфы. Речь идет о работах Р.Г. Ганеева, Ю.П. Кизина, Р. Красновой, И.В. Нигматуллиной, В. Буравцова. Укажем также статьи М.И. Роднова [Роднов 2014], который приступил к изучению этой проблемы в 2014 г. Он также указывает,

что данная тема получила отражение на страницах региональных масс-медиа.

Как и в ранее изданных автором монографиях, рецензируемая книга написана на основе изучения научных трудов, вышедших в Центре, Сибири, Казани и Уфе. Подчеркивается, что данная тема пока еще не стала предметом пристального внимания со стороны историков. По мнению автора, это связано с недоступностью источников, отсутствием в уфимских библиотеках полных комплектов газет начала XX в. До сих пор существенным препятствием для исследователей того или иного региона является то, что многие архивные материалы по автомобилизации отложились в разных фондах государственных архивов, что требует длительной и кропотливой работы для того, чтобы осуществить фронтальное выявление, а затем и изучение этой многообразной исторической информации, которая является основой для реконструкции этого сложного и противоречивого процесса.

Эта задача была успешно решена М.И. Родновым. Он изучил законодательные акты, нормативные документы принятые Уфимской городской думой, что позволило воссоздать правовое пространство, в котором функционировали автомобили и их владельцы, автомобили и гужевого транспорт, восприятие автомобилей и их владельцев предста-

вителями различных слоев городского сообщества. Кроме того, автор выявил и проанализировал документальный материал, отложившийся в фондах Российского государственного исторического архива, Национального архива Республики Башкортостан. Особое внимание было уделено, как пишет автор, сплошному изучению материалов не только уфимской, но и столичной прессы консервативного и либерального направлений, в том числе автомобильных журналов, издававшихся в Санкт-Петербурге и Москве. Отметим, что помимо анализа статей о происшествиях, многие из которых были органично вписаны в контекст разделов монографии, М.И. Роднов ввел в научный оборот историческую информацию, извлеченную из рекламных объявлений. В совокупности комплекс этих разнообразных по видам и происхождению документальных материалов стал основой для создания панорамы начального этапа автомобилизации Уфы.

В первой главе монографии обстоятельно описан начальный этап автомобилизации губернского города Уфы. Ее предваряет краткий экскурс, в котором говорится, что первые автомобили с паровым двигателем появились в XVIII в. Во второй половине XIX в. предпринимались попытки создать электромобиль. Собственно автомобили с двигателем внутреннего сгорания стали реальностью в начале XX в. В монографии выявлена динамика импорта автомобилей в Россию из США – 50 %, Франции – 35 %, Германии, Англии, Бельгии и Италии – примерно 10 % [Роднов 2018, с. 11].

Установлено, что большая часть автомобилей ввозилась в российские столицы, в которых возникли общества, осуществлялся выпуск журналов, стали функционировать автомобильные кампании и была создана инфраструктура: магазины, гаражи, ремонтные мастерские; проводились выставки и первые авторалли. Приведены данные о первых шагах отечественного автомобилестроения, доля которого на рынке была мизерной и составляла 5 %.

М.И. Роднов описывает «победное шествие» автомобиля в города Российской империи, чему в немалой степени способствовала информация о новом виде транспорта в книгах, журналах, газетах. Автомобили пропагандировали фотографии и синемаграф. Историк приходит к выводу, что начальный период автомобилизации Уфы охватывает 1906–1911 гг.

Важен вывод, что к 1911 г. автомобиль стал восприниматься уфимцами как обычное явление в их повседневной жизни. Он приводит данные о проекте открытия как автомобильного сообщения по улицам Уфы, так и междугородного грузового автомобильного сообщения между Уфой и уездными центрами. Здесь же говорится о развитии уфимского автомобильного рынка, формировании инфраструктуры, продаже шин, запасных частей и бензина. Новым является и то, что автор монографии, используя междисциплинарный подход и опираясь на материалы, опубликованные на страницах официальной и либеральной прессы, созда-

ет панораму поистине необычного для горожан Уфы такого явления, как феерическое появление первых автомобилей на улицах города. Социально-психологическое состояние обывателей, увидевших авто, можно характеризовать как шок.

Весьма впечатляют этюды о появлении первых авто в Уфе в 1906 г. и их владельцах, об организации и условиях проведения авторалли, автопробегам, в которых участвовали жители Уфы. М.И. Роднов заключает, что первые автогонки сыграли большую роль в пропаганде автомобилизма: «показали перспективы развития коммерческого междугородного сообщения, степень соответствия технических параметров автомобилей состоянию наших дорог» [Роднов 2018, с. 73].

Не обойдена вниманием автора монографии такая важная для тех лет проблема, как взаимоотношения владельцев автомобилей с гужевым транспортом и пешеходами. По материалам прессы им выявлена статистика дорожно-транспортных происшествий, которые произошли по вине автомобилистов. Рост этих происшествий способствовал тому, что городская Дума вынуждена была приступить к разработке и принятию правил дорожного движения, то есть к регулированию движения на улицах губернского города. В то же время в монографии говорится о том, что в ходе происшествий не пострадал ни один человек.

По мнению М.И. Роднова, истории о ДТП показывают реальную картину дорожного движения в Уфе, обширную географию поездок – от различных городских улиц до окрестностей, позволяють составить портрет первых автомобилистов, которые тоже постепенно и с трудом привыкали к правилам дорожного движения. Судя по его данным, в 1913 г. городская Дума была вынуждена внести в правила дорожного движения такие важнейшие дополнения, как разрешение на машину и права, ввести техосмотр машин и медицинское освидетельствование владельцев и шоферов, световые и звуковые сигналы при движении автомобилей.

Новые материалы содержатся во второй главе монографии, в которой М.И. Роднов приводит данные о том, что в 1912–1914 гг. – во время второго периода автомобилизации – произошел автомобильный бум, что было связано с ростом импорта автомобилей из Европы и США. Начало бума приходится на 1912 г., что, несомненно, поставило на повестку дня строительство в Российской империи шоссейных дорог, соединявших столицы с крупнейшими промышленными районами страны. М.И. Роднов говорит об обсуждении на страницах уфимской прессы проекта открытия автомобильного пассажирского движения по Уфимско-Оренбургскому почтовому тракту, о проекте Д.В. Линецкого, который выступил с инициативой открыть в 1912 г. коммерческие автоперевозки в Уфимской губернии. Как детективные истории воспринимаются участвовавшие в 1912 г. дорожно-транспортные происшествия, что стало предметом обсуждения гласных Уфимской думы и принятия реаль-

ных мер для модернизации дорожных покрытий в губернском городе. Здесь же приведены данные об открытии автосалона, деятельности фирмы «Лаурин и Клемент». Обстоятельно автор реконструирует и процесс автомобилизации Уфы в 1913-м – первой половине 1914 г. В этом разделе, помимо сведений о ввозе автомобилей в Россию, росте цен на бензин и строительстве магистрали Казань – Екатеринбург, автор говорит о механизации земледельческого производства, использовании уфимскими фермерами тракторов, жатвенных машин и другой сельскохозяйственной техники.

Как и в предыдущих разделах монографии, М.И. Роднов обильно использует в качестве источника публикации статей в газетах и рекламу, что позволило ему не только установить число автомобилей, но и социальный состав их владельцев, среди которых появились представители среднего класса (предприниматели, юристы, педагоги). Отмечено, что в составе владельцев авто была и женщина. Вместе с тем эти материалы позволяют также показать, что автомобилизация из центра города перемещается на окраины, а также об участившихся случаях хулиганства и вандальных действий по отношению к автомобилям со стороны молодежи и подростков. И конечно, М.И. Роднов констатирует пассивность судебной системы, которая не могла привлечь к ответственности богатых владельцев-лихачей, виновников дорожно-транспортных происшествий.

В заключительном разделе монографии М.И. Роднов прослеживает воздействие Первой мировой войны на процесс автомобилизации Уфы. Он приводит сведения о деятельности мобилизационной комиссии, которая занималась выявлением и регистрацией автомобилей и их владельцев. Кстати, автор, опираясь на этот источник и другие материалы, устанавливает социальный и имущественный ценз автовладельцев. Он обосновывает вывод о том, что автомобиль из дорогостоящей игрушки довольно быстро стал не только средством передвижения, но и инструментом успешного бизнеса. «Автомо-

биль, – делает еще один вывод М.И. Роднов, – стирал сословные, национальные и религиозные границы...» [Роднов 2018, с. 198]. Здесь же приведены сведения о мотоциклах и их владельцах. По данным М.И. Роднова, для нужд действующей армии было изъято 15 автомобилей и 11 мотоциклов [Роднов 2018, с. 189]. Несмотря на эти потери, которые составили около половины автопарка Уфимской губернии, автомобильное движение сохраняло свои позиции и стало важным фактором продвижения в реальную повседневную жизнь российского общества эры автомобилизации.

Библиографический список

Роднов 2014 – Роднов М.И. Автомобиль на Южном Урале – к вопросу об уровне модернизации российского общества в начале XX века // История, университет, историк / отв. ред. В.Л. Пинкевич, В.В. Морозан. СПб., 2014. URL: <https://docplayer.ru/28359615-M-i-rodnov-avtomobil-na-yuzhnom-urale-k-voprosu-ob-urovne-modernizacii-rossiyskogo-obshchestva-v-nachale-xx-v.html>.

Роднов 2018 – Роднов М.И. Первые уфимские авто. Уфа: Альфа-Реклама, 2018. 200 с. URL: http://mrodnov.ru/fr/0/public/Auto_rodnov.pdf.

References

Rodnov 2014 – Rodnov M.I. *Avtomobil' na Yuzhnom Urale – k voprosu ob urovne modernizatsii rossiyskogo obshchestva v nachale XX veka* [Car in South Ural – on the issue of the level of modernization of the Russian society at the beginning of the XX century]. In: *Istoriya, universitet, istorik. Otv. red. V.L. Pinkevich, V.V. Morozan* [History, university, historian. V.L. Pinkevich, V.V. Morozan (Eds.)]. SPb., 2014. Available at: <https://docplayer.ru/28359615-M-i-rodnov-avtomobil-na-yuzhnom-urale-k-voprosu-ob-urovne-modernizacii-rossiyskogo-obshchestva-v-nachale-xx-v.html> [in Russian].

Rodnov 2018 – Rodnov M.I. *Pervye ufimskie avto* [First Ufa cars]. Ufa: Alfa-Reklama, 2018, 200 p. Available at: http://mrodnov.ru/fr/0/public/Auto_rodnov.pdf [in Russian].

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Для публикации научных работ в выпусках серий журнала «Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология» (прежнее название – «Вестник Самарского государственного университета») принимаются статьи, соответствующие научным требованиям, общему направлению журнала и представляющие интерес для достаточно широкого круга российской и зарубежной научной общественности.

Предлагаемый в статье материал должен быть **оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный элемент создания нового знания.**

Все представленные статьи проходят проверку в **программе «Антиплагиат»** и направляются на независимое (внутреннее) рецензирование. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

В журнале публикуются статьи по отраслям «Филологические науки», «Исторические науки», «Педагогические науки», а также рецензии на монографии и другую научную литературу.

Правила оформления

Текст статьи

- Статья предоставляется на русском или английском языке в печатном (формат А4) и электронном (на сайте <https://journals.ssau.ru/index.php/hpp> или по эл. почте murzinova.tatjana@yandex.ru) видах.
- Перед заглавием статьи проставляется шифр УДК.
- Название работы, список авторов в алфавитном порядке (ФИО, место работы, индекс и адрес места работы, должность, электронная почта), аннотация, ключевые слова, названия рисунков и таблиц, библиографический список должны быть представлены на русском и английском языках.
- Текст статьи должен быть набран в текстовом редакторе Word для Windows с расширением doc или rtf гарнитурой Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
- Объем основного текста не должен превышать 8–25 страниц.
- Рисунки и таблицы предполагают наличие названия и сквозную нумерацию.
- Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 по алфавиту после основного текста. Допускается не более 30–40 источников.
- Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках, например [Иванова 2017, с. 28]. Ссылки на иностранные источники приводятся на языке оригинала.

Графика

- Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формат TIF.
- Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0–11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран гарнитурой Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы.

Формулы

- Единицы измерения следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- В статье приводятся лишь самые главные, итоговые формулы. Набор формул производится в редакторе формул Microsoft Equation с параметрами: обычный – 14, крупный индекс – 9, мелкий индекс – 7, крупный символ – 20, мелкий символ – 14.
- Вставка в текст статьи формул в виде графических объектов недопустима.
- Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Подробные требования, шаблон статьи размещены на сайте журнала <https://journals.ssau.ru/index.php/hpp>.

Статьи, оформленные не по правилам, редколлегией рассматриваться не будут.